

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

И. П. МЕДВЕДЕВ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

СЕРИЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Серия основана
в 1996 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

Г Г Литаврин (председатель),

О Л Абышко, И А Савкин,

С С Аверинцев, М В Бибиков, С А Иванов,

епископ Иларион (Алфеев), С П Карпов, Г Л Курбатов,

Г Е Лебедева, Я Н Любарский, И П Медведев,

Д Д Оболенский, Г М Прохоров, И С Чичуров,

А А Чекалова, И И Шевченко

И. П. МЕДВЕДЕВ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ
Страницы истории

Научное издание

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2006

Примечание к проекту 9 февраля 1.

Программа Высшейшей
Школы.

Вспомогательная в смысле
и в смысле
и в смысле
и в смысле
и в смысле

назначено зада по Императорской Ака-
дмии наук будет представлять специальную
учреждение, основанное на Высшейшей школе, под названием: "Высшейшей
Школы."

Основаниями самостоятельного органа

исключительно Высшейшей школы в виду удовлетво-
рения давно уже существующей потребности
выступит из-под власти Высшейшей школы и системы
и Высшейшей школы в России, во
следствие чего все должно быть разграниче-
но. Условно, это относится к рукописным
материалам и к материалам по различным
жанрам Высшейшей школы, публикуемая
многочисленные периодические изданиях
как общего содержания и характера, так
также как и частными и частными
уже для того, для того они все были
и для того. Именно в области Высшейшей
школы особенно необходимо выделить
выделить все еще существующее разделение
между русским обществом и обществом
русского общества, между обществом и
обществом Высшейшей школы. Сложилось
также особое явление в области Высшейшей
школы, что давно указанным образом и
выделило определенное положение Высшейшей
и привели к определенному образу и пре-
дмету Высшейшей школы. Выделилось
также особое явление, которое
выделилось и выделилось другим, кото-
рый также не должен и когда определенно
выделилось определенному отношению.
Также выделить. одного из Высшейшей

признать, представляющий частичку лоду в
 атомийный фактор, физико приклад от
 учетом ^{сакриальном} самонавольного органа и медот
 ноев систем и медот в Тасмандъ;
 между собой нечетко кельзачентих, разо
 маш. Правда, это фактически русская
 идея в самостоятельном фактор в фактор
 фактор ^{какая} пачина между професемно при
 знаис и в чужой Германия; в професемно
 ивении 9-ра Кржибакара, Визентинische
 Zeitschrift уже два года пача кагда
 пачина ^{какая} фактор на без фактор
 русские членов ^{какая} цель в фактор
 поставит периодический орган для раз
 работки вновь открытой специальности
 фактор-фа не смотря на, в свои страни
 в фактор, в фактор в Германия
 фактор членов фактор, в фактор - в по фактор
 почитания и фактор основан
 не фактор на свои страни не фактор
 в фактор и фактор так же в
 русская фактор, не фактор фактор
 равно фактор русские фактор,
 это не фактор фактор так же фактор,
 как это фактор и фактор фактор
 фактор русская фактор, во фактор
 слов и фактор фактор фактор
 фактор, не фактор фактор
 фактор фактор фактор русские ^{какая} фактор и
 фактор фактор фактор и фактор
 фактор в фактор фактор. в фактор фактор,
 русская фактор фактор и фактор
 фактор) свои фактор фактор и свои
 фактор фактор фактор, в фактор фактор
 фактор фактор в фактор фактор, русские
 фактор фактор не фактор фактор
 фактор и фактор фактор. фактор
 фактор фактор фактор фактор

B
 B
 B
 I-
 e
 H
 :-
 a
 I-
 I-
 e
 I-
 X
 :-
 I-
 I-
 X
 I-
 I-
 H
 I-
 I-
 X
 I-
 I-
 O

на русском
 фактор

9-ра

Кржибакара фактор фактор в фактор

УДК 949.502
ББК 63.3(0)4
М42

*Издательство поздравляет
Игоря Павловича Медведева
с юбилеем и с присуждением ему Макариевской премии*

Медведев И. П.

М42 Петербургское византиноведение. Страницы истории / И. П. Медведев. — СПб. : Алетей, 2006. — 334 с. + [16 с.] ил. — (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).

ISBN 5-89329-801-7

Книга члена-корреспондента Российской Академии наук И. П. Медведева посвящена Петербургу как своеобразной византиноведческой столице России в дореволюционное время, точнее истории всемирно известной школы петербургского византиноведения, начиная с ее истоков и становления в начале XIX в., включая период расцвета (с 70-х годов XIX в. и вплоть до революции 1917 г.) и заканчивая ее трагическими судьбами в послереволюционное время. В книгу вошли как заново написанные разделы, так и материалы, уже публиковавшиеся в разных изданиях, но подвергнутые здесь известной доработке и всевозможным исправлениям. Это очерки истории, попытка рассмотреть одно из наиболее интересных и ярких явлений в истории российской науки, оказавшее значительное влияние на мировую науку и культуру.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на всех интересующихся историей российского византиноведения.

**УДК 949.502
ББК 63.3(0)4**

На первом форзаце: «Программа Византийского Временника».

Автограф В. Г. Васильевского

На втором форзаце: Автограф В. Э. Регеля

ISBN 5-89329-801-7

© И. П. Медведев, 2006
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2006
© «Алетейя. Историческая книга», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Византистика — одна из тех областей гуманитарного знания, в которых Россия некогда не только вышла на мировой уровень¹ и даже в каком-то смысле стала лидером, обретя свое собственное лицо, создав свою собственную «систему координат» в науке и добившись общезначимых результатов, с которыми волей-неволей, преодолевая немалые языковые барьеры, приходилось считаться всем ученым Европы. Один из зарубежных историков русской византистики — итальянец Аурелио Пальмиери — так высказывался в 1900 г. по этому поводу: «Тогда как Франция, Германия и Англия роют почву, посвященную богам Олимпа, чтобы извлечь из нее осколки паганизма, Россия, лишенная классического наследия, ни во что не ставит греческую мифологию (спорное утверждение! — *И. М.*), а берет себе целью исследовать века христианские, которые соприкасаются с ее собственной историей. Не на Афинах и не на Риме концентрируются по преимуществу ее научные пристрастия, а на византийском христианстве, которое она окружает своим почитанием и преклонением. Отнюдь не завидуя ей в этом, мы рады успехам, достигнутым Россией в области этих исследований»². «Великой» называл русскую византистику и один из корифеев западной византистики Франц Дэльгер в письме к своему русскому коллеге и другу В. Н. Бенешевичу³.

По этой же причине (высокий научный «рейтинг») русские историки-византисты оказали формирующее воздействие и на представителей целого ряда других гуманитарных специальностей в нашей стране и в известной мере определили оригинальные черты отечественной исторической науки. И хотя очаги византиноведения зародились в разных российских, прежде всего университетских, городских центрах (Одесса, Казань, Киев, Харьков, Дерпт, меньше всего почему-то в Москве),

¹ Очень образно о последних высказался в своей статье «Оплачено серебром» С. О. Шмидт (Общая газета. 31 декабря 1998 г. — 13 января 1999 г. № 52/1). См. также: *Медведев И. П.* Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: Итоги столетия // Изв. 2000. Т. 3(121). С. 30–47.

² *Palmieri A.* L'oeuvre de Kunik et les études byzantines en Russie // *Echo d'Orient*. 1900. Т. 3. Р. 35.

³ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 62. Л. 1.

наибольший размах византиноведческие штудии приобрели в российской метрополии, в Петербурге, где сложилась своя, особая школа византиноведения, подготовленная всей предшествующей плодотворной работой русских ученых, церковных деятелей, путешественников и лекционеров, а также ученых иностранного происхождения (немцев, греков), связавших свою научную судьбу с Россией и с Петербургом. При этом имеется в виду как «школа» в узком, строго техническом значении, т. е. круг лиц, объединенных общностью научных интересов и связанных между собою по законам педагогической преемственности, по принципу «учитель–ученик» (например, школа Васильевского), так и «петербургская школа» в широком значении, т. е. совокупность исследователей, живших в Петербурге, формально не связанных между собою, но работавших по византийской тематике, так или иначе испытывавших взаимовлияние и создававших особую учено-византиноведческую среду. И хотя отдельные попытки проследить генезис и развитие петербургской школы византиноведения (как правило, в контексте истории российского византиноведения вообще) уже предпринимались в науке (причем и в отечественной, и в зарубежной)⁴, в данном случае ставится задача цельного и последовательного рассмотрения как истоков петербургской школы византиноведения и ее становления, так и ее расцвета и трагических судеб.

Разумеется, в предложенных вниманию уважаемого читателя очерках широко используются архивные материалы, выявленные и в значительной своей части уже опубликованные в рамках научного проекта «Архивы русских византинистов в С.-Петербурге»⁵ (в настоящее время опубликованы три тома материалов)⁶, участником и руководителем которого автор данной работы является. Нами осуществлено сплошное обследование сохранившихся в государственных архивах города или на

⁴ Соответствующая литература будет указана в наших очерках. Здесь отметим лишь одну работу: *Цамутали А. Н.* Петербургская школа византиноведения // ВИД. 1991. Т. 23. С. 5–19.

⁵ С докладом о содержании и «смысле» данного научного проекта мне довелось выступать на пленарном заседании XX Международного конгресса византинистов в Париже 25 августа 2001 г. См.: *Medvedev I. P.* The Saint-Petersburg — based project «Archives of Russian Byzantinologists as a source of the History of science» // Pré-Actes du XXe Congrès International des Etudes Byzantines (19–25 août 2001). Vol 1: Séances plénières. Paris, 2001. P. 399–402.

⁶ См.: *Архивы русских византинистов в С.-Петербурге.* СПб.: Дмитрий Буланин. 1995. 462 с.; *Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга.* СПб.: Дмитрий Буланин. 1999. 631.; *Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга.* СПб.: Дмитрий Буланин. 2004. 832 с.

квартирах частных лиц личных архивных фондов всех наиболее крупных представителей прославленной русской византистики XIX – первой трети XX столетия, проведение научной экспертизы выявленных материалов, составление и сведение воедино научно-аналитических обзоров, публикация наиболее важных документов. Просмотрены и изучены личные архивные фонды таких выдающихся представителей русского византиноведения, как еп. Порфирий Успенский и архим. Антонин Капустин, отец и сын Дестунысы, академики Ф. И. Круг, А. А. Куник, В. Г. Васильевский, Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский, И. И. Толстой, Н. П. Лихачев, Я. И. Смирнов, а также Э. Г. Муральт, Х. М. Лопарев, В. Э. Регель, Д. В. Айналов, В. Н. Бенешевич, Ф. И. Шмит, В. Е. Вальденберг, М. А. Шангин, Л. А. Мацулевич, Е. Ч. Скржинская и др. Особо выделены обширные архивные комплексы, отложившиеся в результате деятельности Российского Православного Палестинского общества (только их петербургская часть, в то время как основной фонд хранится в Москве), Русского археологического института в Константинополе, редакции журнала «Византийский временник», а также рассеянные по другим фондам материалы тех ученых, архивы которых не сохранились в целостном виде (П. В. Безобразов, Б. А. Панченко, А. А. Васильев⁷, Г. Ф. Церетели, А. И. Пападопуло-Керамевс, П. А. Сырку, Е. К. Редин и др.).

Наряду с византинистами *ex professo* обследованы личные фонды, так сказать, «факультативных» византинистов, главным образом наших выдающихся филологов-классиков (таких как И. В. Помяловский, В. К. Эрнштедт, В. В. Латышев, П. В. Никитин, М. Н. Крашенинников и др.). Посвятив антиковедению начало и первую половину своей научной карьеры, защитив, как правило, по античности магистерские и докторские диссертации и действительно обогатив отечественное антиковедение своими непреходящими по ценности работами, они затем совершили решительный уход в «глубокую византистику» — любопытное явление, причины которого еще нуждаются в выяснении.

Наконец, обследованы личные архивные фонды таких известных отечественных историков церкви, профессоров Духовной академии, как

⁷ Как известно, значительная часть рукописного наследия А. А. Васильева хранится в настоящее время в зарубежных архивах. См.: Карпов С. П. Архив А. А. Васильева в Dumbarton Oaks (Вашингтон) // А. А. Васильев. История Византийской империи от начала крестовых походов до падения Константинополя. СПб.: Алетейя, 1998. С. 546–557; Карпов С. П. Материалы А. А. Васильева в архиве Dumbarton Oaks (Вашингтон) // ВВ, 1999. Т. 58(83). С. 117–127; Скифский роман / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 259–286.

И. Е. Троицкий, Н. В. Покровский, Н. Н. Глубоковский, А. А. Дмитриевский, Н. К. Никольский, В. В. Болотов, А. И. Бриллиантов и др.

От указанного выше научного проекта «отпочковалось» немало отдельных и вполне самостоятельных публикаций в виде статей и даже монографий⁸. Именно из подобного рода «отпочковавшихся» от проекта материалов (разумеется, тех из них, которые принадлежат перу автора этих строк) и составила данная книга. Основное содержание ее трех частей посвящено истории петербургского византиноведения как таковой, начиная с истоков и становления в начале XIX в., включая период расцвета (с 70-х гг. XIX в. и вплоть до революции 1917 г.) и заканчивая его трагическими судьбами в послереволюционное время⁹. Эти основные очерки сопровождаются материалами, уже публиковавшимися в разных изданиях, но подвергнутыми здесь известной доработке и всевозможным исправлениям. Они как бы «подхватывают», развивают и подробно иллюстрируют некоторые отдельные сюжеты, лишь эскизно затронутые в основном очерке каждой части.

Разумеется, данная книга не является историей петербургского византиноведения в целом: это все же лишь «страницы истории». Тем не менее представленные в настоящем труде материалы, будучи собранными воедино, еще раз наглядно демонстрируют, мне кажется, неоценимый вклад русского (и особенно — петербургского) византиноведения в мировую науку, показывают непреходящее значение не только опубликованных трудов, но и важность и неотложность публикации оставшихся в рукописях текстов. Издание позволяет не только показать выдающиеся достижения отечественной византистики прошлого, но и, как мне кажется, должно способствовать в какой-то мере подъему современного русского византиноведения на новый, более высокий научный уровень.

⁸ См., например: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 245 с.; Россия и Православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в.: Письма Г. П. Беглери к проф. И. Е. Троицкому 1878–1898 гг. / Изд. подг. Л. А. Герд. СПб., 2003. 414 с.

⁹ Все эти очерки (под заглавием «Петербургская школа византиноведения и ее судьба») предназначались для опубликования в несостоявшейся коллективной работе «Петербургская историческая школа и ее судьба» (грант РГНФ № 96–01–00220).

ЧАСТЬ I

ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ*

Приходится сразу же констатировать: византиноведение на петербургской почве — это один из «продуктов» того культурного переворота, который совершился в России в результате петровских реформ. Парадоксально, но факт: именно в тот исторический момент, когда, казалось, была окончательно разорвана «родовая пуповина», соединявшая российскую государственность, церковность и русскую культуру с традициями «византинизма»¹, появляется осознание «востребованности» объективного знания истории древней христианской империи, которая в сознании всякого русского отождествлялась не иначе как с понятием «духовной родины». И как многое другое в русской науке того времени, изначально петербургская византистика предстает перед нами в ясно выраженной иностранной «упаковке», будучи связанной с деятельностью учрежденной в 1725 г. Академии наук, почти исключительно немецкой по своему составу².

«Первыми глашатаями и проводниками научного византиноведения в собственном смысле» (выражение Ф. И. Успенского)³ были академики И. П. Коль (вскоре, правда, уехавший по болезни из России), Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), Герард-Фридрих Мюллер (или Миллер) (1705–1783), Август Людвиг Шлёцер (1735–1809), Иоганн Готгильф Штриттер (1740–1801), Иоганн-Филипп (в России — Филипп Иванович) Круг

* Опубликовано: ВВ. 2003. Т. 62(87). С. 97–113.

¹ По убеждению В. Н. Бенешевича, «и в настоящее время еще далеко не всеми осознано то, что при Петре произошла в русской церкви настоящая революция, несколько не меньшая по своему значению и объему, чем протестантское движение XVI века». См.: *Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 597.*

² См. об этом: *Осипов В. И. Петербургская Академия наук и русско-немецкие научные связи в последней трети XVIII века. СПб., 1995.*

³ *Успенский Ф. И. Из истории византиноведения в России // Анналы. 1922. Т. I. С. 115.*

(1764–1844), которые, пройдя у себя на родине «более или менее правильную школу» (выражение В. П. Бузескула), принесли с собой в Россию «научный критический метод», выработанный уже богатой к этому времени исследовательским опытом европейской наукой⁴. Восприняв «близко к сердцу» поставленную перед Академией наук задачу — исследовать корни русской истории, академики пришли к необходимости заняться изучением и византийских источников по истории IX–X вв. в связи с вопросом об образовании русского государства и крещения Руси.

Так, Байер, занявшись историей варягов, первым нападением русских на Константинополь и установлением точных данных о первоначальной географии Руси, обратился к изучению такого важнейшего источника, как сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» (в издании Меурсия), откуда он и заимствовал «неожиданные аргументы» (выражение Н. Г. Попова) для отрицания славянского происхождения Руси, явившись основателем т. н. «норманской теории»⁵. Но если он ограничивался собиранием и извлечением известий главным образом из одного византийского источника, то Шлёцер⁶ уже настаивал на необходимости полного собрания всех известий, рассеянных у византийских историков, для изучения истории народов, обитавших по Днепру, Дону, Волге и у Кавказа, — на необходимости углубленного изучения византийской истории как по причине ее собственного значения, так и особенно ради ее важности для познания византийского элемента в русской истории. «Именно русскому ученому, — говорит он в своем “Несторе”, — дано ближайшее призвание — вновь разбудить беспризорную византийскую литературу. На протяжении всего Средневековья в России было все византийским: религия и суеверия, науки и искусства, законы и наказания, да и многие нравы и пороки перенесены из Константинополя в Киев»⁷. Далее он высказывает

⁴ *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. В. Тункиной. СПб., 1993 (машинопись). С. 5.

⁵ О труде Байера и его использовании в «Истории Российской» В. Н. Татищева см.: *Новиков А. А.* Византийские источники в «Истории Российской» В. Н. Татищева // ВИД. 2002. Вып. 28. С. 271–282.

⁶ См. о нем: *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* М.: Наука, 1979. С. 372–373 (статья Г. Н. Моисеевой); *Историки России. Биографии.* М., 2001. С. 62–66 (статья Т. Н. Джаксон).

⁷ *Schlözer A. L.* Nestor: Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt. Göttingen, 1802. Bd. 2. S. 149. Этот пятитомный (1802–1809) труд Шлёцера был переведен на русский Д. Языковым: «Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером» (СПб., 1809–1819. Т. 1–3).

сожаление, что греческий язык не получил доступа в светские и церковные училища, где византийскую летопись Кедрина должны были бы читать с таким же усердием, как Корнелия Непота, а в своей автобиографии подчеркивает: «Главною моею темою было неслыханное со времен Байера дело, что русский исследователь должен знать по-гречески и преимущественно перед всеми изучать византийцев»⁸. Шлёцер высказывал даже пожелание об учреждении особого «департамента» из ученых для обработки византийских памятников, а своей статьей «*Periculum antiquitatis russicae graecis collustratae luminibus*» (1764) он подал добрый пример, дав образчик восстановления двух темных мест «Нестора» при помощи греческого текста Кедрина.

Задачу, сформулированную Шлецером, — полное собрание всех известий, рассеянных у византийских авторов, по истории разных народов, населявших в древности территорию России, — по поручению Академии наук постарался осуществить Штриттер⁹. При содействии академиков Мюллера, Фишера и, особенно, самого Шлёцера Штриттер опубликовал в Санкт-Петербурге свой обширный четырехтомный труд¹⁰, в котором были собраны и в хронологическом порядке расположены сведения византийских авторов о древних обитателях Руси и соседних народах (в томе I — о готах, вандалах, гепидах, лангобардах, герулах, гуннах и аварах; в томе II — о славянах, сербах, морavaх, боснийцах, болгарах, валахах, руссах, поляках, литовцах, пруссаках, чехах и других, менее известных племенах; в томе III — о татарах и др.; в томе IV — о лазах, авазгах, свенах, месхах, иверах, аланах, варягах, даках, скифах, сарматах, массагетах и т. д.), в латинском переводе, с предисловием (в нем дан очерк истории Византии по «*Apparatus historiae byzantinae*» Лаббе), примечаниями, комментарием, иногда с подлинными цитатами на греческом языке, с подробнейшим историческим и географическим указателем (на 308 страницах), — «Геркулесов труд, очень редко цити-

⁸ A. L. Schlözer's *Offentliches und Privat- Leben*. Göttingen, 1802. S. 202.

⁹ См. о нем: *Славяноведение в дореволюционной России*. С. 375 (статья А. Н. Горяинова и Д. Е. Москаленко); *Историки России. Биографии*. М., 2001. С. 67–74 (статья Т. А. Володиной).

¹⁰ *Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontium Euxinum, paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad Septentrionem incolentium, e scriptoribus historiae byzantinae erutae et digestae a I. G. Strittero*. Petropoli, 1771. Т. I; 1774. Т. II; 1778. Т. III; 1779. Т. IV. Ср. русский перевод, выполненный Вас. Прок. Световым: «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселение народов; собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером» (СПб., 1770–1775. Т. 1–4).

руемый, можно даже сказать, погребенный в небытие, но и сейчас еще (т. е. в 1900 г. — *И. М.*) весьма полезный для поиска цитат»¹¹.

Разумеется, отмеченные «начатки» научного византиноведения на петербургской почве были еще далеки от совершенства. Критический анализ привлекавшихся к рассмотрению текстов был довольно беспомощным (так, Штриттер вообще не ставил перед собой задачи выверки точных дат по параллельным источникам, работая по парижским и венецианским изданиям XVII–XVIII вв., а Шлёцер, которого В. С. Иконников называл «отцом исторической критики»¹², именно в главном своем труде о летописи Нестора, т. е. в сущности о Повести временных лет, не смог даже предположительно решить основных проблем, связанных с атрибуцией памятника, с его зависимостью от хроники византийского монаха Георгия Амартола, и т. д.). По мнению Ф. И. Успенского, возможности первоначального петербургского византиноведения ограничивало и то обстоятельство, что, «за небольшими исключениями, оно имело прикладной характер и шло не всегда планомерно и систематично, насколько помогало разъяснению и обработке древней русской истории»¹³.

Действительно, все названные труды только отчасти касались Византии, не имея к ее истории прямого отношения. Первыми специальными исследованиями, посвященными Византии, можно в какой-то мере считать труды академика Ф. И. Круга, «составившие некоторым образом эпоху в изучении византийской хронологии»¹⁴, долгое время оставшейся «ахиллесовой пятой» не только российского, но и западного византиноведения. Важнейший труд Круга в этой области — «Крити-

¹¹ *Palmieri A. Gli studi bizantini in Russia. Roma, 1900. P. 32.* С оценкой итальянского историка интересно сопоставить точку зрения Бенешевича, который отмечает, что труд Штриттера «даже до сих пор (т. е. до 30-х гг. XX в. — *И. М.*) не потерял своего значения в качестве основного ориентировочного пособия. А в конце XVIII и до половины XIX в. он служил основным источником сведений для справок в византийских источниках: «История Государства Российского Карамзина базируется целиком на Штриттере». См.: *Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения. С. 598.*

¹² *Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. I. С. 37.*

¹³ *Успенский Ф. И. Из истории византиноведения в России. С. 115.*

¹⁴ *Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России. С. 37* (со ссылкой на мнение таких зарубежных авторитетов, как Шлоссер, Геерен, Газе).

¹⁵ *Krug Ph. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. St.-Petersburg, 1810. 8°. XVI + 326.* Печатный экземпляр книги с авторскими поправками и дополнениями сохранился в Петербургском филиале Архива РАН (Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 38).

ческий опыт объяснения византийской хронологии, с особым вниманием к ранней истории России»¹⁵. Как видим, и у Круга подход к изучению византийских памятников был со стороны русской истории. Тем не менее, сосредоточившись главным образом на изучении византийских хронистов Феофана, Никифора и Симеона Логофета, он внес значительный и общепризнанный вклад в выверку точных хронологических дат и в пересмотр господствовавших тогда в науке взглядов на византийскую хронологию таких авторитетов, как Дюканж, Пажи и др. По словам В. Н. Бенешевича, книга Ф. И. Круга «возбудила большой интерес за границей, где все сразу оценили важность ее не только для установления ряда дат, но и для оценки ряда исторических событий IX–X вв. для византийской и русской истории. Книга явилась как результат настояний Шлёцера, который требовал, чтобы Круг проверил его хронологические выводы и исторические утверждения; но Шлёцер умер до появления книги, и некому было указать на ее значение для изучения истории древней Руси. Хотя знаменитый Геерен назвал книгу Круга “фениксом в новейшей исторической литературе” (Gött. Ges. Anz. 1811. № 173), однако ни Академия наук, ни Карамзин, ни Полевой, ни другие историки древней Руси не обратили надлежащего внимания на исследование Круга, и только в /1834/ появились переводы на русский¹⁶. Неудача эта так повлияла на Круга, что он после 1810 г. уже не издавал больше значительных трудов, и только после его смерти появился в 1848 г. сборник его трудов¹⁷, причем оказалось, что некоторые открытия сделаны им задолго до того, как их сделали другие»¹⁸.

Действительно, в архиве ученого сохранились датированные рукописи статей, вошедших позднее в отмеченный сборник: например, статей «Табель о рангах в поздней Греции (читай: в Византии. — И. М.) в сопоставлении с таковой же в древней Руси» (12 октября 1814 г.)¹⁹, «Об одном древнем северном празднике (святки), который в X в. праздни-

¹⁶ См.: Критический опыт в объяснении византийской хронологии, в особенности относительно к древней Русской истории, Филиппа Круга. Перевел с немецкого Д. Языков. СПб., 1834 (в Отделе рукописей БАН хранится рукопись этого издания: ОР БАН. Осн. хранение 27.1.60. Инв. № 1705).

¹⁷ Имеется в виду сборник статей Ф. И. Круга, подготовленный и опубликованный А. А. Куником, предпославшим двухтомнику замечательный очерк о Круге, которым, главным образом, и пользуется В. Н. Бенешевич. См.: *Krug Ph. Forschungen in der ältern Geschichte Russlands*. St.-Petersburg, 1848. Th. I–II.

¹⁸ Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения. С. 599.

¹⁹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 7: Ueber die Rangordnung in spätem Griechenland, verglichen mit der im frühern Russland (= Forschungen. Th. II. S. 567–577).

вался и при дворе в Константинополе под названием Τὸ Γοτθικόν» (15 марта 1815 г.)²⁰, а также неопубликованной заметки «Выдержки из греческой хроники монаха Георгия по прозванию Амартол, с переводом из нее в летописи Нестора» (10 января 1827 г.)²¹ и отдельно опубликованного очерка «Византийская Хронология в правление императоров Льва, Александра, Константина Порфирородного, Романа Лакапена и Романа Порфирородного, с 30 авг. 886 г. по 15 мая 963 г.» (20 декабря 1809 г.)²².

Говоря об академике Круге, следует отметить, что, в отличие от своих коллег-соотечественников, он очень быстро и органично вошел в научную среду Петербурга (до этого он был воспитателем сына графини Орловой, вдовы гр. И. Г. Орлова, прибыв в Москву из Германии в 1794 г.), в короткое время изучил русский язык и фактически стал проводить политику «русификации» Академии наук: «Русские академики, — говорит он в письме от 19 апреля 1805 г., имея при этом в виду “русских” академиков немецкого происхождения, — стараются понемногу (и, как мне кажется, вполне обоснованно, ибо мы ведь находимся в России) заполнить все места (в Академии. — И. М.) русскими, насколько это возможно»²³. Став доверенным лицом графа Н. П. Румянцева по связям с европейскими научными центрами (прежде всего Франции) с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства, он свел его с парижским эллинистом Карлом-Бенедиктом Газе, который фактически был «ангажирован» русским канцлером: по его поручению и при его щедрой финансовой поддержке Газе подгото-

²⁰ Архив РАН. СПб филиал. Д. 8: Ueber das alte nordische Julfest, welches im X. Jh. unter dem Namen Τὸ Γοτθικόν auch am Hofe in Konstantinopol gefeiert ward (= Forschungen. Th. II. S. 537–558).

²¹ Там же. Д. 29: Stellen aus der Griechischen Chronik des Mönchs Georg, mit dem Beinamen Hamartolus, nebst deren Uebersetzung in Nestors Jahrbüchern, mit Anmerkungen (= Forschungen. Th. I. S. 135–215). В статье А. Пальмиери эта статья Круга ошибочно отмечена как опубликованная, причем по какому-то недоразумению указываются даже страницы (Forschungen. Th. I. S. 135–215), на которых содержится совсем другой материал: *Palmieri A. Gli studi bizantini in Russia. P. 21*. Именно об этих «выписках» спрашивал Ундольский в письме к А. А. Кунику от 7 сентября 1855 г.: «Не уцелело ли каким чудом копии выписок Круга из Амартола, сообщенных г. Бодянскому, — он не может их найти или не желает сообщить мне их» (*Медведев И. П. Письма В. М. Ундольского к А. А. Кунику в СПб филиале Архива РАН / / ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 807*).

²² Там же. Д. 3: Chronologie der Byzantiner während der Regierung der Kaiser Leo, Alexander, Konstantin Porphy., Roman Lakapen und Roman Porphy. in dem Zeitraum vom 30 August bis 15 May 963, berichtigt von Ph. Krug.

²³ *Krug Ph. Forschungen. Th. I. S. XXVI*.

вил и выпустил в 1819 г. в свет с латинским переводом, комментариями и приложениями «Историю» одного из крупнейших византийских писателей 2-й половины X в. Льва Диакона, ценнейшего и интереснейшего источника по истории не только Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси: балканские войны киевского князя Святослава в 968–971 гг. составляют один из основных сюжетов его сочинения²⁴.

Ф. И. Круг, который был инициатором этого издания и неотступно следил за всеми перипетиями его подготовки (об этом свидетельствует его обширная переписка с К. Б. Газе и с самим Н. П. Румянцевым²⁵), явился, таким образом, подлинным *spiritus rector* первого издания «Истории» Льва Диакона. К сожалению, экземпляры его тут же стали исключительной библиографической редкостью, так как судно «Меркурий», на котором отправлено было в Россию 125 экземпляров, затонуло во время бури (вскоре, впрочем, издание Льва Диакона почти со всеми комментариями Газе было воспроизведено в нибуровской серии «*Corpus scriptorum historiae byzantinae*», 1828). Не догадывался еще Круг (как и последующие поколения историков-византинистов) о том, что его подопечный (Газе), соблазненный щедрыми посулами Н. П. Румянцева (за издание «Истории» Льва Диакона К. Б. Газе удостоился избрания членом-корреспондентом в Академию наук, награждения орденом св. Владимира 4-й степени и солидного гонорара), решился на достаточно бесчестный поступок — изготовление фальсификата, изобретая печально знаменитую «Записку готского топарха» и опубликовав ее в составе своих «образцовых» комментариев к изданию Льва Диакона²⁶. А ведь Газе получил также щедрые субсидии на подготовку к печати сочинений Михаила Пселла, Георгия Амартола, Никифора Григоры, Григория

²⁴ Подробно об этом см.: *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. 2002. Т. 61(86). С. 5–23 (см. также ниже, с. 33–60).

²⁵ Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21 (47 писем Газе за 1814–1826 гг. Д. 74 и 115 (письма Н. П. Румянцева); Оп. 1. Д. 138 (отпуски писем Круга к разным лицам, среди которых К. Б. Газе и Н. П. Румянцев) и др.

²⁶ *Ševčenko I.* The Date and Author of the so called fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 155–188 + Plates 1–28. О наших собственных наблюдениях по этой теме, а также нашей догадке в отношении литературного источника, использованного Газе при воссоздании событий, запечатленных в «Записке», см.: *Медведев И. П.* *Ιστορία ενός πλαστογραφητάος: ο λευόμενος Toparcha Gothicus* // BYZANTINA. 2000. Т. 21. У. 237–249; ср. русский вариант статьи: *Медведев И. П.* К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 160–172.

Паламы и других византийских авторов²⁷, но смерть гр. Румянцева в 1826 г. приостановила осуществление этих замыслов и прежде всего мечты Круга — издания Георгия Амартола (при его жизни, в 1838 г., эта хроника в очень неудовлетворительном виде появилась в боннском *Corpus scriptorum historiae byzantinae*).

Следует также отметить, что Ф. И. Круг оказался инициатором издания не только «греко-латинского» Льва Диакона, но и «русского»: как свидетельствуют материалы архива ученого, именно он, с согласия Н. П. Румянцева и при посредстве первого директора Имп. Публичной библиотеки А. Н. Оленина, заключил контракт с известным петербургским филологом-эллинистом Д. П. Поповым на русский перевод «Истории» Льва Диакона, с чем тот, будучи блестящим знатоком классических языков, успешно справился²⁸. Тем самым было положено начало большой работе по переводу византийских источников на русский язык²⁹, и здесь мы сталкиваемся с совершенно забытым «византийским проектом» Российской академии (не путать с Академией наук), материалы которого совсем недавно обнаружены в С.-Петербургском филиале Архива РАН³⁰.

В рамках обширной темы, разработку которой Российская академия поставила себе целью и которую условно можно было бы обозначить как «Россия глазами иностранцев», Академия с 1837 г., по инициативе ее президента А. С. Шишкова, приступает к реализации плана по изданию в переводе на русский язык целого корпуса трудов византийских историков и хронистов³¹, заключив с этой целью кон-

²⁷ О наиболее «продвинутом» из названных издательских проектов — «Хронографии» Пселла — см. ниже, с. 61–71.

²⁸ Об этом см. также ниже, с. 72–85.

²⁹ Н. Г. Попов утверждает, что Ф. И. Круг «высказывался против перевода византийских хроник на русский язык, полагая, что для дилетантов такой перевод оказался бы мало интересным, а для ученых, которые должны знать греческий язык, совершенно бесполезным: зато Круг всячески содействовал изданию этих хроник в подлиннике» (*Попов Н.* Начало византиноведения в России // Сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 443). Не споря о последнем (да и о первом тоже, ибо и мы недалеко от такой точки зрения), отметим все же, что история с изданием «русского Льва Диакона» не совсем «вяжется» с подобным утверждением. Наверное, все-таки Ф. И. Круг допускал полезность таких переводов.

³⁰ *Файнштейн М. Ш.* Из истории отечественной византистики: забытый проект Российской академии // *Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга.* СПб., 1999. С. 521–536.

³¹ Раздавались даже голоса о том, что «переводы сии» следовало бы печатать «вместе с подлинными текстами и с надлежащими к тому азбучными указателями дел, имен и речений, содержащихся в тех сочинениях — по примеру издания классиков *ad usum Delphini*» (в письме А. Н. Оленина к Д. И. Языкову от 9 января 1837 г., см. ниже).

тракты с такими квалифицированными переводчиками с греческого, как уже известный нам эллинист Д. П. Попов (он имел намерение заново издать свой исправленный перевод «Истории» Льва Диакона, а кроме того, *De segetoniis* Константина Багрянородного и «Историю» Агафия), дипломат («природный грек») С. Ю. Дестунис (4 тома сочинений Прокопия Кесарийского), библиотекарь Гидрографического департамента министерства А. Огинский (Иоанн Малала, Никита Хониат, Никифор Вриений, Иоанн Киннам), священник Ксенофонт Делекторский (Феофилакт Симокатта и Генесий), преподаватели духовной семинарии С. А. Гадахов (Георгий Синкелл) и Д. Успенский (Георгий Пахимер, Михаил Глика), и др. И хотя работа по переводу «византийцев» успешно продвигалась вперед, а подготовленные тексты доставлялись в Академию и рассматривались специальной комиссией (представили свои переводы С. Ю. Дестунис, А. Огинский, Д. П. Попов, К. Делекторский, Д. Успенский), проект остался неосуществленным: в связи с указом Николая I от октября 1841 г. о присоединении Российской академии к императорской Академии наук министром народного просвещения С. С. Уваровым было предписано прекратить все работы по переводу на русский язык византийских историков и, «приведя немедленно в известность, сколько и каких именно творений приведено переводом к окончанию, сколько из них не кончено, с показанием, на чем именно остановился перевод и сколько затем еще не начато, представить мне о том подробные сведения для доклада его Императорскому Величеству»³². И если, например, рукописи переводов Спиридона Дестуниса сохранились, а некоторые из них позднее (как стараниями самого С. Дестуниса, так и, главным образом, трудами его сына Г. С. Дестуниса) были доведены до опубликования, то судьба большинства других до сих пор остается невыясненной.

Характеризуя начальный этап петербургского византиноведения, нельзя, конечно, не упомянуть и имя барона Густава Андреевича Розенкампа (1764–1831)³³, выходца из Лифляндии, потомка шведского офицера, знатока юриспруденции (закончил Лейпцигский университет), участника, главного секретаря и первого редактора Государственной комиссии по составлению законов Российской империи (с 1808 г. работал

³² *Файнштейн М. Ш.* Из истории отечественной византистики. С. 532.

³³ О нем см.: *Майков П. 1)* Барон Густав Андреевич Розенкампф // Русская старина. 1904 (октябрь–ноябрь). С. 371–429; *2)* Розенкампф Густав Андреевич, барон // Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. 16. С. 365–371; *Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978 (см. указатель имен).

под начальством гр. М. М. Сперанского). Будучи уволенным в 1822 г. из Комиссии (без содержания и пенсии) и живя где-то на Садовой улице, Розенкампф целиком погрузился (при содействии присланного ему в помощь Н. П. Румянцевым талантливого эллиниста, студента С.-Петербургского университета В. С. Печерина) в изучение кормчих книг, проделав колоссальную работу по обследованию их рукописной традиции, завершившуюся монографическим исследованием этой темы³⁴. Естественно, что при этом Розенкампф не мог не уделить внимания и изучению основных греческих источников древнеславянской кормчей, прежде всего — византийских номоканонов. Он, правда, не посвятил им специальных исследований, но в исторической части своей монографии, в своем неизданном очерке «*Sur les Basiliques*», в других неопубликованных материалах (пяти его французских письмах к гр. Н. П. Румянцеву, обширной переписке с европейским «светилом» в области истории византийского канонического права Ф. А. Бинером, а также с российскими коллегами — киевским митрополитом Евгением Болховитиновым, дерптским каноником Г. Эверсом и др.)³⁵, он предстает как неплохой для своего времени знаток византийского права. Создается, впрочем, впечатление, что, живя уединенно, Розенкампф стоял в стороне от «исканий» петербургских «византинистов» (хотя задача, которую он решал в своем исследовании — «критический разбор материалов и сравнение источников как греческих, так и русских»³⁶, — должна была бы роднить его с ними), будучи скорее связан с румянцевским кружком московских историков и археографов, которые и издали его главное исследование, избрав автора к тому же почетным членом Московского университета и Московского общества истории и древностей российских. Любопытно отметить и свидетельство М. П. Погодина, лично знавшего Розенкампфа и посещавшего его в Петербурге, — о том, что тот был «настроен против немцев: мы можем ходить уже не на помочах, говорит Розенкампф»³⁷.

Тем не менее традиции, заложенные «немецким» академическим византиноведением, были все же определяющими в становлении петербургской «школы», по крайней мере, вплоть до 70-х гг. XIX в. Сохраня-

³⁴ Обзорение Кормчей книги в историческом виде. Соч. Барона Розенкампфа / Издано Обществом истории и древностей российских при Имп. Московском университете. М., 1829; Изд. 2-е, «со многими примечаниями и прибавлениями, начатое сочинителем, а по кончине его изданное В. А. / Анастасевичем /» (СПб., 1839; со снимками, издано только 100 экземпляров).

³⁵ ОР РНБ. Ф. 648. Д. 1–2.

³⁶ Обзорение Кормчей книги. С. 1–2.

³⁷ Цитируется по: Майков П. Розенкампф Густав Андреевич. С. 366.

лась завещанная академиком Кругом проблематика: приоритетными считались исследования в области византийской хронологии и хронографии.

Как известно, еще при жизни Круга и по его инициативе Академия наук дважды (в 1809 и 1811 гг.) объявляла конкурс на соискание премии с целью создания «полной, по возможности выверенной и исправленной хронологии византийских авторов, с основания Константинополя и вплоть до его завоевания турками» — безрезультатно, ибо не нашлось ни одного соискателя. «Удивляться тут вовсе нечему, — резюмирует ситуацию А. А. Куник, — надобно сказать прямо: Круг требовал невозможного <...>. Он не умел вполне измерить объема и трудности предложенной им задачи, потому именно, что сам он, как исторический исследователь, разделял недостатки своего времени и потому не мог еще совершенно стать на критическую точку зрения, которая в то время только что начинала прокладывать себе дорогу в область исторической науки. <...> Критическая оценка исторических источников в смысле особенностей исторической науки существовала тогда больше в идее, чем в действительности»³⁸.

Однако в 1848 г. Академия наук снова объявила конкурс — на создание «труда, способного служить, главным образом, путеводителем в будущих исследованиях славянских хронографов и их связей с историками Византии, от которых они зависят еще больше, чем собственно славянские летописцы» — и на сей раз более успешно, ибо на призыв откликнулся такой опытный и уже широко известный своими достижениями в области каталогизации греческих рукописных фондов Имп. Публичной библиотеки автор, как Эдуард Гаспарович Муральт (1808–1895)³⁹. Швейцарец по происхождению, Муральт в 1833 г. прибыл в Петербург, сдал экзамены в Петербургском университете по греческому и латинскому языкам, получив диплом домашнего учителя, а в 1838 г., по ходатайству А. Н. Оленина, был принят в Имп. Публичную библиотеку на должность библиотекаря (в своем прошении Муральт писал,

³⁸ Куник А. А. Об обработке византийской хронографии (По поводу сочинения Э. Муральта) // Уч. записки Имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1855. Т. II. Вып. 3. С. 467–468.

³⁹ См. о нем: Михеева Г. В. Муральт Эдуард фон (Эдуард Гаспарович) // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. I. С. 366–368; Вольфцун Л. Б. Эдуард Муральт и Императорская Публичная библиотека (по материалам Архива РНБ) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. С. 36–51.

что с юных лет мечтал изучать греческие и латинские рукописи в этой богатейшей, после Ватиканской и Парижской, библиотеке) — с заданием «разбирать вверенные ему рукописи и сочинять оным каталоги, по тому порядку, какой им от директора предписан будет». И уже в начале 1840 г. каталог греческих рукописей ИПБ, в количестве 500 экземпляров, был напечатан в типографии Академии наук⁴⁰. Он представлял собой описание рукописей, разделенных по содержанию на две большие части: 1. *Codices ecclesiastici* и 2. *Codices profani*, каждая из которых, в свою очередь, состояла из подразделов, обозначенных заглавными буквами (в части первой: A. *Scripturae sacrae*. B. *Juris ecclesiastici*. G. *Patrum ecclesiastici*. D. *Hymnologia*, во второй: E. *Poetae*, F. *Philosophi*, *Oratores*, *Medici*, G. *Grammatici*). Весьма критично оценивший позднее каталог Муральта В. Н. Бенешевич («ведь Муральт только с 1838 г. стал работать над рукописями молодым человеком, преувеличивавшим свои силы и слишком строго судившим чужие ошибки») вынужден был все же признать: «Столь важные и существенные недостатки труда Муральта искупаются его громадными достоинствами. Описания рукописей поражают обилием палеографических наблюдений о каждом сколько-нибудь достойном внимания экземпляре и стремлением возможно точнее и подробнее охарактеризовать содержание их: тут видим и сличение текстов с печатным изданием, и издание их, и исследование, широко и глубоко поставленное <...>. Поистине Муральт сделал столько, что его труд должен быть признан стоящим на уровне лучших европейских образцов, и ГПБ имеет право гордиться таким опытом каталогизации своего греческого фонда, с которым ни в какое сравнение не может идти ученийшего Маттеи *Accurata notitia* 1805 г. о греческом фонде Московской Синодальной Библиотеки»⁴¹. Через Министерство иностранных дел каталог был разослан в крупнейшие научные центры Европы — Рим, Париж, Лондон, Вена, Цюрих, Дрезден, Берлин, Геттинген; получили по экземпляру также российские университеты и научные общества. Издание каталога стало, таким образом, событием в мировой науке.

⁴⁰ *Muralt E. de. Catalogus codicum Bibliothecae imp. Publicae graecorum*. SPb., 1840. Позднее дополненный и исправленный (в частности, за счет рукописей из коллекции Тишендорфа) вариант каталога был опубликован Муральтом на французском языке: *Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque impériale publique de Saint-Petersbourg*. SPb., 1854.

⁴¹ ОР РНБ, Греч. 893: *Бенешевич В. Н.* Предисловие к каталогу греческих рукописей ГПБ. Машинопись. 1934–1937. Л. 3.

Опуская здесь прочие статьи, заметки и публикации Муральта о греческих рукописях, помещавшиеся им как в российские периодические издания, так и в зарубежные⁴², обратимся к двум его наиболее крупным «византийским» проектам, принесшим международное признание, премии, награды: два ордена (Станислава 2-й степени, греческий орден Спасителя 2-й степени) и три императорских бриллиантовых перстня, а также почетное членство во многих научных обществах. Имеются в виду, прежде всего, уже упомянутые исследования Муральта в области византийской хронографии, отнявшие у него почти два десятилетия жизни. Об этом довольно полное представление дает его обширная переписка с главным «куратором» и экспертом всех подобных исследований со стороны Академии наук — с академиком А. А. Куником⁴³. Будучи полностью в курсе всех перипетий, связанных с созданием этого труда, и фактически являясь его редактором, последний как эксперт публикует свои весьма критические отзывы еще на рукопись сочинения (в связи с выдвижением его на Демидовскую премию)⁴⁴, а в 1855 г. труд выходит из печати⁴⁵. В предисловии подчеркивается, что автор сосредоточил в своем труде «в некоторых отношениях» намного больше материала и уделил ему гораздо больше исследовательского внимания, чем того требовала программа Академии (использовано более 100 авторов, из них извлечено более 6000 фактов, произведено сличение разных версий этих фактов, выявление самой древней версии и редакции, прослежено последующее видоизменение каждого источника); отмечаются оригинальная манера подачи материала в форме регестов, использование параллельных, в том числе латинских, иногда и неизданных, источников для установления и выверки дат, расположение всей этой «*gudis indigestaque moles*» в сжатой форме и в хронологическом порядке с

⁴² Библиографию работ Муральта см.: *Михеева Г. В.* Муральт. С. 367–868.

⁴³ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614: 32 письма Муральта к А. А. Кунику за 1853–1894 гг. Из них видно, что вся техническая сторона дела (связь с типографией, «держание корректур», выписка нужных для работы рукописей и книг) осуществлялась Куником.

⁴⁴ *Куник А. А.* Разбор сочинения Библиотекаря Императорской Публичной библиотеки д-ра Э. фон Муральта, под заглавием «*Essai de Chronographie Byzantine de 395 à 1057*» // Присуждение Демидовских награждений. 1854. Т. 23. С. 63–84.

⁴⁵ *Muralt E. de.* Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas — Empire et particulièrement à l'examen des chronographes slaves de 395 à 1057. St.-Petersbourg, 1855. (Отмечено: «Публикуется по постановлению Академии, в мае 1855. Непр. секретарь А. de Middendorff». Типография Академии наук).

395 по 1057 г., «исходя из того интереса, который эти факты могли иметь для истории России: все, что в повествованиях византийцев касалось России (на современном пространстве империи) и походов руссов за границу, должно было быть изображено полно; затем идут другие славяне и соседние с Россией народы»⁴⁶. Труд этот, недавно обозванный одним нынешним автором «допотопным»⁴⁷ (не ради ли красного слова?), воспринимался современниками иначе: «Поблагодарите г. Куника за доставление мне каталога Миллера и Хронографии г. Муральта, — пишет 6 октября 1855 г. В. Н. Ундольский к П. С. Билярскому. — То и другое доставило мне истинное утешение. Последний труд, слишком, может быть, обыкновенный в Европе, для нас подвиг исполина»⁴⁸.

Работа Муральта над хронологической темой продолжалась и после его возвращения на родину (в 1864 г. он, уволившись со службы в ИПБ, по совету врачей уехал в Лозанну, где и оставался вплоть до смерти), причем по-прежнему в тесном контакте с Академией наук (персонально — с А. А. Куником) и с помощью ее субсидий, завершившись выходом в свет в 1871–1873 гг. двухтомника (с единой пагинацией), составленного по прежним принципам, с прежним названием, но с новой хронологией (1057–1453), логически продолжающей и завершающей прежнюю⁴⁹.

По-видимому, научный уровень труда не мог удовлетворить ни самого автора, ни его «духовного отца» — А. А. Куника, так как планировалось его новое издание. В письме к Кунику из Лозанны от 3 октября 1894 г. Муральт пишет: «Дорогой друг! Я очень рад, получив от Вас совершенно неожиданно знак жизни, а также узнав, что Вы опять принимаете столь активное участие в труде, духовным отцом которого Вы, благодаря Вашему побуждению, являетесь. Конечно, в высшей степени желательно, чтобы Вы сами пожелали и смогли взять на себя необходимую переработку (простая перепечатка вряд ли целесообразна) для нового издания. Покрытие расходов Академией было бы тогда обеспечено. Я сам, с моими 86 годами, не могу переложить бремя этих расходов на

⁴⁶ *Muralt E. de. Essai de chronographie byzantine* (1855). P. V.

⁴⁷ *Бибиков М. В.* Афон в свидетельствах семи столетий (рецензия) // *Россия и христианский Восток*. М., 1997. Вып. 1. С. 258.

⁴⁸ *Истрин В. М.* Письма к академику Петру Спиридоновичу Билярскому, хранящиеся в Имп. Новороссийском университете. Одесса, 1906. С. 26.

⁴⁹ *Muralt E. de. Essai de chronographie byzantine 1057–1453*. Bale et Genève, «H. Georg, Libraire-éditeur», St.-Petersbourg, «Eggers et comp., Libraires de l'Académie des sciences». 1871, 1873. Т. 1–2. P. 939. В Петербург было отправлено 100 экземпляров (для Академии наук) и один экземпляр для «Археологической комиссии» (Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614. Д. 21).

моих близких, не могу из-за ослабленного зрения вести умственную работу, особенно же сообщать мои дополнения письменно. Мне придется очень сожалеть, что молодой византинист Регель⁵⁰ не соглашается на это и рассматривается Вами как неподходящая кандидатура. Прежде всего нужно было бы найти в С.-Петербурге или России какого-то другого историка, сведущего в греческом и французском, а это Вам скорее возможно, чем мне. Затем можно было бы, благодаря Вашему ходатайству, задействовать Академию, чтобы получить от нее субсидию по крайней мере на продолжение работы. Пребываю в старой дружбе. Преданный Вам Др. Э. ф. Муральт»⁵¹. Интересно и письмо от 21 декабря 1894 г.: «Дорогой друг! Ваше письмо с сообщением о том, что найдены средства и пути для нового издания моей “Хронологии”, меня очень обрадовало, как и то, что у Вас в Петербурге нашелся кто-то, кто готов взять на себя обязанность по переработке. На мою долю, таким образом, приходится лишь передача и корректура французского текста тех дополнений, которые я внес в мой экземпляр <...>. То, что я сам не могу вести это редактирование труда, Вы видите из неразборчивости моего письма по причине слабости зрения <...>. Капитал, выделенный Академией для издания, пойдет, очевидно, на печатание и гонорар редактора, а для главного автора останется лишь честь быть названным в первую очередь на титульном листе, с добавкой: “avec les compliments de M. L’académicien Kounik et du rédacteur M. N”. <...> С наилучшими пожеланиями доброго здоровья к Новому Году Ваш Др. Э. ф. Муральт»⁵². К сожалению, смерть Муральта (1895 г., Лозанна) помешала реализации этого плана.

Следует также отметить, что Муральт сам признавал недостатки своей работы. Еще в предисловии к первому тому (1855 г.) он подчеркивает: «Конечно, нужны еще долгие и разнообразные усилия, чтобы византийская хронография, как отдельная наука, смогла достичь высокой степени совершенства, и прежде всего желательно, чтобы неизданные греческие хроники были опубликованы»⁵³ — задача, в разрешение которой сам он внес существенный вклад своим *editio rēp̄sers* наиболее важного с точки зрения истории древнеславянской и древнерусской письменности источника — Хроники Георгия Амар-

⁵⁰ Василий Эдуардович Регель (1857–1932), о котором см.: *Медведев И. П.* В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // *Архивы русских византинистов в С.-Петербурге*. СПб., 1995. С. 157–180.

⁵¹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614. Л. 26–26 об. (оригинал на немецком, рукописная готика, как и все прочие письма Муральта к Кунику).

⁵² Там же. Л. 27–27 об.

⁵³ *Muralt E. de. Essai de chronographie byzantine* (1855). P. XXXI.

тола (1859 г.)⁵⁴. Издание заняло весь VI том «Ученых записок II отделения ИАН» за 1861 г. (реальная дата выхода в свет), куда вошли также пояснение И. И. Срезневского, отметившего «заботливое усердие г-на д-ра Муральта, взявшегося за труд и исполнившего его с редким самоотвержением» (см. предваряющий книгу лист без пагинации), и перевод латинского предисловия Муральта на русский язык, выполненный Иониным (С. I–XLIX). В основу издания был положен московский список Синодальной библиотеки № 251 (= ГИМ № 406), датирующийся 1-й половиной XII в.⁵⁵, но, к сожалению, дефектный (в нем отсутствовало, в частности, начало, восполненное из мюнхенского списка № 414, присланного немецким историком Г. Л. Ф. Тафелем⁵⁶) и содержащий позднюю, интерполированную редакцию памятника. Поэтому со временем возникла потребность в более качественном издании «Хроники» Георгия Амартола, что и задумывалось А. А. Куником и В. Г. Васильевским, но было осуществлено К. де Боором (Lipsiae, 1904). Невольно охватывает сожаление при мысли, что и труд ученого не вечен.

Завершает этот подготовительный этап и в то же время открывает новый в становлении петербургской школы византиноведения монументальная фигура уже неоднократно упоминавшегося здесь академика Ариста Аристовича Куника (1814–1899)⁵⁷, ученого поразительного по широте научного кругозора и эрудиции, для которого «византиноведе-

⁵⁴ *Georgii Monachi, dicti Hamartoli Chronicon ab orbe condito ad annum p. Ch. 842 et a diversis scriptoribus usque ad a. 1143 continuatum nunc primum ad fidem codicis Mosquensis, adjecta passim varietate reliquorum codicum nec non Leonis Grammatici et Cedreni et annotatis locis s. scripturae, patrum ecclesiast. et ceterorum scriptorum in chronico laudatis annisque ante et post Chr. n. in margine adscriptis / Edidit E. de Muralto. Petropolis Academiae Scientiarum. MDCCCLIX.*

⁵⁵ Библиографию рукописи см.: *Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б.* Греческие рукописи Синодальной библиотеки. М., 1993. С. 133.

⁵⁶ Отношения Муральта с этим выдающимся знатоком византийской хронографии отнюдь не были идеальными. Так, письмом от 29 мая 1856 г. он просит Куника повременить с отсылкой пробных листов «моего Амартола», уточнив свою позицию: «Я охотно высказывался за это, полагая, что он выкажет готовность к ответным присылкам из данных ему, в частности, одной публичной библиотекой рукописных сокровищ. После того как он в 1854 г. через меня, а в 1856 г. через Вас получил из московского Кодекса больше, чем я из мюнхенских, дальнейшая передача может быть отложена до того времени, пока не восстановится взаимность» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614. Л. 12).

⁵⁷ О нем см.: *Лантева Л. П.* Куник Арист Аристович (Эрнст Эдуард) // *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* М., 1979. С. 208.

ние было не только идеей, но и жизненной задачей»⁵⁸, — «симпатичная, хотя и весьма мало понятая при жизни личность»⁵⁹, «истинный патриарх византиноведения в России»⁶⁰, «немец, почти полностью обрусевший в результате долгого пребывания в русской метрополии, в душе которого оставил свой след славянский отпечаток»⁶¹.

А. А. Куник не оставил крупных и специальных работ в области изучения истории Византии, предпочитая, по выражению И. В. Ягича, «разменивать свою ученость на мелкую монету». Самая весомая из них — обширная 10-я глава в основном труде Куника, посвященном варяжскому вопросу в духе норманнской теории⁶²; все остальное — это мелкие заметки по частным вопросам из области византийско-русских отношений, в которых Куник стремился сочетать лингвистику с историей, применять к истории сравнительный лингвистический и критический метод; по хронологии, которой он придавал большое значение, полагая, что она «сдерживает фантазию, открывает и объясняет связь событий» (вместе с В. Г. Васильевским Куник входил в Академию с представлением об издании перечня византийских писем, грамот и вообще документов всякого рода, дабы заложить основу «регеста» Византийской империи⁶³); обратили на себя внимание его статьи об основании Трапезунтской империи в 1204 г., о связи трапезунтско-сельджукской войны 1224 г. с нашествием татар на северное Черноморье, о так называемой «Записке готского топарха» (разумеется, А. А. Куник воспринимал этот памятник как подлинный), а также целый ряд блестящих очерков о научных трудах как европейских византинистов (Цахариэ фон Лингентала, Тафеля, Муллаха), так и отечественных (Круга, Муральта).

Большое впечатление на общественность и значительное влияние на судьбы отечественного византиноведения оказала программная речь А. А. Куника в историко-филологическом отделении Академии наук 17 октября 1853 г. на тему «Почему Византия донныне остается загад-

⁵⁸ Успенский Ф. И. Из истории византиноведения в России. С. 115.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Попов Н. Г. Начало византиноведения в России. С. 445.

⁶¹ Palmieri A. L'oeuvre de Kunik et les études byzantines en Russie // Echo d'Orient. 1900. Т. 3. Р. 28–29.

⁶² Kunik E. E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven: Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates. SPb., 1845. Abt. 2. S. 321–496.

⁶³ Черновик записки (автограф Куника) обнаружен нами в протокольных бумагах к заседанию ИФО АН от 19 января 1894 г.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 2. — 1894. Д. 27. Л. 3–8 об.

кой во всемирной истории?»⁶⁴ Широкими мазками обозначив основные вехи европейской истории, начиная с падения Западной римской империи в 476 г., Куник задается вопросом о том, каким образом Византия, этот «восточный Рим», смог продержаться еще 1000 лет после гибели «своего старшего брата», и считает, что «причина, очевидно, должна лежать не во внешнем положении столицы, вообще не в материальном положении дел, а глубже, именно в моральном порядке вещей <...> . Падение всех этих государств (имеются в виду Египет, Карфаген, Вавилон, Ассирия, Персия, Эллада. — *И. М.*), равно как и долговечность Византии, очевидно, надо возвести к какому-то общему, высшему, внутреннему началу, которого в тех недоставало, тогда как последняя не переставала им одушевляться. Это живоносное начало есть — Христианство»⁶⁵. Прослеживая внутреннюю связь византийской истории с историей славян (он говорит о «византийско-славянской группе народов» как параллели народам романо-германским), Куник подчеркивает ее особое значение для истории российской («Большая половина русской истории не есть ли, говоря вообще, отражение истории византийской?») и обращается к русской общественности (хотя бы в лице Академии наук) со страстным призывом «освободиться, наконец, от свинцовой тяжести равнодушия к историческому прошлому Византии, бросающему яркие лучи света и на историю России, которой теперь нельзя оставаться праздной в виду научной деятельности Европы, давно уже решившейся разредить мрак, скопившийся над Византией»⁶⁶.

Не ограничиваясь весьма эмоционально выраженными призывами к «благородному соревнованию» с правительствами и учеными таких европейских стран, как Англия, Франция и Германия, в которых «византийские занятия признаны в качестве самостоятельной науки», Куник предлагает конкретную и, на его взгляд, реальную программу развития византиноведения в России, предусматривавшую первоочередную разработку следующих проблем: 1) Критическая история византийских занятий с XVI в., с особым вниманием к трудам XIX столетия; 2) Издание хранящихся в рукописях византийских историков и других произведений византийской литературы, имеющих историческое значение; 3) Собрание и издание иностранных источников и известий, встречающихся в европейских и азиатских литературах, относительно византийской истории; 4) Библиография византийских рукописей, где

⁶⁴ Опубликована в: Уч. записки имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 3. С. 423–444.

⁶⁵ Там же. С. 426.

⁶⁶ Там же. С. 444.

было бы исчислено все наличное богатство манускриптов, хранящихся в разных библиотеках, хотя бы обзор этот составлялся совершенно кратко в виде перечня и выходил в свет мало-помалу по частям; 5) Библиографический обзор источников византийской истории, при руководстве которого впоследствии можно было бы составить полное обозрение источников и литературы византийской истории; 6) Критико-хронологическая обработка византийской истории по частям на основании византийских и иностранных источников; 7) Издание церковно-славянских переводов византийских летописей; 8) Лингвистическое введение к изучению памятников византийской литературы⁶⁷.

Подробно разбирая и комментируя эти пункты, В. Н. Бенешевич в своих лекциях по истории византиноведения вынужден констатировать: «Здесь намечена целая обширная программа работы византиноведной, не осуществленная в полном объеме даже и до сих пор и представляющая поэтому живой интерес для оценки современного (начало XX в. — *И. М.*) положения дела»⁶⁸. Он же (Бенешевич) так оценивает вклад ученого в становление российского византиноведения и *eo ipso* его петербургской школы: «55-летняя деятельность Куника в Академии наук имела решающее влияние на всю постановку византиноведения в России; он не только лично работал без устали, но и умел привлечь других к работе и направить ее, как человек почина; в его голове (здесь Бенешевич цитирует Васильевского. — *И. М.*) постоянно слагались новые планы и кипели живые мысли, которые он развивал с воодушевлением и жаром; одушевляя других, он долго не остывал и сам»⁶⁹.

Тот, кто знакомился с содержанием обширнейшего архива А. А. Куника (он хранится главным образом в Петербургском филиале Архива РАН, фонд 95), безоговорочно подпишет под такой оценкой. Впечатление такое, что в его уединенной квартире академического дома на Васильевском острове, где, «погруженный в научную работу, он жил одиноко, как какой-то протестантский монах, в глубине своей богатой библиотеки»⁷⁰, находился чуть ли не эпицентр мировой науки. Именно отсюда исходили многие импульсы и начинания, даже из тех, которые дадут свои плоды гораздо позже, уже после кончины ученого: по его инициативе и при его непосредственном участии создает свои труды по византийской хронографии и издает Георгия Амартола Эдуард Муральт; его посвящает

⁶⁷ Там же. С. 442–443.

⁶⁸ Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения. С. 600.

⁶⁹ Там же. Ср.: Васильевский В. Г. Арист Аристович Куник (некролог) // ВВ. 1899. Т. 6. С. 619–632.

⁷⁰ Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения. С. 603.

в интимные стороны своей подвижнической жизни знаменитый московский археограф и библиограф В. М. Ундольский, широко используя Куника как директора БАН, в деле выписки из-за рубежа нужных ему изданий и даже рукописей⁷¹; Куник первым (во главе специализированной комиссии ИАН) дает квалифицированную оценку фантастической коллекции греческих рукописей Константина Симонидиса, будоражившего ученую Европу своими палеографическими мистификациями⁷²; он на протяжении десятилетий ведет ученую переписку с крупнейшим европейским «авторитетом» в области истории византийского права Цахариз фон Лингенталем, обеспечивает его избрание членом-корреспондентом ИАН и побуждает того широко публиковаться в изданиях ИАН, добившись от русского правительства финансирования издания самых крупных публикаций немецкого ученого⁷³; он же (Куник) обращает внимание Академии на труды немецкого византиниста Г. Л. Тафеля, открывшего любопытные исторические материалы и мечтавшего о замене Боннского корпуса византийских источников более совершенным, чему горячо сочувствовал и Куник⁷⁴; в переписке с другим немецким эллинистом, Ф. Г. Д. Муллахом, он побуждает последнего заняться подготовкой переиздания греческого глоссария Дюканжа с поправками и дополнениями, обсуждает с ним все детали проекта, надеясь привлечь к этому делу Академию⁷⁵; молодой Спиридон Ламброс подробно информирует Куника о своих исследовательских планах, также надеясь заинтересовать в них Академию; знаменитый Карл Крумбахер детально обсуждает в переписке с Куником планы «двойного» издания (то есть греческого оригинала и славянского перевода) в России Георгия Амартола и Симеона Логофета и рекомендует в качестве издателей «моего друга и ученика д-ра Истрина из Москвы» — для славянской версии, и «никого другого, как Карла де Боора» — для гречес-

⁷¹ *Медведев И. П.* Письма В. М. Ундольского к А. А. Кунику в С.-Петербургском филиале Архива РАН // ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 803–816.

⁷² *Медведев И. П.* Неизвестный каталог греческих рукописей из коллекции Константина Симонидиса // Рукописное наследие русских византинистов. С. 537–567.

⁷³ *Медведев И. П., Таценко Т. Н.* Письма Цахариз фон Лингентала в архиве А. А. Куника // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 389–429.

⁷⁴ См.: *Куник А. А.* О трудах византиниста Тафеля // Уч. записки имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1853. Т. II. Вып. 3. С. 444–454.

⁷⁵ *Medvedev I. P.* Kunik and Mullach on the necessity of a re-edition of Du Cange's Glossary (from the correspondence of the two scholars) // *Chrysaí Pylai-Zlataja Vrata: Essays presented to Ihor Ševčenco on his Eightieth Birthday (=Palaeoslavica, vol. X).* Cambridge, Mass., 2002. P. 265–280.

кой (как известно, оба из них впоследствии выполнили поставленную перед ними задачу, хотя и отдельно друг от друга)⁷⁶; именно под руководством А. А. Куника начинает свою работу известная «Порфирьевская комиссия» ИАН по реализации завещания епископа Порфирия Успенского (1804–1885) и подготовке к публикации как его собственных трудов (за это по поручению Куника взялся П. А. Сырку, осуществивший и описание всех бумаг епископа), так и собранных им богатейших коллекций (например, подготовку издания актов афонских монастырей взял на себя, также по поручению Куника, В. Э. Регель); и т. д. и т. д. (и это только из «византийской» деятельности А. А. Куника).

И еще несколько черт характера А. А. Куника и его деятельности, мастерски обрисованных В. Н. Бенешевичем (он оговаривается в своих лекциях по истории византиноведения, что «пришлось подробно остановиться на личностях и работе Круга и Куника потому, что значение их не только забывают, но и отрицают»): «Сам Куник обладал такой феноменальной памятью, такой широтой знаний и умением пользоваться ими, что менее всех других мог чувствовать отсутствие всех тех пособий, о которых хлопотал. Многие считали его ученым чудачком, типом академической мертвечины в науке, маниаком “толчения воды в скандинавской ступе”, т. е. по варяжскому вопросу. На самом деле Куник понимал историю по Гегелю как “произведение духа” и не считал историей “начертание какой-нибудь войны или каких-нибудь внешних отношений, если не постигнуть идеи, имевшие влияние на внутреннее бытие народа или времени”; задачей “славянской истории” он считал “возвышение ее до идеи” и полагал, что “в простом народе должно преимущественно искать основной элемент первобытной общественной жизни славян”. Трудность истории, осознанная Куником, заставляла его обращаться к изучению частных исторического процесса, и притом таких, которые не поддавались усилиям предшествующих исследователей. Отсюда широчайший диапазон научных интересов Куника, но отсюда же и внутренняя связанность его многочисленных трудов, при которой варяжский вопрос получает значение только важного эпизода <...>. Историческая критика, подкрепляемая сравнительной филологией, была для Куника символом веры. Религию он отрицал и шел в отрицании далее того, что давали тогда Штраус и Ренан. “Попов” он терпел только ученых, подобно тому как, будучи резким антисемитом, он и евреев терпел только ученых. Последнее как-то уживалось у него с прици-

⁷⁶ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. Д. 454. Д. 2–5 об. (письмо из Мюнхена от 2 декабря 1896 г.). Ср.: Поляков Ф. Б. Карл Крумбахер и Василий Михайлович Истрин: Эпизоды взаимоотношений по материалам Баварской Гос. библиотеки // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. I. С. 245–253.

пом широкой гуманности. “На национальность я смотрю как на средство для достижения высшей цели гуманности”, — говорил он и не хотел быть немецким пионером в России. В Академии Куник отстаивал принцип, что Академия наук должна быть для русских, а не для немцев, и потому его называли предводителем русской партии в Академии наук. Однако и русским он был не по образцу других. Со времени турецкой войны 1877/8 гг. Куник стал употреблять термин “шовинизм” для обозначения весьма предосудительного образа мыслей: так он называл желание России или русских водрузить крест на св. Софии и утвердиться на Босфоре. “Не нужно заботиться о престиже, сидите смиренно, устраивайте свои финансы, которые теперь у вас так плохи, занимайтесь науками”, — говаривал Куник собеседнику, заносившемуся в дали “восточного вопроса” <...>. Таков был А. А. Куник, осуществивший в Академии наук переход от “немецкого периода” в истории русского византиноведения к “русскому периоду”. Наравне с Кругом Куник принадлежит к числу тех ученых, труды которых не потеряют своего значения никогда и для IX–X веков имеют особую важность. Среди великих заслуг Куника одна представляется особенно выдающейся, а именно: он сразу отметил высокое значение трудов В. Г. Васильевского, с 1878 г. стал принимать шаги к избранию его в Академию наук и в 1890 г. добился этого»⁷⁷.

Разумеется, помимо «немецкого фактора» в первоначальном петербургском византиноведении были и другие, стоит лишь вспомнить имена отца и сына Дестунисов, из которых второй — Гавриил Спиридонович Дестунис (1818–1895) — назван самим В. Г. Васильевским «патриархом» византийских занятий в Петербургском университете: он внес большой вклад во внедрение занятий «византийскими древностями» (т. е. греческой этнографией, языком, литературой, народной поэзией) в систему университетского преподавания. Правда, в его общих культурно-исторических курсах Византия рассматривалась как связующее звено между античной и новой Грецией, поэтому его интерес к собственно истории Византии был весьма ограниченным, как и понимание основных проблем и методов исторического исследования. Лекции его тем не менее пользовались популярностью (в представлении историко-филологического факультета Петербургского университета отмечалось, что он «привлекал к себе слушателей, несмотря на специальность своих курсов») и сыграли несомненную роль в развитии интереса к византий-

⁷⁷ Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения. С. 602–603. Ср.: Куник А. А. Записка об ученых трудах члена-корреспондента ИАН В. Г. Васильевского. СПб., 1890.

ской тематике, в том числе и исторической. В этом смысле «деятельность В. Г. Васильевского в университете была во многом подготовлена и облегчена той первичной обработкой почвы, которую осуществил Дестунис»⁷⁸. Большой заслугой Г. С. Дестуниса было также осуществленное им издание переводов византийских историков, выполненных еще его отцом, С. Ю. Дестунисом, им «поновленных», снабженных предисловиями и комментариями. Менее удачна судьба собственных разысканий Г. С. Дестуниса в области византийской литературы: многие из них явно не выдержали испытания временем и безнадежно устарели, как, например, его «Исторические сказания инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских» (СПб., 1858)⁷⁹, «Опыт биографии Георгия Франдзия» (надо: Георгия Сфрандзи)⁸⁰, и другие.

Говоря о начальном этапе становления университетской византистики, нельзя забывать и имя историка-эллиниста М. М. Стасюлевича, читавшего с 1852 г. в университете историю Средних веков, значительное внимание уделявшего византийской проблематике (на своих спецкурсах он разбирал со студентами сочинение Лиутпранда Кремонского «De legatione Constantinopolitana» и «Ассизы Иерусалимского королевства»⁸¹), автора известной монографии «Осада и взятие Византии турками» (СПб., 1854). И тем не менее, если иметь в виду зарождение и становление петербургской школы византиноведения в целом, невозможно не согласиться с выводом, к которому пришел один из первых историков начала русского византиноведения Н. Г. Попов: «Все это было делом ученых иностранцев, стоявших в более или менее близком отношении к Императорской Академии наук приблизительно

⁷⁸ Курбатов Г. Л. Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения (Г. С. Дестунис) // ПС. 1971. Т. 23(86). С. 189 (весь ценный очерк Г. Л. Курбатова о Г. С. Дестунисе занимает с. 179–191). См. о нем также: Цамутали А. Н. Петербургская школа византиноведения // ВИД. 1991. Т. 23. С. 8; Белоброва О. А. С. Ю. и Г. С. Дестунисы: рукописное наследие // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 22–34; Шукурова А. Э. Из эпистолярного наследия Г. С. Дестуниса: письма к Ф. И. Успенскому // Рукописное наследие русских византистов. С. 568–573.

⁷⁹ Как показал греческий историк Леандр Врануссис, речь идет о двух «византийских историках, которые никогда не существовали», см.: *Vranoussis L. Deux historiens byzantins, qui n'ont jamais existé: Comnénos et Proclo* // *Επετ. Μεσαιων. Ἀρχαίου*. 1962. Т. 12. У. 23–29.

⁸⁰ Как показали новейшие исследования, *Chronicon maius* Георгия Сфрандзи, которой и пользовался Г. С. Дестунис при воссоздании биографии Георгия Сфрандзи, 1401–1478), является подделкой подлинного произведения Сфрандзи.

⁸¹ Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50-ти лет его существования. СПб., 1870. С. 220–221.

но за первое столетие ее существования»⁸². Более того: связи европейского и петербургского византиноведения были в этот период настолько тесными и органичными, что возникало ощущение, что второе — это всего лишь филиал первого (иногда, правда, наоборот).

Невозможно не согласиться — еще раз — и с В. Н. Бенешевичем, который считает, что «о немецком периоде в Академии приходится вспоминать с благодарностью»⁸³. Значение сделанного российскими учеными иностранного происхождения прекрасно понимали и современники. Так, «насквозь русский» В. М. Ундольский, похвально отозвавшись о труде Э. Муральта, делает примечательную оговорку в письме к академику П. С. Билярскому из Москвы от 6 октября 1855 г.: «Как желал бы я, чтобы его (сочинение Э. Муральта “Византийская хронография” — *И. М.*) рассмотрели все наши лжепатриоты, ожидающие всего от самих себя и безжалостно отвергающие все ученое, когда оно не русского происхождения. Я так и в могиле не расстался бы с Фабрицием, Алляцием, Кругом, Гарлесом, Ламбецием и подобными учеными; нет нужды, что они были не русские. Разве не на их памяти Шлецер и Востоков дали пример и, можно сказать, образец критики-филологии и даже библиографии. Какая мне надобность, что исследование о даках и фраках, о хронологии и пасхалии в многочисленных видах написаны русскими генералами, когда сии мужи написали ужасающую чепуху, лезли с ней везде и теперь ругают чуть не всех — что не принимают более их творений?!»⁸⁴. Комментарии, как мне кажется, в данном случае излишни.

⁸² Попов Н. Г. Начало византиноведения в России. С. 447.

⁸³ Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения. С. 603.

⁸⁴ Истрин В. М. Письма к академику Петру Спиридоновичу Билярскому. С. 26–27.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ «ГРАНТ» ПАРИЖУ НА ИЗДАНИЕ «ИСТОРИИ» ЛЬВА ДИАКОНА*

Упомянутое выше парижское editio princeps «Истории» Льва Диакона, осуществленное знаменитым эллинистом (немцем по происхождению) Карлом Бенедиктом Газе (1780–1864), по поручению и на средства русского канцлера графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826)¹, стало одним из наиболее интересных и важных событий в европейской византистике начала XIX столетия и в то же время — своего рода «побочным продуктом» петербургского византиноведения. В основу издания была положена рукопись XII в., нынешний Paris. gr. 1712 (старый шифр: Bibl. du Roi 2563) — codex unicus не только для «Истории» Льва Диакона (ее текст содержится на листах 272 об.–322), но и для «Хронографии» Михаила Пселла², уже в XVII в. обративший на себя пристальное внимание ученых, один из которых (доминиканец Франциск Комбефис) даже выражал опасение, как бы какой-нибудь «немец или человек другой нации» (*Batavus aut gens alia*) не похитил у Франции славу издания Льва Диакона, что, как мы видим, и оправдилось частично лет через 150 (сам Газе, впрочем, прожив во Франции почти всю свою жизнь и вполне реализовавшись здесь как ученый, считал себя французом «*de coeur aussi bien que d'adoption*»)³.

Вкратце обстоятельства издания изложены в книге Панайотакиса, в основном по опубликованным данным⁴; более обстоятельно — И. Шевченко в рамках его также упомянутого выше сенсационного исследования о так называемой «Записке Готского топарха», т. е. анонимной

* Опубликовано: ВВ. 2002. Т. 61(86). С. 5–23.

¹ Leonis Diaconi Caloensis Historia, scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes, E Bibliotheca Regia nunc primum in lucem edidit, versione Latina et notis illustravit Carolus Benedictus Hase. Parisiis, E Typographia Regia, 1819.

² Панайотакис, досконально изучивший рукопись, констатирует, что начало «Хронографии» Михаила Пселла подхватывает последнее предложение «Истории» Льва Диакона, и задается интересным вопросом, не сам ли Пселл и составил это пособие по истории, дополнив последнюю книгу Льва, — предположение, которое как будто подтверждается и отсутствием преамбулы в сочинении Пселла. См.: *Panayotakis N. K. Λέων ὁ Διάκωνος. Ἀθήναι, 1965. Σ. 55.*

³ Ibid. P. 110–111.

⁴ Ibid. P. 110–128.

записке, которую Газе поместил в объяснительных примечаниях (*Notae philologicae et historicae*) к тексту «Истории» Льва Диакона и которая, по мнению издателя, могла служить дополнением к краткому известию Льва о взятии Херсона (Корсуня) русскими при Владимире святом, будучи якобы составленной ближайшим участником события, а на самом деле, как это доказал И. Шевченко, была сочинена самим Газе⁵ (при этом американскому ученому оказались доступными и некоторые документы из не опубликованной доселе переписки Газе с гр. Н. П. Румянцевым, хранящейся в архиве последнего в Москве⁶. Неизвестными ученому миру, однако, остаются материалы петербургских архивов, проливающих обильный свет на всю эту историю, рассмотрение которой и является предметом нашего экскурса.

Впервые идея издания «Истории» Льва Диакона была высказана К. Б. Газе в письме от 28 декабря 1802 г. к одному из его друзей (J. F. Fries): «У меня возникла не очень-то удачная идея, — пишет он, — заняться изданием двух византийских авторов (имеются в виду, конечно, Лев Диакон и Михаил Пселл. — *И. М.*), рукописи с сочинениями которых я нашел в Национальной библиотеке, так что почти ни о чем другом больше не думаю, кроме как об отрезанных носсах. Работа невероятно надоела мне и почти вызывает отвращение, но я уже довольно продвинулся в ней и наверное мне придется ее закончить»⁷. Отсутствие средств делало, однако, осуществление издания более чем проблематичным, и единственное, на что мог решиться Газе в тех условиях, — это опубликовать, с целью привлечения к Льву Диакону внимания «ученых мужей» и «в качестве пробы», шестую книгу «Истории», содержащую, как известно, сведения о великом князе Святославе Игоревиче⁸.

⁵ *Ševčenko J. The Date and Author of so-called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 115–188. Pl. 1–28.* «Сенсационность» открытия И. Шевченко окажется относительной, если принять во внимание, что и наши старые ученые уже догадывались об истине. Так, А. А. Васильев в своей рецензии на переиздание «Записки» Вестбергом, размышляя об исчезновении рукописи с текстом записки, высказывает такое мнение: «Трудно предположить вообще о ее совершенной пропаже, и подобное таинственное исчезновение рукописи вместе с неопределенным описанием ее у самого Газе может иногда наводить даже на сомнения, несколько обидные для памяти такого глубокого филолога, как издатель “Записки”, то есть Газе (ВВ. 1904. Т. 11. С. 621).

⁶ Отдел рукописей РГБ. Ф. 225. Картон. 5. Д. 34 (см. о ней Appendix II к цитируемой (прим. 5) работе И. Шевченко).

⁷ Цит. по: *Panayotakis N. K. Op. cit. S. 112–113.*

⁸ *Notices et extraits de manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres Bibliothèques. P., 1810. Т. 8. P. 254–296.*

По мнению Панайотакиса, полное издание «Истории» могло бы вообще не осуществиться, если бы на горизонте не появился, «как *deus ex machina*», академик Филипп Круг (1764–1844), один из тех немецких ученых, которые, приехав в Россию, стали первыми профессиональными исследователями византийской и российской истории. По мнению Панайотакиса, Круг не только поддержал идею издания, но и подсказал источник финансирования, указав на гр. Н. П. Румянцева как на вероятного «спонсора»⁹.

Действительно, Ф. И. Круг одним из первых оценил важность нового исторического источника и неотложность его издания¹⁰. И все-таки архивные материалы отдают инициативу реализации проекта самому русскому канцлеру. В архиве Алексея Николаевича Оленина (1763–1843), государственного деятеля и первого директора Имп. Публичной библиотеки, хранится письмо гр. Н. П. Румянцева от 18 марта 1813 г. на французском языке, из которого явствует, что сам Румянцев (не без «наводки» Круга?¹¹), ознакомившись с вышеуказанной публикацией Газе, принял решение способствовать изданию, не исключив при этом опубликования в Петербурге греческого текста, сопровождаемого русским переводом. Привожу подлинный текст документа: «La Notice que Monsieur Hase a donnée sur un manuscrit (sic!) de la Bibliothèque Impériale de France, qui contient l'histoire composée par Léon Diacre, suffit pour inspirer un grand intérêt et plus particulièrement à des Russes. Il est aisé de tomber d'accord avec le scavant (sic!) et convenir qu'il seroit de la plus grand utilité que cet ouvrage fut rendu publique par l'impression. Monsieur Hase, plus capable

⁹ Panayotakis N. K. Op. cit. Σ. 113.

¹⁰ *Krug Ph. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie.* St. Petersburg, 1810. S. 322. Anm. 1: «Möchte doch die von Hase versprochene Ausgabe des Leo Diac. bald erscheinen!» Единственным, но зато весьма основательным и хорошо документированным очерком, воссоздающим творческую биографию Ф. И. Круга, является обширное «Введение» к посмертно опубликованным трудам ученого, написанное А. А. Куником: *Krug Ph. Forschungen in der alteren Geschichte Russlands.* St. Petersburg, 1848. Th. 1. S. I–CCLVI. См. также: *Медведев И. П.* Академик Филипп Иванович Круг и его архив // *Русская наука в биографических очерках.* СПб., 2003. С. 179–188.

¹¹ О тесных отношениях акад. Ф. И. Круга с Н. П. Румянцевым, доверенным лицом которого во многих научно-археографических предприятиях последнего, и прежде всего по связям с европейскими научными центрами (особенно Франции), с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства, Круг стал, взяв на себя «роль консультанта, рецензента и редактора», см.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1985. 2-е изд.; *Он же.* Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века. М., 1999 (см. указатель имен).

que qui que le soit d'en donner une belle édition, convient qu'à cette fin il étoit parvenu à terminer la traduction latine qu'il en avoit faite. Puisque cette traduction est faite, pourquoi cette édition ne paraîtrait-elle pas? Est la faute de moyens pécuniers nessessairs (sic!) pour l'entreprendre? Une avance seroit — elle nessessaire? En quelle somme consisteroit — elle? Ne seroit — il pas possible d'acquérir par argent une simple copie du texte grec, avec le droit de l'imprimer ici accompagné d'une traduction russe? Que peut couter cette copie? Voici des questions qui faites avec discrétion peuvent nous mener à des resultats desirés et je fais mes instances les plus empressées à la personne aux bontés (sic!) de laquelle je dois la communication de la Notice citée, pour quelle venisse bien en tirer parti. Pétersbourg le 18 Mars 1813»¹². [«Заметка г-на Газе о рукописи Императорской библиотеки Франции, содержащей "Историю", сочиненную Львом Диаконом, достаточна, чтобы возбудить большой интерес и особенно у русских. Нельзя не согласиться с ученым в том, что было бы в высшей степени полезно опубликовать этот труд, напечатав его. Г-н Газе, который, как никто другой способен осуществить его прекрасное издание, признается, что с этой целью оставалось завершить латинский перевод, который он сделал. И поскольку этот перевод сделан, почему бы не появиться и самому изданию? Нет необходимых для предприятия финансовых средств? Нужен был бы аванс? О какой сумме могла идти речь? А не было бы возможным приобрести за деньги простую копию греческого текста *с правом напечатать ее здесь в сопровождении русского перевода* (выделено мной. — И. М.)? Сколько может стоить такая копия?»]

Думаю, что «особой», обратившей внимание графа на записку Газе, был именно акад. Круг, хотя не совсем ясно, зачем Румянцеву понадобилось обращаться к Оленину, а не поручить просто Кругу «списаться» с Газе. Во всяком случае, именно к Кругу в свою очередь обратился А. Н. Оленин за содействием в этом деле, поручив ему связаться как с самим Газе, так и с его «шефом», редактором парижского журнала «Magazin encyclopédique» Обэном Луи Милленом (Aubin-Louis Millin, 1759–1818), на предмет про-

¹² Отдел рукописей РНБ. Ф. 542 (Оленины). Д. 25. Л. 14. Письмо (без подписи, автограф Н. П. Румянцева) сопровождается запиской канцеляриста по-русски: «Государственный Канцлер, препровождая при сем к Его Превосходительству Алексею Николаевичу особую записку касательно известной рукописи Льва Диакона, покорнейше просит Его Превосходительство употребить благосклонное свое содействие в рассуждении разных вопросов, в сей записке заключающихся, посредством частных сношений, между учеными людьми, вероятно, сохранившихся. Государственный Канцлер с особенным удовольствием пользуется сим случаем, для засвидетельствования Его Превосходительству своего истинного почтения. Марта 19-го дня 1813» (Там же. Л. 15).

яснения вопроса: «Статс-секретарь Оленин, — говорится в письме к Кругу от 28 марта 1813 г. (без подписи, писано канцеляристом), — препровождает при сем к Его Высокоблагородию Филиппу Ивановичу Кругу подлинную записку, полученную от Государственного Канцлера Графа Николая Петровича Румянцева. Статс-секретарь Оленин просит Филиппа Ивановича изготовить, на точном основании изложенных в сей бумаге пунктов, письмо к г-ну Миллену или к г-ну Газе относительно к получению (sic!) копий с упоминаемых в записке рукописей и прочего; также покорно просит доставить сие письмо к нему за открытою печатью (cachet volant), дабы Граф Румянцев мог видеть его содержание, так как доставление этого письма он принимает себе. Статс-секретарь Оленин для лучшего в этом деле успеха просит написать два письма, одно к г-ну Миллену, а другое к г-ну Газе. 28 марта 1813»¹³. К письму была приложена и «подлинная записка» канцлера (на самом деле, как я предполагаю, составленная в канцелярии Оленина в духе вышеприведенной, действительно подлинной и адресованной А. Н. Оленину, записки канцлера), которую мне кажется целесообразным опубликовать здесь в оригинале:

«Le chancelier de l'Empire se chargera de faire parvenir une lettre, que Monsieur Krug voudra bien écrire à Mr. Millin et Mr. Hase, et dans laquelle Mr. Krug proposera à Mr. Hase les questions suivantes:

1. Puisque Mr. Hase assure lui-même avoir achevé la traduction latine de Histoire écrite par Léon le Diacre, dans le dessein de livrer cet ouvrage à l'impression, qu'est ce qui empêche que Mr. Hase ne fasse un aussi beau présent au monde littéraire? Est ce parcequ' il n' a pas à sa disposition l'argent nécessaire? Si cela est ainsi, un homme aisé, habitant Pétersbourg et professant un grand amour pour ce qui peut éclaircir l'histoire de sa patrie, ne demande pas mieux, que de concourir à cette dépense.

Il desireroit seulement savoir: quelle seroit la somme suffisante pour exécuter cette entreprise? Quelle avance ce particulier doit-il faire? Quel nombre d'exemplaires peuvent ils être mis à sa disposition, comme recouvrement tardif de ses frais?

2. Il desireroit aussi savoir: si Mr. Hase ne veut pas lui céder une copie exacte du texte grec qu'il a retouché, avec le droit de le faire paraitre imprimé avec une traduction russe qui se feroit à Pétersbourg? Et quell est le prix d'une pareille copie accompagnée du droit de sa publication?

Cette personne désire avoir une réponse au plutôt, pour pouvoir se décider, et dans l'une ou l'autre proposition, faire passer tout de suite à Paris les fonds, dont on sera convenu.

¹³ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88 (Ф. И. Круг). Оп. 2. Д. 60. Л. 1.

La même personne sait, qu'il existe à la Bibliothèque Imperiale de Paris parmi les manuscrits grecs du IXe siècle, cinq exemplaires d'un manuscrit de Grégoire Harmatole (sic!). Elle demande, si Mr. Hase veut bien se charger en faire avoir une copie et à quell prix? Toujours bien entendu, que c'est avec le droit de rendre publique par impression»¹⁴. [«Канцлер Империи желал бы получить письмо, которое г-н Круг соблаговолит написать г-ну Миллену и г-ну Газе и в котором г-н Круг задаст г-ну Газе следующие вопросы: 1. Поскольку г-н Газе уверяет сам, что закончил латинский перевод написанной Львом Диаконом "Истории", с намерением предать этот труд тиснению, то что мешает г-ну Газе сделать столь прекрасный дар ученому миру? Неужели потому, что в его распоряжении нет необходимых для этого денежных средств? Если дело в этом, то один состоятельный человек, житель Петербурга, питающей горячую любовь ко всему, что может прояснить историю его родины, только о том и мечтает, чтобы участвовать в таких расходах. Он хотел бы только знать, какая сумма была бы достаточной для осуществления подобного предприятия? Какой задаток должно внести это лицо? На какое число экземпляров можно рассчитывать в качестве компенсации за его издержки? 2. Оно хотело бы также знать: не желает ли г-н Газе уступить ему точную и выправленную им копию греческого текста с правом опубликовать его в Петербурге с переводом на русский язык? И какова цена подобной копии, а также прав на ее публикацию? Сия персона хотела бы получить возможно скорый ответ, с тем чтобы иметь возможность распорядиться, если поступит то или иное предложение, о незамедлительном переводе в Париж денежных средств, о которых будет достигнута договоренность. То же лицо знает, что в Парижской Императорской библиотеке среди греческих рукописей, датирующихся IX в., наличествуют пять рукописей с текстом Григория Арматола (sic!). Оно спрашивает, не хотел ли бы г-н Газе снять и с него копию и по какой цене? Разумеется, и в этом случае — с правом его публикации.»]

Круг несомненно выполнил возложенное на него задание¹⁵, но ответа из Парижа не оказалось. Позднее, как мы увидим далее, Газе объяснит это тем, что письма Круга не дошли до него, хотя, зная теперь о Газе несколько

¹⁴ Там же. Оп. 1 Д. 186. Л. 1–2 (без подписи).

¹⁵ С трудом читаемый черновик письма Круга к Газе от (?) марта 1813 г. сохранился в бумагах первого. Между прочим, сообщая о петербургском богаче, ревнителе отечественных древностей, который хотел бы способствовать изданию Льва Диакона, Круг уточняет: «Derselbe Gönner wünscht ferner zu wissen, ob Sie ihm wohl eine ganz genaue von Ihnen revidierte Copie des griechischen Textes von Leo Diac. überlassen wollen, die er hier in St. Pet., begleitet von einer russischen Übersetzung, könnte im Druck erscheinen lassen; und was Sie dafür verlangen? Er erwartet eine schnelle Beantwortung dieser Fragen» (Архив РАН. СПб филиал. Ф.88. Оп. 1 Д. 138 Л. 209–210 об.).

больше, мы не можем исключить и того, что он попросту игнорировал сделанное ему предложение, поскольку (и это мы также увидим далее) способ решения вопроса (а именно — передача прав на издание Льва Диакона Петербургу) не совсем его устраивал. Как бы то ни было, не дождавшись ответа, отправляет в Париж еще одну депешу по своим каналам А. Н. Оленин¹⁶. Речь по-видимому, идет о письме (без обращения; тогдашняя манера авторов писать о себе и даже адресате в третьем лице и не подписываться затрудняет идентификацию), черновик которого хранится в архиве Олениных (на французском языке, почти без аксанов). О деле здесь также сказано в объективном стиле. Воспроизведены все пункты сделанного ранее предложения, включая возможную продажу в Петербург копий рукописей не только с текстами Льва Диакона, но и «Григория Амартола» (обращает на себя внимание попытка автора письма перевести дело с персоны графа Румянцева на «гос. секретаря Оленина». Приводим текст письма в оригинале (но с аксанами; перевод в данном случае считаем излишним):

«Au commencement de l'année passée, le Sec. d'État Olenin avoit engagé Mr. Krug, attaché à l'Accadémie des sciences de St. Pétersbourg, a écrire à Mr. Millin de Paris, pour tacher d'avoir la copie du manuscrit de Léon Diacre. Mr. Krug aquieça (sic!) tout de suite à la demande du Sec. d'État Olenin, mais malheureusement il n'a pas encore eu de réponse. La guerre en pourroit être une cause! En conséquence Mr. Krug se chargeroit bien volontiers d'écrire de nouveau à Mr. Millin (qui est le chef de Mr. Hase); il escriroit même en droite ligne à ce dernier, quoiqu'il ne le connaisse pas particulièrement. S'il savoit les moyens de lui faire parvenir sa lettre, sans qu'elle s'égare, et de recevoir de même une réponse de la part. C'est de quoi Mr. Krug ne se charge pas. En conséquence le Sec. d'État Olenin avec l'approbation de Son Excellence le Grand Chancelier de l'Empire Comte de Roumiantzow, veut faire à Mr. Krug les propositions suivantes, que ce dernier portera à la connaissance des Sieurs Millin et Hase.

1. Si Son Excellence Monsieur le Comte de Roumiantzow ne veut pas faire paroître son nom dans cette affaire, le Secr. d'État Olenin y prêtera le

¹⁶ Сам А. Н. Оленин, также ознакомившись с заметкой Газе о VI книге «Истории» Льва Диакона, воспользовался ею для написания очерка о Святославе. См.: Оленин А. Н. Облик или портрет великого князя Святослава Игоревича, писанный современником его, византийским историком Львом Диаконом, по словам очевидца. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1814. 14 с. (в своем «Предупреждении» к очерку Оленин отмечает, что «Его Сиятельство Государственный Канцлер Граф Николай Петрович Румянцов, ревностно усердствуя успехами отечественной нашей Истории, выписывает из Парижа на свое иждивение точную копию с сей рукописи, дабы оную здесь издать в свет с верным Руским (sic!) переводом. Ответа из Парижа еще не получено». — Там же. С. 1. Примеч. *.

сien avec plaisir et alors Monsieur Krug écrira aux dits Sieurs Millin et Hase, qu'un particulier de Pétersbourg, assez aisé, grand amateur d'histoire, décideroit (sic!) engager Mr. Hase à imprimer le manuscrit de Léon Diacre, avec la version latine, s'entend aux frais de ce particulier, de manière que toute l'édition appartienne à Mr. Hase, avec la restriction de 200 exemplaires gratis pour le dit particulier. Que si Mr. Hase ne vouloit pas se charger de l'édition de ce manuscrit, sans sa propre direction, ne voudrait il pas vendre au moins la copie du manuscrit avec la version latine, pour être imprimé (sic!) ici à St. Pétersbourg, et quel seroit le prit de cette copie et de la version?

2. Mr. Hase ne se chargeroit il pas de mettre au jour un autre auteur byzantin, très précieux pour l'histoire de Russie, et qui ne se trouve pas encore dans la fameuse collection des Byzantins imprimée à Paris dans le XVIIe siècle. C'est un certain Grégoire Hamartolo (sic!), écrivain du IXme siècle, dont on trouve cinq manuscrits dans la Bibliothèque Impériale de Paris. Cet écrivain est cité par notre fameux Nestor¹⁷. Mr. Hase après avoir compulsé les cinq manuscrits pourroit en donner une édition aux conditions énoncées pour Léon Diacre, ou vendre de même la copie du manuscrit compulsé?

3. Au cas que Mr. Hase accepte la proposition d'imprimer à Paris sous ses yeux ces deux manuscrits, ou seulement le premier des deux c.a.d. Léon Diacre, comme il est déjà prêt à être imprimé, il voudra bien faire savoir au plutot par le moyen de Mr. Krug, quelle est la somme qu'il désireroit avoir à cet effet, et à quels termes il voudroit la recevoir. Si par hazard Mr. Hase ne vouloit pas se charger de cette besonge, il fera savoir au moins tout de suite le prix de la copie et de la version latine de l'ouvrage de Léon Diacre, ainsi que de celui de Grégoire Hamartolo. Au cas qu'il se charge de compiler. Des que la réponse de Mr. Hase sera arrivée ici, le susdit particulier ne manquera pas d'indiquer par la même voie à Mr. Hase le banquier qui sera chargé à Paris de lui émettre les sommes nécessaires et de recevoir de lui les imprimés ou les copies manuscrites des ouvrages mentionés, pour les expédier en Russie»¹⁸.

Наконец «прорезался» и сам К. Б. Газе со своим первым письмом к Ф. И. Кругу от 24 сентября 1814 г.¹⁹, из которого мы узнаем о том, что он

¹⁷ Внизу листа сделана даже ссылка: «Глаголетъ Георгій въ Летописаніи старецъ Нестор. С. П. Бургъ 1767. Стр. 12».

¹⁸ Отдел рукописей РНБ. Ф. 542. Д. 25. Л. 16–17 об.

¹⁹ Вся переписка К. Б. Газе с акад. Кругом и (частично) с канцлером Н. П. Румянцевым хранится ныне в бумагах Круга: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21 (93 листа писем Газе); см. издание: *Медведев И. П. Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга // Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004. С. 522–583 (далее цитируются в сокращении: Письма Газе).*

подвергся своего рода массивной атаке с разных сторон с целью убедить его согласиться на предложенные условия. «Из расспросов, — говорится в письме, — с которыми ко мне несколько месяцев назад подступил один молодой офицер, г-н Берто, я предположил, что Вы имели любезность писать мне; а на основании письма барона фон Штрандмана²⁰, секретаря русского посольства в Англии, я убеждаюсь в этом еще раз: этот последний сообщает мне из Лондона, что ныне находящийся там г-н Крузенштерн²¹ спрашивает, получил ли я Ваши письма ко мне, отправленные во время войны. К сожалению, ни одно из них не дошло до меня. Предполагаю, что, как и многие другие, они были вскрыты и утаены бонапартистской полицией. Мне этот инцидент особенно досаден, ибо, с одной стороны, эти письма, возможно, содержали заказы и запросы от Вас, которые остались и поныне неисполненными и безответными; с другой стороны, как пишет г-н Штрандман, в них, по его мнению, речь шла об одном историческом сочинении, относящемся к русской истории, которое г-н Рейхсканцлер Романцов (sic!) хотел иметь напечатанным или списанным в Париже. Я не сомневаюсь, что это сочинение — “История” Льва Диакона; по крайней мере, я несколько дней назад получил письмо г-на госсекретаря Оленина, в котором речь идет также об этом сочинении. Все это требует, как кажется, быстрого разъяснения.

Над дополнительным томом к *Byzantina* я работаю, как Вы, вероятно, знаете, вот уже 6 лет, но, к сожалению, с частыми перерывами из-за разных дел, к которым меня вынуждает моя служба. Поэтому мне пришлось изучать и описывать все поступившие в Библиотеку со времен революции греческие и латинские рукописи. Эта потребовавшая большого времени работа (хотя и не без раздражения с моей стороны, но и не без пользы для моего главного предприятия) была окончена за несколько месяцев до вступления союзников в Париж, и я возобновил работу над моим томом, который должен был включать следующие *Inedita*: 1) Лев Диакон, 2) Хронография Пселла, 3) Его же письма исторического содержания, 4) Несколько книг (из “Ромейской истории”. — *И. М.*) Никифора Григоры (они у нас не все изданы), 5) Анонимы. Из них готов к печати Лев, почти готова Хронография Пселла.

²⁰ Штрандман фон, Иван-Густав-Магнус Оттонович (р. 20 августа 1784 г.) — барон, путешественник и археолог. О его связи с Н. П. Румянцевым и румянцевским кружком см.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей (см. указатель имен).

²¹ Крузенштерн Иван Федорович (1770–1846) — знаменитый русский мореплаватель, один из самых деятельных членов румянцевского кружка. См. об этом: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей (см. указатель имен).

Я работал над латинским переводом его писем, когда князь Волконский²² также прислал мне записку следующего содержания: хотят, чтобы рукопись оригинального текста Льва была послана в Петербург с тем, чтобы она была напечатана там, ибо я, возможно, откажусь от его (Льва) издания. Я ответил, что мое намерение (опубликовать "Историю" Льва Диакона в луврской серии *Corpus Byzantinae Historiae*. — И. М.) не изменилось и что Лев уже готов к печати. Несколько дней назад г. Дювиньо, прибывший из Петербурга, привез мне письмо графа Оленина, в котором тот требует пересылки рукописей Амартола и Льва. Первый не входит в мои планы, и я указал его (Оленина? — И. М.) посланнику, графу Поццо ди Борго²³, путь, на котором он должен искать разрешение министра, которое он несомненно получит. Но что касается Льва, то я Вас спрашиваю, справедливо ли лишать меня возможности первым выпустить его после того, как я обратил внимание публики на этого автора и на протяжении нескольких лет тратил на его обработку те немногие часы, которые мне оставляли дела по службе. Мои предварительные исследования, рукописи нашей Библиотеки, все мои шестилетние штудии дают мне в руки средство сделать такое издание полнее, чем это может быть где-то в другом месте. И как позорно было бы для меня, если бы я, публично пообещав ученой Европе стать первым издателем, не сдержал слова. Но почему бы Льву не быть напечатанному здесь? Я принимаю это предложение, так как оно, согласно обещанию г-на Штрандмана, содержится в Вашем письме и так как оно действительно для нас всех и выгодно, и почетно. За 3000 франков г. Эберхард (у него вышли Плутархи Кораиса) выражает готовность выпустить 500 экземпляров (греческий текст с латинским переводом, словарем и предисловием). Из них экземпляров 50 я бы зарезервировал себе, чтобы распределить их здесь; остальные г. Эберхард направил бы ближайшим и надежнейшим путем г-ну Оленину, г-ну Романцову, или же тому, кто покроет расходы на печатание. Таким образом, Лев мог бы появиться как предтеча и провозвестник моего большого тома, который затем, разработанный неспеша, последовал бы через год или два. Само собой разумеется, что

²² По-видимому, имеется в виду князь Сергей Григорьевич Волконский (1788–1865), будущий декабрист, а в то время генерал-майор, офицер русского оккупационного корпуса во Франции.

²³ Поццо-ди-Борго Карл Осипович (1768–1842) — граф, участник сражений против Наполеона, в ноябре 1813 г., по предложению Александра I, составил прокламацию от имени союзных держав о низложении династии Наполеона; по прибытии в Париж Людовика XVIII был назначен на пост российского посланника при французском дворе. См. о нем: Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 14. С. 727–732.

в предисловии я бы помянул с благодарностью и прославлением Вас и того, кто бы поспособствовал изданию. Все это я написал и г. Оленину (письмо не сохранилось? — И. М.); поговорите с ним, ведь Вы наверняка знаете его. Что я Вам за Ваше дружеское участие буду сердечно благодарен, не нуждается в особых уверениях. Считайте меня тем, кто, будучи Вам полностью преданным, с радостью возьмет на себя все поручения, которые Вы захотите дать в Париже, все поиски, которые Вы пожелаете сделать в наших рукописях. Вы хотите иметь отмеченные хронологические данные у Льва и Пселла (у последнего очень немногочисленные)? Я в Вашем распоряжении, хотя и мало занимался хронологией и синхронистикой. Ведь моя работа над византийцами чисто филологическая: я хочу лишь выпустить текст по возможности столь чистым, как он вышел из рук авторов. Критическая проверка его (автора) правдолюбия, оценка вспомогательных источников и исторических данных вообще не входит в мои планы; все то, что я могу сделать, останется все же только подготовительными материалами к Вашим историческим сочинениям»²⁴.

Ответ Ф. И. Круга нам неизвестен, но зато известен результат дела: editio princeps оригинального греческого текста «Истории» Льва Диакона стало осуществляться в Париже, растянувшись на несколько лет (1814–1819), в то время как первый перевод труда на «русский язык» был «выделен в отдельное производство» (его предполагалось сразу же

²⁴ Письма Газе. С. 530–531 (№ 1). Опасаясь, что и его письмо не дошло до адресата («над нашей перепиской до сих пор довлеет какой-то злой рок»), Газе шлет еще одно письмо (от 18 октября 1814 г.), почти идентичного содержания. Подчеркнув, что для него «было бы оскорблением, более того, почти позором», если бы писатель, об издании которого он оповестил несколько лет назад и в ознакомлении с которым он сам, благодаря анонсу в «Notices», внес вклад, появился бы теперь впервые «не через меня, как я обещал», Газе все же оговаривается: «С другой стороны, мне противна сама мысль явиться неким драконом, который там, где не пахнет золотом, сидит враждебно в какой-то Βιβλιόταφφ». И далее: «Так как сочинение Льва важно для критического исследования русской первоистории (Urgeschichte) или даже только может стать полезным, то быстрое введение его в оборот — мой (как и любого другого ученого) долг <...>. Если Вам сейчас понадобится Russica Льва (ибо печатание, даже начавшись приблизительно через месяц, вряд ли закончится до февраля), то я готов все, что касается в его "Истории" русских, для Вас списать прямо на месте и Вам переслать. Шестая книга уже напечатана; девятую я несколькими неделями отослал г-ну Оленину. Все остальное — к Вашим услугам». Указан и предположительный тираж, но уже не 500, а 600 экземпляров («Вам принадлежащих; из них 50 я резервирую за собой для раздачи в редакции здешних журналов и т. д.»). (Письма Газе. С. 531–533. № 2.)

по появлении оригинала изготовить и издать в Петербурге — также на средства Н. П. Румянцева)²⁵.

Переписка Газе и Круга как раз и отражает весьма драматическую историю оригинального греческого текста «Истории» Льва Диакона²⁶. Значительная часть писем Газе содержит обильную информацию о продвигающемся с трудом печатании текста; о движении корректур (акад. Круг не только просматривал все корректуры, но и делал свои поправки к публикуемым текстам); о трудностях с их пересылкой и пересылкой писем, которые часто не доходили до адресатов. Много места в них отведено попыткам объяснить и оправдать непомерно затянувшееся издание (и это при том, что уже в первых письмах говорится о готовности издания к печати), обоснованию и расчетам требовавшихся со стороны графа финансовых субсидий (в ответ на которые тот незамедлительно выписывал чеки), описанию трагедии с гибелью во время шторма значительной части тиража (125 экземпляров из совокупности тиража, который в конечном счете был ограничен не в 600 и даже не в 500, а всего-то в 400 экземпляров²⁷) при транспортировке их по морю на бриге «Меркурий» в Петербург, бесконечным просьбам к Румянцеву и Кругу ходатайствовать о награждении его (как и его друга Рауля-Рошета) орденом св. Владимира, о других, оставшихся неосуществленными, издательских проектах Газе («Хроника» Георгия Амартола, «Хронография» Михаила Пселла, «Ис-

²⁵ Что, в конце концов, и было претворено в жизнь. Подробно об этом издании см. ниже, с. 61–71.

²⁶ В бумагах Круга хранится печатный «Prospectus» издания, в котором говорится: «<...> Par la munificence de S.E.M. le Comte de Romanzoff, Grand-Chancelier de l'Empire de Russie, et par la protection particulière du Gouvernement français, M. Hase, professeur à l'école spéciale et Royale des langues Orientales à Paris, a été mis en état d'entreprendre la publication de l'Histoire de Léon. L'impression en est déjà fort avancée. Le volume qui la contient, renfermera, outre des notes philologiques et explicatives, les ouvrages suivants également inédits: 1. Un Traité sur la Tactique composé par ordre de l'Empereur Nicéphore Phocas (Voyez Fabricii Biblioth. graec. edid. Harles. VII. 677. c.); 2. Un fragment de l'histoire de Jean d'Epiphanie, sur les guerres entre les Perses et les Romains, tiré d'un manuscrit de la Bibliothèque du Vatican (V. Notices et extraits des manuscrits, Tome VIII, 259, note 2). 3. Le texte grec de la lettre de Théodose le Grammairien sur la prise de Syracuse par les Sarrasins, publiée en latin seulement par Pirro (Sicilia sacra, Edid. III. Tom. I. 613–617) et par Ducange (Ad Zonarae annals. II. 87–93) <...> pres de 300 pages en deux colonnes, l'une contenant le texte grec, l'autre la version latine <...>. L'impression sera terminée dans le courant de l'année 1817» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 211).

²⁷ Бытующая в литературе другая цифра погибших экземпляров (150) восходит к ошибочной газетной информации (см. ниже).

тория» Никифора Григоры, труды Григория Паламы), «спонсором» которых также должен был выступить Н. П. Румянцев²⁸. Письма изобилуют красочными описаниями научной жизни Парижа тех времен, упоминаниями огромного количества весьма известных в истории имен государственных деятелей, ученых, писателей, художников, издателей, книготорговцев и т. д., многим из которых даются весьма выразительные характеристики. Разумеется, в настоящем очерке мы касаемся только тех сведений, которые относятся к изданию Льва Диакона, к тому же выбирая из них лишь самые необходимые.

«Книготорговцы, — пишет Газе 14 февраля 1815 г., — уговорили меня печатать Льва в Королевской типографии; правда, это обойдется несколько дороже, чем в какой-нибудь частной типографии, но нам нигде не найти столько же всевозможных виньеток, литер и украшений, какие применялись здесь в других изданиях серии *Corpus Byzantinae Historiae* и какие, как я надеюсь, будут использованы и для Льва. Впрочем, мы просим у Его Превосходительства Канцлера не больше 3000 франков, согласно нашей прежней договоренности. Из моего письма Вы увидите, что число экземпляров (предназначенных для Н. П. Румянцева. — *И. М.*) меньше, но я думаю, что и двухсот ему будет достаточно, ибо из них каждый здесь и в Германии можно продавать по 30 франков, и это наверняка возместит его расходы. Из двухсот, которые я прошу для себя, я несколько экземпляров раздам рецензентам, которые известят (ученый мир) о выходе труда. Я только прошу Вас позаботиться, чтобы ответ канцлера пришел как можно скорее, ибо хочу, чтобы в течение 14 дней печатание началось, и я попаду в очень затруднительное положение, если деньги, на которые мы рассчитывали, не придут»²⁹. «Через несколько дней после получения Вашего письма, — продолжает Газе письмом от 2 сентября 1815 г., — снова разразилась война, а что за этим последовало, Вам известно. Я, впрочем, времени даром не терял в деле с печатанием, и сим Вы получите два листа корректуры (*zwei Korrekturbogen*) выходящего, наконец, благодаря Вашему дружескому посредничеству, в свет Льва. Как Вы видите, он заполнит приблизительно 100 страниц = 25 листов. Я приложу еще неизданный трактат *Περὶ παραδρομῆς πολέμου* (*Ducange Glossario Graec.* в Указателе неизданных авторов, col. 30), который, будучи составлен по указу императора Никифора Фоки, отличается небольшим объемом, но содержит многое из того о тогдашнем состоянии военного дела,

²⁸ О наиболее «продвинутом» из этих малоизвестных издательских проектов Газе — проекте первого издания «Хронографии» Михаила Пселла — см. ниже, с. 72–85.

²⁹ Письма Газе. С. 533 (№ 3).

что отсутствует в Тактике императора Льва, и стало быть, может рассматриваться как *Excursus De re militari Byzantinorum tempore Leonis Diaconi*³⁰. Я думаю завершить том найденным мною фрагментом Иоанна Елифанйского (*Notices des Manuscrits VIII, 259 [1]*) и неизданной на греческом языке *Epistola Theodosii monachi De expugnatione Syracusarum*, которая упоминается в Глоссарии Дюканжа (*Index auctor., col. 62*) и частично сохранилась в нашем *Codex regius 3032*. Таким образом, с учетом моих филологических и грамматических заметок, которые еще последуют за этими, том будет содержать около 200 страниц, без предисловия, и, стало быть, будет толще, чем Агафий в *editio Regia*. Надеюсь, что Вы одобрите весь этот план; если нет, то я готов к изменениям по Вашему желанию. Примечания носят лишь критический и грамматический характер, как примечания к Тимариону в IX томе “*Notices*”; все исторические разъяснения остаются за Вами, как я в прошлом году уже имел честь писать Вам. Весь труд будет посвящен Канцлеру, и позвольте мне в предисловии, наряду с ним, публично высказать и Вам мою благодарность, ибо Бог знает, сколь долго без Вас Лев еще оставался бы неопубликованным <...>. Я теперь добиваюсь ускорения печатания в Королевской типографии, где из-за неустойчивости и часто меняющейся ситуации число сотрудников сильно уменьшилось <...>. 25 экземпляров мы получим на веленовой бумаге — для канцлера, который пустит их, вероятно, на подарки в библиотеки Российской империи. Остальные, правда, будут без ненужной роскоши, но вполне приличны, на писчей бумаге <...>. Еще раз сердечное спасибо за все, что Вы сделали для византийской истории, Льва и лично меня. Напевая Вам, как варяг, многая лета, я прошу Вас о продлении Вашей дружбы, Вашего дальнейшего посредничества у графа Романцова, о Вашем любезном руководстве в осуществлении наших предприятий и задач. Как я хотел бы однажды иметь возможность доказать Вам, что Вы приняли на работу отнюдь не неблагодарную личность»³¹.

Выразив (письмом от 23 февраля 1816 г.) признательность Кругу за сделанные после просмотра корректурных листов замечания (письмо Круга от 29 декабря 1815 г.), Газе продолжает: «Шлю Вам здесь новые и прошу также их просмотреть. Если Ваши предложения придут уже после напечатания, им все же легко можно будет найти место в приложении в конце тома. О некоторых я и сам еще нахожусь в сомнении: переводить

³⁰ Об этом военном трактате (с оценкой его издания Карлом Бенедиктом Газе и последующего перевода на русский язык Д. П. Поповым) см. в последнее время: Два византийских военных трактата конца X века. О боевом сопровождении / Издание подготовил В. В. Кучма. СПб.: Алетейя, 2002. С. 6–230.

³¹ Письма Газе. С. 534–535 (№ 4).

варκῶν словом соhоггессеге мне все же кажется немного сильно; поп dubitare — напротив, чересчур слабо, как я теперь вижу; полагаю, что Лев, который часто пользуется этим словом (20А, 49В, 54А, 70D), хотел сказать примерно то же, что Цицерон со своим поп veritus est. Αιμάτων 22С относится, вполне вероятно, к ἄνδρα. Так, ἄνδρας αἱμάτων 25В и αἱμάτων ἄνδρες 65С — это библейское выражение, которое часто встречается у отцов церкви. Все Ваши прочие предложения я принимаю и использую в переводе. Порадуйте меня поскорее новыми в отношении приложенного текста. Здесь в Париже латинская ученость полностью в упадке <...>. Что касается отправляемых Вам корректур, то они занимают 19 печатных листов (Vogen), еще несколько находятся в печати, т. е. мы имеем больше 4/5 “Истории” Льва. К нему в этом томе я намерен приложить: 2. Тактику Никифора Фоки Περί παραδρομῆς πολέμου. 3. Письмо монаха Феодосия к Льву Диакону (не нашему) Περί τῆς ἀλώσεως Συρακούσης. 4. Упомянутый мной в Notices et Extraits и извлеченный из рукописей фрагмент Иоанна Антиохийского. Мои заметки (Noten) филологического и грамматического содержания должны замкнуть том, который сейчас, правда, займет около 300 страниц и, стало быть, печатание его обойдется дороже, чем том в 120 страниц, на который сначала мы и составили нашу смету. Впрочем, здешнее министерство уже заверило меня в том, что значительное число экземпляров будет закуплено сразу же себе, благодаря чему будут полностью покрыты все возможные расходы, так как в Королевской типографии оплата производится лишь несколько месяцев спустя после окончания. Я мог бы уже сейчас прислать Вам корректурные листы предисловия и лист посвящения канцлеру; они уже почти готовы, и мои заметки — тоже, но печатание идет не столько быстро, как хотелось бы, ибо Королевская типография, как и государство, сократилась, ограничившись 40 печатными станками из 150, а из них только один занят под Льва. Я, тем не менее, гоню изо всех сил, и мне обещаю за 14 дней этого месяца выдать три новых листа»³².

Письмом к Кругу от 3 мая 1816 г. Газе сообщает: «У меня в руках последние корректурные листы Льва (№ 28, с. 109–112). Еще больше находится в печати, и я гоню изо всех сил. Со следующей оказией, которая отправится примерно дней через 10, Вы получите через посольство корректуры до конца Льва и в то же время, как я надеюсь, уже начало Тактики Никифора. Просьбу о продолжении Ваших любезных замечаний, которую я высказал в моем предыдущем письме, я повторю и здесь: при editio princeps, да еще по единственной рукописи, невозможно, что-

³² Там же. С. 535–536 (№ 5).

бы не вкрались всякого рода оплошности, и Ваши замечания, даже опоздай они к напечатанию текста, найдут свое место в моих заметках. И еще: со времени моего последнего к Вам письма, мне нанес визит г-н Тургенев, молодой офицер из генерального штаба русского наблюдательного корпуса, который размещен в Пикардии³³. Он лишь на несколько дней в Париже и послан ко мне г-ном Олениным, с тем чтобы я отправил к нему экземпляры Льва, будь он отпечатан; он хочет, по словам Тургенева, дать их для использования Карамзину. Я бы мог, пожалуй, достать ему из Королевской типографии один экземпляр, т. е. все листы текста, сколько их до сих пор оттиснуто, но, естественно, я не мог бы этого сделать без Вашего согласия, и поэтому ответил, что хотел бы то, что готово, послать Вам, а Вы уж направьте это Оленину и Карамзину. Мне кажется справедливым, чтобы эти господа более ранним сообщением были обязаны Вам. Получите, следовательно, со следующим курьером, помимо новых корректурных листов, которые я прошу Вас любезно просмотреть, еще один (может быть, уже совсем полный) экземпляр текста Льва для г-на Оленина, если Вам и рейхсканцлеру будет угодно ему его дать. Одновременно я снова напишу последнему»³⁴. Аналогично — в письме от 24 июля 1816 г.: «Том, содержащий Льва, выйдет лишь в следующем году <...>. Канцлер был весьма любезен написать мне несколькими неделями раньше и спросить меня о некоторых филологических и библиографических вопросах; к сожалению, я смог ему дать справку весьма неудовлетворительную: то, что я написал в моем ответе об идентичности слов *Sur*, *Sarat* и *Sudack*, попросите его сообщить Вам. Мне любопытно, покажутся ли Вам мои предположения убедительными»³⁵. Сейчас печатают Тактику Никифора. Как только у меня будут все

³³ Имеется в виду Тургенев Александр Иванович (1785–1848) — историк и археолог. О его помощи Н. М. Карамзину в розыске материалов для «Истории Государства Российского» см.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. С. 44.

³⁴ Письма Газе. С. 537 (№ 6).

³⁵ Речь идет как раз о тех двух письмах Румянцева и Газе, которые опубликованы (с воспроизведением фотокопий) И. Шевченко, показавшим, что Газе своими «предположениями» и ссылкой на никогда не существовавшего Максима Кателианоса лишь вводил Н. П. Румянцева в заблуждение (*Ševčenko J. The Date... P. 170–171, 180–185. Pp. 13–22*). По-видимому, именно это письмо Н. П. Румянцева (его следует датировать началом июля 1816 г.), в котором была выражена страстная просьба найти среди неизданных рукописей византийских авторов что-либо, имеющее отношение к «Истории моей Родины», и обещание щедро вознаградить за подобную услугу подвигли Газе на то, чтобы не только придумать Максима Кателианоса, но и сочинить свою знаменитую фальшивку, так называемую «Записку Готского топарха». Интересно, с какими чувствами призывал он и Круга оценить убедительность своих «предположений»? Наверное, не без опаски.

листы Льва, я Вам вышлю полный экземпляр, который Вы, может быть, предложите канцлеру для проверки. Печатаением я, несмотря на излишнюю медлительность, доволен и стараюсь сделать текст по возможности свободным от ошибок. Не забудьте сообщить мне Ваши замечания к пересланным листам; я нашел способ поместить все замечания, ранее Вами сделанные»³⁶.

Переписка возобновилась лишь через год. Сообщив в письме от 11 июля 1817 г. о получении письма Круга от 12 мая этого же года³⁷, Газе пишет: «Я в высшей степени поражен им и обеспокоен, так как два пакета, отправленные отсюда в Россию, и один от Вас к нам, кажется, потеряны или же ужасно запаздывают. Первый из направленных к Вам пакетов я сдал в (русское. — *И. М.*) посольство в ноябре прошлого года. Он содержит копию первого раздела Амартола, наряду с печатными листами Льва. Очень жаль, если он потерян. Впрочем, эту утрату можно легко восполнить, но совершенно невозможна утрата второго, предназначенного для канцлера и отправленного мною приблизительно в середине мая этого года» (следует описание содержимого, включая «полностью отпечатанный текст Льва, наряду с автором, которого я примкнул к нему, — всего 160 страниц en bonnes feuilles» и «часть моих примечаний в рукописи, в качестве пробы»). «Как уверяют господа из посольства, — продолжает Газе, — все это было послано отсюда в Maubauge, чтобы оттуда двигаться дальше с курьером, которого оккупационный корпус время от времени посылает в Петербург. Будьте любезны, поспрашивайте там у властей, может быть, пакет лежит где-то, по небрежности нижних чинов; он очень большой, с печатью нашей библиотеки, обернут в голубую бумагу» (следуют жалобы на посольского чиновника Шписа, ведавшего отправками почты: «Этот молодой человек в высшей степени нелюбезен и, пожалуй, именно он, по крайней мере частично, виновен в неприятностях с нашей перепиской»). И далее: «Сейчас печатают предпоследний лист моих примечаний к Льву, который, я полагаю, через несколько месяцев будет закончен. То, что печатание растянулось на два с лишним года, объясняется тем, что на меня теперь трудится только один-единственный работник, да и он, когда приходится много печатать для правительства, прерывает свою

³⁶ Письма Газе. С. 538 (№ 7).

³⁷ Сохранился черновик этого письма Круга, в котором он сообщает, что кроме писем Газе от 3 мая и 24 июля 1816 г. не получил от него ни строчки, хотя отправлял адресату три письма — от 9 августа и 27 июля 1816 г. и от 19 марта 1817 г.; и не может понять причины. То же самое канцлер, который уже давно тщетно ждет Льва: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 213.

работу. В дальнейшем, надеюсь, дела пойдут лучше <...>. Расходы на Льва превысят, как я предвижу, 3000 франков, так как том содержит около 350 страниц; впрочем, немалое число экземпляров забирает здешнее правительство и я легко смогу добавить недостающее в присланной мне канцлером сумме. Точный расчет Вы получите в оригинале с первым полным экземпляром Льва <...>. Будьте любезны сообщить мне имя и титул канцлера, как они могли бы выглядеть в латинской версии на титульном листе Льва: AUSPICII ILL. COMIT. NICOLAI (не так ли?) DE ROM. etc., потом его чины, EXSCRIPSIT, TRANSTULIT, EDIDIT, затем — мое имя. То же самое будет повторено в посвящении»³⁸.

«Печатание Льва, — сообщает Газе в письме к Кругу от 19 октября 1817 г., — недели три назад снова прервалось, ибо с целью закончить большой, в 24 тома в четверку, пенсионный список, который в ноябре должен быть представлен палатам, все станки Королевской типографии были заняты под это <...>. Шлю Вам в качестве образца еще два печатных листа. Согласно моему более раннему плану, я сократил все пространные исторические рассуждения (полагаю, что первый издатель греческого текста вообще не должен за это браться), приведя лишь то из ineditis в нашей Библиотеке, что могло прояснить текст, и попытавшись его (текст) критически оценить и защитить некоторые места моего перевода. Так как, благодаря моей работе, я ознакомился не только с большинством византийских историков, но и с патристикой, и нет почти ни одного значительного сочинения греческих отцов церкви с III по VII век, которое бы не было теперь у меня в памяти вплоть до последней фразы и слова (я, может быть, поступил бы лучше, запечатлев для себя нечто более разумное), я, пожалуй, мог бы написать историю большинства греческих слов, смысл которых менялся в течение столетий, начиная с гомеровских и классических времен и вплоть до римских и византийских. Поэтому в примечаниях я часто старался точнее определить неясные значения, исправлять некоторые ошибки переводчиков, а, пожалуй, и обогатить лексиконы доселе неизвестными словами. Правда, это часто приводило меня к отступлениям (см. 191.В), однако в примечаниях к последним книгам Льва они становятся реже. Кроме того, я полагал, что будет лучше всего соответствовать Вашим и канцлеровым намерениям, если я попытаюсь сделать издание полезным не только для историков, но и вообще для лексикографов и филологов. Чтобы можно было легче разобраться в этих нагромождениях, я позабочусь о точном указателе, а в особой таблице укажу издания менее известных сочинений, на которые я ссылаюсь <...>.

³⁸ Письма Газе. С. 539–540 (№ 8).

Что касается экземпляров, то я во всем последую Вашему любезному указанию. 25 отпечатанных на веленовой бумаге я хочу отправить непосредственно графу, другие 100 (или столько, сколько Вам будет угодно) по Вашему или его указанию — в Германию или Петербург. На 100 других подписалось здешнее правительство. Если оно заплатит по 40 фр. за экземпляр (посмотрите вложенный проспект), то все возможные издержки будут покрыты, и мы сохраним еще некоторый излишек, чтобы быть в состоянии начать печатание Пселла»³⁹.

«Канцлер совершенно прав, — продолжает тему Газе уже в другом письме от 4 января 1818 г., — и я пунктуально последую его распоряжению, а именно: послать ему три экземпляра на веленовой бумаге через Поццо ди Борго, а еще 22 на веленовой и 50 на обычной бумаге — судом. Остальные предназначенные для него 50 экземпляров остаются пока здесь. К сожалению, печатание в конце года снова замедлилось, так как правительство загрузило все станки бюджетом и административными бумагами; но несколько недель назад оно снова возобновилось и теперь печатается указатель, несколько расширенный мною из-за примечаний. Одобряете ли Вы план, которому я следовал при их составлении? Чтобы сделать их в какой-то степени полезными для эллинистов в целом, я иногда из многочисленных заметок, которые у меня образуются при чтении греческих авторов более ранних или более поздних времен, заимствовал некоторые в текст (*einige darinn aufgenommen*), как, например, *Ἄλοπτος* в приложенных листах 213.А. (печаталось в августе; с тех пор я имел в руках первую корректуру девяти листов). Я понимаю, что меня могут упрекнуть в отклонениях, но поскольку я сразу придал моим штудиям определенное направление и вправе надеяться, что при Вашей великодушной любезности и дальше найду такого же рода поддержку, то я, может быть, все же прав, приводя в примечаниях и разъясняя слова, неизвестные обычному филологу, но присутствующие в моей весьма верной памяти. Исторические фрагменты я тоже включил⁴⁰, хотя далеко не столь много, как Вы найдете в приложениях к Пселлу»⁴¹.

«Как я боялся, почтеннейший друг, — пишет Газе 15 августа 1818 г., — что долгое сверх всякой меры печатание нашего Льва подорвет Ваше тер-

³⁹ Первая половина письма (и цитаты) «застряла» в бумагах А. А. Куника (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. Д. 190. Л. 1–4 об.), продолжение — в архиве Круга (Там же. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 39–40). См. издание: Письма Газе. С. 542–543 (№ 10).

⁴⁰ Если в этих словах Газе содержится намек на его «Анонима», т. е. «Записку Готского топарха», то этот намек, пожалуй, единственный; возникает вопрос — почему? Боялся, что Круг разгадает его тайну?

⁴¹ Письма Газе. С. 544 (№ 11).

ление. Еще к началу этого года все должно было быть оконченным, и теперь, в августе, несмотря на мое понукание, три последних листа (два — предисловие и один — приписка) еще отсутствуют. Чтобы отвести от себя подозрение в нерадивости, я в письмо канцлеру вложу некоторые из многочисленных записок, которые я получал по этому поводу из Королевской типографии; и все же мне это дело в высшей степени опротивело. Я так хотел скорого продвижения, которое могло бы засвидетельствовать Вам и канцлеру мою признательность и продемонстрировать мою деятельность. И после того, как я месяцами, изо дня в день, откладывал написать Вам, в надежде получить возможность отправить Вам полные экземпляры, мне и сейчас еще приходится обманывать Ваше ожидание. Пожалуйста, не приписывайте мне эти задержки, которые больше всего вредят именно мне. Так как из всей книги остается напечатать лишь около 11 страниц и титульный лист, то кажется невозможным, чтобы окончание отдалялось, хотя, по правде сказать, я не отваживаюсь больше определять сроки. Текст и примечания (последние не совсем полны, так как я последние три листа смогу отпечатать лишь дней через восемь) Вы найдете в том экземпляре, который я посылаю канцлеру; конец предисловия я прилагаю к настоящему письму для Вас написанным от руки. Вы видите, что я не упускаю случая воздать должное Вашим большим заслугам перед наукой»⁴².

Однако лишь год спустя (а именно — в письме к Кругу от 28 июля 1819 г.) Газе смог, наконец, с торжеством известить: «Мы покончили со Львом, и мне уже выдали полный экземпляр на веленовой бумаге, в котором я, по здешнему обычаю, заставил раскрасить в разные цвета медные украшения (? — *in dem ich die Kupfer bunt mahlen lasse*) и который я тотчас после этого передал посольству для отсылки канцлеру <...>. Так как у нас будет лишь 25 экземпляров на веленовой бумаге, канцлер, может быть, разрешит мне выделить один из них для императора (я его потом сопровожу письмом) и при этом рассчитывать на Ваше ходатайство»⁴³. «В последних числах августа, — пишет он в письме от 9 сентяб-

⁴² Письма Газе. С. 546 (№ 13).

⁴³ Там же. С. 549–550 (№ 15). Имеется в виду ходатайство о награждении Газе русским правительством орденом св. Владимира, чего Газе долго добивался и в конце концов получил. Содержание письма повторено в письме Газе от 9 августа 1819 г. (л. 27), так как он предположил, что письмо не дошло до адресата. Но оно дошло, и 14 августа 1819 г. Круг уже смог написать графу Румянцеву: «*Mr. De Krusenstern, assis près de moi, lorsque j'écris cette lettre, m'est témoin, avec quelle joie je reçois la lettre que le postillon m'apporte dans ce moment de la part de Mr. Hase. Enfin tout est heureusement achevé, et en peu nous aurons Léon ici. Deux paquets, envoyés à mon adresse il y a quelques mois, ne me sont pas encore rendus*» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 42 об.).

ря 1819 г., — я сдал в посольство второй пакет (первый Вы, должно быть, уже давно получили). В нем содержатся: 1) Письмо к Вам⁴⁴. 2) Роскошный экземпляр Льва, с разрисованными медными украшениями — для канцлера. 3) Письмо к нему. 4) Выдержка из моего предисловия, написанная, как Вы мне советовали, по-французски. 5) Экземпляр Льва для императора. 6) Письмо к нему. 7) Счета, касающиеся печатания Льва. 8) Письмо к г-ну Келеру. 9) 4 тома “*Art de vérifier les dates*” — для Вас. Одновременно 120 экземпляров для канцлера отправлены через барона Мериана⁴⁵ в Гавр de Grâce и теперь наверняка находятся уже в море»⁴⁶.

Увы! На этом перипетии еще не закончились: 27 октября 1819 г. Газе шлет Кругу полное отчаяния письмо, в котором говорится: «Почтеннейший друг, действие злого рока, который, как кажется, преследует меня и готов лишить меня остатков духа, все еще продолжается. Несколько дней тому назад я узнал из газет (*Journal des Débats*, mercredi 20 Octobre), что судно, на котором находилось 124 (а не 150, как сказано в репортаже) экземпляра Льва, затонуло. В посольстве не дали себе труда известить меня об этом. Как только море снова откроется, я, естественно, вышлю канцлеру 100 других экземпляров, но те 24, которые на веленовой бумаге, уже не восполнить. Кажется, впрочем, что экземпляры были застрахованы (на сколько, я скоро через г-на Мериана узнаю) и, таким образом, у нас, пожалуй, еще достаточно денег на печатание Пселла. Но так как здешнее министерство настаивает на том, чтобы забрать себе 100 экземпляров (Льва), а напечатано всего 400 (причем, я уже раздал несколько в здешние журналы), то экземпляры будут большой редкостью. Не мог ли бы канцлер довольствоваться 60-тью или 80-тью, с тем, чтобы мы смогли послать еще несколько в Германию или Англию? Впрочем, я во всем с благодарностью и с радостью последую Вашему совету.

Есть и вторая неприятность: неслыханная небрежность здешнего (русского. — *И. М.*) посольства. Позавчера я получаю письмо канцлера из Гомеля в Белоруссии, в котором он утверждает, что не получил

⁴⁴ По-видимому, имеется в виду письмо Газе от 28 августа 1819 г., и поскольку оно дошло (Письма Газе. С. 551–552, № 17), то это означает, что и все содержимое «пакета», о котором идет речь, также в конце концов стало достоянием петербуржцев (см. об этом ниже).

⁴⁵ *André-Adolph de Mérian* (1772–1828) — барон, филолог, дипломат, еще молодым приехал в Петербург, трудился в канцелярии Министерства иностранных дел.

⁴⁶ Письма Газе. С. 552 (№ 18); (к сожалению, при издании письма в его дате почему-то выпала цифра «9» сентября).

посылки, которая “должна была содержать предложения Сен-Мартэна”. Я бегу с ним в посольство. Г-н Шредер не мог говорить, поэтому меня отсылают к Шпису. Я спрашиваю его о пакете, который я еще весной отдал в посольство. Он отвечает, что “уже не помнит” и оставляет меня стоять. Вообразите, как отвратительны такого рода сцены, когда я, несмотря на мягкость своего характера (ибо я никогда не позволял себе какую-либо нетерпимость) и несмотря на уважение, которым, мне кажется, я пользуюсь в Париже, должен просить у этих молодых людей и их слуг как о милости разъяснения. К счастью, моим делом занялся г-н Лавенский, смутно вспомнив, что в передней у господина Шредера лежит пакет; он ведет меня туда, и мы находим ящичек, который я около 25 августа передал туда и о котором никто с тех пор не позаботился. В нем — экземпляр на веленовой бумаге для канцлера, другой — для императора и т. д., как вы знаете теперь, пожалуй, из моего письма, отправленного в сентябре отсюда по почте. Я ужаснулся, найдя пакет еще здесь; “будьте покойны, — сказал мне Лавенский вежливо, — он уйдет как можно раньше, через месяц или два, а то и три, мы еще не знаем точно”. О предыдущем пакете ему ничего не было известно, но он вызвался провести меня повсюду с намерением поискать его, и действительно — мы нашли его, в конце концов, в соседней с канцелярией комнате. Правда, он был несколько большеват из-за 14 томов “*Art de vérfifier les dates*”, которые я в него вложил, и я помню, что уже имел по этому поводу спор с г-ном Шписом. Но все же мне должны были бы прямо сказать, что отправить не смогут, а не оставлять его валяться 7 месяцев в углу. Как объяснил мне теперь Лавенский, ни один курьер не смог взять его с собой из-за его величины, так что было решено вернуть его мне (после 7-месячной задержки); “мы, мол, сделаем из него три или четыре пакета, которые мы вышлем поочередно”. Это было 20 октября. В следующие дни, когда у меня работали над меньшими по размеру ящиками, посольство, кажется, получило от канцлера *epistolam flagitatoriam* и г-н Шредер написал мне, что я могу оставить большой пакет в прежнем виде, но зато второй надо было опломбировать. Теперь он хочет оба пакета отправить не с курьером, а с извозчиками. Так что завтра я снова отправлю ему оба ящика <...>. Так как я считал, что Вы и канцлер уже получили посылки, я начал распределять несколько экземпляров по здешним газетам, для объявлений. Некоторые из наших газет уже высказались о графе с большой похвалой. Но сейчас я приостанавливаю дальнейшее распределение, пока не узнаю, что предназначенные для Вас экземпляры уже находятся в Вашем распоряжении. Одобрение, с которым встречают здесь труд (это и с Вашей стороны должно было быть

так), несмотря на все превратности, настраивает меня на бодрую ноту, и мне радостно видеть, что ученый мир благодарен графу за его великодушные пожертвования. Вашему брату (Леопольду Кругу, проживавшему в Берлине. — И. М.) отправлен экземпляр с письмом от меня. Порадуйте меня получением от Вас доброго слова, позвольте порекомендовать Вам императорский экземпляр, оцените благожелательно, как прежде наше предприятие перед канцлером и перед другими людьми, и всего Вам доброго. Я никогда не перестану быть Вам преданным, с нежной любовью и благодарностью»⁴⁷.

Эпопея с пересылкой продолжалась, однако, и далее. Вот несколько свидетельств из писем Газе. От 3 декабря 1819 г.: «Мои письма, из которых последнее, мне кажется, датируется серединой октября, отправлено по почте, Вы, наверное, уже получили, как и оба экземпляра Льва на веленовой бумаге, один — для графа, второй — для императора. Будьте любезны, похлопочите в отношении последнего. Прочие 25 экземпляров на веленовой бумаге, как и 100 на обычной, затонули во время кораблекрушения, но они были застрахованы на 4800 фр., из каковой суммы, как полагает Мериан, деятельно и любезно занимающийся этим, 4500 фр. или около этого будут выплачены нам; 300 фр., наверное, пойдут на покрытие непредвиденных расходов. Естественно, я возмещу графу утрату, как он хочет — 60, 80, 100 или 125 экземплярами (как он и Вы пожелаете)»⁴⁸. От 30 декабря 1819 г.: «Пользуюсь отъездом г-на Тургенева, чтобы отправить с ним это письмо, в которое я вкладываю еще одно — к графу, и одну тетрадь “Леонины”, или “Леонианы”. Вы видите, что наше предприятие находит одобрение; все эти похвалы относятся, собственно говоря, на Ваш счет, ибо без Вас мой бедный Диакон, пожалуй, все еще лежал бы в своем уголке неопубликованным. От канцлера я получил письмо от 6 ноября. В нем он говорит мне об утрате 124 экземпляров следующее: *en tout cas c'est à moi seul et sans que cela vous concerne, à en supporter la perte*. 124 экземпляра были застрахованы на 4506 фр. (пожалуй, слишком мало). Если канцлер (которому я в любом случае вышлю 125 других, ибо все издание является его собственностью) хочет, чтобы я сохранил эти 4506 фр., то я могу на это согласиться лишь при том условии, что он окажет любезность — подумать о нашем издании Пселла в другом месте <...>. Сделайте все от Вас зависящее с экземплярами для императора. С большим нетерпением ожидаю я от Вас вестей, которых был лишен столь долго. Не забывайте, что

⁴⁷ Письма Газе. С. 552–554 (№ 19).

⁴⁸ Там же. С. 554 (№ 20).

Ваше удовлетворение моей работой и мной самим принадлежит к тем вещам, которые я ценю выше всего на свете. Успокойте меня поэтому дружеским словом и позвольте мне повторно высказать Вам заверения в моей благодарности, нежной любви и почтении»⁴⁹. От 30 января 1820 г.: «Как только откроется море, я отправлю по адресу канцлера 50 экземпляров Льва, на двух разных судах; разрешите, кроме того, и специально для Вас приложить еще несколько экземпляров, ибо я не простил бы себе, раздаривая здесь так много, не дать Вам, которому я ими всеми обязан, и одного-единственного»⁵⁰. И хотя тема издания Льва еще не раз будет затрагиваться в дальнейшей переписке Газе с акад. Кругом и графом Н. П. Румянцевым (ее главным содержанием, впрочем, будет судьба других издательских проектов, прежде всего издания «Хронографии» Михаила Пселла), ограничимся сказанным и приведем в качестве заключения к данному затянувшемуся очерку еще одно письмо Газе (от 23 мая 1820 г.) — на сей раз к самому графу Н. П. Румянцеву (в моем переводе с французского).

«Монсеньор! Ваша светлость своими заверениями в удовлетворении, которыми Она сооблаговолила меня почтить, добавляет немало к тем многочисленным обязательствам, которые у меня уже есть перед ней, и я могу сказать, что в атмосфере всеобщего одобрения, которым пользуется предприятие, Ее исполненные благожелательности слова — это то, что льстит мне и что больше всего меня ободряет. Как я обязан г-ну Кругу за

⁴⁹ Письма Газе. С. 554–555 (№ 21).

⁵⁰ Там же. С. 556 (№ 22). По-видимому, именно реакцией Круга на получение этих писем Газе и (главное!) на получение вышеупомянутого «пакета» с экземплярами Льва Диякона стали его два письма к графу Н. П. Румянцеву: 1) от 25 февраля 1820 г.: «Enfin voila arrivés les exemplaires de Léon si longtems (sic!) attendus. Ces deux sont les seuls, qui existent sur velin. Je réitère mes instances auprès de V.E. de faire par Mr. Tourguéneff les démarches qui peuvent réaliser le désir que Mr. Hase m'a montré depuis longtems d'être décoré de la petite croix de St. Vladimir. Dans le tems (sic!) où Mr. H. écrivait sa dernière lettre, il n'avait pas encore la mienne; c'est pourquoi il ne parle que de 50 exempl. qu'il enverra. Cela est changé, il doit envoyer cent sur trois vaisseaux différents» (Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 45); 2) от 26 февраля 1820 г.: «Monseigneur, si l'exemplaire de Léon est sur papier velin et surtout, si les gravures sont enluminées, s'est sans aucun doute celui qui a été destiné pour Votre Excellence. Pour le troisième exemplaire sur papier ordinaire, je ne doute pas que Mr. Hase ne l'ait envoyé dans l'intention que je le gardois pour moi; mais si V.E. en veut faire peut-être un autre usage quelconque [следует зачеркнутое: par exemple le donner en cadeau à quelqu'un] j'attendrai volontiers jusqu'à ce que les cent exemplaires nous viennent par mer, étant sûr, qu'alors Vous me ferez cadeau d'un autre exemplaire. Disposez en donc, Monseigneur, tout à fait selon Votre bon plaisir» (Там же. Л. 46.)

то, что он представил меня Вашей светлости! И как я рад тому направлению, которое приняли мои занятия! Этому я обязан счастьем быть известным Вам, Монсеньор, в каком-то роде присовокупить (с помощью данной серии публикаций) мое имя к бессмертию Вашего. Письмо Круга, только что мною полученное, содержит изложение взглядов Вашей светлости на те работы, которые нам еще предстоит предпринять, — взглядов, к которым я полностью присоединяюсь. Том Льва повсюду встречен с таким воодушевлением, что мы смело можем заказывать тираж томов следующих публикаций по 500 экземпляров каждый. Я даже жалею, что мы не сделали этого для Льва, которого издали только тиражом в 400 экз. 50 из этих экземпляров, подлежащих тиражированию, я тотчас отправил бы Вашей Светлости; для себя я сохранил бы 100, если Ваша Светлость не против; а остальные 350, отданных тому из книгопродавцев, который предложит бульшую цену, позволили бы покрыть часть расходов, требуемых на напечатание следующего тома <...>. 100 экземпляров Льва, предназначенные для Петербурга, уже упакованы и первая посылка (50 экз.) ушла уже три недели назад, как Ваша Светлость увидит из приложенной квитанции. Остальные 50 будут высланы через несколько дней⁵¹, также стараниями барона Мериана, который также был под большим впечатлением от выраженных в Вашем письме чувств удовлетворения. <...> Я не

⁵¹ И с этим не обошлось без недоразумений: если первый ящик с 50 экземплярами действительно дошел до назначения, то второй затерялся. Так, 11 ноября 1820 г. Круг пишет Румянцеву: «J'avois mandé à V.E. d'avoir enfin reçu la caisse avec les exemplaires grecs de Léon, attendus si longtems, et d'avoir demandé à Mr. De Fock la permission d'en pouvoir ôter le plomb <...>. Mais quel mon étonnement, lorsque j'ouvrais la caisse et la trouvois pleine non d'exempaires de Léon, mais livres qui appartiennent à je ne sais qui? C'est un nouveau contretemps. Il est vrai qu'on me dit aujourd'hui, que deux vaisseaux venus de Rouen, sont entrés dans la port de Reval, et que notre caisse peut se trouver sur un de ces vaisseaux: mais c'est toujours incertain et d'autant plus facheux que je les croyais déjà avoir dans mes mains. Il est encore heuraux que je n'ai distribué sur ce nombre qu'un seul exemplaire, celui que le Compte de Bray a envoyé à l'Académie de Munnich. Pour l'exemplair pour notre Académie, je le prendrai de M. Hipping» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 62). То же самое Круг написал и Газе в письме от 30 декабря 1820 г., с добавлением: «Bald darauf besuchte mich Campenhausen, und erzählte mir, er habe Nachricht, dass mehrere Bücher Kiste, die H. v. Merian für ihn besorgt, in Kronstadt seien und vielleicht befinde sich die Meinige darunter, doch auch in dieser Hoffnung bin ich getäuscht worden. Ich bitte Sie nun dringend, genau Nachforschung anzustellen, was aus Ihrer Sendung geworden ist. Wahrscheinlich befindet sie sich noch in Frankreich, gewiss sehr wider Wunsch und Wollen des H. v. Merian, der so gütig war, für die Absendung zu sorgen» (Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 233). «Непонятной неявкой второго ящика, — отвечает ему Газе пись-

могу завершить мое письмо, Монсеньор, не засвидетельствовав Вам снова мою благодарность за Ваши лестные для меня слова о моих работах. Вы изволите сказать, что издание Льва — это услуга, оказанная Вам. Напротив, это Вы, Монсеньор, Вашей щедростью и Вашим великодушием оказали величайшую услугу науке, возведя вместе с тем вечный памятник славе древних героев Вашей родины. Если я имел счастье добиться одобрения ученой Европы, то гораздо меньше я обязан этим моему жгучему желанию завершить порученный мне Вами труд достойным Вас образом; это влиянию Вашего имени мы обязаны всем успехом нашего предприятия, как мы обязаны были Вашей щедрости, чтобы иметь средства начать его»⁵².

Приложения

I. «Записка: кому разосланы экземпляры Льва Диякона на греческом и латинском языке через Ф. Ив. Круга»

[Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 133. Л. 5-6 об.]

а) Френу, Сухтелену, гр. Турну, Вилхену, Добровскому, в Эдинбург, Минхенской (sic!) Академии, Петербургской Академии наук, Кёлеру; 10 и 11 — самому г-ну Кругу.

в) Разосланы через Нестеровича: 12. Тургеневу; 13 и 14 — в Москву для Е. Пр-ва Малиновского и для Архивной библиотеки; 15. Его Пр-ву Сперанскому.

с) Разосланы через Гр. Дан. Богацкого: 16. Его Преосв-ву Митрополиту С.-Петербургскому; 17 и 18. Его Преосв-ву Митрополиту Московскому; 19. Его Преосв-ву Архиеп. Псковскому Евгению.

д) Разосланы через Анд. Давыд. Гиппинга: 20. В Абовский ун-т; 21 и 22. Вашему Сият-ву в Гомель⁵³.

мом от 15 февраля 1821 г., — я напуган и частично сам навел всевозможные справки, частично попросил г-на Мериана сделать то же самое. От него я узнал, что торговый дом Gontard отправил ящик по адресу графа Романцова, а не Краузе, как я сообщал. Так что ящик, вероятно, прибыл в Петербург, на таможеню, и там лежит, тем более что граф отсутствует. Иначе, по мнению Мериана, задержка непонятна. Будьте любезны, справьтесь на таможене, нет ли там чего-нибудь для графа, и известите меня поскорее. Здесь ничего не залежалось; в Руане, по всей вероятности, тоже. Но если ящика в Петербурге нет, то он там, в Руане; я его наверняка разыщу, как только смогу отправиться туда сам. Для этого понадобится 24 часа» (Письма Газе. С. 556–567, № 32). В конце концов дело, по-видимому, завершилось успешно.

⁵² Письма Газе. С. 559 (№ 25).

⁵³ В Библиотеке С.-Петербургского Института истории РАН наличествует экземпляр парижского издания «Истории» Льва Диякона, принадлежавший са-

е) Разосланы через Званцева: 23. В Константинополь к Бутеневу.

ф) Кому еще разослать сей книги следует по назначению Вашего Сиятельства: 1 экз. в ун-т С.-Петербургский; 1 в ун-т Московский; 1 в ун-т Виленский; 1 в ун-т Харьковский; 1 в ун-т Казанский.

г) В чужие края в ученые общества: 1 экз. в Гетинеское (sic!); 1 — Готенбургское; 1 — в Академию Берлинскую; в Библиотеки Королевские: 1 экз. — в библиотеку Оксфордскую; 1 — в б-ку Лейденскую; 1 — в б-ку Копенгагенскую; 1 — Стокгольмскую.

Господам: 1 экз. — Мюрею; 1 — Лезли; 1 — Мюнтер; 1 — Эйштет (sic! Имеется в виду: Н. К. А. Eichstaedt); 1 — Бетигер (sic!). Да еще: 1 экз. — Крузенштерну; 1 — Аделунгу; 1 — Грефу (sic!); 1 — Попову; 1 — Гавеншильду; 1 — Карамзину; 1 — Уварову.

II. Письмо И. Ф. Крузенштерна к Джону Мюррею от 20 сентября 1820 г. с извещением о высылке ему экземпляра Льва Диакона.

[Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 88. Оп. 2. Д. 41. Л. 22].

S. Petersburg

the 20 Sept. 1820.

Sir!

Count Romanzoff has requested me to send you a copy of the History of Leo Diaconus, which has at his expense been translated et printed at Paris. This work has a chance of becoming a very scarce one, since only 400 copies have been printed, out of which 125 were lost last year in a ship from France to Russia. Count Romanzoff had the intention of adding for your library a work printed at his expense at Moscow, containing the only collection of state papers that exists till now in Russia, but as this important work is not completed jet (the 3d. Vol. is under the press in large folio), he wishes to wait for its perfect termination ere he sends it to you.

I have the honner to be Sir with much respect Your most obedient servant.

Krusenstern.

To John Murray Esquire

Albemarly Street.

мому Н. П. Румянцеву, о чем говорит его собственноручная дарственная запись: «Государственный Канцлеръ, виновникъ издания Льва Диаконова (sic!), сочинение, сей экземпляръ посвятилъ Библиотеке Зоя Павловича Зосимы, питая к нему особое почтение, яко к любителю общаго Блага и именно народного просвещения. Графъ Николай Румянцевъ, Гомель. 22 октября 1820 года». Есть еще помета на листе контртитула: «Θ. Успен(ский) 20 дек. 1900 г. К-поль». Экземпляр, таким образом, побывал в Библиотеке Русского археологического института в Константинополе.

III. Свидетельства о награждении русским правительством (в лице императора Александра I) К.-Б. Газе орденом св. Владимира за издание «Истории» Льва Диакона.

1) Письмо (копия) статс-секретаря графа И. А. Каподистрии к Н. П. Румянцеву от 13 марта 1820 г. [*Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 57*].

Copie d'une lettre de Monsieur le Comte Capo d'Istria au chancelier de l'Empire du 13 Mars 1820.

«En mettant sous les yeux de l'Empereur la lettre de Mr Hase, je me suis fait un devoir de solliciter en sa faveur la croix de St. Wladimir de la 4ème classe. Rentré à l'instant de chez Sa Majesté, je m'empresse de vous communiquer, Monsieur le Comte, que l'Empereur à daigné accorder à ce scavant cette marque de destination, et qu'en la lui conferant, Il a eu autant en vue le mérite personnel de Mr Hase que ses voeux exprimés par Votre Excellence. Dès que l'Oukase aura été signé en forme je ne tarderai pas vous faire parvenir la décoration de l'ordre afin que Mr Hase l'obtienne des mains de celui qui lui a offert les moyens de mériter l'attention bienveillante de Notre Auguste Maître.

J'ai l'honneur d'être avec une haute considération...» (sic !).

2) Записка графа Н. П. Румянцева к акад. Ф. И. Кругу от 23 марта 1820 г. о том же [*Там же. Л. 55*].

J'éprouve, Monsieur, beaucoup de satisfaction de vous communiquer la lettre que je viens de recevoir de la part du Cte Capo d'Istria. Renvoyez-la moi, je vous prie, par le porteur et ne parlez point de son contenu, puisque l'Edit n'est point signé encore. Agréez, Monsieur, les assurances de mon attachement. Le 13. Mars. 1820.

3) Записка графа Н. П. Румянцева к акад. Ф. И. Кругу от 25 марта 1820 г. о том же [*Там же. Л. 61*].

Le Cte Capo d'Istria m'a envoyé, Monsieur, le paquet qui contient l'ordre de St. Wladimir pour Mr Hase et la copie de la lettre que Sa Majesté écrit à ce scavant. Tout cela me donne une joye complete et je suis sûr que vous la partagez.

Ne voulez vous pas m'envoyer une lettre pour Mr Hase? J'ai occasion sûre de la lui faire parvenir.

Je me fais fête de vous recevoir landy prochain et de vous montrer la copie de la lettre de l'Empereur. Elle est faite pour satisfaire Mr Hase et vous connoissez le vif intérêt que je prends à lui.

«РУССКИЙ ЛЕВ ДИАКОН»: К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА*

Осуществленный известным петербургским филологом-эллинистом Дмитрием Прокопьевичем Поповым (1780–1864)¹ чуть ли не «на другой день» (в 1820 г.) после первой полной публикации греческого оригинала, русский перевод византийского историка мыслился его инициаторами — а ими были опять же государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев и государственный секретарь, первый директор Императорской Публичной библиотеки Алексей Николаевич Оленин — как неотъемлемая составная часть французско-русского научного проекта по первому изданию «Истории» Льва Диакона².

Инициатива в подыскании кандидатуры на роль переводчика принадлежит А. Н. Оленину. Во всяком случае, много лет спустя, а именно — 9 января 1837 г. он пишет Д. И. Языкову о том, что «предложил в 1820 г. библиотекарю Императорской Публичной библиотеки, бывшему экстраординарным профессором греческого и латинского языков при Санкт-Петербургском университете, г. статскому советнику Попову, перевести с греческого языка историю Льва Диакона Калойского (современника

* В более полном виде опубликовано: Автѳоров: К 75-летию акад. РАН Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 86–98.

¹ См. о нем: *Вахтина П. Л.* Попов Дмитрий Прокопьевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. I.: Императорская Публичная библиотека (1795–1917). СПб., 1995. С. 420–422.

² Именно поэтому уместно привести полные выходные данные обоих изданий в одной сноске: Leonis Diaconi Caloensis Historia, scriptoresque alli ad res Byzantinas pertinentes, e Bibliotheca Regia nunc primum in lucem edidit, versione Latina et notis illustravit Carolus Benedictus Hase. Parisiis, E Typographia Regia, 1819; История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз с рукописей Корол. Парижской библиотеки и объясненные примечаниями Карлом Бенедиктом Газе, Профессором новейших восточных языков в особенном Корол. училище, Агентом по части греческих и латинских рукописей в вышеозначенной Библиотеке, членом Берлинской Академии наук и проч., ордена св. Владимира 4. ст. Кавалером. Переведенные с греческого на российский язык Д. Поповым. В Санкт-Петербурге, печатано при Императорской Академии наук, 1820.

нашего великого князя Святослава Игоревича и свидетеля военных его действий), изданную в 1819 году на греческом и латинском языках знаменитым библиотекарем Парижской Королевской библиотеки г. Газем (sic!) на иждивение покойного государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, любителя наук и художеств, столь много услуг оказавшего — в пользу отечественной нашей науки!»³. Память, правда, немного изменила Оленину: во-первых, тогда Д. П. Попов еще не был экстраординарным профессором университета (назначен им 27 июня 1824 г.), а занимал в ИПБ должность помощника библиотекаря, и, во-вторых, контракт на выполнение работы Д. П. Попов заключил еще до выхода в свет парижского издания Льва, в 1818 г.

Составленный на немецком языке и датированный 22 декабря 1818 г. договор хранится сейчас в бумагах Ф. И. Круга⁴, откуда он нами и перепечатывается:

Im Auftrag Sr. Erlaucht des Herrn Reichskanzlers, Grafen Rumänzoff ist zwischen mir, dem Akademiker Krug, einerseits und dem Professor — Adjunkt Popoff, andererseits, die Uebereinkunft getroffen worden, dass ich letzterem für die genaue Russische Uebersetzung des Leo Diaconus, wie solcher von Haase (sic!) edirt ist, samt einer Auswahl der von uns besprochenen Noten, 500. Rubl. B. H. (?) sage fünf Hundert Rubel B.A. zu zahlen mich schuldig hatte.

St.Petersburg 22 Dez. 1818. Ph. Krug

A. Professor D. Popoff

В деле хранится и расписка в получении Д. П. Поповым 500 рублей, причем двумя частями: первые 250 рублей получены им 30 апреля 1819 г., а оставшиеся 250 рублей — 13 декабря 1819 г.⁵ Думается, что и перевод «Истории» Льва Диакона на русский язык к тому времени был выполнен — по тем корректурным листам, которые, как мы уже знаем по его письму от 3 мая 1816 г.⁶, К. Б. Газе присылал Кругу, обеспечив тем самым «фронт работ» для Д. П. Попова. Тем не менее к марту 1820 г. «русский Лев Диакон» существовал еще в рукописи, которая находилась, по всей вероятности, у графа Н. П. Румянцева. Об этом свидетельствует письмо Круга к графу от 6 марта 1820 г., в котором, между

³ ОР РНБ. Ф. 542. Д. 155. Л. 6.

⁴ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 15. Впрочем, в черновике одного из писем Круга (от 27 апреля 1819 г.) говорится о том, что сумма, которую полагалось выплатить двумя этапами за выполненную работу Д. П. Попову, устанавливалась в 700 рублей (Там же. Д. 138. Л. 38).

⁶ См. выше.

прочим, говорится (в моем переводе с французского): «Если Ваше Сиятельство хочет, чтобы я спросил у фактора Академической типографии, сколько будет стоить in 4° 600 экземпляров Льва на русском языке, то соблаговолите прислать мне рукопись с тем, чтобы я смог показать ее ему в следующий понедельник»⁷. 8 марта 1820 г. «фактор при Имп. Академической типографии Иван Вельдбрехт» предъявляет счет, согласно которому каждый из 40 листов книги (в четвертую долю листа, тиражом 600 экземпляров) «обойдется в 42 рубля»⁸, а уже в письме Круга к Румянцеву от 14 октября 1820 г. речь идет о распределении тиража. Вот его текст (в моем переводе с французского): «Монсеньор! Я получил 590 экземпляров русского перевода Льва Диакона, из которых три я прилагаю к письму, в ожидании распоряжений Вашей Светлости относительно всего издания. На мой взгляд, было бы целесообразно (сделав, на Ваше усмотрение, подарки) поручить одному или двум книготорговцам продать некоторое число, скажем, около 200; таким образом, цель, которую Ваша Светлость преследовала, обогащая русскую литературу этим трудом, была бы достигнута. Следовало бы им предоставить обычную 20-процентную прибыль и установить для них цену, по которой они должны его продавать, с тем чтобы они не могли отягощать покупателей и тем самым затруднять сбыт. Доход мог бы быть использован на какое-нибудь аналогичное предприятие. Из денег, отпущенных мне Вашей Светлостью на напечатание этого труда, осталось еще почти 300 рублей, которыми Вы можете располагать. Г-н Попов нижайше просит Вас (*Vous prie très humblement*) соблаговолить сделать ему подарок в виде пяти или десяти экземпляров, с тем чтобы он мог их представить своему начальству и друзьям»⁹.

О рассылке экземпляров идет речь и в письме Круга к Румянцеву от 11 ноября 1820 г.: «Из (тиража) перевода Льва я послал г-ну Буссе в Варшаву 3 экземпляра — для него, для Линде и Каковицкому (*Kakovieski*); дал из него также г-ну Попову, который за это приносит нижайшую благодарность (*qui en fait ses très humbles remerciemens*); 7 зарезервировал для подарков; 10 дал Мишину, с тем чтобы он их отправил Вам в Гомель; остается 20 для Вашей библиотеки, куда я откладываю также подарки университетам и гимназиям; однако останется еще больше, чем книготорговцы смогут купить. Я пригласил г-на Нестеровича к себе, чтобы поговорить с ним о продаже оставшегося от издания,

⁷ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 50 об.

⁸ Там же. Д. 133. Л. 14. Ср. также счет, составленный на немецком языке и датированный 3 октября 1820 г. (Там же. Л. 3.: «фактор» — *Johann Weldbrecht*).

⁹ Там же. Д. 138. Л. 61.

каковую Вы ему поручили, но он еще не явился»¹⁰. О том же — в письме Круга Румянцеву от 13 января 1821 г.: «Ваша Светлость еще не ответила мне на вопрос относительно 40 экземпляров русского перевода Льва, которые находятся еще у меня, а также относительно использования 300 (примерно) рублей, оставшихся от суммы, отпущенной на этот труд <...>. Обязанный нашей Академией и ее Президентом — засвидетельствовать Вашей Светлости их уважение и нижайшую благодарностью за презент, который Ваша Светлость сооблаговолила им сделать в виде экземпляра Льва Диакона, — я с удовольствием выполняю здесь как это поручение, так и поручение графа Турна, письмо которого я присовокупляю»¹¹.

Что касается самого переводчика, то, получив по «нижайшему прошению» несколько экземпляров своего перевода, Д. П. Попов первым делом преподнес экземпляр своему начальнику по Императорской Публичной библиотеке А. Н. Оленину (хранится в архиве последнего)¹², получив в ответ весьма развернутое и содержательное письмо (цитируется по черновику, без датировки): «Экземпляр перевода Вашего “Истории” Льва Диакона, которым Вы меня почтили, доставил мне много удовольствия. Вы порадовали меня книгою, которую давно желательно было видеть на русском языке, и вместе с тем вы подали мне новый способ заняться самым приятнейшим для меня делом, а именно: археологическими исследованиями, и в особенности о древней России. Наконец, она же открыла мне средство употребить в пользу давно мною заготовленное приложение к собранию разных сведений о великом (следует зачеркнутое: русском. — И. М.) князе Святославе Игоревиче. Победенный Вашим трудом, я решился приложить к нему и собственный мой труд, сколько мне позволит малый досуг и весьма слабое мое знание греческого языка. Работу мою расположил я под названием “Примечания на некоторые места в Истории Льва Диакона”. К ним я старался присоединить ясные доказательства моим заключениям посредством выписок и ссылок на других писателей, а более еще

¹⁰ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 61. Л. 62–62 об. Об упомянутых как в этом письме, так и в других, лицах см. «Указатель имен» в кн.: Козлов В. П. 1) Колумбы российских древностей. М., 1985; 2) Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999. Что касается И. И. Нестеровича, доверенного лица графа Румянцева, то ему поручалась и рассылка полученных экземпляров парижского издания Льва Диакона (см.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 133. Л. 5–6 об.).

¹¹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 64–64 об.

¹² ОР РНБ. Ф. 542. Д. 66. Судя по тому, что среди бумаг А. Н. Оленина встречаются отрывки рукописи перевода Д. П. Попова (Там же. Д. 65), последний снабжал своего патрона материалами уже по ходу работы над переводом.

того, верными изображениями памятников искусства тех самых времен, относящихся к предметам моих примечаний; для этого я рассудил поместить, между семи последними, приготовленные мною еще в 1813 году три гравированные доски. На них изображен Святослав, по описанию Льва Диакона, и найденные в Днепровских порогах (уповательно в том месте, где Святослав был убит печенегами) церковный старинный греческий сосуд, наполненный монетами императора Никифора Фоки и Иоанна Цимиския, с изломанным медным ключом. Памятники, современные Святославу, изображены на тех досках с самою тщательною точностью <...>¹³.

Действительно, в личном архиве А. Н. Оленина до сих пор хранится рукопись указанной в письме работы, причем даже в двух вариантах — в первоначальном, с заглавием «Археологические и технические примечания к Истории Льва Диакона»¹⁴, и в переработанном и дополненном (автограф А. Н. Оленина), датируемом 1821 г., с заглавием «Примечания к Истории Льва Диакона, перебеленные и исправленные»¹⁵. Разумеется, и этот неопубликованный труд высокопоставленного «ученого дилетанта» (А. Н. Оленина частенько обвиняли в научном верхоглядстве)¹⁶ наверное заслуживает того, чтобы его изучить и оценить, если не публиковать.

К сожалению, нам нечего сказать о достоинствах или недостатках перевода Д. П. Попова. По не очень-то авторитетному мнению того же А. Н. Оленина (сам он, если верить О. Д. Голубевой, «приступил к его изучению, когда ему было за сорок»¹⁷, т. е. где-то в начале XIX в.), «г-н Попов выполнил сие поручение, надлежащим, по мнению моему, обра-

¹³ Там же. Д. 24. Л. 28–39.

¹⁴ Там же. Д. 25. Л. 23–115. В деле также немало всякого рода выписок, справок и рисунков к «Примечаниям» А. Н. Оленина, в частности письмо Д. П. Попова к Оленину от 8 июля 1835 г., которым он препровождает свой рукописный перевод с греческого «Из Витона», с описанием военных машин. «Не могу не признаться, — говорится в нем, — что перевод весьма во многих местах бестолков, потому что и греческий текст таков же. Эти заброшенные греческие писатели требуют еще многотрудного критического исправления и пополнения» (Там же. Л. 143–143 об.).

¹⁵ Там же. Д. 29 (141 с.). Отметим также наличие в личном архиве А. Н. Оленина составленного им предметного указателя к русскому переводу Льва Диакона: Там же. Д. 30 (65 листов).

¹⁶ Голубева О. Д. А. Н. Оленин. СПб., 1997. С. 143.

¹⁷ Там же. С. 142. Во всяком случае, уже в 1814 г. А. Н. Оленин самостоятельно перевел и прокомментировал те фрагменты «Истории» Льва Диакона, которые имели отношение к Святославу и были опубликованы Карлом Бенедиктом Газе в его «предварительной заметке». См.: Оленин А. Н. Облик или портрет великого князя Святослава Игоревича, писанный современником его, византийским историком Львом Диаконем, по словам очевидца. СПб.: Типогра-

зом. Он не заботился о красоте и гладкости слога, но держался буквального смысла подлинника, писанного во время упадка греческой словесности»¹⁸. Больше доверия вызывает отзыв акад. А. А. Куника, считавшего перевод «излишне вольным»¹⁹.

Во всяком случае, авторам нового русского перевода не помешало бы высказаться более определенно в этом отношении, тем более что, как я успел заметить, перевод Д. П. Попова ими использован довольно основательно²⁰. Ясно, что филолог-классик Попов испытывал трудности при переводе византийских текстов, особенно в условиях спешки. Позднее, приняв участие в «византийском» проекте Российской академии (подготовка издания корпуса византийских историков в русском переводе) и даже заключив с ней контракт в 1837 г. с обязательством «перевести с греческого на российский язык» целый ряд византийских авторов (Константина Багрянородного, Агафия, Георгия Пахимера, Михаила Глику), Д. П. Попов включил в это число и Льва Диакона²¹, —

фия Ф. Дрехслера, 1814 («Сей любопытный отрывок, относящийся к древней Российской Истории, — отмечает А. Н. Оленин, — был уже напечатан в II номере «Сына Отечества» на 1814 год. Но как перевод с Греческого был слишком скоро сделан, и в нем замечены некоторые недостатки против буквального смысла подлинника, то ныне, пересмотрев оный с помощью любителей словесности, знающих Греческий язык, а именно — гг. Грефе и Уварова, я спешу вновь издать сей отрывок, в особых от Журнала листках». — Там же. С. 1).

¹⁸ОРРНБ. Ф. 542. Д. 155. Л. 6 (письмо к Д. И. Языкову от 9 января 1837 г.). В другом своем письме — к Д. П. Попову, писанном в 1820 г. (черновик, без начала) А. Н. Оленин позволяет себе даже исправлять переводчика (ссылки на печатный вариант). Так, слова *πρὸς τὴν αὐτοκράτορα δυναστείαν* (Кн. II гл. 5), переведенные Поповым как «к его Императорскому Величеству» (С. 15) Оленин рекомендует переводить «К самодержавной власти или Величеству»; знаменитое *κρίον* (Кн. II, гл. 7), переведенное Поповым как «баран» (С. 16), следует, согласно Оленину, переводить как «таран» (авторы нового русского перевода, кстати, оставили поповское «баран»); слова *τὸν ἵππον κεντρίσας* (Кн. II гл. 7), неудобоваримо переведенные Поповым «кольнув коня» (С. 17), А. Н. Оленин вполне обоснованно переводит «пришпорив коня» (так же у авторов нового перевода); и т. д. (Там же. Д. 24. Л. 1–27 об.).

¹⁹Куник А. А. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // ЖМНП. 1850. № 1. С. 9.

²⁰См.: Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко. Ст. М. Я. Сюзюмова. Комм. М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1988 (в предисловии отмечено, что перевод Д. П. Попова, «исполненный ошибок и неточностей, не только безнадежно устарел — он давно стал поистине библиографической редкостью», с. 5).

²¹Файнштейн М. Ш. Из истории отечественной византистики: забытый проект Российской академии // Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 527.

с намерением, как пояснил он в письме к Д. И. Языкову от 18 июля 1841 г., «снова его пересмотреть и, где можно, исправить»²², но затянувшаяся работа по переводу Обрядника византийского двора Константина Багрянородного, а затем и ликвидация самого проекта не позволили реализовать это намерение: в перечне византийских авторов, перевод которых был «окончен и представлен в Академию», а также тех, перевод которых «еще не был кончен»²³, Лев Диакон не значится.

В заключение считаю целесообразным опубликовать целиком ранее цитированные материалы, вышедшие из-под пера А. Н. Оленина.

1. Письмо А. Н. Оленина к Д. И. Языкову от 9 января 1837 г. по поводу основанного А. С. Шишковым, возглавившим Российскую академию с 1813 по 1841 г., «византийского проекта» (ОР РНБ. Ф. 542. Д. 155. Л. 6–7 об.: черновик; Л. 8–9 об.: чистовая копия; Л. 10–11 об.: еще одна копия, не полная):

9-го Генваря 1837 года

Его Прев-ву Д. И. Языкову

Милостивый Государь

Дмитрий Иванович

Я весьма охотно согласился с предложением почтенного нашего Президента Его Высокопревосходительства Александра Семеновича Шишкова о переводе на русской (sic!) язык византийских авторов вполне! Сему полезному и, по мнению моему, — необходимому предприятию, к усовершенствованию отечественной нашей истории, я имел счастье (sic!) положить первый, смею сказать, опыт; предложив в 1820-м году Библиотекаря Императорской Публичной Библиотеки, бывшему экстраординарному профессору греческого и латынского языков при С.-Петербургском университете, г. статскому советнику Попову перевести с греческого языка историю Льва Диакона Калойского (современника нашего великого князя Святослава Игоревича и свидетеля военных его действий), изданную в 1819 году на греческом и латинском языках знаменитым библиотекарем Парижской Королевской библиотеки г. Газем на иждивение покойного государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, любителя наук и художеств, столь много услуг оказавшего — в пользу отечественной нашей истории! Г-н Попов выполнил сие поручение надлежащим, по мнению моему, образом. Он не заботился о красоте и гладкости слога, но держался буквального смысла подлинника, писанного во время упадка греческой словесности.

²² Там же. С. 530.

²³ Там же. С. 532–534.

В этом виде я бы желал, чтобы и прочие византийские писатели были переведены и напечатаны, буде можно, с греческим текстом. К сим *ria desideria* я присовокупляю еще одно, состоящее в том, чтоб знающие греческий древней (*sic!*) язык, которым важное дело перевода на руской (*sic!*) язык византийских авторов будет поручено, изучились бы предварительно не токмо греческому византийскому наречию, чтоб ясно сколько можно понимать византийских писателей. Г-н Газе тем начал, но тут (*sic!*) не избегнул недоумений. Он в одном месте Льва Диякона принял военное звание человека (*πυρφόρος* — огненосец, носящего заженный светоч перед войском) за именование особого рода судов, снабженных греческим огнем!

Я здесь осмеливаюсь повторить, что без знания греческого византийского и нынешнего наречия нет возможности верно переводить многие сочинения византийских авторов, как, например, тактики Арриана, Маврикия и Льва Премудрого, об управлении Империи греческой, Константина Порфирогенета, его же сочинение о чиноположении двора византийского, где между прочим находится наше руское (*sic!*) речение “шишак”, которое византийцами и нами в старину писалось “чичак”, по греческому произношению *τζίτζακια* — слово пропущенное даже знаменитым и неутомимым Дюканжем, который между тем не пропустил словено-русского речения “сваха”, по византийскому *τζουβαχα*. Но я слишком далеко увлекся от настоящего моего предмета подробностями и потому спешаю заключить мое к вам писание не токмо подтверждением моего согласия на предложение почтенного нашего г. Президента, но и усерднейшею просьбою — начать это благое дело как можно поспешнее! Если услуги г. Попова могут быть приняты, то я уверен, что он часть сего труда охотно на себя возьмет.

Кончив с византийцами, я должен еще молвить слово о других авторах Западной Европы, как-то: о греке Прокопиие, о готфе Иорнанде (*sic!*), о Лиутпранде и о многих других. Переводы их сочинений, как равно и побасенок исландских, могут быть весьма полезны для русской истории, особенно если переводы сии будут печататься вместе с подлинными текстами и с надлежащими к тому азбучными указателями дел, имен и речений, содержащихся в тех сочинениях, — по примеру издания классиков *ad usum Delphini*. — *Seberi index vocabulorum in Homeri etc. Etc. etc.* или подобно ключу к Истории Государства Российского Карамзина, трудов г. Строева. Жаль, что он выписал одни только имена, не указывая ни на дела или происшествия, ни на старинные русские речения!

Несколько лет тому назад я сделал небольшой опыт по сему предмету и составил указатели имен, лиц, земель, морей, озеров (*sic!*), рек, городов, происшествий и проч., о которых упоминается в русских летописях

Нестора и Никона, а также в новгородских временниках. К сим предметам я присоединил в моем указателе многие обветшалые слова в словенно-русском языке, коих настоящий смысл затруднителен и не может иначе объясниться, как по соображению разных обстоятельств, в которых сии слова употреблены. Я намерен пожертвовать сим трудом в пользу Императорской Российской академии, буде г. Президенту оной и моим сочленам благоугодно будет пожертвование мое принять для напечатания онаго в помощь занимающихся (sic!) чтением наших летописей.

Если Ваше Превосходительство найдете полезным письмо это сообщить гг. членам сей Академии в одно из ее заседаний, то не угодно ли будет о том предварительно доложить г-ну Президенту.

Имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностью Вашего Превосходительства

Алексей Оленин.

II. Предисловие А. Н. Оленина к его неизданному сочинению «Примечания к Истории Льва Диакона» (ОР РНБ. Ф. 542. Д. 29. Л. 4–8 об.)

Вступление

Неустанным попечением²⁴ Государственного канцлера графа Н. П. Румянцева в пользу отечественной нашей истории изданы и еще издаются в свет, собственным иждивением Его Сиятельства, новые и любопытнейшие сведения касательно древней России, в том числе²⁵ Византийская История Льва Диакона, столь для нас любопытная как творение совершенного писателя нашему Великому Князю Святославу Игоревичу. В сем сочинении между прочим находится подробное описание знаменитой войны сего бесстрашного русского князя и витязя с императором Иоанном Цимийским. Драгоценная для нас по сей причине История Льва Диакона издана была в Париже г-м Газе, пособием²⁶ графа Н. П. Румянцева. Ныне она уже здесь появилась в переводе на русский язык, равным образом попечением Его Сиятельства. Граф сию работу поручил²⁷ здешнего С.-Петербургского университета адъюнкт-профессору греческой словесности г-ну Попову. Я с большим удовольствием прочел сей весьма близкий перевод к подлиннику (sic!). Преложитель для точности старался в нем сохранить даже всю плод-

²⁴ Следует зачеркнутое: Его Сиятельства Господина...

²⁵ Следует зачеркнутое: в недавнем времени издана была и...

²⁶ Следует зачеркнутое: Его же Сиятельства...

²⁷ Следует зачеркнутое: сей труд исполнить...

витость и кудрявость тогдашнего византийского слога, что, по мнению моему, весьма с его стороны похвально.

Перечитывая полезный труд г-на Попова, изданный по недостатку времени без всяких замечаний, я просматривал притом и самый подлинник. При сей поверке мне показалось, что многие места во Льве Диаконе достойны прилежного²⁸ исследования; что сравнение сличенного им с тем, что о таковых предметах говорено в других византийских сочинениях²⁹, а равным образом³⁰ и в некоторых и европейских³¹ писателях, откроет новые и верные доводы по части археологии и техники тех³² времен. Но в особенности я желал исследовать некоторые установления, обычаи или обряды византийских греков, чтоб сравнить их с таковыми же бывшими тогда в употреблении у славяно-россов³³, о коих Лев Диакон отчасти упоминает. Я полагал, что сие исследование может послужить к лучшему познанию степени просвещения и образованности современных тогда греков и русских, — следственно покажет и причины преимущества первых над последними. В войне — искусством и урядством в ратном деле; а в мире — познаниями и просвещением, оставшимися у византийцев от древних еще греков. На сем основании я поспешил положить на бумагу некоторые примечания мои по сим приметам и решился представить оные ученому совету, в том самом виде, в каком недостаток мой³⁴ во многих нужных к тому познаниях и недосуг по службе позволили мне оные изложить. Повод к столь смелой с моей стороны решимости основан на искреннем желании возбудить истинно ученых людей к дальнейшим основательнейшим изысканиям. Ζηλοῖ δὲ τὸ γείτονα γείτων, εἰς ἄφρονον πλεῦδον³⁵: “Ревнует и сосед соседу, к богатству стремясь”, — говорит Изид³⁶.

Хотя я далеко не сосед ученым людям, однакож мой пример может их поощрить к тому, чего я желаю; по сей причине я положил издать сии примечания в том самом виде, в каком я смог и успел их написать. Следственно я здесь скажу благосклонному читателю те самые слова, которыми обыкновенно писатели средних веков заключали свои сочи-

²⁸ Следует зачеркнутое: разговора и сравнения самого текста с некоторыми...

²⁹ Следует зачеркнутое: писанными около того времени...

³⁰ Следует зачеркнутое: и с другими таковыми...

³¹ В рукописи: европейских.

³² Следует зачеркнутое: несколько отдаленных от нас.

³³ Следует зачеркнутое: с ними довольно долго воевавших...

³⁴ Следует зачеркнутое: в глубоких...

³⁵ Следует зачеркнутое: Amulatur enim vicinus, Ad divitias contententem...

³⁶ Hesiod. Oper. et dies. V. 23 (прим. А. Н. Оленина).

нения: “Оже ся где буду описал или переписал, или недописал, чтите исправливая бога дъя, а не кляните”³⁷.

Примечания мои будут касаться до следующих предметов: 1) О морской византийской силе; 2) О морской русской силе; 3) О греческом огне; 4) О сухопутном византийском войске; 5) О сухопутном русском войске; 6) О некоторых византийских обычаях; 7) О некоторых особенных греческих выражениях; 8) О некоторых русских обычаях; 9) О Великом Князе Святославе Игоревиче; 10) О смерти Игоревой; 11) О миссянах или болгарах; 12) О некоторых обычаях у агарян, или аравитян; 13) О некоторых обычаях пацинаков или печенегов; 14) О императоре Иоанне Цимискии; 15) О местоположении Переяславля Задунайского.

Вот все, что мне собственно показалось любопытнейшего к исследованию во Льве Диаконе. Определяя здесь число сих предметов, я однакож не обязуюсь выполнить весь круг предположенной мною работы³⁸, но буду писать по сему порядку, сколько мои способы и свободное время мне то позволят. Если же я найду препятствие по сим двум причинам в дальнейших исследованиях которого-либо из сих предметов, то, минуя его, я безостановочно перейду к другому. Вот мои условия с благосклонными читателями³⁹. Сверх того, я прошу их вооружить себя великим терпением при чтении моих примечаний. Я от оных с большею справедливостью могу сказать то, что почтенному во всех отношениях г-ну Кругу угодно было заключить о некотором из многотрудных и полезных его творений: “Мое сочинение, — говорит он, — по существу своему не могло быть иначе, как самое полемическое (спорное) и сверх того весьма микрологическое (мелочное), мелкословное⁴⁰. Засим следуют мои примечания».

³⁷ Окончание Несторовой летописи или его продолжателей по Лаврентьевскому списку. Сия рукопись принадлежит ныне Императорской Публичной библиотеке (прим. А. Н. Оленина).

³⁸ Так, в сущности, и произошло: лишь три первых пункта начертанной Олениным программы получили освещение в его труде, о котором подробно в ст.: *Медведев И. П. Алексей Николаевич Оленин как византинист // Русская история и историческая мысль в XIX-XX вв.: сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали* (в печати).

³⁹ Следует зачеркнутое: если таковые найдутся...

⁴⁰ *Meine Schrift konnte folglich, ihrer Natur noch nicht anders, als durchaus polemisch, und noch dazu höchst mikrologisch sein (Phil. Krug. Kristischer Versuch zur Aufklärung der byzantin[en]ischen Chronologie. St.-Petersburg. 1810. In. 8°. Pag. VII)* (прим. А. Н. Оленина).

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «ХРОНОГРАФИИ» МИХАИЛА ПСЕЛЛА*

Из неосуществленных издательских проектов Карла Бенедикта Газе («Хроника» Георгия Амартола, письма и «Хронография» Михаила Пселла, «История» Никифора Григоры, сочинения Григория Паламы), «спонсором» которых также должен был выступить Н. П. Румянцев и о которых мы также узнаем из обширной переписки Газе с академиком Филиппом Ивановичем Кругом, наиболее «продвинутым» был проект первого издания «Хронографии» Михаила Пселла, причем по той же парижской греческой рукописи XII в., на базе которой им было осуществлено editio princeps «Истории» Льва Диакона (Paris. gr. 1712 — codex unicus как для Льва Диакона, так и для «Хронографии» Михаила Пселла)¹. Уже в самых первых двух письмах Газе (от 24 сентября и 18 октября 1814 г.), предметом которых, в сущности, был ответ на запрос относительно предложения издать Льва Диакона, упоминается и «Хронография» Пселла как составная часть подготавливаемого дополнительного тома к луврской серии *Corpus Byzantinae Historiae* (Газе, впрочем, кратко обозначает ее как *Byzantina*)². Сообщив, что над этим томом он работает уже шесть лет, и высказав сожаление, что работа затянулась из-за частых перерывов, к которым его вынуждает служба в Национальной библиотеке («мне, в частности, пришлось изучать и описывать все поступившие в библиотеку со времен революции греческие и латинские рукописи»), Газе извещает, что эта отвлекавшая его от «главного занятия» и потребовавшая много времени «обуза» закончилась («за несколько месяцев до вступления союзников в Париж») и что он возобновил работу над томом, который должен был включить следующие *inedita*: 1) Лев Диа-

* Опубликовано: ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 183–191.

¹ Как известно, именно по этой рукописи «Хронография» Пселла и публиковалась позднее. Критическое издание см.: *Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établi et traduit par E. Renaud.* P., 1926–1928. Т. 1–2.

² См. об этом издании: *Karayannopoulos I. E.* Πηγαὶ τῆς βυζαντινῆς ἱστορίας. Βό εκδ. Θεσσαλονίκη, 1971. Σ. 57.

кон; 2) «Хронография» Пселла; 3) его же письма («поскольку они исторического содержания»); 4) несколько книг из «Римской истории» Никифора Григоры («они у нас не все изданы»); 5) Анонимы; причем «из них готов к печати Лев и почти готова Хронография Пселла»³. Но поскольку в первую очередь речь шла о напечатании Льва Диакона, то было предположено, что Пселл и все прочее из планировавшегося тома будут опубликованы позднее, «приблизительно в следующем году».

Работа, однако, растянулась на годы. Обсуждая в письме от 23 февраля 1816 г. предложенные Кругом варианты перевода на латинский язык некоторых слов и выражений из Льва Диакона («Здесь в Париже латинская ученость полностью в упадке; за исключением Буассонада и Висконти, во всем институте нет ни одного лица, которое было бы в состоянии написать какую-либо латинскую книгу, да даже одну страницу, без грубых ошибок, так что мне здесь совершенно не к кому обратиться за дружеским советом, и поэтому Ваш мне вдвойне ценен»), Газе констатирует: «К счастью, Лев легок (для перевода на латынь. — *И. М.*), Амартол — еще более; но Пселл полон аллюзий из неоплатоников, аристотеликов и менее известных поэтов, так что я иногда при переводе становлюсь в тупик»⁴.

Судя по всему, инициатором включения Пселла в число субсидируемых Н. П. Румянцевым изданий был Ф. И. Круг, хотя черновика письма с подобным предложением среди его бумаг мы не находим. Зато Газе в письме от 11 июля 1817 г., сообщая о том, что Лев Диакон через несколько месяцев будет закончен («то, что печатание растянулось на более чем два года, объясняется тем, что на меня теперь (в Королевской типографии. — *И. М.*) трудится один-единственный человек, да и он, когда приходится много печатать для правительства, прерывает свою работу; в дальнейшем, надеюсь, дело пойдет лучше»), говорит как о деле уже решенном, что сможет тогда определенно составить смету расходов на печатание Пселла. «Расходы на Льва, — продолжает он, — превысят, как я предвижу, 3000 франков (именно такая сумма была выделена Румянцевым на издание Льва Диакона. — *И. М.*), так как том содержит около 350 страниц; впрочем, поскольку немалое число экземпляров забирает (с оплатой. — *И. М.*) здешнее правительство, то я лег-

³ В отношении писем Пселла Газе отмечает: «Psellus Briefe habe ich diesen Sommer in Schweisse meines Angesichtes in Ciceronianisches Latein zu zwingen gesucht». См.: *Медведев И. П.* Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга // Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004. С. 532 (далее цитируются в сокращении — «Письма Газе»).

⁴ Письма Газе. С. 536 (№ 5).

ко смогу компенсировать то, что будет недоставать в присланной мне канцлером сумме. Точный расчет Вы получите в оригинале с первым полным экземпляром Льва и одновременную смету того, сколько может стоить печатание Пселла. После него я думаю издать Амартола, если, конечно, я найду со стороны канцлера столь же щедрую поддержку; в примечания я пытаюсь, по примеру Бандури, всунуть как можно больше *inedita historica* из наших рукописей»⁵. В ответном письме (черновик) от 31 августа 1817 г. Ф. И. Круг лишь просит уточнить стоимость напечатания Пселла и сообщить, должен ли он снова просить у графа 3 тысячи франков или больше, «с тем, чтобы предоставить их в Ваше распоряжение»⁶.

В письме от 19 октября 1817 г. Газе еще раз пишет о том, что если французское правительство оплатит по 40 фр. за экземпляр Льва Диакона (из тех 100, на которые оно подписалось), то все издержки будут полностью покрыты и даже создастся некоторый излишек, который позволит начать печатание Пселла. «Я также, — пишет он, — лишь по получении счета за напечатание Льва и отправления его Вам с надлежащими расписками смогу совершенно определенно составить смету на печатание Пселла. Я все же думаю, что если у нас не исчезнет с министерским векселем надежда на здешнюю подписку, то 3000 фр. будет, пожалуй, достаточно; текст Пселла ненамного больше, чем текст Льва и Никифора вместе взятых. И будьте любезны сказать мне (когда у Вас будет весь Лев), отвечает ли то расширение, которое я придал примечаниям, Вашему и канцлера мнению, ибо естественно, что краткость или полнота примечаний к Пселлу будет влиять на стоимость его печатания»⁷. А в письме от 4 января 1818 г. Газе пишет о желательности того, чтобы к концу марта или началу апреля канцлер прислал 6000 франков, «которые он столь любезно предложил мне». «Так как печатание Льва, — продолжает он, — определенно подходит к концу, то я бы внес потом всю сумму Королевской типографии под расписку и одновременно попросил бы для меня письменное удостоверение, что через 18 месяцев печатание (“Хронографии” Пселла. — И. М.) будет

⁵ Письма Газе. С. 539–540 (№ 8). Не здесь ли и кроется «мотив преступления» Газе, сотворившего, как доказал И. Шевченко, для своих примечаний к изданию Льва Диакона пресловутую «Записку Готского топарха»? См. об этом: *Ševčenko I. The Date and Author of the So-called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 115–188. Pl. 1–28.* В данном издании (Р. 174–175, not. 173) в самом общем виде упоминается и «пселловский» проект К. Б. Газе.

⁶ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 214.

⁷ Письма Газе. С. 543 (№ 10).

завершено. Если там увидят наличные деньги и, следовательно, будут полностью покрыты все затраты, то я не сомневаюсь, что (в типографии) снизойдут до этого»⁸.

Письмом от 10 апреля 1819 г. Газе снова извещал Круга: «Мой Пселл с разнообразными историческими и географическими заметками, которые я собрал в примечаниях, уже давно целиком готов к печати»⁹, а 28 августа 1819 г., сообщив о получении тиража Льва Диакона и об отправке в Петербург 124 экземпляров, с письмом к канцлеру и счетом с квитанциями, он добавляет: «Из них Вы увидите, что печатание обошлось дороже (6898 фр.), чем мы предполагали, в частности, из-за примечаний, и я, таким образом, изъясил некую часть из денег, предназначенных для Пселла <...>. Для Пселла у нас еще есть 4102 фр., из которых 2000 лежат у Эберхарта, королевского типографа из Коллеж де Франс <...>. Пожалуйста, постарайтесь побудить канцлера, чтобы он выслал нам по крайней мере еще 2000 фр., а если можно, то 4000; ибо я вижу на основании сравнения моих рукописей, что Пселл будет помощнее, чем Лев, даже если я буду более краток в примечаниях; он, стало быть, может стоить, согласно сейчас произведенному расчету, 7–8 тыс. фр., из которых у нас здесь есть только 4100. Мне неизвестно, получим ли мы подписку для Пселла от здешнего министерства, с которым я уже немного поссорился из-за Льва. Я предоставляю дело Вам. Деньги за Пселла надобно будет уплатить Королевской типографии только после окончания печатания, так что у нас до этого срока еще полтора или два года, чтобы быть уверенными в этом. Нужно только, конечно, чтобы это было точно определено, иначе Королевская типография возьмется за меня по окончании печатания Пселла и заставит возмес-

⁸ Там же. С. 544 (№ 11).

⁹ Здесь же Газе сообщает сведения еще об одном своем неизвестном и несущественном проекте — первом издании знаменитой «Морейской хроники». «Для моего урожая колосев и стеблей из латинских ineditis, — пишет он, — я снова нуждаюсь в добром совете. Так как работа Королевской типографии продвигается столь медленно, не могли бы мы этот том нашего корпуса напечатать где-нибудь в другом месте, скажем, у Эберхарта или Дидо? В основу я мог бы положить “*Libri due de bellis Hierosolymitanis, versibus politicis graecobarbaris*”, которые содержатся в нашем Cod. Regius graecus N 2898 (Catalog. Bibl. Reg. II. 567 с) и в которых есть много сведений о расчленении Восточноримской империи латинянами, а кое-что и о Трапезундской империи, о генуэзцах и их судоходстве в Черном море. Эта своего рода стихотворная хроника, которую я списал и перевел и которую хотел издать уже Дюканж, могла бы стать главным произведением данного тома, а все мои Inedita по истории Восточной Европы, Руси и прибрежных стран Понта, с XIII в. до падения Константинополя, могли бы найти место в примечаниях» (Письма Газе. С. 548) (№ 14).

тить недостающее <...>. Далее — скажите мне совершенно откровенно Ваше мнение о форме моей работы. Должен ли я сделать более краткими примечания к Пселлу или приблизительно в том же соотношении (что и при издании «Истории» Льва Диакона. — И. М.)? Вы, почтеннейший друг, из тех немногих, мнение которых для меня и компетентно, и в высшей степени важно»¹⁰.

9 сентября 1819 г. Газе извещает Круга о том, что «из Пселла сейчас напечатано 4 листа», которые он обещает прислать «при следующей большой посылке»¹¹; то же — в письме от 27 октября 1819 г.; в нем, кстати, Газе ставит в известность о катастрофе с судном, на котором были отправлены в Петербург 124 (а не 150, «как сказано в репортаже», — уточняет он¹²) экземпляров «Истории» Льва Диакона, «кажется, впрочем, что экземпляры были застрахованы <...> и, таким образом, у нас, пожалуй, достаточно денег на печатание Пселла»¹³. В письме Газе от 3 декабря 1819 г. речь идет уже о 125 экземплярах «Истории» Льва Диакона (25 на веленовой бумаге и 100 на обычной), затонувших во время кораблекрушения, «но они, — говорит он, — были застрахованы на 4800 фр., из каковой суммы <...> все же 4500 фр. или около этого будет выплачено; 300 фр., наверное, пойдут на покрытие непредвиденных расходов <...>. Будьте любезны сказать мне, что я должен делать с 4500 фр., если они поступят»¹⁴. «Если канцлер, — пишет Газе 30 декабря 1819 г., — которому я в любом случае вышлю 125 других экземпляров, ибо все издание является его собственностью, хочет, чтобы я сохранил эти 4506 фр., то я могу это сделать лишь при условии, что он окажет любезность — подумать о нашем издании Пселла в другом месте. Ибо из ныне, несомненно, уже дошедших счетов Вы увидите, что издержки на печатание Льва составляют 6898 фр. Но в целом у нас теперь, считая 2000 фр. от здешнего министерства, лишь 10 тысяч франков. Стоимость печатания Пселла, который значительно толще, чем Лев, может, пожалуй, доходить до 8 или 9 тысяч франков, и я, таким образом, могу действительно принять, с позволения канцлера, страховочные деньги только в том случае, если Вы полагаете, что он к 4102 фр., которые лежат в Типографии, добавит еще недостающее, чтобы сумма в 8/9 тысяч франков была целиком. Передайте все это, почтенный друг, как Вам будет

¹⁰ Письма Газе. С. 551 (№ 17).

¹¹ Там же. С. 552 (№ 18).

¹² Репортаж о затонувшем судне «Меркурий» был опубликован в: *Journal des Débats, mercredi. 20 Octobre 1819.*

¹³ Письма Газе. С. 553 (№ 19).

¹⁴ Там же. С. 554 (№ 20).

угодно, а я полностью буду следовать Вашим намерениям, Вашему чутью и Вашему совету»¹⁵.

В письме от 30 января 1820 г. к Кругу Газе, однако, предлагает иное применение страховочным деньгам. «Если канцлер желает, — пишет он, — чтобы я сохранил страховочные деньги за утраченные экземпляры (4506 фр.), то я использую их на напечатание Лаврентия Лида, сочинение которого “De ostensis et prodigiis” содержится в одной здешней рукописи, которую Шуазель Гуффье привез из Константинополя и которая после его смерти была приобретена нашей библиотекой <...>. Сочинение “De ostensis” я с трудом прочитал по рукописи, в этой части разорванной и плохо выделанной; оно давно уже готово к печати, но пример Льва Диакона показывает Вам, что работы такого рода здесь могут долго лежать без внимания, и я не вижу никакой другой возможности выпустить ее в свет иначе, чем на том пути, о котором я говорю»¹⁶. Для меня это будет желанный повод показать мое знакомство также с более высокой и классической литературой; так как сочинение небольшого объема, и все, даже мои примечания, уже подготовлено (единственное, на что потребуется время, это на просмотр корректур), то издание моего основного предмета занятий также ни в малейшей степени не будет убыточным»¹⁷.

Самому Румянцеву (в письме от 23 февраля 1820 г., которое также «застряло» среди его писем к Кругу) Газе, сообщив о своем намерении выслать Его светлости 100 экземпляров «Истории» Льва Диакона («как только откроется море»), пообещал, между прочим, приложить к посылке и первые напечатанные листы Пселла¹⁸, а 24 февраля того же года в письме к Кругу Газе снова скрупулезно подсчитывает свои, полученные из Петербурга, деньги и завершает их следующим пассажем: «Таковы мои денежные дела, причем, я надеюсь, почтеннейший друг, они целиком отвечают и Вашим намерениям. Все, что об этом написано в моем последнем письме, теперь урегулировано и определено. Благодаря Вам я нашел средства отправить в набор мои “Prodigia Lydi”, ибо для этого я хочу употребить те 4000 франков, которые составляет цена 100 экземпляров (“Истории” Льва Диакона, отправленных в Петербург. —

¹⁵ Там же. С. 555 (№ 21).

¹⁶ Издание «De ostensis» появилось в 1823 г. Рукопись, о которой идет речь и которую в 1784 г. действительно привез из Константинополя граф Marie Gabriel Florent Auguste de Choiseul-Gouffier (1752–1817), — это нынешний cod. Paris. suppl. gr. 257.

¹⁷ Письма Газе. С. 556 (№ 22).

¹⁸ Там же. С. 557 (№ 23).

И. М.), — и в предисловии точно так же должно быть упомянуто о Васе и о канцлере. Но будьте любезны обеспечить, по возможности, и печатание Пселла, стоимость которого наверняка будет доходить до 8, а может быть, и до 9 тысяч, в то время как в Типографии лежат лишь 4102 фр.; при нынешних, чреватых грозами временах мы не можем рассчитывать на то, чтобы получить поддержку от здешнего министерства, которое не на жизнь, а на смерть сражается с демагогическими и олигархическими партиями. Но если печатание будет завершено, то Королевская типография потребует от меня уплаты недостающего, то есть, может быть, 5000 фр. Между тем печатание Пселла продвигается вперед, правда, сейчас несколько медленнее, но так как заседание и перебранка палат идет к концу, я уверен, что два станка должны будут работать для меня одного»¹⁹.

Еще в одном письме к Румянцеву (от 23 мая 1820 г.), также застрявшем среди его писем к Кругу, Газе пишет: «Том Льва повсюду встречен с таким воодушевлением, что мы можем смело заказывать тираж следующих томов (и прежде всего, конечно, Пселла. — И. М.) по 500 экземпляров каждый. Я даже жалею, что мы не сделали этого для Льва, которого издали только тиражом в 400 экземпляров. 50 из этих экземпляров, подлежащих тиражированию, я тотчас бы отправил Вашей светлости; для себя я бы сохранил 100, если Ваша Светлость не против; остальные 350, отданные тому из книготорговцев, который предложит самую большую цену, позволили бы покрыть часть расходов, требуемых на напечатание следующего издания. Том Пселла будет более объемным, чем Льва, и издержки печатания могут подняться до 8–9 тыс. фр. Тем не менее поскольку у нас уже есть 4102 фр. (лежат в Королевской типографии), то достаточно, чтобы Ваша Светлость соблаговолила в течение этого лета приготовить 5000 франков и переслать их сюда нам. Я их передам в кассу Королевской типографии — где уже находятся 4102 фр.; и я не сомневаюсь, что наши печатники удвоят тогда рвение и активность»²⁰. «В письме к графу, — пишет Газе Кругу в тот же день, 23 мая 1820 г., — которое идет по почте одновременно с этим, я прошу его, по Вашему совету — о 5000 франков, благодаря которым печатание Пселла полностью обеспечено и независит от непредвиденных обстоятельств. Для стихотворной (Морейской. — И. М.) хроники мы, как я полагаю, еще ничего не можем от него просить, так как печатание Пселла идет очень медленно. Конечно, приходится опасаться смерти графа через несколько лет или внезап-

¹⁹ Письма Газе. С. 558 (№ 24).

²⁰ Там же. С. 559 (№ 25).

ного упадка его духовных сил, когда бы все приостановилось (какое предвидение! — *И. М.*). И хотя невозможно даже намекать ему на такие опасения, все же, — не мог ли бы он, скажем, в следующем году отложить у Вас хотя бы 6000 фр. для стихотворной хроники и гравюры с картой для того же издания? Ибо хотя это издание из-за гравюры с картой будет стоить гораздо дороже, чем какое-либо из более ранних, все же и Типографическая касса, о которой говорит канцлер, наверняка уже появится от продажи Пселла и будет в состоянии покрыть значительную часть расходов. Затем я с радостью соглашаюсь с предложением графа о том, чтобы из 500 экземпляров (Пселла. — *И. М.*) он получил 50, я — 100, а остальные 350 должны быть отданы тому из книготорговцев, который предложит большую цену»²¹.

Письмом к Кругу от 4 августа 1820 г. Газе извещает: «Наконец вчера я получил письмо канцлера от 20 июня из Москвы, и в нем чек на 5000 франков, которых нам еще не хватало, чтобы полностью покрыть печатание Пселла. Сегодня утром я ответил ему по почте. Так что, благодаря Вашей любезности и Вашему ходатайству, и это дело полностью урегулировано <...>. Первая книга Пселла некоторое время назад уже была отпечатана; корректуры я пошлю Вам при первой okazji»²². Пись-

²¹ Там же. С. 560 (№ 26). Вот что написал Н. П. Румянцеву по этому поводу акад. Круг в письме от 15 июня 1820 г. (цитируется по черновику, см.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 54–54 об.): «Monseigneur! J'ai reçu il y a 8 jours une lettre de Mr Hase du 23 Mai n.st., dans laquelle il me mande, que les premiers 50 exemplaires de Léon Diacre ont été envoyés le 28 Avril par la maison Gontard à la maison Krause ici; mais avant hier le vaisseau qui doit les apporter n'était pas encore arrivé à Kronstadt, et hier le premier commis de Mr Krause n'avait point encore reçu de connaissance. Quoique je ne doute pas, que l'arrivée de ce navire doit maintenant être très-proche, il ne sera pas pourtant possible, d'envoyer à Votre Excellence six exemplaires à Moscou, comme Vous aviez prescrit; car j'attends Votre retour vers la fin de ce mois ou au commencement du Juillet. Mr Hase me mand en même tems, qu'il Vous a adressé une lettre, dans laquelle il Vous prie d'assigner la somme de 4 à 5000 francs pour le Psellus, de laquelle il tiendra compte. Il est très satisfait de l'arrangement que je lui ai proposé pour l'avenir, savoir que des éditions (fortes de 500 exemplaires) de Psellus, Hamartolus, ainsi que de son volume avec les cartes, V.E. se reserve 50 exemplaires, qu'Elle lui accorde 100, et que le reste de 350 doit être vendu au plus offrant des libraries, pour nourrir une caisse typographique, afin de couvrir une partie de dépenses nécessaires. Il me prie seulement de tâcher, s'il est possible, la permission de V.E. pour que 20 exemplaires de chaque ouvrage fussent distribués aux différentes rédactions des principaux journaux littéraires en France et en Allemagne, de sorte, qu'il ne seroit vendu que 330 exemplaires de chacun; et je vous prie, Monseigneur, de m'autoriser à accorder cette demande, qui me semble être raisonnable».

²² Письма Газе. С. 562 (№ 28).

мом от 15 августа он ставит Круга в известность, что «5000 фр. на Пселла прибыли», и добавляет: «Я снова хочу воспользоваться Вашей любезностью, — на этот раз для моего *Lydus*. Печатание его уже началось и будет стоить примерно 3000 фр. Но я не хочу и не могу хотеть, чтобы канцлер и эти расходы полностью взял на себя, тем более что он, собственно говоря, не санкционировал это издание. Состояние нашей кассы таково (следуют долгие подсчеты, в результате которых остается сумма в 1349 фр. — *И. М.*). Их, конечно, недостаточно для напечатания *Лида*, но остальное я могу легко добавить и сам. Будьте любезны, скажите, как мне, по Вашему, представить дело канцлеру, должен ли я ему писать об этом сам, или же послать Вам вышеупомянутый счет на французском языке. Все, что и как Вы решите, я одобряю без всяких условий <...>. Со следующим, более крупным пакетом Вы получите и пробные оттиски (*Aushängebogen*) Пселла <...>. Сам я, пользуясь каникулами, еду в сентябре в Милан, чтобы сличить и списать из рукописей Амброзианской библиотеки меньшие по объему и письма Пселла»²³.

Информацию о печатании Пселла мы находим также в следующих письмах Газе к Кругу:

от 5 ноября 1820 г. (о получении из банка 5000 фр., «которые полностью покрывают печатание Пселла» и о внесении их в Королевскую типографию²⁴; «Пселл медленно продвигается вперед»²⁵);

от 14 ноября 1820 г. (отправляет через посольство первые листы Пселла, «теперь уже почти год как принято к печати, но я все еще нуждаюсь в корректурах, пока не получу, наконец, *une série de bonnes feuilles*, с тем чтобы сразу же их послать Вам»²⁶);

от 15 февраля 1821 г. («Печатание Пселла так хорошо Вами обеспечено, что я не знаю, как мне выразить Вам мою признательность. Считайте поэтому, что среди многих, кому Вы сделали одолжение и кому Вы дороги, нет никого более преданного Вам, чем я <...>. Со следующим, более крупным пакетом Вы получите *bonnes feuilles* Пселла до с. 54: так много уже теперь оттиснуто»²⁷);

от 7 мая 1821 г. («Из-за небольшого недоразумения в организации издания печатание Пселла снова прервалось на какое-то время. Когда мы его начинали, Руссо²⁸ считал, что данное ему от *Garde des Sceaux* на

²³ Там же. С. 563–564 (№ 29).

²⁴ Там же. С. 564 (№ 30).

²⁵ Там же. С. 565 (№ 30).

²⁶ Там же. С. 566 (№ 31).

²⁷ Там же. С. 566–567 (№ 32).

²⁸ По-видимому, типографский сотрудник.

мое прошение разрешение печатать продолжение византийской истории будет действительно не только для Льва, но и для всех последующих томов. Однако недавно директор Королевской типографии Аниссон дю Перрон из-за чего-то поссорился с *Garde des Sceaux*, и трусливый Руссо теперь считает, что я должен испрашивать на каждый том особое разрешение, чтобы Королевская типография была всегда в нормальных отношениях с *Garde des Sceaux*. Поэтому несколько дней назад я написал прошение и разрешение будет получено»²⁹);

от 28 июля 1821 г. («Приостановка печатания Пселла, о которой я писал Вам, сейчас прекращена, и близкое завершение заседания палаты позволяет надеяться, что мы можем не бояться дальнейшего перерыва»³⁰);

от 20 октября 1821 г. («Я эти каникулы провел в Генуе <...>. Путешествие в Геную было быстрым и кратким. Так как еще есть время для того, чтобы приложить “последнюю руку” к примечаниям к Пселлу, я захотел попытать счастья: не найдутся ли в архивах древнего вольного города какие-нибудь византийские документы. В начале сентября я проехал через Лион в Марсель, погрузился на корабль и после трехдневного плавания прибыл в Геную. К сожалению, древние архивы со времен объединения были доставлены в Турин, а я из прошлого опыта знаю, как трудно там пробиться к тому, что находится под непосредственным контролем правительства. Так что я удовольствовался тем, что порылся в прочих, оставшихся там, собраниях, запас которых, особенно рукописей, незначителен. Я все же списал кое-что, кое-что сличил из того, что Вы увидите в примечаниях к Пселлу, печатание которого этой зимой, я думаю, быстро пойдет вперед»³¹);

от 16 апреля 1822 г. (обещает прислать в пакете с другими материалами также кое-что из напечатанных в последнее время листов Пселла, «печатание которого, к сожалению, идет очень медленно»³²);

от 19 августа 1822 г. («Только что, почтеннейший друг, я получил Ваше любезное письмо от 4 июля сего года, с письмом канцлера, и с ужасом вижу из него огромные лакуны в нашей переписке. Со времени моего письма от 20 октября я писал в Петербург трижды <...>, причем во второй раз — по морю, в мае, также к Вам mit *Aushängebogen des Psellus* <...>. Какое несчастье, что печатание Пселла идет так медленно»³³);

²⁹ Письма Газе. С. 569 (№ 34).

³⁰ Там же. С. 570 (№ 35).

³¹ Там же. С. 571–572 (№ 36).

³² Там же. С. 573 (№ 37).

³³ Там же. С. 574–575 (№ 38).

от 26 октября 1822 г. («Очень печально, что наше печатание Пселла идет столь медленно и теперь снова прервется, так как приближается начало заседаний палаты. По крайней мере, чем дольше будет продолжаться печатание, тем содержательнее будут, я надеюсь, мои примечания к неизданным вещам и к не лишенным значения фрагментам всякого рода»³⁴);

от 20 января 1823 г. («Как я и предвидел, печатание Пселла снова застопорилось. Я написал канцлеру об этом и использую задержку, чтобы по возможности обогатить с помощью Inedita мои примечания»³⁵);

от 10 мая 1823 г. («Печатание Пселла, наверное, через несколько недель снова возобновится <...>. Я использую долгую задержку, чтобы разобрать и обогатить примечания к Пселлу; они будут гораздо богаче по historicis и ineditis, чем примечания к Льву, конечно, в какой-то степени за счет филологических комментариев, ибо всегда приходится учитывать объем. Последние, хотя, может быть, и не бесполезны, в основе своей суть не что иное как ἐκδροαὶ πολύφωνοι, как говорят греки, und Abschweifungen in's Blaue»³⁶);

от 12 ноября 1823 г. («От Пселла, печатание которого — именно текст — теперь все же довольно сильно продвинулось, я буду иметь честь прислать Вам переплетенный экземпляр, как ранее от Льва»³⁷);

от 24 февраля 1825 г.: («Спешу, почтеннейший друг, использовать представившуюся мне оказию, чтобы дать Вам отчет <...> о постепенном, хотя, к сожалению, весьма медленном продвижении нашего издания Пселла. Вы вряд ли можете себе представить, со сколь многими затычками, которые даже меня лишают присутствия духа, нам прихо-

³⁴ Письма Газе. С. 576 (№ 39).

³⁵ Там же. С. 577 (№ 40).

³⁶ Там же. С. 578 (№ 41).

³⁷ В этом же письме упомянуто об издании Лида: «Далее — я прилагаю мою книгу прорисовок (mein Augurienbuch), о которой шла речь ранее и изданием которой я занимался этим летом. К сожалению, поскольку книга печаталась полностью на мои деньги, я располагаю столь малым количеством экземпляров, что у меня нет ни одного ни для канцлера, ни для Академии. Но Вам, высококочтимый друг, прежде всего надлежит иметь знак моей искренней преданности и верной любви. Впрочем, сам по себе опус не очень значителен, но древняя рукопись была в столь безнадежном состоянии, что вызывала опасение, что лет через 100 она превратится в гниль. Поэтому мне захотелось спасти сочинение, которое все же заполняет небольшую лауну; и, при многих дополнениях, мне очень пригодился бесславный навык в неаттическом греческом, который мне позволили выработать византийцы, отцы церкви и полуэллинские новогреки; с чистым аттиком я бы не отважился обходиться столь дерзко». Как тут снова не вспомнить о «Записке Готского топарха»!

дится сражаться. Сейчас, правда, значительная часть текста напечатана, и я льстил себя надеждой — еще прошлой поздней осенью дать в руки себе, Вам и канцлеру его *bonnes feuilles* в полном и сброшюрованном виде; но с тех пор мы снова скатились в проклятые заседания палат, а при недостаточной оснащенности Королевской типографии, которой никто не может помочь, “*labeurs*” (филологические работы) снова уступили место этим “*travaux*” (французским изданиям) <...>. Вы, наверное, уже получили мою так называемую книгу ведьм — “*De Ostentis*” Лида»³⁸).

И наконец, последнее известие о неудачнике Пселле — в последнем же письме Газе к акад. Кругу от 6 августа 1826 г. (графа Н. П. Румянцева уже не было в живых): «А как страстно мне хотелось, чтобы покойный канцлер дожил еще до полного издания Пселла. Ведь если я был так счастлив заслужить его одобрение в результате моей работы над Львом, то я льщу себя тем, что теперь, когда я приобрел больше знаний о сущности византийской истории, Пселл еще больше бы стал соответствовать его, да и Вашим, ожиданиям. Однако и сейчас все еще печатают заметки (*Noten*), в которых я, как и у Льва, пытаюсь сосредоточить столько предметных и языковых примечаний, сколько могу, а также сделать все от меня зависящее, чтобы этот второй том наших *Byzantina* стал вечным памятником, достойным как усопшего, так и Вас (*in denen ich, wie früher zu Leo, so viele Sach — und Sprachbemerkungen als ich kann zusammenzustellen suche, und mein möglichstes thue, um aus diesem zweiten Band der Byzantina ein bleibendes Denkmal zu machen, das des Verewigten, und Ihrer, nicht ganz unwürdig sei*). О том, что канцлер незадолго до своей смерти еще перевел денег (как я предполагаю, на издание «Хроники» Амартола), я, по-настоящему растроганный, узнаю из письма Зиннера³⁹; какое это счастье, что человек столь благородного рвения, который, находясь уже по ту сторону своей смерти, все еще пытается действовать на пользу науки, нашел в Вас столь разумного советчика. Я, конечно, также постараюсь добросовестно выполнить взятые на себя обязательства, и мои рукописи обоих трудов (“Морейской хроники” и “Хроники” Георгия Амартола? — *И. М.*) почти готовы; но, разумеется, я смогу думать о начале печатания “Хроники” только

³⁸ Там же. С. 580–581 (№ 44).

³⁹ Об этом деятеле говорит сам Газе в письме от 24 февраля 1825 г., представляя его Кругу как «одного молодого швейцарца, который в Париже был моим слушателем и которого я рекомендую Вам; свои филологические познания он убедительно продемонстрировал в только что вышедшем издании сочинения Bondelmonti “*De insulis Archipelagi*”» (С. 581, № 44).

тогда, когда появится Пселл, т. е. примерно в первой половине следующего года. Амартол, который, в принципе, менее важен, может, пожалуй, и подождать последней очереди. Вплоть до того, как издание Пселла окажется в Петербурге, лучше, чтобы все суммы, предназначенные для следующих изданий, оставались в Ваших руках. Ясно, что Пселла мы должны посвятить *memoriae aeternae* усопшего. Вы должны достаточно своевременно получить корректуры предисловия и посвящения, чтобы смочь сообщить мне Ваши замечания и предложения по изменению текста; том (Морейской. — И. М.) хроники я хотел бы с моим полным сердечным расположением посвятить Вам, разумеется, с новым благоговейным упоминанием бессмертных заслуг канцлера. Я Вам столь часто и со столь давнего времени был обязан, что поистине является потребностью моего сердца еще раз и публично высказать Вам свою признательность»⁴⁰.

Почему же все-таки стало невозможным довести, казалось бы, полностью обеспеченное издание «Хроники» Михаила Пселла до выхода в свет (я уже не говорю о прочих, также оплаченных русскими деньгами изданиях, о которых шла речь), — остается пока тайной. Возможно, объяснение этому можно усмотреть в других словах Газе, содержащихся также в данном письме от 6 августа 1826 г.: «Если бы для Пселла не было сделано все (необходимое), а для других двух изданий — уже по большей части, то я бы затруднился со временем, которого требует работа; ибо я теперь, согласно воле министерства, занят подготовкой *Catalogue raisonné* всех наших греческих рукописей, который должен появляться выпусками. Но ведь для трех других моих византийцев мне почти ничего больше не надо делать, кроме как просматривать аккуратно корректуры и гнать печатание; и это при том, что я, спасибо Господу, чувствую себя вполне бодрым, так что в конце концов все же приду к завершению с *Byzantinis*, а может быть, даже (прежде, чем умру) и с моим долгим каталогом»⁴¹.

Ничему из этого не суждено было сбыться, хотя судьба действительно отпустила ученому долгую жизнь (он умер в 1864 г.). Почему-то прервалась его переписка с Ф. И. Кругом (умер в 1844 г.). Ничего об этих издательских проектах и причинах их приостановки не говорится и в возникшей в 1845 г. переписке Газе с другим «немецко-русским» академиком — А. А. Куником (1814–1899), хотя, отвечая на запросы последнего, Газе дает подробные разъяснения о произведениях многих

⁴⁰ Письма Газе. С. 582 (№ 45).

⁴¹ Там же.

византийских авторов, в том числе и о «Хронографии» Михаила Пселла. Публикацией этого отрывка (в оригинале) письма Газе к Кунику от 26 июля 1845 г. мы и завершим наш краткий очерк: «Die Geschichte des Psellus umfasst den Zeitraum vom Tode des Johannes Tzimiscus (976) bis zur Alleinherrschaft Michael's VII. Parapinacus, nach Untergange des Romanus Diogenes (1071). Die früheren Regierungen werden kurz abgehandelt; nur von Michael V. Kalaphatus an wird Psellus eine Hauptquelle für die Palastrevolutionen und Hofränke, an denen er in der letzten Zeit thätigen Antheil genommen zu haben scheint. Weit minder kümmert ihn was fern von Konstantinopel vorging. Bulgaren erwähnt er hin und da, Russen (Σκούθας?) fast nicht, und noch weniger lässt sich aus ihm, so wie überhaupt aus dem was ich sonst abgeschrieben und gesammelt, etwas für oder wider die normannische Abkunft der letzteren entnehmen, welche Sie in Ihrem trefflichen Geschichtswerke mit eben so viel Gelehrsamkeit als Scharfsinn besprochen haben. Wünschen Sie es so Ihnen H. Miller gern die wenigen Stellen des Psellus mittheilen von jenen Völkern die Rede ist⁴². Er trägt mir auf Ihnen seine Verehrung zu bezeigen und werde auch jede andere Anfrage, die Sie etwa an ihn richten könnten, mit Freuden beantworten»⁴³.

⁴² Позднее Э. Миллер опубликовал несколько писем Михаила Пселла, пользуясь материалами Газе. См.: *Recueil des historiens des Croisades, Historiens Grecs*. P., 1875. Т. I. P. 3–99.

⁴³ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. Д. 190. Л. 5. Письма К. Б. Газе к А. А. Кунику также готовятся к изданию.

«ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ» К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ АКТОВ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА*

Одним из наиболее значительных научных проектов в нынешнем мировом византиноведении несомненно является подготовка австрийскими учеными фундаментального восьмитомного издания актов Константинопольского патриархата¹. Сохраненные двумя известными венскими рукописями Vindob. hist. 47 и 48, некогда привезенными из Константинополя Авгерием Бузбекским и представляющими собою подлинный патриарший регистр², эти акты (в количестве около 700 с 1315 по 1402 г.) являются ценнейшим источником не только по внутренней истории Византии и византийской церкви, но и по всему комплексу международных отношений в XIV в. В частности, они служат основным источником по истории русско-византийских отношений в данное время, ознаменовавшихся решительным поворотом в политике пришедшего к власти нового, исихастского руководства патриархатом и византийской церковью, поворотом, направленным на возвышение Москвы как религиозного и политического центра русского государства³.

Как известно, первым и до сих пор единственным полным изданием актов Константинопольского патриархата, содержащихся в данном ре-

* Опубликовано: ВИД. 1991. Вып. 23. С. 20–37.

¹ Начатые еще в середине 60-х гг. прошлого века с привлечением сил филологов, историков, юристов, эти работы лишь в 1981 г. увенчались первым крупным успехом — выпуском 1-го тома регистра: *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel* / Hrsg. von H. Hunger und O. Kresten, Wien, 1981. 1. Teil (Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1315–1331 + Indices / Erstellt von S. Cupane). В настоящее время, если не ошибаюсь, издано уже три тома.

² Всестороннее дипломатическое, палеографическое и кодикологическое изучение указанных венских рукописей см. в работах: *Darrouzès J. Le registre synodal du Patriarcat byzantin au XIVe siècle: Etude paléographique et diplomatique.* Paris, 1971; *Studien zum Patriarchatsregister von Konstantinopel* / Hrsg. von H. Hunger. Wien, 1981. Bd. 1 (Beiträge von P. Canart, S. Cupane, H. Hunger, O. Kresten und G. Prato).

³ Об этой группе документов см. также: *Hunger H. Das Patriarchatsregister von Konstantinopel als Spiegel byzantinischer Verhältnisse im 14. Jahrhundert // Anzeiger der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse, 115. Jahrgang (1978).* Wien, 1979. S. 121–126.

гистре, является издание Миклошича и Мюллера, осуществленное более 140 лет назад, которое, несмотря на все присущие ему недостатки выполнив свою выдающуюся роль в науке, сейчас безнадежно устарело⁴. Однако в связи с подготовкой нового издания совершенно естественно у исследователей пробудился интерес к истории этого первого издания, что и было реализовано в обстоятельном исследовании О. Крестена и К. Штурм-Шнабль⁵. Излагая в деталях все обстоятельства, сопутствовавшие подготовке первого издания актов патриархата, авторы упоминают (согласно информации, которую в их распоряжение предоставил автор настоящих строк) и о «русской прелюдии» этого издания. Тем не менее представляется целесообразным посвятить здесь этой теме хотя бы небольшой экскурс, тем более что за последнее время мне удалось, не без помощи коллег⁶, разыскать целый ряд документов, проливающих дополнительный свет на эту интереснейшую страничку из истории отечественной науки.

Да, приоритет в осознании необходимости срочного издания ценнейшего исторического источника и в практическом претворении этого «Forschungsprojekt» самым решительным образом принадлежит русской науке и связан с именем известного мыслителя, философа, эстетика, литературного критика, а также историка-слависта и этнографа Н. И. Надеждина (1804–1856)), наделавшего в 1836 г. столько шуму публикацией в своем журнале «Телескоп» знаменитого чаадаевского «Философического письма»⁷. Волею судеб (точнее, по совету врачей) оказавшись на некоторое время в Одессе, он принял активное участие в деятельности местного Общества любителей истории и древностей, в

⁴ *Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860–1862. Vol. 1–2 (Acta patriarchatus Constantinopolitani Vindobonensis)*. — Из-за плохого состояния рукописей многие документы были изданы неудовлетворительно, а некоторые вообще были пропущены издателями. См.: *Hunger H. Zu den restlichen Inedita des Konstantinopler Patriarchatsregisters im Cod. Vindob. Hist. gr. 48 // Revue Et. Byz. 1966. T. 24. P. 58–68; Asdracha C. Deux actes inédits concernant l'Epire // Ibid. 1977. T. 35. P. 157–174.*

⁵ *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Actenstücke und Briefe zur Entstehung der Ausgabe der «Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCCII»: Beiträge zur Geschichte der Erforschung des Patriarchatsregister von Konstantinopel // Römische Hist. Mitteilungen. 1983. Heft 25. S. 339–402.*

⁶ Я, в частности, благодарю И. Г. Воробьеву за указание некоторых нужных мне публикаций.

⁷ *Стенник Ю. В. Надеждин Николай Иванович // Славяноведение в до-революционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 246–247. См. также: Каменский З. А. Н. И. Надеждин: Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М., 1984. 207 с.*

редактировании ученых записок последнего. В своей «Автобиографии» Н. И. Надеждин сообщает, что именно по поручению этого Общества он совершил в 1840–1841 гг. «обширное путешествие по Юго-Восточной Европе, продолжавшееся более года»⁸, во время которого он посетил и Вену. «Я, — уточняет он в своей записке об этом путешествии, — провел зиму (1840–1841) в столице Австрийской империи, где, впрочем, не оставался бездействен. Богатые сокровища императорской Библиотеки были отворены мне радушием известного Копитара. Поучительные беседы этого маститого Нестора славянской филологии и палеографии я причисляю к лучшим приобретениям моего странствия. Таким образом, четырехмесячное пребывание мое в Вене доставило мне возможность обдумать, пополнить и завершить собранные мною заметки, равно как приготовиться к дальнейшей, занимательнейшей части моего путешествия»⁹. Из другого отчета Н. И. Надеждина о его путешествии мы узнаем, что, помимо известного филолога-слависта, издателя знаменитого «Клоцева кодекса» Варфоломея Копитара (1780–1845), а также Павла Йосефа Шафарика (1795–1861), он встретил в Вене и известного сербского филолога и фольклориста, одного из вождей сербского национального движения Вука Стефановича Караджича (1787–1864)¹⁰, который, как мы увидим, будет играть в нашей истории определенную роль.

Неизвестно, в этот ли свой приезд в Вену познакомился Надеждин с хранившимися в Императорской библиотеке рукописями «Священного кодекса» Константинопольского патриархата и тогда ли у него зародилась идея издания регистра. Но что можно сказать с определенной уверенностью, так это то, что на сей раз у него еще не было встречи с Миклошичем и Мюллером, не было и заключено с ними соглашение на копирование обеих венских рукописей: Мюллер начал свою деятельность в Императорской библиотеке в качестве «Hilfsarbeiter» 17 января 1848 г. (правда, его первые контакты с этим учреждением восходят к 1846 г.), а Миклошич — несколько раньше: 6 мая 1844 г. он занял в Императорской библиотеке место «третьего писца (amanuensis)»¹¹. Лишь где-то в конце

⁸ Надеждин Н. И. Автобиография (с дополнениями П. Савельева) // Русский вестник. 1856. № 5. С. 67.

⁹ Надеждин Н. И. Записка о путешествии по южно-славянским странам // ЖМНП. 1842. Ч. 34. Отд. 2. С. 90.

¹⁰ Надеждин Н. И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Т. 1. С. 547.

¹¹ Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe... S. 344. Anm. 16.

1847 г. Н. И. Надеждин, который в это время был в должности редактора петербургского «Журнала Министерства внутренних дел» и с 7 августа 1847 г. по 15 января 1848 г. находился в заграничной командировке¹², встретился в Вене с молодым Иосифом Мюллером и уже маститым Францем Миклошичем и договорился с ними о сотрудничестве¹³. Об этом свидетельствует ценнейшее для нашей темы письмо Миклошича к Надеждину, датированное 29 июня – 11 июля 1848 г. и известное нам, к сожалению, только по опубликованному переводу Н. А. Попова (но «с немецкого подлинника»)¹⁴. Приводим текст письма:

«Высокоуважаемый господин и друг!

Несколько недель спустя после Вашего отъезда эллинист И. Мюллер, принявший на себя, несмотря на множество других работ, переписку известного кодекса, получил место в императорско-королевской придворной библиотеке и с тех пор только изредка мог заниматься этим делом. В мартовские дни его захватил *fiurog politicus*, совершенно отвлекший его от занятий. Эта болезнь, кажется, теперь совершенно побеждена, и вчера, к большому моему удовольствию, я получил первую немалую тетрадь копии, которая без всякого сомнения может наполнить четыре печатных листа. Через несколько дней я прикажу сделать пробный набор (! — И. М.) и даже эти строки пишу единственно с це-

¹² *Надеждин Н. И.* Автобиография... С. 70. — Глухое упоминание об этой поездке содержится лишь в дополнениях П. Савельева.

¹³ Не послужила ли ему стимулом только что увидевшая свет публикация об этих рукописях другого русского ученого? (*Григорович В. И.* Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия // ЖМНП. 1847. Ч. 54 (2). С. 131–164). Во всяком случае, в трех письмах Миклошича к А. А. Кунику, хранящихся в бумагах последнего и датированных соответственно 10 марта, 27 июня и 8 октября 1847 г. (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. №. 288. Л. 1–4), говорится о самых разнообразных научных делах, но только не о надеждинском проекте, в то время как более поздние письма, о которых нам еще предстоит сказать, уже касаются этого сюжета.

¹⁴ *Попов Н. А.* Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину // Русский архив. 1873. Вып. 7. С. 1218–1219. — Где сейчас находится подлинник письма и сохранился ли он вообще, мне, к сожалению, неизвестно. Сам Н. А. Попов подчеркивает (С. 1221, прим. 65), что «вся переписка Надеждина с западными и южными славянами передана теперь в архив Славянского благотворительного комитета в Москве». Однако И. Г. Воробьева, которая по моей просьбе произвела тщательные разыскания в московских архивах (в частности, в фонде № 1750 Московского благотворительного комитета в ЦГАОР'е), сообщила мне письмом от 22 апреля 1991 г., что «ничего там не обнаружила». Нет оригинала данного письма Миклошича и в фонде Н. И. Надеждина (ф. 1387 РГАЛИ), о чем нас также уведомила директор данного архива Н. Б. Волкова (письмо от 11 октября 1991 г.).

лью спросить Вас, каким путем я должен выслать Вам пробные листы вместе с примерным счетом и первую тетрадь рукописи; а если бы это оказалось затруднительным, то по рассмотрении и одобрении Вами пробных листов не мог ли бы я выслать уже отпечатанные листы по мере их приготовления вместо рукописи, не столь удобной для пересылки? Переписчик (т. е. Иосиф Мюллер. — *И. М.*) требует за лист кодекса 50 крейц. конвен. монеты — цена, которую я нахожу крайне умеренною, ибо я сам убедился, что, несмотря на то что он скоро читает и пишет, ему обыкновенно нужно три часа на переписку одного листа. Я вчера и сегодня большую часть снабдил латинским переводом, ибо работал со всей поспешностью. В ожидании Вашего скорого ответа Вашего Высокородия покорнейший слуга и друг Фр. Миклошич».

Судя по письму, мы действительно имеем дело с весьма серьезным контрактом о сотрудничестве между русским ученым, с одной стороны, и Миклошичем и Мюллером — с другой. Частичный результат этого не реализованного в полном объеме сотрудничества, а именно изготовленная Мюллером копия двухтомной венской рукописи регистра, хранится ныне (вопреки мнению Попова, который считал, что «по всей вероятности, греческий кодекс... не попал к Надеждину и в копии»¹⁵) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (под шифром Греч. 508, т. 1–2). Посылались ли Надеждину из Вены уже набранные пробные листы и означали ли они, что местом совместного издания планировалось указать Вену и Санкт-Петербург, неизвестно, но ход переписки и пересылки рукописи, а также постепенно вызревавшая у Миклошича и Мюллера мысль об эмансипации от Надеждина и об осуществлении собственного издания в рамках более широкого проекта по изданию 6-томного собрания грамот православного Востока могут быть в какой-то мере прослежены по собранным нами материалам.

Прежде всего — о письмах Вука Караджича Надеждину, опубликованных Н. А. Поповым. Уже 2 февраля 1848 г. в письме из Вены Караджич извещает Надеждина, между прочим (интересующие нас сведения высказаны Караджичем везде «между прочим», так как круг затрагиваемых им тем весьма обширен), о том, что Миклошич дошлет ему «вскоре кое-что из известной... рукописи»¹⁶. В письме из Вены от 10 (22) июля 1848 г. он уведомляет Надеждина: «Получив Ваше письмо, я снова говорил с г. Миклошичем о переписке известной Вам греческой рукописи, и ныне это дело опять продвинулось несколько вперед, как можете

¹⁵ Попов Н. А. Письма. С. 1219.

¹⁶ Там же. С. 1142 (№ 1).

усмотреть из приложенного при сем письма г. Миклошича»¹⁷ (значит, приведенное нами письмо Миклошича было передано Надеждину Вуком Караджичем вместе с его письмом). В письме из Вены от 5 (17) сентября 1848 г. Караджич передает Надеждину слова Миклошича о том, что «переписка рукописи подвигается прилично», но что тот «удивляется, что от Вас нет никакого известия»¹⁸; аналогичное содержание в письме из Вены от 23 сентября 1848 г.¹⁹

Письмом Караджича Надеждину из Вены от 4 (16) октября 1848 г. в нашу историю вводится новая (и отныне постоянная) фигура посредника — протоиерея Михаила Федоровича Раевского (1811–1884), настоятеля церкви при русском посольстве в Вене, деятеля, внесшего значительный вклад в развитие контактов между русскими славистами и славянскими учеными Австрии²⁰. «Вы пишете, — говорится в письме Караджича, причем намекается на письмо Надеждина от 20 ноября 1848 г., — что с М. Ф. Раевским послали мне 50 дукатов и 100 рублей серебром, а не пишете, что я должен делать с этими деньгами, ибо для напечатания этой книжицы (“О раскольницах”) не нужно и 100 флоринов серебром, хотя бы печаталась и тысяча экземпляров на самой лучшей бумаге. Стало быть, остальные деньги пойдут г. Миклошичу на покрытие расходов по греческой рукописи?»²¹ А 10 (22) ноября 1848 г. Караджич пишет Надеждину важное письмо, в котором извещает, что «несколько листов из переписанной греческой рукописи Миклошич передал М. Ф. [Раевскому]; думаю, что Вы получите их с этим письмом. Если Вы пристаёте к тому (sic!), что думает г. Миклошич, чтобы эту рукопись печатать здесь, а Вам посылать начисто отпечатанные листы, Вы же напишете свои примечания и пришлете их сюда для напечатания при конце книги, тогда не нужно будет ни к Вам посылать рукописи, ни Вам посылать назад печатанные листы. Прошу Вас написать мне о том определеннее. Г. Миклошич завтра уезжает в Кромержиж (г. Кремзир в Моравии. — *И. М.*), но будет наезжать оттуда сюда, так что рукопись

¹⁷ Там же. С. 1158–1159 (№ 4).

¹⁸ Там же. С. 1165 (№ 6).

¹⁹ Там же. С. 1168 (№ 7).

²⁰ *Чуркина И. В.* Раевский Михаил Федорович // *Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* М., 1979. С. 290–291. Стоит, наверное, отметить, что М. Ф. Раевский приходился тестем замечательному ученому, филологу-классику и византинисту Ивану Васильевичу Помяловскому (1845–1906), женатому на дочери Раевского Екатерине Михайловне, и дедом не менее замечательному историку, специалисту по итальянскому Возрождению, Анне Ильиничне Хоментовской (урожд. Шестаковой) (1881–1942).

²¹ *Попов Н. А.* Письма. С. 1170 (№ 8).

может печататься, и он сам будет держать корректуру ее, а я буду посылать к Вам отпечатанные листы. За печать не нужно платить вперед, а после, когда вся книга будет готова. Что касается способа, каким Вы будете впредь доставлять мне деньги, то если не можете найти случая послать мне звонкой монеты (голландских дукатов), то присылайте мне вексель от Штиглица на Амстердам (как мне высылается пенсия) или еще лучше на Лондон, что можно продать здесь выгоднее»²².

К сожалению, корявость стиля автора письма делает для нас непонятным, кто же был инициатором печатания текста в Вене — Надеждин или Миклошич? Кажется все же, что Надеждин, как он об этом еще напишет в 1851 г. Раевскому и о чем нам еще предстоит сказать. А пока — снова слово Вуку Караджичу, который продолжает информировать о деле Надеждина. «Думая, — пишет он из Вены 25 ноября 1848 г., — что в такое время курьеры отправляются отсюда всякую неделю, я надеялся, что оба письма мои Вы получите; но за десять дней пред сим (после того как я написал и третье письмо от 10 ноября и передал его М. Ф. Р[аевскому]), к великому моему сожалению, узнал, что все три пакетика мои еще здесь в канцелярии!!! М. Ф., чтобы ускорить отправку их сколько возможно, завернул все три в свой пакет (с греческой рукописью от Миклошича); но чрез это они, может быть, еще более запоздают, ибо пакет сделался большой и его труднее послать туда»²³. По-видимому, Надеждин не торопился с ответом, так как 23 декабря 1848 г. Караджич пишет из Вены о том, что «Миклошич на этих днях был здесь и опять вернулся в Кромержж; он спрашивал меня, не отвечали ли Вы чего по поводу о греческой рукописи, и я ему сказал, что еще нет, но надеюсь вскоре получить ответ»²⁴. Однако и 10 марта 1849 г. он вынужден писать о том же: «Миклошич теперь здесь и печатает свой (славянский. — И. М.) словарь, но удивляется, что от Вас нет никакого ответа: я и М. Ф. Р[аевский] тоже дивимся тому»²⁵. Наконец, Караджич еще раз в письме от 18 июля 1849 г. констатирует: «...должно быть, Вам уже не нужна та греческая рукопись»²⁶, — и больше уже в своих последующих письмах к Надеждину не возвращается к этому вопросу, да и сам Миклошич в письме к А. А. Кунику от 19 августа 1849 г. из Вены, между прочим, спрашивает о Надеждине: жив ли он и живет

²² Попов Н. А. Письма. С. 1186–1187 (№ 10).

²³ Там же. С. 1188 (№ 11).

²⁴ Там же. С. 1192 (№ 13).

²⁵ Там же. С. 1198 (№ 16).

²⁶ Там же. С. 1200 (№ 18).

ли он в Петербурге, и если да, то получил ли он 20 листов греческой рукописи (упоминается и посредничество Раевского)?²⁷

Так что же, Надеждин охладел к своему проекту? Отнюдь! Работа, хотя и замедленными темпами, продолжалась, о чем свидетельствуют другие материалы. Вот ранее не публиковавшееся и ныне хранящееся в Отделе рукописей РНБ письмо М. Ф. Раевского Н. И. Надеждину из Вены от 10 января 1850 г.²⁸: «Милостивый Государь, почтеннейший Николай Иванович! Представляю Вам счет (в рукописи: щеть. — *И. М.*) издержек. Елей оскудевает, а г. Мюллер постоянно обещает мне торопиться с перепискою. Угодно Вам будет переслать деньги чрез банкира или отдать брату. Как угодно, только поторопитесь. Посылаю Вам, кстати, от себя книжицу, прошу принять на память. Она о наших новостях. Вы едва ли теперь не лучше меня знаете. Пели мы за здоровье, а свыли за упокой. Сами виноваты! Еще нас мало учила история! Правда ли, что Вы собираетесь сюда? Перед отъездом все-таки напишите. Остаюсь Вам предан, Пр[отоиерей] М. Раевский. 10 Генв. 1850 г.». И наконец, очень важное свидетельство самого Н. И. Надеждина, который пишет 5 марта 1851 г. М. Ф. Раевскому²⁹:

«Пользуясь настоящим добрым случаем, препровождаю к Вам 50 червонцев на продолжение работы по переписке известных документов³⁰. Благодарю Вас усерднейше и за то, что уже сделано; но когда ж наконец все сделается? Я желал бы по крайней мере знать, что еще остается сделать? До сих пор получено мною от Вас в разные времена всего 7 разного объема тетрадей. В 5 из них идет все еще cod. № 47; в 2 последних начат уже и cod. № 48. Я не знаю, однако, при этом, совсем ли уже кончен № 47. Равным образом не могу объяснить себе, почему в счете листов по подлиннику в находящихся у меня тетрадях представляется значительный промежуток, а именно с fol. 112 по fol. 169. Затем есть в том же cod. № 47 и другие, меньшие промежутки: именно с fol. 208 по fol. 216, fol. 219 – fol. 231, fol. 231 – fol. 287, fol. 288 – fol. 302, cod. № 47 у меня заключается на

²⁷ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95 (А. А. Куник). Оп. 2. № 588. Л. 5–6.

²⁸ ОРРНБ. Ф. 37 (А. И. Артемьев). № 889. — На обложке помечено: «Неустановленному лицу». Текст письма плохо сохранился, местами почти совсем угас. В издании мы исправляем орфографию на современную.

²⁹ Письмо опубликовано в кн.: Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского (40–80 годы XIX века) / Сост. В. Матула и И. В. Чуркина, отв. ред. С. А. Никитин. М., 1975. С. 311–312 (№ 289).

³⁰ В примечании к этому месту издатели письма пишут, что «речь идет о переписке кодекса на греческом языке, которую для Надеждина делал Миклошич; что это за кодекс — установить не удалось». Надеемся, теперь им ясно, о каком кодексе идет речь и кто на самом деле был занят перепиской.

fol. 307; конец ли это всего cod.? Сделайте милость, справьтесь обо всем этом и уведомьте. На счет следующего cod. № 48 я также желаю знать, сколько в нем всех листов по подлиннику. У меня до сих пор он продолжен по fol. 100; впрочем, также с промежутками, именно: fol. 51 — fol. 86, fol. 89 — fol. 99. Позвольте при этом вообще попросить Вас ускорить окончание всей этой работы, к сожалению, слишком долго затянувшейся. Если можно было это сделать до будущего июля месяца, я почел бы это для себя величайшим с Вашей стороны одолжением. Тогда можно бы было не медлить и предположенным изданием этих документов, которое я по-прежнему хотел бы предпринять не здесь, а у Вас в Вене: в особенности если и г. Миклошич не изменил своего обещания — принять в этом окончательном труде участие. Впрочем, об этом после; теперь главное мое желание и усерднейшая к Вам просьба, чтобы переписка скорее кончилась. В деньгах, если еще потребуются, остановки не будет: я сейчас же по Вашему требованию внесу их Вашему брату, как уже было мною сделано, или перешлю к Вам с подобною нынешней оказией. Будьте ласковы до конца — похлопочите! Мне хочется непременно, чтобы сделалось, как предположено, — не для себя, а для общей пользы!»

Несомненно, что М. Ф. Раевский выполнил просьбу Надеждина, передал письмо Иосифу Мюллеру, письмо которого от 24 апреля 1851 г. (немецкий подлинник, ныне хранится в Отделе рукописей Института русской литературы — в Пушкинском Доме³¹) — это и есть ответ на вышеприведенное письмо Надеждина к Раевскому. Приводим текст письма Мюллера (в нашем переводе):

«Почтеннейший Господин! Ваше письмо к г. Раевскому с запросом о том, как можно объяснить лакуны в изготовленной мною копии рукописей Hist. gr. 47 и 48, побуждает меня самому дать Вам разъяснения и заметить, что отсутствующие листы только потому опущены, что письмо, которое, как Вы это знаете сами, в обоих рукописях очень неровно и изменчиво, на опущенных листах слишком бледно и неразборчиво для этих мрачных зимних дней, от которых мне при моей занятости по службе оставались свободными для этой работы лишь немногие послеобеденные часы. Летом, когда в моем распоряжении будет больше времени, я, как только смогу, дошлю Вам отсутствующее и, в частности, постараюсь по возможности скорее окончить первую часть, рукопись № 47, с тем чтобы на пути к печатанию у нее уже не было больше препятствий. Путаницы при составлении листов, пожалуй, не должно быть, так как листы пронумерованы и всегда точно указано, если какая-то сторона осталась неза-

³¹ ОР ИРЛИ. Ф. 199. Оп. 2. № 61 (2 листа).

писанной. Но что касается печатания обеих рукописей, то разрешите мне Вам заметить, что я не считаю его возможным вне Вены, так как мне кажется неотложной необходимостью, что всякий документ перед отправкой его в типографию должен еще раз быть точно сличенным с рукописью, ибо при всей примененной при списывании внимательности что-то легко может быть пропущено или неверно понято, чего при повторном просмотре можно легко избежать. Что же касается корректуры, то я не премину проявить величайшую точность, и я уполномочен г-ном д-ром Миклошичем заверить Вас, что он, согласно своему обещанию, примет то участие в осуществлении (проекта), которое он Вам обещал. Только сообразовайте сообщить нам, каким образом Вы намерены осуществить издание и на каких условиях должны в нем участвовать г. д-р Миклошич и я.

Надеюсь, что смогу в будущем месяце отправить Вам несколько тетрадей копии, а до конца мая — конец первой части (№ 47), причем лакуны, как сказано выше, будут заполнены. Со вторым томом хочу по возможности торопиться, хотя и не отваживаюсь указать точно срок исполнения. По моему мнению, после выполнения списка первого тома Вы можете начинать с печатанием, так как в любом случае эта работа потребует значительного времени. В ожидании благосклонного ответа с уважением преданный Вашему Высокоблагородию Иосиф Мюллер. Вена, 24 апреля 1851 г.».

Указанные Мюллером сроки, разумеется, не были выдержаны, но копирование рукописи тем не менее было в конце концов завершено, и это было четко зафиксировано самим Мюллером. На л. 527 об. первого тома петербургской рукописи (РНБ, Греч. № 508) в правом нижнем углу рукой Мюллера помечено: «Finitum in Caes. Bibliotheca Vindob. 24/2 852. Müller». Первый том, таким образом, был завершён 24 февраля 1852 г.; он был озаглавлен «Codex manuscriptus theologicus³² graecus № 47. fol. (527)³³ contine(n)s: Synodica decreta Patriarcharum Constantinopolitanorum recentiorum», содержал 527 листов + XI пронумерованных римскими цифрами листов + листы-наклейки с факсимильными прорисовками подписей документов (310 а-б, 327 а-б, 329 а, 346 а, 489 а-б). Через четыре месяца (а именно 26 августа 1852 г.) было за-

³² Мюллер помещает венские рукописи № 47 и 48 в разряд «теологических», по-видимому, будучи введен в заблуждение по преимуществу их церковно-историческим содержанием, хотя уже в XVII в. Ламбеций определил их в разряд «Codices historici», в числе которых они теперь и фигурируют в каталогах. Ср: *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe...* S. 362. Anm. 74.

³³ Цифра, естественно, отсутствует, потому что Мюллер, посылая первые тетради, не мог еще знать, сколько листов в рукописи будет в целом.

вершено копирование и второго тома, о чем свидетельствует собственноручная помета Мюллера на последнем листе (383 об.) рукописи, по середине: «Finis codicis», а в нижнем правом углу: «Vindobonae. 26/8 1852. Josephus Müller». На л. 141 об. содержится также записка Мюллера Надеждину, которая (в нашем переводе) гласит следующее: «Господина Надеждина учтивейше просят указать еще раз точно встречающиеся в кодексе № 47 лакуны, так как я самое позднее к половине июля первый том закончу; что же касается лакуны в листах 112–169, которая указана в Вашем письме, то следует предположить, что Вы не получили одну тетрадь³⁴; там, как и позднее, можно вставить только одну незначительную лакуну из нескольких листов. В надежде на благосклонный ответ со всяческим почтением преданный Вашему Высокоблагородию Мюллер»³⁵.

Рукопись, таким образом, в полном составе находилась теперь в руках Н. И. Надеждина. Что дальше? А дальше — ничего. Судя по всему, идея сотрудничества все больше изживала себя, у австрийской стороны, явно тяготившейся данными обязательствами, все больше определялись собственные интересы³⁶, и вот 14 ноября 1852 г. Франц Миклошич пишет из Вены Надеждину письмо (хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома³⁷), которое фактически ставит точку в этом неудавшемся сотрудничестве. Привожу текст письма (в нашем переводе):

«Ваше Превосходительство! Не соблаговолите ли Вы уступить изготовленную И. Мюллером копию документов, содержащихся в подлинном регистре Константинопольского патриархата, одному здешнему греку, у которого есть намерение в любом случае довести до печати названные документы? Он же готов за эту любезность переслать Вашему Превосхо-

³⁴ Действительно, тетрадь в конце концов добралась до Надеждина, так как сейчас данной лакуны нет.

³⁵ «Herr von Nadeshdin werden höflichst gebeten, die im Codex N° 47 vorkommenden Lücken genau noch einmal angeben zu wollen, da ich den ersten Band längstens bis Hälfte Juli beendigen werde, aber bei der Lücke fol. 112–169, die in Ihrem Schreiben angegeben worden, vermuten muss, dass Sie eine Heft nicht erhalten haben, es kann dort, ja wie später, nur eine unbedeutende Lücke von wenigen Blättern stecken. In der Hoffnung einer geneigten Antwort, mit aller Hochachtung Euer Hochwohlgeboren ergebenster Müller».

³⁶ Во всяком случае, Мюллер, все больше «входивший во вкус» при работе с византийскими документами и приобретший в этом деле весьма солидную квалификацию, с согласия Миклошича, но явно без согласования с Надеждиным, еще работая на него, уже начал публиковать документы регистра в труде Миклошича, причем без какой бы то ни было ссылки на планируемое Надеждиным издание регистра. См.: *Miklosich F. Slavische Bibliothek. Wien, 1851. Bd. 1. S. 145–146.*

³⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 199. Оп. 2. № 62 (2 листа).

дителям соответствующее число экземпляров, а я тем легче решился задать Вашему Превосходительству этот вопрос, что в подобном предприятии даже нечего и думать о какой-то денежной прибыли и что упомянутые документы вряд ли могут быть напечатаны где-либо в ином месте, нежели в Вене, где в любой момент можно взглянуть на сами подлинники, чего нельзя даже и представить себе в качестве необходимого, располагая мюллеровской копией. Не будет ли Ваше Превосходительство столь любезно сообщить устно подателю (сего письма. — *И. М.*) о Вашем решении по этому поводу? С истинным почтением преданнейший Вашему Превосходительству слуга д-р Миклошич. Вена. 14 ноября 1852 г.»

Судя по тому, что рукопись осталась в Петербурге и теперь находится в нашем распоряжении, Надеждин проигнорировал просьбу Миклошича, считая, по-видимому, себя (и не без основания) законным собственником рукописи. Возможно, что он вообще не удостоил Миклошича ответа, да и российских коллег не был склонен посвящать в свои планы, которые окончательно прервались с его смертью, последовавшей 11 (23) января 1856 г. (умер он в возрасте 51 года). О том, что это было именно так, косвенным образом свидетельствуют попытки русских ученых, по-видимому, ничего не знавших о намерениях Надеждина и о находившейся в его руках рукописи, повторно организовать копирование венского кодекса. Известна копия нескольких документов из рукописи *Vindob. hist. gr. 47*, сделанная в середине XIX в. академиком А. А. Шифнером и хранящаяся ныне в рукописном отделе Библиотеки РАН (Q № 11)³⁸. О планах Одесского общества истории и древностей заказать переписку венского кодекса сообщают в феврале 1859 г. Миклошич и Мюллер в своей совместной докладной записке философско-историческому классу австрийской Императорской Академии наук³⁹. Лишь А. А. Куник, этот связавший свою судьбу с Россией и Петербургом выдающийся немецкий историк и филолог (1814–1899)⁴⁰, был, кажется, в курсе надеждинских планов, о чем свидетельствует его переписка как с Н. И. Надеждиным⁴¹, так и с Миклошичем и Мюллером

³⁸ Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Т. 5: Греческие рукописи / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973. С. 211–212.

³⁹ *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe...* S. 376.

⁴⁰ См. о нем: *Лантеева Л. П. Куник Арист Аристович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь.* М., 1979. С. 206–208.

⁴¹ Правда, среди бумаг Куника, хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива РАН, содержатся лишь три краткие записки Н. И. Надеждина, адресованные Кунику еще в 1843 г. (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. № 624), в которых ничего не говорится о нашем сюжете, но они свидетельствуют о дружеских отношениях между двумя учеными.

(черновики его писанных немецкой готикой писем к Миклошичу и Мюллеру и подлинные письма последних к А. А. Кунику), хранящаяся ныне в С.-Петербургском филиале Архива РАН⁴². Так, еще при жизни Н. И. Надеждина (15 мая 1855 г.) Мюллер шлет Кунику из Павии письмо следующего содержания (привожу в нашем переводе с немецкого лишь ту часть этого пространного и интереснейшего письма, которая непосредственно относится к интересующему здесь нас вопросу):

«Глубокоуважаемый Господин! Только сейчас получил я Ваше дружеское письмо от 11 марта⁴³, так как я весь апрель отсутствовал и, воспользовавшись пасхальными каникулами, задержался ради моей работы в Милане. Принося Вам сим свою благодарность за Ваше почтенное письмо, я отвечаю на него, следуя порядку Ваших вопросов.

Во-первых, что касается списанных мною в Вене документов, то я очень хочу, чтобы они по возможности скорее увидели свет гласности, пусть даже в каком угодно виде, так как они обладают совершенно особым интересом не только для истории русской церкви, но и для всей византийской церковной истории и для всего, что с ней связано. Вы знаете, что при (занятиях. — *И. М.*) Византией имеет значение — пролить больше света. И если я предлагал в качестве места печатания Венецию, то вообще-то аргумент для этого у меня был только один: где есть достаточно литер, чтобы быстро напечатать, и достаточно опытные наборщики, чтобы не нужно было испытывать то ужасное мучение с корректурой, которое я претерпел в Вене и Милане. В Венеции же тот случай, когда в находящейся там греческой типографии, которая снабжает греческий Восток молитвенниками-миньями, октоихами и т. д., печатается наряду с этим и нечто классическое. Далее я имел в виду, что ни Вам, ни господину Надеждину (которому я имею честь кланяться) служебные дела не позволят взять на себя труд по приведению в порядок бумаг и выверки корректуры, и в этом случае, пожалуй, никто, кроме меня, не сделает это лучше. И я должен сказать, что я заинтересован в появлении этих актов, с которыми я упорно работал ряд лет, и я возьму на себя то, что еще остается сделать, без всякой материальной заинтересованности, из простой любви к делу. Мне кажется весьма целесообразным дать хотя бы простое воспроизведение, чтобы сделать вещь прежде всего доступной, предпослав во всяком случае так называемые регесты или краткие указания содержания, скажем, на латинском языке, чтобы об-

⁴² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. № 169, 588, 590.

⁴³ Черновик этого письма А. А. Куника к Мюллеру от 11 марта 1855 г. см.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2 а. № 169. Л. 1.

легчить отыскание отдельных актов⁴⁴. Быстрейшее напечатание уже потому было бы желательным, что некто (а я мог бы указать кто) может легко напасть на мысль использовать наиболее интересные документы, да, пожалуй, и напечатать, даже если и не будет терпения списать все. Но что касается колляции, то в любом случае я придерживался бы мнения, что она в высшей степени была бы целесообразна для правильности издания. Тем не менее я хотел бы предложить сличать не саму копию, а в процессе печатания вторую или третью корректуру (нужны же по меньшей мере четыре): это будет надежнее, быстрее, дешевле и не замедлит печатания, если будет наличествовать достаточное количество литер для 607 листов, при одновременном печатании обоих томов и при отправлении бандероли с корректурными листами в Вену, что стоит (при прохождении через всю Германию) только один крейцер за лист. Что же касается того, кто сможет выполнить эту работу в Вене, то я уже написал одному такому, не вдаваясь в детали, и от моего имени спросил его о такого рода работе, чтобы знать его мнение. Как только я получу ответ, я сообщу Вам...»

Налицо, таким образом, уже вполне сформировавшийся у Мюллера к тому времени замысел собственного издания и поиски наиболее рациональных путей его осуществления. Но о том, что он еще не окончательно «поставил крест» на «русско-австрийском» проекте и на изготовленной им для Надеждина копии венской рукописи константинопольского регистра, свидетельствует еще одно письмо Мюллера Кунику, отправленное 2 февраля 1856 г. из Павии (Надеждина уже нет в живых, но Мюллер об этом еще не знает)⁴⁵. Привожу относящиеся к нашей теме отрывок из этого письма (в нашем переводе с немецкого):

«Глубокоуважаемый Господин! Отвечая на Ваше дружеское письмо от 24 декабря (до меня дошло 18 января) <...> я прежде всего обязан Вам за сведения о копии с документами⁴⁶. От всего сердца сожалею, что г. Надеждин столь серьезно болен, так как из Ваших слов я заключаю, что смерть его близка, и только желаю, чтобы копия перешла в собственность Имп. Академии и стала скорее доступной ученому миру, ибо вряд ли кто-то найдется для повторного копирования, да и у меня, откровенно говоря, вряд ли еще хватит терпения, хотя этим я не хочу сказать, что у меня нет необходимой энергии для других и даже более

⁴⁴ Опубликованные тома «Актов» показывают, что издатели пошли именно по этому, «облегченному», пути издания документов.

⁴⁵ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. № 590. Л. 3–4 (на сложенном вдвое листе бумаги, текст письма — на четырех сторонах).

⁴⁶ Черновик этого письма А. А. Куника в его бумагах не обнаружен.

длительных задач, как я намереваюсь показать в "Byzantium". Что касается полученного мною гонорара, то он составлял 1 гульден за лист. И так как, если не ошибаюсь, первый том (№ 47 по каталогу Ламбеция) имеет 305, а второй (№ 48) 250 листов (я, разумеется, могу и ошибиться в числе листов, в копии они указаны точно), то я получил 555 гульденов, что существенно превышает сумму в 40 150 рублей серебром. Так как 150 рублей серебром составляют 750 австрийских иванцигеров, а 555 гульденов — 1665 (при этом следует заметить, что сумма выплачена мне в австрийских банкнотах, да еще в период крупнейшего колебания курса серебра), то для того, чтобы вывести истинную, мной действительно полученную сумму, нужно вычесть 20 %. Я привожу Вам все эти детали, чтобы Вы в том случае, если Вас это будет занимать, имели путеводную нить, так как у Надеждина должны находиться мои квитанции. Мне будет очень приятно, если Вы в случае печатания сообщите об этом более подробно, так как Вы, естественно, понимаете мою заинтересованность в этой публикации...»

Лишь в 1858 г. (точнее, 6 сентября 1858 г.) Мюллер шлет из Италии Миклошичу письмо — первый серьезный документ с обоснованием необходимости собственно венского издания регистра. Он пишет: «...я потерял отныне всякую надежду видеть оба кодекса Theol. gr. 47 и 48, которые я скопировал для России, там напечатанными... С г. Куником я обменялся по этому делу несколькими настоятельными письмами, но не пришел ни к какой цели»⁴⁷. А в феврале 1859 г. Миклошич и Мюллер уже официально обращаются в австрийскую Императорскую Академию наук с уже упомянутой докладной запиской о необходимости издания и с обоснованием расходов на печатание первого тома константинопольского регистра. При этом они упоминают и о намерении «серьезного исследователя в области истории восточной церкви» Надеждина заказать копию регистра и издать ее, и о том, что «Надеждин умер, не осуществив своего проекта, а копия, как кажется, утеряна», но они ни словом не обмолвились о своей роли в изготовлении упомянутой «копии» и в планировавшемся венско-петербургском издании⁴⁸. Тем не менее контакты Мюллера и Миклошича с Куником продолжались, но теперь речь шла о реализации тиража. Так, 29 сентября 1859 г. Мюллер пишет из Вены Кунику письмо⁴⁹ следующего содержания (в нашем переводе с немецкого):

«Глубокоуважаемый Господин! Вы несомненно помните, какой ин-

⁴⁷ *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe...* S. 362–363.

⁴⁸ *Ibid.* S. 376.

⁴⁹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. № 590. Л. 1 (один бумажный лист, текст письма — на одной лицевой стороне).

терес у меня был всегда к двум греческим рукописям императорской дворцовой библиотеки, которые содержат протоколы константинопольского синода. Так как нынешние политические отношения сделали возможным мое более длительное пребывание в Вене, а также показалось важным познакомить наконец (ученый мир. — *И. М.*) с этими рукописями, то *Ф. Миклошич* и я решили предпринять эту работу в Вене, имея некоторую поддержку со стороны Имп. Академии, и тотчас же с усердием принялись за дело.

Первый том, из которого Вы в приложении к настоящему письму получаете в качестве образца один интересный для России лист⁵⁰, будет до конца января готов, а затем в самом скором времени появится и второй. Вы, конечно, понимаете, что для осуществления такой публикации пришлось пойти на большие жертвы, и поэтому мы обращаемся и к Вам, чей интерес к работе нам известен, с тем чтобы просить Вас побудить русскую Императорскую Академию поддержать дело посредством заказа на некоторое количество экземпляров или каким-то другим образом и вообще сообразоваться указать нам, как лучше всего можно было бы осуществить сбыт труда в России. Мы полагаем, что вправе рассчитывать на таковой для публикации, если бы Вы в интересах дела пожелали взять на себя заботу о ней. Как только появится том, мы не преминем тут же прислать его Вам.

Если Вы сообразовите быстро ответить мне на это письмо (по моему адресу на имп. дворцовую библиотеку), то я Вам буду весьма признателен. Имею честь подписаться с особым почтением, преданный Вам проф. *Иосиф Мюллер*. Вена, 29 сентября 1859 г.»

С аналогичной просьбой о содействии в реализации тиража к *Кунику* обратился и *Миклошич*, который в письме от 25 декабря 1859 г. просит помочь наладить закупку экземпляров их с *Мюллером* публикации русским правительством для библиотек исторических обществ Москвы и Одессы⁵¹. Но когда *Куник* позднее обратился к *Миклошичу* с просьбой о более детальной информации (стоимость издания и т. д.), то оказалось, что свободных экземпляров для отправки в Россию почти нет, о чем *Куника* информирует (вместо отсутствующего *Миклошича*) своим письмом из Вены от 22 августа 1860 г. *Мюллер*, сообщая, между прочим, уникальные сведения о численности тиража первого издания актов

⁵⁰ Значит, в принципе где-то в бумагах *Куника* должен был бы существовать и этот оттиснутый лист, но сохранился ли он, мне неизвестно.

⁵¹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. № 588. Л. 9–10 (согнутый вдвое бумажный лист, текст письма — на четырех сторонах).

Константинопольского патриархата (всего 300 экземпляров!) и о его реализации. Приводим интересующий нас раздел письма Мюллера к Кунику⁵² (в нашем переводе с немецкого):

«Глубокоуважаемый Господин! Поскольку проф. Миклошич отсутствует, находясь в каникулярном путешествии в Швейцарию и, возможно, в Париж, спешу вместо него ответить на Ваше любезное письмо.

Что касается пункта о стоимости экземпляров наших "Acta patriarchatus C(onstantinopolitan)i", то (поскольку они от нас непосредственно отнимаются) я должен, к сожалению, заметить Вам, что у нас нет больше ни одного экземпляра в нашем собственном распоряжении, так как греческое министерство взяло для себя треть всего составившего только 300 экземпляров тиража, каковые экземпляры уже отправлены в Афины. Кроме того, распродажа через нашего книгопродавца Герольда была столь успешной, что он настоятельно потребовал от нас и те немногие экземпляры, которые мы хотели удержать за собой и в которых ему не отказано. Так что, собственно говоря, есть лишь несколько свободных экземпляров, которые можно заказать через книгопродавца (по цене 6 талеров 20 грошей). Только в марте, когда не распроданные книготорговцами экземпляры снова поступят к комиссионеру, можно будет, пожалуй, еще найти некоторое дополнительное их количество. А пока что мы можем, стало быть, Вам, глубокоуважаемый Господин, только адресовать просьбу через рецензию прославиться в качестве знатока всего этого и соблаговолить содействовать срочному сбыту находящегося в руках книготорговца запаса. Я действительно сожалею, что не был отпечатан большой тираж, как я планировал, но решение зависело не от меня.

Над вторым томом я усердно работаю, пользуясь досугом, который мне предоставляют не очень-то приятные итальянские обязанности нынешнего профессора в Падуе. Четыре листа второго тома уже отпечатаны. Дело будет быстро продвигаться вперед, чтобы по крайней мере можно было скорее полный текст предложить историкам. Введение и комментарий я, пожалуй, сопровожу в свое время отдельно⁵³, если я буду снова удостоен более продолжительным отдыхом... Извините, если я пишу в спешке, только что пришла еще одна корректура, которая не может ждать».

⁵² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. № 590. Л. 6–7 (согнутый вдвое бумажный лист, текст письма на трех сторонах). Ср.: Там же. № 588. Л. 11–12 (Письмо Миклошича к Кунику от 19 июня 1860 г., где также идет речь об экземпляре актов патриархата для Куника).

⁵³ Намерение, которое никогда не будет выполнено.

Так что же, все усилия Надеждина оказались стопроцентно тщетными? Не будем спешить с выводами. Не следует, в частности, недооценивать роль Надеждина как катализатора издания: «Инициатива русского ученого, его хлопоты по копированию венских кодексов регистра дали решающий стимул для Иосифа Мюллера (как, впрочем, и Франца Миклошича) заняться регистром Константинопольского патриархата, а благодаря работе над заказанными Надеждиным рукописями внимание Мюллера было обращено на византийскую историю, появились первые в этой области публикации Мюллера»⁵⁴. Можно даже сказать, что вложенные Надеждиным в это дело средства были затрачены как на образование одного из крупнейших в свое время специалистов по византийской истории, так и на создание важнейшего корпуса источников по истории Византии и стран Западной и Восточной Европы. Имею в виду следующее. О. Крестена и К. Штурм-Шнабль поражает, что с момента обращения Миклошича и Мюллера с докладной запиской в Императорскую Академию наук с обоснованием и прошением финансирования издания (1 (14) февраля 1859 г.) до выхода в свет первого тома регистра (май 1860 г.) прошло чуть больше года — срок фантастически небольшой для осуществления столь сложного труда. И они задаются вопросом о причинах этого. Легче всего, по их мнению, предположить, что копии Надеждина все же посылались в Вену. Но это, как мы видели, отпадает, да и по существовавшему тогда издательскому правилу они бы не сохранились после набора. Что же касается неясного вопроса о том, кто готовил тексты к печати, то, с одной стороны, по их мнению, все заставляет думать о каком-то третьем анониме («каком-нибудь служащем придворной библиотеки, который таким образом поправлял свои скудные доходы?»), а с другой — высокое качество издания заставляет сомневаться, что это делал кто-то другой, а не один из двух издателей. Вывод: «Если не прибегать к помощи столь же исполненных фантазии, сколь и недоказуемых спекуляций, то остается один-единственный честный ответ на вопрос о более близких обстоятельствах возникновения образца для набора первого тома актов Константинопольского патриархата — *non liquet*»⁵⁵.

И все-таки, может быть, существовали какие-то предварительные материалы, оставшиеся от работы Мюллера (а может быть, и Миклошича, и кого-то еще) над текстом регистра, помимо отправленных Надеждину копий? Меня в данном случае смущает упоминание в письмах

⁵⁴ *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe...* S. 359–360.

⁵⁵ *Ibid.* P. 368–370.

Миклошича и Караджича «пробного набора», «пробных листов», «отпечатанных листов», которые должны были отправляться Надеждину, но наверняка не были отправлены. Возможно, они изготовлялись и накапливались с самого начала работы над текстом рукописей, а позднее были использованы для издания? Но если это так, то первое издание регистра Константинопольского патриархата осуществлено в значительной мере на средства русского ученого, а «блистающее своим отсутствием» упоминание его имени как в выходных данных венского издания, так и просто в предисловии издателей — это уже вопрос научной этики.

Приложение

К вопросу о «следах» Мюллеровского наследия в Петербурге

Констатируя тот факт, что после смерти Миклошича (17 марта 1891 г.) и Мюллера (13 июля 1895 г.) продолжение издания «Актов» после изданных ими шести томов планировал в начале 1900 г. работавший в Петербурге греческий византинист Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс⁵⁶, который с этим проектом безуспешно обращался к венской Академии наук. О. Крестен и К. Штурм-Шнабль высказали предположение: не располагал ли он по крайней мере какой-то частью «научного наследия» Иосифа Мюллера, которое каким-то образом осело в Петербурге? На эту мысль их натолкнули, в частности, сообщенные им автором этих строк сведения о нахождении в Петербурге письма знаменитого историка византийского права Цахариз фон Лингенталю к Миклошичу от 24 сентября 1889 г. с его замечаниями к шестому тому «Acta et diplomata graeca», «письма, которое могло попасть в Россию только через Мюллера или с его наследием»⁵⁷.

После некоторого собственного «зондажа» этого вопроса могу сказать, что пока следов мюллеровского архива в Петербурге мне обнаружить не удалось, за исключением одного: в библиотеке С.-Петербургского Института истории РАН хранится экземпляр мюллеровско-миклошичевского издания «Acta et diplomata graeca» (т. I–V, т. VI отсутствует; шифр II 55-2155), который, судя по всему, принадлежал самому Мюллеру и происходит из его личной библиотеки. На фронтисписе первого тома есть его характерная карандашная роспись:

⁵⁶ См. о нем: *Медведев И. П.* А. И. Пападопуло-Керамевс: «Петербургские ночи» ученого грека (по неизданным документам и письмам) // *Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга*. СПб., 1999. С. 288–335.

⁵⁷ *Kresten O., Sturm-Schnabl K.* Aktenstücke und Briefe... S. 398. Anm. 205.

J. Müller, синим карандашом проставлена цифра 2889, которая имеется и на корешке переплета (шифр библиотеки Русского археологического института в Константинополе, о чем свидетельствует и зеленоватый штамп этого учреждения). На другой стороне переплета — наклейка с данными торговой фирмы: A. Buchholz (München) Ludwigstrasse 7. По всему тому также рассеяны карандашные пометы (следы колляции текстов с венским регистром Константинопольского патриархата, даты недатированных документов, иногда не совпадающие с опубликованными, и др.). Думаю, что это пометы Мюллера, собственноручная роспись которого карандашом содержится также на с. 432. Мюллеровскими пометами (на сей раз темно-коричневыми чернилами) испещрен и третий том «Acta et diplomata graeca», но самое главное — к переднему фронтиспису этого тома было приклеено два подлинных немецких, написанных готикой письма, одно из которых — это упомянутое письмо Цахариэ фон Лингенталя к Миклошичу от 24 сентября 1889 г., а второе — сопроводительная к первому письму записка Миклошича к Мюллеру от 3 октября 1889 г. (письмо Цахариэ, написанное на сдвоенном листочке бумаги, приклеено к сдвоенному же листочку бумаги, на передней части которого содержится текст записки Миклошича). Поскольку ни тот, ни другой документ не имеют прямого отношения к предмету нашего очерка, мы не считаем нужным их здесь публиковать, тем более что О. Крестеном планируется специальное издание переписки Миклошича и Мюллера.

Что же касается самого мюллеровского экземпляра «Акт», то он совершенно сознательно (именно как «мюллеровский») был приобретен администрацией РАИК. Среди переписки института с разными учреждениями и лицами по вопросам о приобретении книг для библиотеки РАИК есть несколько писем владельца вышеупомянутой мюнхенской фирмы А. Бухгольца, проливающих некоторый свет на эту проблему. Так, в письме из Мюнхена от 2 мая 1895 г. Бухголец пишет в адрес директора института: «Мсье! Выражая Вам благодарность за новые заявки (на книги. — И. М.), имею честь информировать Вас, что все труды уже в состоянии быть отправленными, за исключением Miclosich, "Acta" и Tafel, "Urkunden"» («En vous remerciant de vos nouvelles commandes j'ai l'honneur de vous informer que tous les ouvrages sont déjà en état d'être expédiés exceptés Miclosich "Acta" et Tafel "Urkunden"») ⁵⁸. На письме помета о том, что это ответ на заявку 27 апреля 1895 г. (сама заявка отсутствует в деле).

⁵⁸ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 127. Оп. 1. № 165. Л. 70.

Другое письмо Бухгольца (19 июня 1895 г.) добавляет детали: «Ваше Превосходительство! Отправка трудов для института, затребованных г. Погодиным (П. Д. Погодин — ученый секретарь РАИК, который, как это явствует из письма, и отправил Бухгольцу заявку 27 апреля 1895 г. — И. М.), к сожалению, сильно затянулась, потому что у меня была еще надежда найти в последний момент полные экземпляры Miklosich et Müller „Acta gr.“ и Tafel „Urkunden d. Rep. Venedig“. Однако мои неоднократные попытки, к моему великому сожалению, не дали никакого результата в отношении вышеназванных трудов и я должен сказать, что в данный момент невозможно найти их полные экземпляры» («Votre Excellence! L'envoi des ouvrages demandés pour l'Institut par Mons. Pogodine est malheureusement traîné fort en longueur, parceque j'avais eu l'espoir de trouver encore au dernier moment des exemplaires complets de Miklosich et Müller "Acta gr." et Tafel "Urkunden d. Rep. Venedig". Pourtant mes efforts réitérés n'ont pas eu à mon grand regret un résultat satisfaisant pour les ouvrages ci — dessus nommés et je dois dire qu'il n'est pas possible en ce moment d'en trouver des exemplaires complets... Agrééz, Monsieur, l'expression de mon parfait estime. A. Buchholz»)⁵⁹.

Наконец, усилия А. Бухгольца увенчались успехом, и письмом из Мюнхена от 13 декабря 1896 г. он, между прочим, извещает дирекцию института о следующем: «Несколько недель назад мне был предложен для продажи личный экземпляр проф. Мюллера "Acta et diplomata graeca m. ae.", но так как этот экземпляр стоит целых 210 марок, то я до сих пор отказывался от предложения» («Es wurde mir auch vor einigen Wochen das Handexemplar des Professor Müller der "Acta et diplomata graeca m. ae." zum Kauf angeboten; da das Exemplar aber 210 MK Kosten voll, so habe ich bis jetzt von einem Angebote abgesehen»)⁶⁰. И хотя в денежных расходных книгах этого института, где фиксировались такого рода приобретения⁶¹, а также среди многочисленных счетов фирмы Бухголец, хранящихся в деле, я соответствующей записи не нашел, ясно, что дирекция РАИК (Ф. И. Успенский) не пожалела средств на эту ценную покупку.

⁵⁹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 127. Оп. 1. № 165. Л. 76.

⁶⁰ Там же. Л. 98 об.

⁶¹ Там же. № 42, 42а.

ЧАСТЬ II

РАСЦВЕТ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Эпоха расцвета петербургской школы византиноведения приходится на последнюю четверть XIX в. и простирается до революции 1917 г. Обычно ее сводят к деятельности В. Г. Васильевского (1838–1899) и его непосредственных учеников В. Э. Регеля, Х. М. Лопарева, П. В. Безобразова, А. А. Васильева, Б. А. Панченко и др., и в этом есть свой резон, ибо именно этот круг византинистов, объединенных общностью научных интересов и связанных между собою по законам педагогической преемственности, стал олицетворением петербургского византиноведения, наиболее адекватным его выражением. Но фактически понятие петербургской школы византиноведения гораздо шире — она включает в себя целую когорту филологов-классиков (И. В. Помяловский, В. К. Ернштедт, В. В. Латышев, П. В. Никитин, Г. Ф. Церетели и др.), выпускников и профессоров того же историко-филологического факультета Петербургского университета, которые, посвятив антиковедению начало и первую половину своей научной карьеры, защитив, как правило, по античности свои магистерские и докторские диссертации и действительно обогатив отечественное антиковедение своими непреходящими по ценности работами (см. соответствующий раздел данного труда), совершили затем, не без стимулирующего воздействия В. Г. Васильевского и достижений его школы, решительный уход в «глубоку византинистику».

Невозможно не отнести к петербургской школе византиноведения и тех выпускников историко-филологического факультета Петербургского университета, которые в силу обстоятельств были вынуждены покинуть столицу и уехать преподавать в провинциальные университеты или навсегда (например, Д. Ф. Беляев в Казань, М. Н. Крашенинников в Дерпт и т. д.), или надолго (Ф. И. Успенский в Одессу и далее — в Константинополь) и которые и там в своей научной работе исповедовали усвоенные ими в «петербургской византиноведческой школе» принципы и приемы исследования. Безусловно, представителями этой школы стали выпускники юридического факультета Петербургского универси-

тета И. И. Толстой и В. Н. Бенешевич, а также перебравшиеся в Петербург Н. П. Кондаков, Д. В. Айналов, Н. П. Лихачев. Наконец, была еще профессура Петербургской духовной академии, некоторые представители которой (В. В. Болотов, Н. А. Скабаланович, И. Е. Троицкий, И. И. Соколов и др.) также составляли неотъемлемую часть петербургской школы византиноведения. Эта понимаемая в широком значении «петербургская школа» была совокупностью исследователей, живших в Петербурге (или даже вне его), связанных между собою или непосредственным общением, или через посредство ученой корреспонденции, так или иначе сформировавшихся в атмосфере школы Васильевского и создавших совершенно уникальную учено-византиноведческую среду — «одно из ярчайших явлений в истории отечественной науки по концентрации талантов, идей, находок, по мере подвижничества и по драматичности судеб»¹.

На какое-то время Академия наук утрачивает свою доминирующую роль в развитии петербургского византиноведения, инициативу в этом деле перехватывает университет, ставший «рассадником» византиноведческих кадров. И. М. Гревс (ученик В. Г. Васильевского и его преемник на кафедре всеобщей истории) в своей до сих пор неопубликованной монографии о Васильевском², тонко воссоздает ту особенную ауру, которая образовалась вокруг Васильевского как «учителя науки», внесшего совершенно исключительный вклад в дело научного воспитания всего последующего поколения ученых разных специальностей, а отнюдь не только византинистов³, как «в полном смысле хорошего профессора, поражавшего не блеском, но глубиной замечательных дарований, не разбросанным вокруг него пламенем страсти и воображения, а сосредоточенным около него ровным и греющим светом познающей мысли»⁴.

¹ Поляковская М. А. Рец. на кн.: Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб, 1995 // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 273.

² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 103а – 135 об. Сохранилась и машинописная копия труда (Там же. Д. 22а. 362 листа), на которую и делаются здесь ссылки.

³ «Учениками его, — пишет И. М. Гревс (Там же. Л. 354–355), — были и прошедшие петербургскую школу представители древней и новой истории, а также русской и славянской. Воздействие от его трудов и от общения с ним переходило и на тех, кто прямо у него не учился: и классики, романогерманисты и русские словесники — все искали у нас “научного наставничества” В. Г. Васильевского. Во всех этих смыслах он был одним из сильнейших очагов и распространителей научного света не только “исторического”, но и “гуманитарного” вообще».

⁴ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 175.

Отмечая в нем «основательную и твердую ученость» как результат усвоения общего научного фонда, созданного его предшественниками, выдающуюся специальную подготовку (сказывалась европейская выучка, полученная во время двухгодичной заграничной командировки), бескорыстную жажду истины, «которая свяжет его с объектом работы настоящим духовным сродством, наполнит его постоянным воодушевлением», сильный нравственный темперамент, но в то же время «изумительную скромность, свойственную поистине большим людям», беспристрастность и терпимость, «мягкость сердца и отзывчивую доброту», «мягкое остроумие и добрый юмор», И. М. Гревс характеризует Васильевского как «новатора в методике университетского преподавания истории», который «строил свои курсы, следуя больше аналитико-критическому методу, чем синтетико-догматическому»⁵.

Притом что Васильевского нельзя было назвать хорошим лектором в обычном понимании слова (он не особенно заботился об «ораторском совершенстве» своих лекций, об отделке своего стиля и дикции), его слушателей привлекали, по свидетельству И. М. Гревса, «редкое качество натуральной непринужденности, замечательное внутреннее богатство и своеобразное изящество, глубина и живость самостоятельной мысли, готовность делиться своим “духовным имуществом” с щедростью, добротой и прямодушием»⁶. Он призывал своих слушателей искать достоверную истину на конкретных аналитических проблемах, отлагая широкие обобщения до той поры, когда собирание источников и критическое их изучение подготовит «подлинный и очищенный строительный материал»⁷. Последовательная фактическая конкретность неизменно составляла отличительную черту курсов В. Г. Васильевского. Ему совершенно несвойственны были отвлеченные рассуждения: историческая идея, обобщенное заключение вырастали лишь как сжатые «финалы» развернувшейся реальной звуковой картины, и от этого изложение становилось твердым и убедительным, не расплываясь в туманное многословие⁸.

Более наглядно представления В. Г. Васильевского о «технологии» исторического исследования, его, по выражению А. Е. Преснякова, «на-

⁵ Там же. Л. 178. Именно это место из книги И. М. Гревса процитировал С. Н. Валк, давая свою характеристику исследовательскому методу В. Г. Васильевского. См.: Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 36.

⁶ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 256.

⁷ Там же. Л. 78.

⁸ Там же. Л. 199. Прим. 1.

учный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции»⁹, сообщались во время его специальных и практических (семинарских) занятий (принцип научного семинария Васильевский стремился ввести в расписание нормальных занятий студентов), в том числе и на его «домашних пятницах». Вот что пишет по этому поводу И. М. Гревс: «Никогда не забуду далеко отодвинувшиеся в прошлые годы моей молодости, когда я бывал у него (Васильевского. — И. М.) студентом старших курсов или даже оставленным при университете. Иногда один, иногда вместе с немногими товарищами я проводил у него немало часов по пятницам вечером: это был день, который он оставлял свободным для друзей и знакомых, коллег и учеников. Зимой мы усаживались около него у камина, теплом которого он согревал свои страдавшие от ревматизма ноги, весной гуляли по саду, прилежавшему к дому, где он жил <...>. Здесь с течением месяцев и лет проходилась целый курс теории и практики научного исследования в виде импровизированных “научных прогулок” в различные области исторического знания»¹⁰.

С середины 90-х гг. В. Г. Васильевский передал И. М. Гревсу чтение больших общих курсов с практическими занятиями; сам же, продолжая преподавание в университете, вел уже исключительно одни специальные, которые стали ему в эти годы «особенно любы» (при этом он вовсе не рассчитывал на большую аудиторию). В качестве тем всевозможных «медальных» студенческих работ, но также и диссертационных (в том числе и магистерских) исследований он предпочитает предлагать, как правило, не исторический вопрос, а исторический источник, с тем чтобы приучить своих учеников к самостоятельному обращению с текстами, выработать у них навыки «исследовательских процедур». Из этих тем И. М. Гревс указывает следующие: «Зосим как источник для изучения личности и царствования Юлиана Отступника», «Прокопий и его *Anecdota*: подлинность и достоверность»¹¹, Анна Комнина, хронологические обозрения отдельных царствований (Анастасия, Василия Македонянина, Феофила, Иоанна Комнина) по подлинным источникам,

⁹ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920.

¹⁰ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 226–267.

¹¹ Из этого «спецкурса» родилось замечательное исследование: Панченко Б. А. О «Тайной истории» Прокопия // ВВ. 1895. Т. 2. С. 24–27, 340–371; 1896. Т. 3. С. 96–117, 300–316, 461–527; 1897. Т. 4. С. 402–451 (есть отдельный оттиск).

«Римско-византийское государство в XI в. по новеллам Юстиниана», «Византийское управление Италией преимущественно по письмам папы Григория Великого» и т. д.¹²

Большое значение придавал В. Г. Васильевский возможности для молодых ученых поездок за границу с целью ознакомиться под руководством зарубежных светил исторической науки с передовыми приемами, самой техникой науки (прежде всего, при германских университетах). Практика командирования будущих профессоров на Запад, начавшаяся еще в николаевское время, именно в последней четверти XIX в. и в начале XX в. получила особый размах. Письма В. Г. Васильевского его ученику В. Э. Регелю в 1885–1888 гг., то есть во время знаменитой четырехгодичной командировки Регеля за границу, когда он объехал Малую Азию, европейскую Турцию, Грецию, Европу, посетил Константинополь, Афины, Фессалонику, о. Патмос, острова Архипелага, Берлин, Лейпциг, Вену, Рим, Мадрид, Барселону, Париж, Лондон, Оксфорд, свидетельствуют о том, что именно Васильевский «пробивал» эту заграничную командировку, составлял для Регеля программу занятий, разрабатывал конкретные «инструкции», давая наглядное представление о тех задачах, которые ставились перед начинающим ученым¹³. Позднее большую помощь в этом деле оказывал декан историко-филологического факультета и вообще очень влиятельный в министерских кругах И. В. Помяловский (1845–1906), которого один из таких командировочных, М. Н. Крашенинников, назвал в одном из писем к нему «добрым гением посылаемых за границу». И. В. Помяловскому петербургское университетское византиноведение было обязано очень многим¹⁴.

Но, разумеется, наиболее адекватным образом вышеизложенные принципы научного исследования, характерные для петербургской школы византиноведения, проявлялись в трудах В. Г. Васильевского, его учеников и последователей, в самой рутине их исследовательской работы. «Задача, — пишет И. М. Гревс, — которую ставил себе Васильевский, соединена была с многочисленными и огромными трудностями. Надобно было все начинать сначала: отыскивать самую почву, т. е. от-

¹² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 243.

¹³ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 30. Л. 100–108. Ср.: Герд Л. А. В. Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 55–56.

¹⁴ О И. В. Помяловском см.: *Медведев И. П.* И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004. С. 207–240.

крывать источники, их инвентаризировать и классифицировать, расчищать ее, т. е. собирать материал и подвергать его критическому исследованию, восстанавливать факты, т. е. строить прагматическое повествование, ставить ближайшие сюжеты для конкретных трудов, выбирая наиболее основные, и систематизировать их, — останавливаться на разработке специальных вопросов, которые выделялись наличием самих памятников, какие удавалось найти и преодолеть, отлагая общие построения византийской истории надолго. Это была напряженная и утомительная страда, она могла казаться скучною, лишена была эффективности; но автора увлекал самый процесс искания и достижения — нахождение памятника, определение его даты и подлинности, биография источника, критика текста и содержания, затем издание его, извлечение из него данных, восстановление достоверной действительности, разматывание клубков исторических воспоминаний, распутывание узлов и сплетений исторических фактов, обнаруживающих природу поставленного на изучение явления. В. Гр-ч по самой натуре своей был настоящим исследователем: ученая работа составляла подлинное его призвание, то была пища, насущная для его духа. Ввиду самого положения своего, как “поднимателя нови”, В-скому приходилось браться за многое, начиная от черновых задач предварительного источниковедения, кончая сложными построениями развития внутренних процессов социальной и духовной жизни, проходя через специальные изыскания по хронологическим, географическим и этнографическим вопросам и нередко задаваясь целью составления детальнейшего, конкретного рассказа о запутанных событиях»¹⁵.

На этом пути, начертанном основателем петербургской школы научного византиноведения, представителей этой школы ждало немало открытий, прежде всего в деле обнаружения и издания новых источников. Самим Васильевским был выявлен и опубликован целый ряд первоклассных памятников византийской письменности, в частности: «Стратегикон» Кекамена, впервые изданный им в соавторстве с В. К. Ернштедтом¹⁶ (вот где пригодился богатый опыт изощренного изу-

¹⁵ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 308. Г. А. Острогорский также считал, что «как исследователь, Васильевский являет собою одну из вершин мировой исторической науки. Не многие с ним в этой области сравняются и едва ли кто-нибудь в этом отношении его превосходил». См.: *Острогорский Г. А. В. Г. Васильевский как византолог и творец новейшей русской византологии* // *Annales de l'Institut Kondakov*. 1940. Т. 11. Р. 234.

¹⁶ *Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus* / Ed. В. (sic!) Wassiliewsky, V. Jernstedt. Petropoli, 1896.

чения древних языков); письма митрополита Иоанна Навпактского — ценнейший источник по хозяйственной, культурной, этнической истории народов Эпира и Македонии в XIII в.¹⁷; его описание неизданных документов и рукописей; житие Георгия Амастридского¹⁸; житие 42 аморийских мучеников, изданное уже посмертно П. В. Никитиным¹⁹, и т. д. Огромное количество памятников византийской житийной литературы было впервые выявлено и опубликовано И. В. Помяловским, В. В. Латышевым, необыкновенно удачливым открывателем новых памятников Хр. М. Лопаревым, а также, так сказать, «иностранным гостем» петербургской школы византиноведения, с 1890 г. связавшим свою судьбу с Петербургом, — А. И. Пападопуло-Керамевсом (1856–1912), который в одном из своих писем на родину (от 2 апреля 1906 г.) пишет: «Жизнь коротка, и если я что-то сделал в ней полезного, то признаюсь, что обязан этим этому городу (т. е. Петербургу. — *И. М.*), где всякая работа с рукописями получает надлежащую оценку, разумеется и материальную. Если бы я хорошо знал скифский (т. е. русский. — *И. М.*), я был бы ныне богат, ибо все газеты и журналы открыты для меня; кроме того, я давно уже был бы ординарным профессором»²⁰.

Продолжая серию «громких» публикаций источников по византийской истории, многие из которых до сих пор находятся в научном обороте, нельзя не упомянуть editio princeps «Автобиографии» византийского императора Михаила VIII Палеолога и отрывок из устава, данного им константинопольскому монастырю Св. Димитрия, — дотеле неизвестного памятника, найденного И. Е. Троицким в одном из греческих сборников, в самом конце, на выцветших листах²¹. Событием в науке стало собрание произведений византийских риторов XII в., изданное В. Э. Регелем (ре-

¹⁷ Васильевский В. Г. *Epirotica saeculi XIII* // ВВ. 1896. Т. 3. С. 233–299.

¹⁸ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. СПб., 1893. Т. 2. С. 1–73 (см. также поправки П. Н. Никитина: Записки Имп. Академии наук. Серия 8. 1895. Т. 1. Вып. 1).

¹⁹ Васильевский В. Г., Никитин П. В. Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им // Записки Имп. Академии наук. Серия 8. 1905. Т. 7. Вып. 2. С. 61–78.

²⁰ См.: Медведев И. П. А. И. Пападопуло-Керамевс: «Петербургские ночи» ученого грека (по неизданным документам и письмам) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 290.

²¹ *Troickij I. Imperatoris Michaelis Paleologi de vita sua opusculum necnon regulae, quam ipse Monasterio S. Demetrii praescripsit, fragmentum* // ХЧ. 1885. Т. 2. С. 529–579. О И. Е. Троицком (1832–1901) см.: Герд Л. А. И. Е. Троицкий: по страницам архива ученого // Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004. С. 8–40.

зультат собирания материала по всем рукописным хранилищам мира во время его вышеупомянутой четырехлетней заграничной командировки)²².

Петербургским византинистам были «по плечу» и более масштабные издательские проекты. Так, тот же В. Э. Регель основывает и превращает в жизнь получившую мировое признание многотомную серию «Actes de l'Athos» — корпус актов афонских монастырей, лишь в последние годы замененный (да и то не полностью) более совершенной французской серией «Archives de l'Athos».²³ Лишь стечение обстоятельств не позволило М. Н. Крашенинникову выпустить в свет уже полностью отпечатанное в типографии Академии наук полное собрание сочинений одного из самых знаменитых историков Византии VI в. — Прокопия Кесарийского (хранится в корректурах и чистых листах в С.-Петербургском филиале Архива РАН)²⁴, по своему научному уровню превосходящее ныне действующее издание Хаури. Наконец, не иначе как дерзновенным может быть назван проект В. Н. Бенешевича по изданию многотомного корпуса источников византийского права, в деталях им продуманного, в значительной мере подготовленного в результате 30-летней подвижнической археографической его деятельности по собиранию рукописного материала, частично даже проведенного в жизнь, но по независящим от него причинам оставшегося неосуществленным²⁵.

Особое место в «иерархии исследовательских процедур», которой придерживались почти все представители петербургской школы византиноведения, занимала текстология (она, правда, скрывалась за бывшим тогда в ходу понятием «критического анализа»), давшая обильные результаты в деле датировки памятников, установления подлинного авторства и т. д. Этот аспект исследований характерен почти для всех трудов В. Г. Васильевского, который «изумил ученый мир, сделав целый ряд неожиданных открытий»²⁶. Так, например, общепризнанным является его вывод (результат текстологических исследований!), что жития, известные под именем Симеона Метафраста (магистра и логофета) и известная «Хроника Логофе-

²² *Regel W. Fontes rerum byzantinorum. Petropoli. 1892–1917. Т. 1–2. Ср. также: Regel W. Analecta Byzantino-Russica. Petropoli, 1891.*

²³ См. об этом: *Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики. Л., 1988. С. 5–6, 236–237.*

²⁴ См. об этом: *Анфертьева А. Н. М. Н. Крашенинников: К портрету ученого и человека // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 374–419.*

²⁵ См. об этом ниже, с. 215–249.

²⁶ *Безобразов П. В. Василий Григорьевич Васильевский (некролог) // ВВ. 1899. Т. 6. С. 642.*

та» написаны одним автором (решить вопрос помогли и славянские списки хроники, нередко более исправные, чем греческие), что Симеон Метафраст, которого В. Г. Васильевский считал центральной фигурой в византийской агиографической литературе, жил не в XI в., как полагали ранее, а во второй половине или даже в последней четверти X в., что часть хроники «Продолжателя Амартола» (с 842 по 948 г.) целиком заимствована из «Хроники Логофета» и не имеет значения самостоятельного источника, как и компиляция (из Логофета) Льва Грамматика, которая к тому же уступает по точности компиляции Феодосия Мелитинского²⁷. Именно Васильевскому принадлежит заслуга обнаружения и обоснования достоверности свидетельств двух других житий (Стефана Сурожского и Георгия Амастридского) о походах Руси на Византию задолго до принимаемой норманистами даты основания Русского государства (призвание варягов в 862 г.) — на рубеже VIII–IX вв. на Сурож — Судак в Крыму и в период между 820 и 842 гг. на южное побережье Черного моря, в частности на Амастриду²⁸. Все эти обоснованные В. Г. Васильевским выводы, по мнению Ф. И. Успенского, «останутся навсегда памятником высокого критического таланта, большого ума и громадной начитанности в источниках»²⁹.

Не отставали от Васильевского в этой области его ученики и последователи. Так, после отмеченных выше исследований Б. А. Панченко в области текстологии «Тайной истории» Прокопия Кесарийского (так же как и синхронных с ними трудов Хаури) мало кто уже сомневается в подлинности этого произведения и в его принадлежности Прокопию³⁰. Пронизаны текстологическим методом почти все труды творца «юридической археографии» В. Н. Бенешевича, который по поводу своего капитальной-

²⁷ *Васильевский В. Г.* 1) О жизни и трудах Симеона Метафраста // ЖМНП. 1880. Ч. 212; 2) Хроника Логофета на славянском и греческом // ВВ. 1895. Т. 2; 3) Синаодальный кодекс Метафраста // ЖМНП. 1897. Ч. 311.

²⁸ *Васильевский В. Г.* Труды. СПб., 1915. Т. 3. С. III–CXII, 1–76 (Житие св. Георгия Амастридского); с. CXIII–CCLXXVIII, 77–98 (Житие св. Стефана Сурожского). Появившиеся было в 40–50-х гг. нашего столетия сомнения западных ученых были отвергнуты И. Шевченко, подкрепившего аргументацию Васильевского новыми наблюдениями, позволяющими даже несколько сузить время примерной датировки похода Руси на Амастриду (между 825 и 842 гг.). См.: *Ševčenko I.* Hagiology of the Iconoclast Period // *Iconoclasm.* Birmingham. 1977. P. 121–125. См. также: *Литаврин Г. Г.* Василий Григорьевич Васильевский — основатель С.-Петербургского центра византиноведения (1838–1899) // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 14.

²⁹ *Успенский Ф. И.* Академик В. Г. Васильевский: Обзор главнейших трудов его по изучению Византии // ЖМНП. 1899. Ч. 10. Отд. 2. С. 331.

³⁰ См.: *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Перевод, статья, комментарий А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 446.

шего исследования о номоканоне XIV титулов, вышедшего в свет в 1905 г. и защищенного в 1906 г. в качестве магистерской (sic!) диссертации³¹, пишет в «Автобиографии», что эта книга «вызвала большой интерес к себе только в 1911 г., когда один из самых выдающихся исследователей древнейшей истории греко-восточной церкви Эд. Шварц убедился, что изданная им в 1910 г. работа не имеет ценности из-за незнакомства его с моей книгой»³². Прослеженная в ней Бенешевичем история переработок этого основного с точки зрения церковного права сборника в Византии важна и для сравнительного изучения истории таких сборников в славянских странах — в Моравии, на Руси, в Сербии.

Особая концентрация внимания представителей петербургской школы византиноведения на источниковедении не могла не зародить в недрах отечественной византистики целые отрасли так называемых вспомогательных, лучше сказать, специальных исторических дисциплин. Так, интенсивные занятия с греческими рукописями из собраний практически всего мира не могли не пробудить интереса к теории греческой палеографии³³: первым таким «теоретиком» был В. К. Ернштедт (1854–1902), перу которого принадлежат исследования об отдельных замечательных памятниках, описание порфирьевских рукописей, статья о коптском дукте византийского унциала, оставшаяся до сих пор неопубликованной статья «О поддельных (он называет их еще “мнимыми”. — И. М.) записях в греческих рукописях»³⁴. Его дело продолжил

³¹ Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года: К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905 (в 1907 г. вышли приложения).

³² Цит. по: Шапов Я. Н. Сборники византийского права в исследованиях и изданиях проф. В. Бенешевича // Кlio. 1979. Bd. 61. N. 1. S. 237. Любопытно отметить мнение Шварца и относительно другой работы В. Н. Бенешевича: обосновывая в 1933 г. необходимость критического издания «Синагоги в 50 титулов» Иоанна Схоластика, Шварц подчеркивает, что «есть только один ученый, который в состоянии выполнить такую задачу — член-корреспондент нашей (т. е. Берлинской. — И. М.) Академии В. Бенешевич». См.: Schwartz Ed. Die Kanonensammlung des Johannes Scholastikos // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wiss., Philos.-hist. Abt., Jahrgang 1933. Heft 6 (München, 1933). S. 6.

³³ Гранстрем Е. Э. Греческая палеография в России // ВИД. 1969. Вып. II. С. 121–134.

³⁴ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 733. Оп. 1. Д. 44 (9 л.). См. также: Д. 6 (материалы по палеографии, в том числе статья «Палеография как наука и палеографические наблюдения»); Куклина И. В. В. К. Ернштедт: Обзор научного рукописного наследия // Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 68–130.

его любимый ученик Г. Ф. Церетели (1870–1939?), который издал специальное руководство по сокращениям в греческих папирусах и средневековых рукописях (работа сохраняет свое значение и в наши дни), а также написал несколько статей по отдельным вопросам греческой палеографии и совместно с С. И. Соболевским выпустил два альбома снимков с датированных греческих рукописей собраний Петербурга и Москвы, писанных минускулом (снимки с рукописей снабжены подробным их описанием на латинском языке и транскрипцией некоторых текстов)³⁵. Выдающимся палеографом был В. Н. Бенешевич, подготовивший свой палеографический Синайский альбом, опубликовавший I и III тома каталога греческих рукописей Синайского монастыря Св. Екатерины и посвятивший этому собранию (история которого, по его словам, есть история его разграбления) специальное исследование³⁶. Не оставив каких-то «теоретических» разработок в области греческой палеографии, В. Н. Бенешевич тем не менее широко применял в своей богатой археографической практике совсем новые и совершенные методы, в частности кодикологию, филигранологию, отождествление писцов по почерку и т. д. Важно также отметить, что все трое названных ученых (а В. К. Ернштедт — первым) вели для студентов Петербургского университета (Г. Ф. Церетели — в Петербургском археологическом институте) занятия по греческой палеографии.

Необычайный размах получили в петербургском византиноведении сфрагистика (Н. П. Лихачев, Б. А. Панченко), нумизматика (И. И. Толстой, Н. П. Лихачев), христианская археология (В. В. Болотов, А. А. Дмитриевский, А. И. Бриллиантов, И. И. Соколов, Я. И. Смирнов), отпочковавшаяся от школы Ф. Ф. Соколова и развившая ее традиции христианская эпиграфика (И. В. Помяловский, В. К. Ернштедт, В. В. Латышев) и др. Даже историки искусства (Н. П. Кондаков и его ученики), в духе петербургской школы византиноведения, предпочитали заниматься в своей работе, по словам Д. В. Айналова, «не обобщением, не общим взглядом, в которых нет недостатка в науке, а исследованием, анализом форм и содержания византийского искусства»³⁷. Конкретная и скрупулезная научная работа пред-

³⁵ О трудах Г. Ф. Церетели см.: *Фихман И. Ф.* Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 226–258.

³⁶ См. о нем: *Гранстрем Е. Э.* 1) Греческая палеография в России. С. 132; 2) Владимир Николаевич Бенешевич (к 100-летию со дня рождения) // ВВ. 1973. Т. 35. С. 235–243.

³⁷ *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 270.

ставителей петербургской школы искусствоведов по накоплению археологического материала, по сбору и проверке письменных источников, по сравнительно-стилистическому анализу памятников искусства, всесторонне обоснованной атрибуции, а также «иконографический метод», позволивший выявить «иконографические типы» в византийском (да и древнерусском) искусстве, — все это контрастировало с эстетскими, «импрессионистическими» принципами подхода к иконописи представителей московской школы (в лице П. П. Муратова, Н. М. Шекотова, И. Э. Грабаря и т. д.), у которых «поэтическая восторженность и субъективно-эмоциональное восприятие иконописи заменяли науку»³⁸.

По мнению И. М. Гревса, В. Г. Васильевский, без сомнения, понимал, что все это источниковедение («анализ») — только путь (средство), а целью является синтез (восстановление целого), но «лишь тот синтез научен, который осторожно строится из тщательно анализированного материала»³⁹. Ему самому, правда, не привелось даже приступить к построению общей истории Византии, — задаче, по словам И. М. Гревса, «которая ему одному была по плечу и о которой он постоянно мечтал»⁴⁰. «Горько сожалешь, — пишет И. М. Гревс, — что жизнь не дала Васильевскому использовать замечательные качества своего изобразительно-го таланта на построении труда с широким размахом, вроде общей истории византийской культуры»⁴¹. Думается все же, что жалеть особенно не приходится, ибо его конкретные исследования назревших в науке проблем — гораздо более ценные приобретения науки, чем исполненные всевозможных «концепций» толстенные тома, а также тома бесчисленных «Историй Византийской империи», в том числе и тех, авторами которых были его ученики (как, например, А. А. Васильев⁴²)

³⁸ *Пятницкий Ю. А.* Доклад Н. П. Лихачева «Об иконе Владимирской Божьей матери» // ВИД. 1998. Вып. 26. С. 57. Правда, и в среде москвичей выделился круг исследователей, ближе стоявших к петербургской (ставшей классической) школе: Г. В. Жидков, В. Н. Лазарев, М. В. Алпатов (в ранних своих работах), И. А. Некрасов (Там же. С. 60). О дальнейших судьбах их см.: *Кызласова И. Л.* 1) История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси: 1920–1930 годы (по материалам архивов). М., 2000; 2) Александр Иванович Анисимов (1877–1937). М., 2000.

³⁹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 2. Д. 22а. Л. 249.

⁴⁰ Там же. Л. 7.

⁴¹ Там же. Л. 139.

⁴² Недавно появилось русское издание этого труда А. А. Васильева, когда-то составленного из переработанных лекций автора, переведенного и неоднократно издававшегося на английском, французском, турецком, испанском, греческом языках. См.: *Васильев А. А.* История Византийской империи. СПб.: Алетей, 1998. [Т. 1–2].

или сподвижники (Ф. И. Успенский⁴³). Отметим здесь лишь некоторые достижения исследовательского гения Васильевского⁴⁴.

В начале 1870-х гг. он публикует несколько статей, связанных с такой актуальной для истории западноевропейского Средневековья проблемой, как история первых Крестовых походов, в частности, одну из них под несколько неожиданным названием — «Византия и печенеги (1048–1094)»⁴⁵. В ней Васильевский убедительно указывает на непосредственную, основную причину первого Крестового похода — печенегов, вторгшихся на территорию империи, разгромивших ее армию и в союзе с турками-сельджуками поставивших Византию на край гибели, в связи с чем византийское правительство вынуждено было обратиться за помощью к Западу, обещая им за это самый Константинополь и все сокровища казны (при этом Васильевский, отводя все сомнения научной критики, мастерски обосновывает и убедительно доказывает подлинность письма Алексея I Комнина, сохранившегося в латинском переводе). Спасли Византию не крестоносцы, а другие кочевники — половцы, поэтому империя, укрепившись, довольно настороженно встретила в 1096–1097 гг. сначала ополчение Петра Пустынника, а затем и главные силы — рыцарское войско, первоначальной основной целью которых была именно помощь империи, спасение Константинополя, а не освобождение «Гроба Господня». Как справедливо замечает Г. Г. Литаврин, главный смысл этой работы В. Г. Васильевского заключается не в изучении событий самого первого похода крестоносцев, а в том, чтобы показать ученой публике, особенно западной, что уяснение крупнейших событий европейской истории невозможно при западноевропоцентристской позиции, исключающей из поля зрения народы, на самом деле втянутые в изучаемые события, прямо или косвенно, а именно население Древней Руси и кочевников Причерноморья⁴⁶.

Сенсационное впечатление на научный мир произвел труд «Варяго-английская и варяго-русская дружина в Константинополе XI–XII вв.»,

⁴³ См. также недавно переизданный в полном виде труд: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М., 1996–1997. [Т. 1–3]. Труд переведен на сербский язык; недавно вышел в свет (с моим послесловием): *Фјодор Успенски.* История Византијског царства. Београд: Zepher Book World. 2000. [Т. 1–3].

⁴⁴ См. об этом: *Литаврин Г. Г.* Василий Григорьевич Васильевский. С. 11 и след.; *Цамутали А. Н.* Петербургская школа византиноведения // ВИД. 1991. Вып. 23. С. 11–13; *Заливалова Л. Н.* В. Г. Васильевский: ученый в свете материалов архивных собраний Москвы и Петербурга // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 41–43.

⁴⁵ ЖМНП. 1872. № 11–12. С. 116–165, 242–332.

⁴⁶ *Литаврин Г. Г.* Василий Григорьевич Васильевский. С. 11.

как и ряд других, в том же духе выполненных работ В. Г. Васильевского: широко известны его исследования «Законодательство иконоборцев» (1878), «О синодальном списке Эклоги императоров Льва и Константина и о двух списках Земледельческого закона» (1879)⁴⁷, но особую важность приобрели опубликованные в 1880 г. «Материалы для внутренней истории Византийского государства»⁴⁸, значительно расширившие проблематику византиноведческих исследований за счет изучения аграрного строя, податной системы, государственного устройства империи. Положив в основу этой своей работы аграрное законодательство императоров Македонской династии (новеллы императоров X — начала XI в. Романа Лакапина, Константина Порфирородного, Романа II, Никифора Фоки и Василия II), а также опубликованные в IV томе «Acta et Diplomata graeca medii aevi» Миклошичем и Мюллером, но совершенно неизученные грамоты и юридические акты, В. Г. Васильевский впервые познакомил ученый мир с целыми институтами (такими как прония, харистикий, морта), о которых дотоле почти ничего не было известно, даже такому знатоку византийского актового материала, как Цахариэ фон Лингенталь; он первым указал на «подлинные зародыши феодального порядка» в Византии, отметив принципиальную близость этих институтов к западным бенефициям. «Новые историки, — писал В. Г. Васильевский, — очень охотно говорят о феодализме в Византийском государстве в век Комнинов и Ангелов и большей частью ограничиваются внешними, несущественными, а часто и ложными признаками подобия в учреждениях, но от них ускользает именно наиболее напоминающая первоначальные феодальные учреждения система проний»⁴⁹. Глубокий и вдумчивый анализ аграрной, податной, юридической терминологии византийского актового материала и правовых памятников,

⁴⁷ Чувство острого сожаления напрасно потраченных усилий вызывает крупная работа Васильевского, посвященная нераспознанной им (как и многими другими авторами) подделке — уже известной нам «Записке готского топарха». См.: ЖМНП. 1876. Ч. 185 (июнь). С. 368–434. (Переиздано: Труды В. Г. Васильевского. СПб, Т. 2. С. 136–212.) Впрочем, и здесь можно согласиться с Н. С. Лебедевым, который, имея в виду именно эту работу, в тезисах к своей неизданной диссертации «Академик В. Г. Васильевский как византинист» пишет, что «при известной спорности и гипотетичности некоторых положений (работы Васильевского) всегда двигали вперед русскую историческую науку» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 991. Оп. 4. Д. 27. Л. 1).

⁴⁸ ЖМНП. 1879. Ч. 202. С. 160–232, 386–438; 1880. Ч. 210. С. 98–170, 335–440 (только первая часть этой работы перепечатана: Труды В. Г. Васильевского. 1930. Т. 4. С. 250–331).

⁴⁹ ЖМНП. Ч. 202. С. 415.

как и его разыскания в византийской метрической и монетной (в ее отношении к римской) системах, дал исследователям ключ к уяснению ранее полупонятных или вовсе непонятных документов⁵⁰.

Интерес к социально-экономическим отношениям, вызванный работами В. Г. Васильевского, стал еще одной отличительной особенностью петербургской, да и вообще русской школы византиноведения. Особенно интенсивно шла разработка проблем, связанных с крестьянским землевладением, с теми мерами византийского правительства, которые принимались в защиту его. Так, в 1883 г. Ф. И. Успенский (1845–1928) — «не менее, чем Васильевский, — громкое имя в истории византиноведения»⁵¹ — публикует обширное исследование, специально посвященное истории крестьянского землевладения в Византии, а также статью о значении византийской и южнославянской пронии⁵², в которых на материале монастырских уставов и грамот, постановлений поместных соборов XI–XII вв. он прослеживает возникновение и дальнейшую эволюцию института пронии в тесной связи с судьбами свободной общины и приходит к выводам, несколько отличным от выводов Васильевского. По мнению Успенского, свободная община, о которой писал и Васильевский, сохраняла большое значение до самого падения Византии. Главную опасность для нее ученый видел в распространении пронии, под которой он подразумевал «пожалование служилым людям населенных земель и других приносящих доход угодий в награду за оказанные услуги и под условием исполнения определенной службы»⁵³. Сближая пронию с бенефицием, он считал, однако, что только влияние Запада поддерживало ее распространение; сохранение и поддержка свободного крестьянства правительством явилось важнейшей причиной того, что византийская прония не превратилась полностью в феодальную⁵⁴.

Еще дальше от представлений своего учителя (В. Г. Васильевского) в области изучения крестьянской собственности отошел в своем, получившем широкую международную известность, исследовании

⁵⁰ Литаврин Г. Г. Василий Григорьевич Васильевский. С. 18.

⁵¹ Жебелев С. А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке // ВДИ. 1938. № 4. С. 14.

⁵² Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1883. С. 1–32.

⁵³ Сборник статей по славяноведению. С. 1.

⁵⁴ У пронии, впрочем, длинная «историографическая судьба», и в нынешних исследованиях о ней даже не упоминаются работы Васильевского и Успенского; все это уже лишь факт науки. См., например: Хвостова К. В. Прония: Социально-экономические и правовые проблемы // ВВ. 1988. Т. 49. С. 13–23.

Б. А. Панченко (1872–1920)⁵⁵. Подвергнув решительной критике «общинную» теорию Цахариэ — Васильевского — Успенского⁵⁶ и акцентировав внимание на сильных традициях римской частной собственности и влиянии частно-правовых институтов, Панченко обосновывал теорию о полном господстве личной крестьянской собственности, частнособственнических отношений на всем протяжении существования Византии, незначительном влиянии общины на общественные отношения и аграрный строй империи. И хотя точка зрения Панченко не была принята в русской науке (в том числе и некоторыми представителями петербургской школы византиноведения, например П. В. Безобразовым, приведшим ряд данных, опровергающих идею Панченко), она сыграла свою роль в отказе от преувеличения роли общины и ее идеализации, весьма ощутимой в предшествующей, находившейся под влиянием славянофильских идей, русской историографии. Немало нового внес Панченко и в методику аграрных исследований, перейдя к системно-массовому изучению материала грамот⁵⁷.

Значительное расширение фронта византиноведческих исследований привело к появлению первоклассных трудов по самым разным проблемам и в самых разных жанрах: серия статей Хр. М. Лопарева (1862–1918) о славянских и византийских житиях святых, обобщенная им в монографии⁵⁸, в основу текстологического анализа большой груп-

⁵⁵ *Панченко Б. А.* Крестьянская собственность в Византии: Земледельческий закон и монастырские документы // ИРАИК. 1904. Т. 9. С. 1–234 (есть отдельный оттиск, который вышел из печати раньше журнального: София, 1903).

⁵⁶ Как остроумно заметил М. Я. Сюзюмов, Панченко, «не желая выставить на первый план В. Г. Васильевского, чья память была особенно дорога всем византинистам», а также и своего начальника по РАИК, Ф. И. Успенского, всю мощь своей критики обрушивает на уже отошедшего в мир иной Цахариэ фон Лингентала (*Сюзюмов М. Я.* Научное наследие Б. А. Панченко // ВВ. 1964. Т. 25. С. 41). Об известной «ангажированности» некоторых идей Цахариэ и, в частности, его «славянской теории» (влияние славянских правовых воззрений на Константинополь с VIII в.), придуманной им в угоду национальному чувству русской Академии наук, отметившей его своим избранием, см.: *Медведев И. П., Таценко Т. Н.* Письма К. Э. Цахариэ фон Лингентала в архиве А. А. Куника // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 398–399. (К сожалению, в этом случае критическое чутье подвело В. Г. Васильевского, некритически воспринявшего и развившего некоторые субъективные и ошибочные, но столь лестные для «русского уха» идеи немецкого ученого.)

⁵⁷ Ср.: *Курбатов Г. Л.* История Византии (историография). Л., 1975. С. 118.

⁵⁸ *Лопарев Х. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков: Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Пг., 1914.

пы памятников агиографии был положен исторический принцип изучения источников (Лопарев был первым в отечественной и мировой византистике ученым, обратившим особое внимание на агиографические сочинения, связанные с Сирией, именно он и положил начало их изучению)⁵⁹; политические отношения Византии с арабами (им были посвящены магистерская и докторская диссертации А. А. Васильева (1867–1953)⁶⁰, в которых, как, впрочем, и в других его сочинениях и публикациях, широко используются арабские источники по истории Византии⁶¹); отношения византийского государства и церкви в XI в., получившие широкое освящение в замечательной монографии профессора С.-Петербургской духовной академии Н. А. Скабалановича (1848–1918)⁶², известного также своими работами «Религиозный характер борьбы османских турок с греко-славянским миром», «Разделение церквей при патриархе Михаиле Керулларие», «Византийская наука и школы», «О нравах византийского общества в средние века» и др.⁶³; вызвавшее широкий резонанс в обществе посмертное издание (под редакцией А. И. Бриллиантова) лекций по истории древней церкви профессора С.-Петербургской духовной академии В. В. Болотова (1854–1900)⁶⁴ — человека феноменальной учености, одаренного удивительными лингвистическими способностями (кроме греческого, латинского и древнееврейского, Болотов знал языки армянский, сирийский, персидский, арабский, коптский, эфиопский, или древнеабиссинский, а из новых европейских, кроме обычных, еще голландский, датский, португальский; ему доступны были иероглифы и клинопись) и склонностью к

⁵⁹ О Х. М. Лопареве в последнее время см.: *Заливалова Л. Н.* Х. М. Лопарев: Ученый и его рукописное наследие // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 213–225.

⁶⁰ *Васильев А. А.*: 1) Византия и арабы: Политические отношения Византии и арабов за время аморийской династии. СПб., 1900; 2) Византия и арабы: Политические отношения Византии и арабов за время македонской династии. СПб., 1902.

⁶¹ О А. А. Васильеве см.: *Куклина И. В.* А. А. Васильев: «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 313–338.

⁶² *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и церковь в XI в., от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884.

⁶³ О Н. А. Скабалановиче см.: *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. В. Тункиной. СПб., 1993 (машинопись). С. 783.

⁶⁴ *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. СПб., 1907. Т. 1–3; 1917. Т. 4 (репринт: М., 1994. Т. 1–4).

математике⁶⁵; выдающиеся труды по топографии Константинополя и по археологии византийского быта «отпрыска» петербургской школы византиноведения, казанского профессора Д. Ф. Беляева (1846–1901), первым поставившего на прочную научную основу изучение «Придворного устава» Константина Багрянородного⁶⁶; оставшийся незавершенным и неизданным, но вызывающий повышенный интерес нынешних ученых труд о топографии Константинополя, принадлежащий перу уже хорошо нам известного Б. А. Панченко⁶⁷; и т. д. и т. д.

Особо следует сказать о трудах представителей петербургской школы византиноведения, посвященных истории византийской культуры. В основе их также почти всегда лежал какой-то новый материал или даже конкретный источник, зачастую обнаруженный самим автором. Так, исходным пунктом и основным источником для замечательного сочинения Ф. И. Успенского «Очерки по истории византийской образованности» (СПб., 1891), т. е. (я в этом согласен с В. П. Бузескулом) «главного, лучшего по глубине, по богатству содержания, по новизне материала произведения Ф. И. Успенского»⁶⁸, служил синодик в неделю православия, опубликованный им по спискам синодальной библиотеки и ИПБ. На базе изучения греческих рукописей из собраний Ватиканской, Флорентийской, Венецианской, Парижской и Оксфордской библиотек (во время заграничной командировки 1886 г.) П. В. Безобразов (1859–1918) создает свой главный труд — магистерскую диссертацию о биографии Михаила Пселла⁶⁹, этот, по словам Я. Н. Лю-

⁶⁵ О В. В. Болотове см.: История древней церкви в научных традициях XX века. Материалы научно-церковной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины <...> В. В. Болотова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000; *Герд Л. А.* В. В. Болотов: обзор рукописного наследия // Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004. С. 256–285.

⁶⁶ *Беляев Д. (Ф.)* Byzantina. СПб., 1891–1906. Т. 1–3. О трудах Д. Ф. Беляева см. содержательный очерк (некролог) его ученика С. П. Шестакова: ЖМНП. 1901. Ч. 336 (июль). Современная летопись. С. 9–31.

⁶⁷ См. об этом: *Басаргина Е. Ю.* 1) Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 66–71; 2) Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 105–107.

⁶⁸ *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России. С. 721. А. Пальмиери также назвал этот труд Ф. И. Успенского (oeuvre éminentement original) его главным трудом, подчеркнув: «Нет ничего более интересного, чем живой рассказ о теологических спорах Варлаама и Григория Паламы и о связях первого с гуманистами итальянского Ренессанса, которые объединялись вокруг византийских писателей с целью изучить “язык богов”» (*Palmieri A.* La Russie et les études byzantines à Constantinople. S. d., s. l. P. 6).

барского, «обвинительный приговор» знаменитому византийскому философу⁷⁰. Из богатейшей искусствоведческой продукции назовем здесь лишь докторскую диссертацию Д. В. Айналова «Эллинистические основы византийского искусства»⁷¹, книгу, которая «так ясно и точно сформулировала одну из фундаментальных проблем византистики, что сделалась классической»⁷². Ну и так далее.

Расцвет петербургского византиноведения в значительной мере был обусловлен также и перестройкой в самой организации научных исследований. Выше уже отмечалось, что центр тяжести их сместился с Академии наук на университет, что позволило решить проблему с воспитанием новой византиноведческой «поросли». Однако с назначением в 1889 г. президентом Академии наук великого князя Константина Константиновича установилось равновесие и даже своеобразная «смычка» между этими двумя центрами византиноведения — академическим и университетским. Если до этого две трети академических кафедр занимали «этнические немцы» (либо выходцы из Германии, либо воспитанники Дерптского университета), то теперь университетские профессора В. Г. Васильевский, Н. П. Кондаков и Ф. И. Успенский — в византистике, П. В. Никитин и В. В. Латышев («факультативные византисты») — в антиковедении стали едва ли не первыми «природными русскими» академиками по своим специальностям (и это не считая членов-корреспондентов И. В. Помяловского, В. В. Болотова, Д. Ф. Беляева, Д. В. Айналова, В. Э. Регеля и т. д.)⁷³.

⁶⁹ *Безобразов П. В.* Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890. Ч. 1. (Второй части не последовало.) Работа перепечатана недавно в одном томе с книгой Я. Н. Любарского о Пселле, см.: *Безобразов П. В., Любарский Я. Н.* Две книги о Михаиле Пселле. СПб.: Алетейя, 2001. С. 11–182.

⁷⁰ *Любарский Я. Н.* Михаил Пселл: личность и творчество (к истории византийского предгуманизма). М., 1978. С. 6. Ср. в переиздании труда: Две книги о Михаиле Пселле. С. 192 («Книга Безобразова — суровый приговор Пселлу»).

⁷¹ *Айналов Д. (В.)*. Эллинистические основы византийского искусства: Исследования в области ранневизантийского искусства. СПб., 1900. Доказательством того, что книга не устарела, является ее опубликование в английском переводе: *Ainalov D. The Hellenistic Origins of Byzantine Art / Transl. E. and T. S. Sobolevich. Ed. C. Mango. New Brunswics, 1961.*

⁷² *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М., 1986. С. 271.

⁷³ *Тункина И. В.* В. В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам Рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 202.

А. А. Куник, продолжавший занимать академическую кафедру русской истории и, как мы видели, обосновавший, подготовивший и вызвавший к жизни это «русское нашествие» на Академию, как кажется, сам не ожидал такого эффекта⁷⁴. Не этим ли и вызвана его не совсем понятная по своим причинам размолвка с В. Г. Васильевским, которого он же в 1890 г. и провел в академики, заявив, что «только с появлением многочисленных трудов В. Г. Васильевского стало все более и более укореняться у нас убеждение в значении византиноведения как специальной науки, достойной неусыпной деятельности»⁷⁵. Кстати, в историографической литературе не раз обсуждался вопрос о возможном влиянии Куника на Васильевского, сопоставлялась их роль в зарождении византиноведения в России⁷⁶. Сравнивая их, Ф. И. Успенский писал, что в изучении византийской истории Кунику принадлежали «старшинство и авторитет», Васильевскому — «боевая сила и влияние»⁷⁷. Соглашаясь с этим определением и также задавая себе вопрос о возможном влиянии Куника на Васильевского, С. Ф. Платонов, который причислял себя к ученикам Васильевского, приводил слова самого Васильевского, который «с обычной скромностью заявил однажды», что он «никогда не счел бы бесчестьем для себя и считаться учеником Куника»⁷⁸. Вместе с тем у С. Ф. Платонова «не было сомнения, что от Куника мог исходить лишь первый толчок в сторону изучения Византии, лишь сама идея необходимости такого изучения; научное же движение в этой области руководилось не Куником, а именно Васильевским»⁷⁹.

⁷⁴ Находившийся в теснейших связях с Куником П. А. Сырку в письме из Берлина от 24 ноября 1896 г. пишет: «Я весьма радуюсь, что Вы приняли так к сердцу (sic!), как я вижу из Вашего письма, вопрос о Кондакове, относительно которого мои слова оказались истинными, что Васильевский хочет провести его в Академию. Нужно, однако, заметить, что *русская клика* (выделено мною. — И. М.) не остановится перед первой неудачей, но будет стараться воспользоваться удобным случаем на будущее время» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 2. Д. 1044. Л. 110 об).

⁷⁵ Куник А. А. Записка об ученых трудах члена-корреспондента ИАН В. Г. Васильевского. СПб., 1890.

⁷⁶ Цамутали А. Н. Петербургская школа византиноведения // ВИД. 1991. Вып. 23. С. 8–9.

⁷⁷ Успенский Ф. И. В. Г. Васильевский: Некролог // ЖМНП. 1899. № 6. С. 4.

⁷⁸ Ср.: Васильевский В. Г. Еще раз о мнимом славянстве гуннов: Ответ Д. И. Иловайскому // ЖМНП. № 4. С. 391.

⁷⁹ Платонов С. Ф. Сочинения / Изд. второе. СПб., 1912. С. 192.

В нашем распоряжении находится ранее неизвестное письмо В. Г. Васильевского к А. А. Кунику от 9 ноября 1892 г. (обнаружено нами при просмотре бумаг последнего), которое дает представление о характере их взаимоотношений⁸⁰. «Высокоуважаемый Арист Аристович! — говорится в нем. — Вопрос об издании Амартола и Логофета в видах ускорения хода дел, по моему мнению, было бы всего лучше решить так, чтобы Срезневский издавал Амартола, а Логофета взял бы на себя Лопарев. Иначе исполнение Ваших любимых планов затянется до бесконечности, — Афанасий Федорович Бычков непреклонен в своих принципах, безжалостен и неумолим; он не хочет отпустить оригинальную рукопись Логофета даже в академическую библиотеку. Лопарев, служа сам в Публичной библиотеке, мог бы иметь подлинник под рукою хоть каждый день, приходя на службу несколько ранее обычного... На первый раз в виде опыта мы могли бы, согласившись вдвоем, поручить ему это дело частным образом, а после внести предложение в отделение... Есть еще другой пункт, Арист Аристович, который меня занимает и который вызывал бы к личной беседе, если бы обстоятельства не полагали тому непреодолимых препятствий. Я полагаю, что в этот год нам нужно воздать надлежащую честь Василию Эдуардовичу Регелю за его редакторскую деятельность по изданию Византийского Временника (о нем нам еще предстоит сказать. — *И. М.*), за исполнение поручений Академии наук по делу подготовки к печатанию афонских актов, за его собственные учение, труды и издания... Так как ничто другое большее невозможно, то предложим его, по крайней мере, в члены-корреспонденты. Это будет все-таки засвидетельствование и признание... Я уверен, что я только предвосхищаю Вашу мысль, и на сей раз уже не буду в противоречии с Вашими взглядами. Для меня это было бы большою горечью. Прошу Вас верить, дорогой Арист Аристович, что я никогда не переставал искренне и глубоко уважать Вас, даже более — любить Вас. Полагаю, что многие высокие качества Ваши я способен оценить даже более, чем кто другой. Есть злые и злобствующие личности (в сущности, я знаю одного, который сам мне признался в своей подлости), которым было

⁸⁰ Как известно, оба они (Куник и Васильевский) выступили перед историко-филологическим отделением ИАН с совместным проектом по составлению «Перечня византийских грамот и писем», предусматривавшим программу изучения византийской хронологии и проверки византийских источников грамотами и письмами (черновик записки — автограф А. А. Куника — хранится в протокольных бумагах к заседанию ИФО ИАН от 19 января 1894 г.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 2. 1894. Д. 27. Л. 2–8 об.).

желательно поселить между нами вражду и недоверие... Желаю Вам доброго здоровья, душевно преданный В. Васильевский»⁸¹.

С притоком свежих сил в Академию академическое византиноведение обрело новое дыхание. Чрезвычайно оживилась деятельность «Порфирьевской комиссии», председателем которой после смерти А. А. Куника стал акад. П. В. Никитин. Образованная во исполнение «духовного завещания» епископа Порфирия (Константина Александровича Успенского, 1804–1885)⁸², завещавшего свой капитал в 24 тыс. рублей Императорской Академии наук с целью издания его трудов и раскрытия его уникальных коллекций, академическая комиссия наметила обширную программу реализации этих планов и ответственных за выполнение отдельных «объектов»⁸³. А. Ф. Бычков, В. Г. Васильевский, В. К. Ернштедт, П. К. Коковцев и другие осуществили подробное описание порфирьевской коллекции греческих и других восточных рукописей, приобретенной еще в 1883 г. за 5000 руб. Императорской Публичной библиотекой (эта работа, начавшись еще при жизни еп. Порфирия, как бы выходила за рамки академической «Порфирьевской комиссии»). Разбор и подробное описание богатейшего архива еп. Порфирия были поручены приват-доценту Петербургского университета П. А. Сырку

⁸¹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 3. Д. 111. Д. 244–245 об. Как свидетельствует И. М. Гревс, Василия Григорьевича угнетала мысль, что из-за своей и Куника болезни он не смог встретиться и примириться с ним: «Что Арист Аристович? До меня доходят тревожные слухи... Он не должен умирать в мое отсутствие и не примирившись со мною вполне» (из письма к Л. Н. Майкову от 17 января 1899 г.); «Арист Аристович все-таки умер (19 января 1899 г. — И. М.), когда не нужно было ему этого делать. По крайней мере, я лично молил Бога, чтобы его дни продлились, по меньшей мере, на год, дабы я, воротившись из-за границы, имел возможность с ним вполне примириться» (из письма от 22 января 1899 г.). Ср.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 332–333. Впрочем, В. Г. Васильевский вполне очистил свою совесть тем, что, смертельно больной, написал проникновенный некролог своему старшему коллеге, вышедший уже как посмертная статья (некрологи обоим ученым появились в одном томе: ВВ. 1899. Т. 6. С. 619–636: Некролог А. А. Кунику; С. 636–658: Некролог В. Г. Васильевскому, составленный П. В. Безобразовым).

⁸² О епископе Порфирии см.: *Арх. Иннокентий (Просвирнин)*. Памяти епископа Порфирия // Богословские труды. 1985. Т. 26. С. 315–325; *Герд Л. А.* Еп. Порфирий Успенский: из эпистолярного наследия // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 8–21.

⁸³ Материалы комиссии (записки, протоколы заседаний, отчеты, счета, переписка, черновики, корректурные листы, рукописи, и т. д.) сохранились в фондах А. А. Куника и П. В. Никитина: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 3. Д. 111; Ф. 36. Оп. 1. Д. 282.

(«Этот молодой ученый посвятил более года неутомимых трудов на приведение в порядок, группировку и описание бумаг преосвященного Порфирия, на составление перечневого каталога», — говорится в донесении А. Ф. Бычкова и А. А. Куника общему собранию ИАН 7 ноября 1887 г.)⁸⁴; ему же (под «наблюдением» академиков В. В. Латышева и П. В. Никитина) была поручена подготовка к изданию восьми томов дневников ученого («Книга бытия моего») и заключительной части его «Истории Афона», с чем Сырку блестяще (хотя и не без свойственных ему скандалов) справился⁸⁵. Подготовка к изданию собранных Порфирием материалов о сношениях восточных патриархатов с Россией были доверены Х. М. Лопареву, которому удалось опубликовать лишь один том — о связях Александрийской патриархии с московским правительством и русской церковью⁸⁶. Создание альбома икон синайской и афонской коллекций Порфирия поручили Н. П. Кондакову⁸⁷. Редактирование порфирьевского каталога греческих рукописей афонских монастырей было поручено А. И. Пападопуло-Керамевсу, наблюдение за его печатанием — П. В. Никитину, а составление указателей к нему — П. В. Безобразову (по свидетельству П. В. Никитина, «печатание текста, начатое в 1901 году, было закончено в 1912 году, еще при жизни Афанасия Ивановича»⁸⁸, но труд, к сожалению, так и не вышел в свет и его нынешняя судьба неизвестна)⁸⁹; аналогичное поручение Академии

⁸⁴ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 3. Д. 111. Л. 42–43 об. См.: Сырку П. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию наук по завещанию. СПб., 1891.

⁸⁵ Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. СПб., 1894–1902. Т. 1–8. О попытках В. В. Латышева и П. В. Никитина вычеркивать из дневников Порфирия «сомнительные в цензурном отношении листы» и о конфликте с ними на этой почве П. А. Сырку см. их переписку: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 36. Оп. 1. Д. 282. Л. 36–46, 53–54. Ср. также: Иодко О. В. П. А. Сырку: пятнадцать лет служения византистике // Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004. С. 346–383.

⁸⁶ Александрийская патриархия: Сборник материалов, исследований и записок, относящихся до истории Александрийской патриархии / Том 1 составлен архим. Порфирием (Успенским). Изд. Имп. АН под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1898.

⁸⁷ См.: Иконы синайской и афонской коллекций преосв. Порфирия, издаваемые в лично им изготовленных 23 таблицах / Объяснительный текст Н. П. Кондакова. СПб., 1902.

⁸⁸ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 36. Оп. 1. Д. 282. Л. 1–4.

⁸⁹ Эту историю пытался выяснить во всех деталях В. Н. Бенешевич, см.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 1. Д. 31.

наук, связанное с подготовкой к печати порфирьевского каталога греческих рукописей синайского монастыря св. Екатерины, получил В. Н. Бенешевич, вложивший в это дело много труда, времени, а также результатов собственных исследований синайских рукописей⁹⁰. Наконец, издание собранных Порфирием копий актов афонских монастырей было поручено еще А. А. Куником В. Э. Регелю, который, однако, изучив их, пришел к выводу об их непригодности в качестве основы издания⁹¹ и, не довольствуясь даже фотографиями П. И. Севастьянова, предпринял неоднократные и длительные поездки на Афон с целью более глубокого ознакомления и наиболее точного отображения хранящихся там монастырских актов, создав, таким образом, прочную базу для собственной серии «Actes de l'Athos», обеспечившей мировое византиноведение ценнейшим источниковедческим материалом на многие десятилетия вперед, да еще и ныне не утратившей своего значения.

Качественно новую, научно организованную фазу в развитии петербургского (а вместе с ним и всего российского) византиноведения ознаменовал выход в 1894 г. первого тома периодического академического органа под названием «Византийский временник», ставшего средоточием, единым и объединительным центром исследовательской работы в области истории Византии, которая велась не только в России, но и на всем «православном Востоке», прежде всего в Греции и Турции. Задуманный при своем основании именно как «русско-греческий» журнал, материалы которого публиковались на двух языках — русском и греческом, а сотрудниками были в равной мере как русские, так и греческие ученые, «Византийский временник» тем не менее в своей критической и библиографической части учитывал результаты всевропейского византиноведения, находясь в тесной координационной связи с международным крумбахеровским журналом «Byzantinische Zeitschrift» (основан в 1892 г. в Мюнхене).

⁹⁰ Описание греческих рукописей монастыря Св. Екатерины на Синае. Том I: Замечательные рукописи Синайского м-ря и Синаеджуванийского подворья (в Каире), описанные архим. Порфирием (Успенским) / Издание Академии наук, исполненное на завещанные ей еп. Порфирием средства, под редакцией и с дополнениями В. Н. Бенешевича. СПб., 1911. XXVIII + 663 с. со снимками; Том III, вып. 1: Рукописи 1224–2150. Пг., 1917. IV + 356 с. Незавершенный том II (рукописи 1–1223) хранится в: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 1. Д. 26; Оп. 3. Д. 51–54, 112–115, 182.

⁹¹ См. его «донесение» в III Отделение ИАН от 21 мая 1890 г., из которого мы, помимо всего прочего, узнаем, что издание должно было носить название «Diplomatarium Athoniense»: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 95. Оп. 3. Д. 111. Л. 95–96.

До недавних пор нам ничего не было известно о подробностях основания журнала, о его инициаторах, о тех принципах, которые были положены в основу издания «Византийского временника». И только целенаправленная поисковая работа в архивах позволила выявить целый комплекс документов первостепенной важности, в которых получили свое адекватное выражение как общая концепция журнала, его программа, включающая в себя политическое, идеологическое и научное обоснование необходимости издания именно в данный исторический момент, так и все необходимые технические детали воплощения этой программы в жизнь⁹². Выяснилось, например, что подлинным творцом и фактическим редактором «Византийского временника» был опять же В. Э. Регель, которому и пришла «счастливая мысль» основать при Академии наук «повременное издание, предназначенное для изучения судеб Византии, с коими так тесно связано наше духовное бытие» и который в этом своем начинании получил энергичную поддержку со стороны государственного контролера д. т. с. Т. И. Филиппова (это его слова мы только что процитировали)⁹³, «августейшего Президента» Императорской Академии наук Великого Князя Константина Константиновича и всего Историко-филологического отделения ИАН, которое, «отнесясь с полным сочувствием к предложениям Филиппова и Регеля и одобряя их в принципе», на заседании 19 мая 1893 г. «положило ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об ассигновании нужных на это издание средств».

Создается впечатление, что академик В. Г. Васильевский, избранный на заседании ИФО от 3 ноября 1893 г. для «ближайшего заведования» изданием в качестве первого и главного редактора (вторым редактором был определен «магистр В. Э. Регель»), лишь «прикрыл» собственным авторитетом и именем своего бывшего ученика, который по молодости, по отсутствию у него академического звания, а не в последнюю очередь, наверное, и по своему «реформатскому» исповеданию⁹⁴, не мог претендовать на единоличное

⁹² *Медведев И. П.* К истории основания «Византийского временника»: неизвестные документы и факты // Россия и Христианский Восток / Под ред. Б. Л. Фонкича. М., 1997. С. 226–244 (переиздается в нашем томе, см. ниже. С. 138–157).

⁹³ О его заслугах перед отечественным византиноведением см.: *Медведев И. П.* «Византийское хобби» государственного контролера Т. И. Филиппова // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди (сб. ст. в честь Б. В. Ананьича). СПб., 2003. С. 268–272.

⁹⁴ Если верить А. А. Васильеву, многими это последнее обстоятельство считалось неприемлемым для «православного» византиноведческого органа. См.: *Васильев А. А.* Мои воспоминания о В. Г. Васильевском // *Annales de l'Institut*

редакторство. Хотя обязанности каждого из редакторов были строго оговорены (на долю «первого» приходились наиболее важные и общие вопросы, касающиеся функционирования журнала) и хотя именно его перу принадлежит окончательная научно обоснованная программа (все регелевские «предположения» были как бы предварительными), ознакомление со всей наличной документацией, отражающей работу редакции⁹⁵, говорит за то, что В. Г. Васильевский не вмешивался в работу В. Э. Регеля, предоставив ему полную свободу деятельности. После смерти своего учителя в 1899 г., то есть с VI тома ВВ, В. Э. Регель становится единоличным редактором, хотя официально он был утвержден в этом качестве почему-то лишь после заседания ИФО 2 марта 1905 г., по докладу академика П. В. Никитина, «за неимением в составе Академии специалиста по Византии»⁹⁶. Как бы то ни было, монументальные тома 1–21 регелевского «Византийского временника» — это подлинный клад византиноведческой мысли, без которого невозможно теперь представить историю мирового византиноведения.

Хотя В. Г. Васильевский сначала не был горячим сторонником основания специализированного византиноведческого печатного органа⁹⁷, он не мог не поддержать начинание своего ученика. В этой связи представ-

Kondakov. 1940. T. 11. P. 211. Note 1. Любопытно отметить реакцию Д. Ф. Беляева на известие о предполагавшемся издании журнала, высказанную им в письме к И. В. Помяловскому от 8 февраля 1893 г.: «Очень рад, что Regel задумал издавать Византийское Обозрение (так сначала предполагалось назвать журнал. — И. М.). Дай Бог ему успеха. Если никто из русских ученых не берется за это дело, то можно благодарить и немца за благое предприятие. Только вряд ли он долго продержится, если ему не поможет какое-нибудь учреждение» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 122).

⁹⁵ См.: *Медведев И. П.* В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 157–180.

⁹⁶ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 127. Оп. 1. Д. 115. Д. 3.

⁹⁷ Вообще-то идея образования Всероссийского византийского общества и издания специального органа родилась в Одессе еще задолго до основания журналов *Byzantinische Zeitschrift* и «Византийский временник». Ее страстным инициатором и апологетом был Ф. И. Успенский, обращавшийся с письмами в соответствующие «инстанции», но в то время еще не нашедший поддержки, в том числе и (внимание!) со стороны В. Г. Васильевского, о чем мы узнаем из их переписки 1888 г., опубликованной Ф. И. Успенским. В одном из писем (от 1 сентября 1888 г.) Васильевский пишет: «Ваша идея об учреждении особого византийского общества, как я ни стараюсь, никак не может расшевелить ни моего сердца, ни моего ума <...>. Зачем новое и особое общество для Византии? Разве ею не должны заниматься существующие всякие общества истории и древностей? Разве нас так много? <...> О всероссийском обществе для изучения Византии можно только мечтать, да и то еще — нужно ли?» (*Успенский Ф. И.* Из

ляет интерес разработанная Васильевским научная программа нового издания, которая долгое время оставалась неизвестной и лишь недавно была отыскана и опубликована нами. Не пересказывая здесь ее содержания, стоит все же отметить, что и здесь, определяя «ближайшие задачи» журнала, В. Г. Васильевский исходит из разработанной им «иерархии исследовательских процедур». При этом неоднократно подчеркивалось, что «Византийский временник» в качестве периодического издания не должен быть только сборником более или менее ценных статей, но «объединяющим и руководящим органом византологии в России»⁹⁸.

Это был, конечно, «золотой век» русского (прежде всего петербургского) византиноведения, добившегося общезначимых результатов, причем эта общезначимость была очевидна всему миру. Зарубежные коллеги стремились к установлению тесных контактов с русскими учеными, были частыми гостями в Петербурге. В архивах Петербурга хранится множество писем выдающихся зарубежных и русских византинистов с обсуждением актуальных научных проблем (нередко это целые микро-трактаты)⁹⁹, с изложением всевозможных просьб зарубежных коллег о предоставлении научных материалов, разного рода консультаций, о содействии в получении доступа к рукописным хранилищам христианского Востока (эта функция русских ученых — выступать в роли знатоков рукописных сокровищ христианского Востока и экспертов при выявлении нужных материалов — особенно ценилась в Европе), с выражением благодарности за оказанную помощь. Немало было попыток наладить международное сотрудничество в области византиноведения, в котором русским ученым отводилась отнюдь не второстепенная роль¹⁰⁰.

истории византиноведения в России // *Анналы*. 1922. Т. 1. С. 121). Несомненно, что эта позиция В. Г. Васильевского распространялась и на идею издания специального византиноведческого журнала, ибо он считал, что и уже существующие журналы (и прежде всего «Журнал Министерства народного просвещения», редактором которого он был долгие годы) достаточны для печатания византиноведческой продукции. Его ученик Регель был, как видим, на этот счет иного мнения.

⁹⁸ См. ниже, с. 154.

⁹⁹ На эту тему мною даже опубликована специальная статья, см.: *Медведев И. П.* Недодуманные мысли: письма антиковедов и византинистов как особый жанр историографии (на примере переписки И. В. Помяловского) // *Scripta Gregoriana: Сб. в честь 70-летия академика Г. М. Бонгард-Левина*. М., 2003. С. 300–310. См. также: *Медведев И. П.* Русский вклад в создание «Греческой библиографии» Эмиля Леграна // *Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова*. М., 2000. Вып. 5. С. 205–216.

¹⁰⁰ См. об этом: *Медведев И. П.* Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге как источник по истории науки // *Вестник РГНФ*. М., 1997. № 3. С. 59–62.

Нельзя, конечно, сказать, что все, что было «наработано» русскими византинистами, становилось достоянием мировой науки¹⁰¹, и здесь мы сталкиваемся с большим вопросом, уже в те благословенные времена заронившим зерно трагической обстановки отчуждения во взаимоотношениях русской и зарубежной науки, — с языковым барьером в виде трудно преодолимого для европейца русского языка и русской «кириллической» письменности. Имея полную возможность публиковать свои исследования на европейских (или, скажем, на латинском) языках, русские ученые считали своим долгом публиковаться (по крайней мере, на страницах русских изданий) на русском, и это создавало массу проблем для иностранцев. Одни из них с горечью вынуждены были сознаваться в своеобразном «комплексе неполноценности», связанном с незнанием ими русского языка («мое незнание русского языка и литературы, — пишет академику А. А. Кунику выдающийся немецкий историк права Цахариз фон Лингенталь, — мешает мне представить (для опубликования. — И. М.) нечто более совершенное, и особенно я сожалею, что не могу оценить работы А. Павлова... Как часто я сожалел, что не могу следить за русской литературой! Наша молодежь должна будет постараться овладеть этим языком»¹⁰²); другие приходили в отчаяние, в раздражении обзывая русский язык «скифским» (А. И. Пападопуло-Керамевс¹⁰³); третьи обвиняли русских в том, что те сознательно публикуются на русском, чтобы утаить результаты исследований (Юлихер и Тэрнер в адрес В. Н. Бенешевича¹⁰⁴).

Были, разумеется, и другие, которые, сознавая невозможность стать компетентным специалистом в области византиноведения без умения понимать русскую книгу и не желая мириться с безвыходностью, принимались за изучение русского. В этом отношении пример выдающегося немецкого исследователя, основателя западноевропейской научной византистики Карла Крумбахера (1856–1909) весьма показателен. Он самостоятельно выучился русскому языку, пользуясь всяким удоб-

¹⁰¹ В. Г. Васильевский, правда, считал, что «почти все достойное внимания доходило до сведения западной публики» (ВВ. 1899. Т. 6. Прилож. С. 5–6).

¹⁰² *Медведев И. П., Таценко Т. Н.* Письма К. Э. Цахариз фон Лингенталь в архиве А. А. Куника // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 419 (№ 26), 426 (№ 38).

¹⁰³ *Медведев И. П.* А. И. Пападопуло-Керамевс: «петербургские ночи» ученого грека (по неизданным документам и письмам) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 290.

¹⁰⁴ *Щанов Я. Н.* Сборники византийского права в исследованиях и изданиях проф. В. Бенешевича // *Klio*. 1979. Bd. 61. S. 236.

ным случаем говорить по-русски и приобретаю широкое знакомство с русскими трудами по своей специальности. Более того, пленяясь русской художественной литературой (он даже использовал ее для иллюстрации византийских характеров: так, Никифор Фока, по его мнению, — это Дмитрий и Алеша Карамазовы в одном лице), он считал русский язык «единственным из славянских языков, который кажется призванным занять место в ряду нынешних главных культурных языков». Он даже находил возможным предсказывать, что «русский язык, вероятно, возвысится даже до положения одного из главных мировых языков», а со временем языками мирового общения будут, главным образом, два языка, английский и русский»¹⁰⁵, и т. д. Приходится констатировать, что выдающийся ученый может оказаться неважным пророком. Но его ли в этом вина, или нас, нынешних, оказавшихся столь плохими наследниками великой культуры!

В силу своего высокого научного авторитета петербургские историки-византинисты оказали решающее воздействие и на формирование очагов византиноведения в других российских, прежде всего, университетских городских центрах (Одесса, Казань, Дерпт, Харьков и др.), которые фактически играли роль своеобразных филиалов петербургского византиноведения («Что делается в петроградско-юрьевском ви-

¹⁰⁵ *Krumbacher K. Populäre Aufsätze. Leipzig, 1909. S. 364–367.* О том впечатлении, которое Крумбахер произвел своим русским языком во время приезда в Петербург в 1894 г., сообщает А. А. Васильев: «Обсуждался вопрос, как его встретить, куда вести, на каком языке беседовать. Надо вспомнить, что сам Васильевский, читая свободно на всех языках Западной Европы, ни на одном из них не говорил. Мы, молодые византинисты, также как следует не говорили в то время на иностранных языках. Конечно, для Регеля, барона Розена и Куника немецкий язык был родным. И вот, приехал Крумбахер, молодой, приветливый, простой и, к общему удивлению и восхищению, сразу заговорил по-русски. Оказалось, что в Мюнхене образовалась группа лиц, которые задались целью изучить русский язык, и к ней принадлежал Крумбахер. Интересно было наблюдать за ним, когда, особенно в начале, барон Розен или Регель заговаривали с ним по-немецки. Он упорно отвечал им по-русски, так что в конце концов все говорили по-русски. Я был на обеде, данном в честь Крумбахера для небольшого числа лиц Васильевским у него на квартире. Был также на приеме у В. И. Ламанского, где собралось много гостей разных интересов и направлений, желавших встретить германского византолога. На следующий день был обед в особняке Регеля. Крумбахер обворожил всех своею простотою, любезностью и русской речью. Васильевский был, конечно, на всех приемах, и я почти никогда не видел его столь веселым и довольным, как в крумбахеровские дни. Они много и оживленно беседовали друг с другом» (*Васильев А. А. Мои воспоминания о В. Г. Васильевском // Annales de l'Institut Kondakov. 1940. T. 11. P. 211–12.*)

зантийском миру?» — вопрошает, например, в одном из своих писем 1916 г. к В. Э. Регелю харьковский византист Е. Зернин¹⁰⁶). Почему-то меньше всего это «византиноведческое движение» затронуло Москву, чему удивлялся еще В. Н. Бенешевич. «Странно, — говорит он в своих лекциях по истории византиноведения, — что в Москве, несмотря на наличие богатейшего греческого фонда Синодальной библиотеки и Румянцевского музея, не создано движения, подобного петербургскому: все действует в одиночку. Проф. А. С. Павлов отдался разработке памятников византийского права; это дело продолжили Н. Г. Попов и преемник А. С. Павлова по кафедре проф. Н. С. Суворов, но дальше охотников не нашлось, вплоть до талантливого, но рано умершего К. Н. Успенского (1874–1917)»¹⁰⁷.

Список этот, конечно, не полон. К нему, например, следовало бы прибавить имя А. П. Рудакова (1886–1940), приват-доцента Московского университета, известного своим замечательным трудом «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии»¹⁰⁸. Кстати, отвечая на предложение В. Э. Регеля о сотрудничестве в новом регелевском журнале «Византийское обозрение», А. П. Рудаков высказывает в письме от 6 ноября 1915 г. весьма интересные с точки зрения рассматриваемого нами вопроса соображения: «Не знаю, могу ли я поставить Вам в скором времени какие-либо статьи, но что касается рецензий, то это было бы возможно начать теперь же. Я не знаю, могу ли назвать себя византистом в техническом смысле этого слова, но Византия меня очень интересует, и я пишу свою диссертацию как раз по культурной истории византийской империи (имеются в виду, конечно, уже упомянутые «Очерки». — *И. М.*). История, наоборот, политическая и церковная (или, лучше говоря, хроника военных, придворных и иерархических событий, к которым как-то невольно сводится теперь византийская история) меня интересует меньше <...> Мы здесь, в Московском университете, очень бедны книжными новостями, даже русскими. Книг по византинологии никто не выписывает; Византию в Университете читают священник Попов и приват-доцент К. Н. Успенский (между нами, очень сомнительный византист, который что-то собирается написать об иконоборцах в марксистско-випперовском сти-

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 144.

¹⁰⁷ Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 608.

¹⁰⁸ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. См. также новое издание труда (СПб.: Алетей, 1997), обогащенное весьма важными изысканиями Г. Е. Лебедевой о судьбе самого автора.

ле, причем вопрос иконопочитания у него лишь лозунг в борьбе классовых интересов и т. д.)»¹⁰⁹.

Объяснения этому явлению — практически отсутствию византиноведения в Москве в эпоху его расцвета в российской метрополии, в Петербурге, а также и на российской периферии — могут быть, конечно, различными, но не в том ли дело, что в первопрестольной отсутствовали научные учреждения типа петербургской Академии наук, в связи с чем эмбрион европейской науки не мог проявиться на московской почве в полной мере. И не в том ли дело, что — как следствие — само представление о задачах исторической науки, о ремесле историка, сформировалось несколько иным? По-видимому, даже те семена европейской светской науки, которые были, скажем, привнесены в Москву Иоанником и Софронием Лихудами, растворились в конце концов в московской церковной культуре, как и их детище (так называемая Славяно-греко-латинская академия) трансформировалось (в 1814 г.) в Московскую духовную академию.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 35. Л. 37–38.

К ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ
«ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕННОКА»
Неизвестные документы и факты*

В целом архивные материалы по истории «Византийского Временника» рассмотрены нами в других работах¹, задачей же настоящей публикации является введение в научный оборот основных программных документов, относящихся к учреждению журнала, содержащихся в протоколах и в приложениях к протоколам заседаний ИФО ИАН². Все тексты воспроизводятся в современной орфографии.

I. Обращение Государственного Контролера действительного тайного советника Т. И. Филиппова к президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу³

17 мая 1893 г.

Ваше Императорское Высочество!

Доценту С.-Петербургского университета Регелю пришла счастливая мысль основать при Императорской Академии наук повременное издание, предназначенное для изучения судеб Византии, с коими так тесно и навеки нерушимо связано наше собственное духовное бытие. Приняв от Византии свет веры, мы получили от нее и все то, чем жила, живет и будет жить наша церковь: все сокровища церковной мудрости и все великолепие церковного творчества, пред достоинством коих повергается ниц человеческий ум, все это мы приняли от Византии как независтный дар боговдохновенного греческого гения. Богу угодно было

* Опубликовано: Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 226–244.

¹ См., например: *Медведев И. П. В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского Временника»* // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 157–180.

² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 1а и оп. 2. Приложения к протоколам существуют в двух видах: 1) включенные в печатный (на правах рукописи) текст протоколов или приложенные к нему также в печатном виде; 2) в виде подлинных материалов, представленных на рассмотрение, или рукописных копий с них.

³ Публикуется по писарской копии (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 2 — 1893. Ед. хр. 37. Л. 3–3 об.), содержащей помету: «Копия. На подлиннике написано: От души сочувствую и сердечно желаю успеха задуманному предприятию. Константин».

и то, чтобы самый перевод на славянский язык св. Писания, литургии и всех богослужбных книг, священных канонов, святоотеческих произведений был совершен тою же Византиею, избравшей на это дело двух бессмертных сынов своих Кирилла и Мефодия. Присно текущую от этого источника водою вспоена была изначала и напояется донныне душа русского народа, в тайниках которой произошла встреча ее собственной дивной природы с влиянием чистого и непорочного учения церкви. Вот что для нас Византия!

Посему всякое предприятие, направленное к скреплению нашего с нею союза, имеет очевидное право на общее сочувствие и на деятельную помощь всякого истинно русского человека, а тем более Августейшего брата королевы эллинов⁴, представляющего собою живую ипостась греко-русских отношений.

Смею выразить свое убеждение, что в заседании Академии наук, в котором будет рассматриваться предложение г. Регеля, Ваше Императорское Высочество изволите принять его под свой высокий покров. Прибавлю к тому, что я был бы совершенно счастлив, если б Ваше Высочество изволили приобщить меня к этому благословенному начинанию, разрешив мне заняться вопросом об отпуске на задуманное издание средств.

Подлинное подписал Государственный Контролер Т. Филиппов.

17 мая 1893 г.

С подлинным верно
и. о. неперменного секретаря
академик Н. Дубровин

II. Записка В. Э. Регеля в Историко-филологическое отделение Академии наук⁵

14 мая 1893 г.

В Историко-филологическое отделение
Императорской Академии Наук.

С X века Россия тесно связана с византийским Востоком единством веры, а вследствие сего религиозными и политическими интересами. Принятие Владимиром христианства из Византии повлекло за собою

⁴ Великий князь Константин Константинович (1858–1915) был родным братом вел. княжны Ольги (1851–1926), супруги короля Греции Георгия I (1863–1913).

⁵ Публикуется по подлиннику (автограф В. Э. Регеля, черные чернила — Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 2, 1893. Ед. хр. 37. Л. 6–7 об.). В начале текста помета карандашом: «Приложение к протоколу Историко-филологического Отделения 19 мая 93» и штамп: «По Входящ. журн. № 397, 1893 г. Мая 19».

восприятие русским народом культурного наследия византийского Востока, его религиозно-политического мировоззрения. Оно отразилось в системе устройства русского государства, его церковных и гражданских учреждений и крепко связало нас с греческим Востоком и в духовном и культурном с ним общении.

Выяснение этих начал, легших в основу нашей культуры, и вместе с тем желание поддержать наши исторические связи с православным Востоком обязывают нас, русских, заботиться о научном изучении судеб Востока в его духовно-нравственных, историко-политических и культурных проявлениях. В таком изучении православного Востока лежит национальная русская тема, в нем заключаются основные задачи русской науки. Эти задачи вытекают из древней русской истории, из вековых наших преданий и, наконец, из современного политического и нравственного положения России на Востоке.

Одним из наиболее действительных средств для достижения цели может служить основание периодического журнала, состоящего из статей на русском и греческом языках, с деятельным участием в нем греческих ученых. Такой журнал следовало бы издавать в С.-Петербурге, где более или менее сосредоточены необходимые научные пособия и ученые силы. Частная инициатива отдельных лиц в этом деле может сделать лишь первые шаги, но для успешного осуществления этой задачи требуется коллективная работа, поддержанная государством, обществом и учеными учреждениями, среди которых первое место занимает Императорская Академия наук.

Императорская Академия наук еще с конца прошлого столетия содействовала изучению византийской истории. При Академии появлялись хронологические труды Круга и Муральта, ею изданы труд Штриттера *Methodiae ropulogum* и хроника Георгия Амартола, при ней ныне издаются ряд трудов епископа Порфирия и *Fontes rerum byzantinorum*, а трудам членов ее А. А. Куника и В. Г. Васильевского принадлежит одно из самых почетных мест в области византийской литературы вообще. В силу сего Академия и в настоящее время, можно сказать, имеет нравственную обязанность принять под свой непосредственный надзор издание предполагаемого журнала.

Поэтому представлялось бы вполне целесообразным журнал основать при Императорской Академии наук под редакцией двух лиц и при участии сотрудников из наиболее выдающихся византинистов в России и на Востоке. Во главе этого предприятия весьма естественно должен быть наш византинист, основатель целой школы молодых ученых, член Академии наук В. Г. Васильевский, пользующийся громким именем в

европейской литературе по византиноведению. Список сотрудников, которых можно было бы привлечь к участию в издании, при сем представляется вместе с проектом программы журнала. На покрытие расходов необходимо было бы испросить из Министерства финансов особый кредит по 3500 рублей в год, которые можно было бы распределить таким образом: 1500 рублей на печатание и бумагу, 1500 рублей на гонорар сотрудникам и 500 рублей на расходы по редакции. Деньги, имеющие поступить от подписчиков, желательно было бы обратить на улучшение журнала.

Вышеизложенное имею честь представить на благоусмотрение Историко-филологического отделения Императорской Академии наук.

14 мая 1893 г.

Приват-доцент С.-Петербургского Университета В. Регель.

III. Проект программы журнала «Византийское обозрение», составленный В. Э. Регелем⁶

Проект программы византийского журнала

Заглавие: Византийское обозрение, издаваемое при Императорской Академии наук под редакцией NN и NN.

Язык: Русский и греческий.

Объем: 4 книжки в год, в 10–12 листов каждая, всего до 45 листов.

Подписная цена: В год по 6 руб[лей], за границей по 5 фр[анков].

Для лучшего распространения журнала необходимо иметь комиссионеров в Константинополе и в Афинах.

Содержание:

1-й отдел: Самостоятельные научные исследования, касающиеся Византии, ее политической истории, истории церкви, истории литературы, филологии, философии, права, культуры, географии, топографии, хронологии, нумизматики, сфрагистики, дипломатики и палеографии.

2-й отдел: Критика вновь появляющихся трудов в этой области.

3-й отдел: Библиография и смесь.

Сотрудники: К участию в издании журнала можно было бы пригласить:

С.-Петербург: Болотов, Арх[имандрит] Борис, Васильевский, Васильев, Веселовский, Дестунис, Ернштедт, Кондаков, Ламанский, Лопарев, Пападопуло-Керамевс, Пальмов, Погодин, Покровский, По-

⁶ Публикуется по подлиннику (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 2 — 1893. Ед. хр. 37. Л. 8–8 об. — автограф В. Э. Регеля, черные чернила). Простым карандашом сделаны корректурные пометы для набора: «курс.», «разряд.», «жирный».

мяловский, Регель, барон Розен, Рункевич, Скабаланович, Сырку, Троицкий.

Москва: Арх[имандрит] Арсений, Безобразов, Голубинский, Каптерев, Лебедев, Павлов, Соколов.

Казань: Беляев, Курганов, Шестаковы.

Харьков: Дринов.

Киев: Дмитриевский, Малышевский, Флоринский.

Одесса: Успенский, Кирпичников, Красносельцев.

Варшава: Грот, Созонович.

Дерпт: Будилович.

Константинополь: Аристархи-бей, митрополит Вриенний, Веглерис, Кертис, Ксенофонт, д-р А. Мордтман, Сидеридис.

Солунь: И. Мордтман, Папагеоргий.

Афины: Сп. Ламброс, Деффнер, Политис, Камбуроглу, Кремос, Хатжидакис, Саккелион (сын).

Закиф: Сп. Виази.

Корфу: Вулисмас.

Венеция: Сафа.

Сира: Зерлентис.

Смирна: Фонтриэ.

Самос: Стаматиадис.

Сима: Хавриарис.

Кипр: Пиеридис, Лукас.

Иерусалим: Журден.

Каир: Вольтерра.

IV. Выдержка из протокола заседания Историко-филологического отделения Академии наук от 19 мая 1893 г.⁷

§ 78: Государственный Контролер д.т.с. Т. И. Филиппов обратился к его Императорскому Высочеству Августейшему Президенту с нижеследующим письмом⁸. Вместе с тем доложена Отделению, напечатан-

⁷ Публикуется по печатному (на правах рукописи) тексту протокола (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 1а — 1893. Ед. хр. 140. Л. 179 об.). Отмечено, что на заседании присутствовали: «Президент Его Императорское Высочество Государь» Константин Константинович, вице-президент академик Я. К. Грот, и. о. неперменного секретаря академик Н. Ф. Дубровин, академики К. С. Веселовский, В. В. Радлов, В. Г. Васильевский, А. А. Куник, К. Г. Залеман, барон В. Р. Розен, П. В. Никитин.

⁸ Далее следует текст письма Т. И. Филиппова (см. док. I) без воспроизведения пометы великого князя Константина Константиновича, подписи Филиппова и даты документа.

ная в приложении к сему протоколу, записка магистра Регеля об издании «Византийское обозрение»⁹. Относясь с полным сочувствием к предложениям г.г. Филиппова и Регеля и одобряя их в принципе, Отделение положило ходатайствовать перед г. министром народного просвещения об ассигновании нужных на это издание средств, ближайшее же рассмотрение программы «Византийского обозрения» возложило на особую Комиссию в составе академиков В. Гр. Васильевского, А. А. Куника, барона В. Р. Розена, П. В. Никитина с привлечением к занятиям оной члена-корреспондента Академии В. В. Латышева и профессора С.-Петербургского университета В. К. Эрнштедта.

V. Письмо президента Академии наук великого князя Константина Константиновича министру народного просвещения И. Д. Делянову¹⁰

16 мая 1893 г.

Министру народного просвещения.

Государственный Контролер д. тайн. сов. Филиппов и приват-доцент С.-Петербургского университета Регель вошли с ходатайством об основании при Академии повременного издания, предназначенного для изучения Византии и влияния ее на духовную и политическую жизнь России.

Весьма важный вопрос этот давно обращал на себя внимание Академии, но она не имела возможности приступить к основательному и подробному исследованию древних греко-русских отношений по неимению на то материальных средств.

Из представляемого при сем в подлиннике письма ко мне государственного контролера ваше сиятельство усмотрите, что дейст. тайн. сов. Филиппов готов принять участие в изыскании средств для предполагаемого периодического издания.

От души сочувствуя такому предприятию и сознавая всю важность его, я прошу разрешения вашего сиятельства издавать при Академии

⁹ См Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 1а — 1893. Ед. хр. 140. Л. 184–184 об. (в печатном тексте есть пропуски). Напечатан в приложении и проект программы, составленной Регелем (Там же. Л. 184 об.), причем с серьезными ошибками: в списке византинистов Москвы пропущен Павлов; Дринов указан как представитель Казани, а Беляев, Курганов и Шестаковы пропущены, как и вообще Харьков.

¹⁰ Публикуется по писарской копии, заверенной и. о. неперменного секретаря академиком Н. Ф. Дубровиным (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 2, 1893. Ед. хр. 37. Л. 4).

журнал, посвященный изучению прошлого Византии, и ходатайства об отпуске ежегодно в распоряжение Академии 3500 рублей, которые могут обеспечить столь важное и давно желаемое издание. При этом считаю долгом присовокупить, что мною поручено особой комиссии выработать подробную программу предполагаемого журнала, которая и будет представлена на утверждение вашего сиятельства по получении уведомления об ассигновании испрашиваемой суммы.

Подписал: Константин

№ 686

16 мая 1893 г.

Верно: Н. Дубровин.

VI. Письмо президента Академии наук великого князя Константина Константиновича государственному контролеру действительному тайному советнику Т. И. Филиппову¹¹

27 мая 1893 г.

Тертий Иванович,

От души сочувствуя предположениям Вашим основать при Императорской Академии наук повременное издание, предназначенное для изучения судеб Византии, и сердечно желая успеха такому предприятию, я передал письмо Ваше, от 17 мая, и проект доцента С.-Петербургского университета Регеля на обсуждение Историко-филологического отделения.

Вполне сознавая то важное значение, которое имела Византия в духовной и политической жизни России, Отделение в заседании 19 мая постановило¹² ныне же просить министра народного просвещения о разрешении издавать при Академии журнал, посвященный изучению греко-русских отношений, и об отпуске необходимых для того денежных средств.

Ежегодное ассигнование последних в размере 3500 руб., конечно, много зависит от участия Вашего как государственного контролера, и я вполне уверен, что Вы не откажете оказать в этом содействие Академии.

Горячее сочувствие и выраженное Вами желание дает мне возможность просить Вас заняться вопросом об изыскании средств для осуще-

¹¹ Публикуется по писарской рукописи, заверенной и. о. непрямого секретаря академиком Н. Ф. Дубровиным (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 2 — 1893. Ед. хр. 37. Л. 5).

¹² Далее зачеркнуто: прежде чем входить в подробную разработку программы.

ствления столь важного и давно желанного издания. Пребываю к Вам навсегда доброжелательным.

Подписал: Константин.

27 мая 1893 г.

Верно: Н. Дубровин.

Его Высокопр-ву Т. И. Филиппову № 691

VII. Выдержка из протокола заседания Историко-филологического отделения Академии наук от 20 октября 1893 г.¹³

§ 130: На основании постановления, состоявшегося в заседании Ист.-фил. отд. 19 мая с. г. (см. протокол того заседания § 78), читано донесение комиссии, назначенной для составления программы и определения расходов по изданию «Византийского обозрения» нижеследующего содержания:

Комиссия для рассмотрения записки доцента Регеля об издании специального журнала, посвященного изучению Византии, по тщательному изучению заключающихся в означенной записке предположений пришла к следующим положениям, которые и представляет на усмотрение и утверждение Отделения:

1) «Византийское обозрение» будет издаваться при Академии наук; третьему Отделению Академии будет принадлежать общее наблюдение за изданием; каждая книжка Обозрения будет выходить за подписью неперменного секретаря Академии. Сумма, отпускаемая из Государственного Казначейства по этому назначению, будет поступать в распоряжение Академии, Правление которой будет уплачивать расходы по счетам редакции, представляемым после выхода каждой книжки. В конце года должен быть представляем Отделению отчет редакции о ходе издания за соответствующий период.

2) «Византийское обозрение» будет иметь характер повременного издания; принято предложение о выпуске четырех книжек в год — каждая от 10 до 12 листов, — но с таким дополнением, что в случае нужды может быть допускаемо соединение двух номеров в одном выпуске. При этом, очевидно, не представляется необходимости ближайшего распределения выпусков по месяцам или четвертям года, но во всяком случае обязателен выпуск в течение года от двух до четырех книжек, долженствующих составить том в 40 или 45 листов.

3) Ведение дела будет поручено двум лицам, которые должны быть избранными третьим Отделением Академии и будут носить звание ре-

¹³ Публикуется по печатному (на правах рукописи) тексту протокола (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 1а — 1893. Ед. хр. 140. Л. 195–195 об.).

дакторов. Один из редакторов, на которого будет возложена ученая ответственность за направление и содержание журнала, должен быть избран из среды академиков Историко-филологического отделения. Его помощник или соредактор, ведающий преимущественно деловую часть издания, к чему должна быть отнесена и переписка с иностранными учеными по делам журнала, может быть избран из среды посторонних ученых, по представлению первого редактора.

4) «Византийское обозрение» будет издаваться на русском языке, но допускается также язык греческий — «литературный».

5) Подписную цену решено понизить для подписчиков в России до пяти руб., а для заграничных оставить предполагаемые 25 франков.

6) Плата подписчиков должна поступать в пользу журнала для его улучшения, как это предусмотрено было в записке г. Регеля.

7) Относительно гонорара сотрудникам постановлено, что полистная плата за оригинальные статьи, а равно за рецензии будет простирается от 15 до 40 рублей за печатный лист, причем имеются в виду только посторонние сотрудники, не принадлежащие к составу Академии. Само собою разумеется, что академики гонорара не получают. Отдельные оттиски будут выдаваемы по желанию авторов в определенном ими количестве экземпляров — однако не более ста — и с обложкою. Ввиду этого желательно, чтобы в будущем издании каждая статья (но не заметка) начиналась с правой страницы.

8) «Византийское обозрение», обнимая по возможности все стороны и отрасли византиноведения, будет заключать в себе три отдела:

1. Исследования и материалы.

2. Критика и библиография.

3. Мелкие заметки и известия.

9) Выработка подробной программы должна быть возложена на редакторов, когда они будут избраны. Комиссия ограничивается указанием на необходимость внести в подробное перечисление дисциплин, входящих в состав византиноведения, случайно пропущенное в записке г. Регеля искусство, с его историей. С другой стороны, вместо нумизматики и сфрагистики удобно будет назвать вообще археологию.

Донесение это подписано всеми членами комиссии, а именно В. Г. Васильевским, В. В. Латышевым, П. В. Никитиным, бар. В. Р. Розеном, В. К. Ернштедтом и академиком А. А. Куником, который, однако же, по сему делу представит особое мнение.

Положено решение вопроса об издании «Византийского обозрения» отложить до представления акад. Куником его мнения.

VIII. Выдержка из протокола заседания Историко-филологического отделения Академии наук от 3 ноября 1893 г.¹⁴

§ 136: Читан и одобрен протокол предыдущего заседания. При этом академик А. А. Куник заявил по поводу издания «Византийского обозрения», что он, не встречая препятствия к приведению в исполнение предложений комиссии, полагал бы более целесообразным не обязываться безусловно изданием ежегодно определенного числа выпусков.

Положено принять к сведению и, согласно предположению комиссии, для ближайшего заведования изданием Византийского обозрения, по ассигновании на то сумм, единогласно (par acclamation) избраны в звание главного редактора академик В. Гр. Васильевский и в качестве второго редактора магистр В. Э. Регель.

IX. Выдержка из протокола заседания Историко-филологического отделения Академии наук от 19 января 1894 г.¹⁵

§ 2: Г. министр народного просвещения, отношением от 1 января с. г. за № 93, уведомляет Академию, что Государственный Совет в Департаменте государственной экономии, рассмотрев представление Министерства народного просвещения об отпуске из казны по 3500 р. в год на издание Императорскою Академиею наук «Византийского обозрения», мнением положил: отпустить из Государственного Казначейства на расходы по изданию при императорской Академии наук «Византийского обозрения» по три тысячи пятисот рублей серебром в год, с внесением сего расхода, начиная с 1 января 1894 г., в подлежащее подразделение финансовой сметы Министерства народного просвещения, и что государь император такое мнение Государственного Совета в 21 день декабря 1893 г. утвердить соизволил и повелел исполнить.

Поручено редактору академику В. Г. Васильевскому в следующем заседании Отделения [представить] окончательные соображения как о цене издания, так и о месте, где может быть принимаема подписка на журнал.

X. Выдержка из протокола заседания Историко-филологического отделения Академии наук от 9 февраля 1894 г.¹⁶

§ 23: Академик В. Г. Васильевский представил на рассмотрение

¹⁴ Публикуется по печатному (на правах рукописи) тексту протокола (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 1а — 1893. Ед. хр. 140. Л. 197–197 об.).

¹⁵ Публикуется по печатному (на правах рукописи) тексту протокола (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 1а — 1894. Ед. хр. 141. Л. 232–232 об.).

¹⁶ Публикуется по печатному (на правах рукописи) тексту протокола (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 1а — 1894. Ед. хр. 141. Л. 238 об.–239).

Отделения предположения его, Васильевского, и магистра В. Регеля относительно журнала по византинологии, который решено издавать при Академии под заглавием «В[изантийский] В[ременник]»¹⁷. Выслушан и одобрен проект программы издания, который должен быть разослан в виде циркуляра русским и заграничным ученым учреждениям и отдельным лицам, первым в полном виде, а заграничным в извлечении. Для этой цели положено отпечатать программу в количестве 300 экземпляров на русском языке и в количестве 150 экземпляров на греческом языке (последнюю на счет редакции). Одобрены также изложенные в программе предложения о сроках выхода «Временника», о подписной цене за годовое его издание и о месте принятия подписки. Что же касается помещения для редакции Временника, то за невозможностью найти таковое в одном из зданий Академии принято предложение г. Регеля о размещении ее безмездно на Васильевском острове, по 10 линии, в доме № 15, принадлежащем г. Регелю.

Предположенный формат, а также и прилагаемая смета типографии — в 1664 рубля, утверждена Отделением с тем, что журнал будет печататься в типографии Академии наук на общих условиях академических изданий, то есть с определенной процентной скидкой.

Сверх того, в дополнение к постановлению, состоявшемуся в заседании 20 октября 1893 года (§ 130), Отделением одобрены следующие предложения редакции:

1) Журнал печатается в количестве 510 экземпляров, а первая книжка 1894 г. — в количестве 610 экземпляров, из коих 100 экземпляров назначаются для бесплатной раздачи с целью более широкого ознакомления публики с журналом.

2) Журнал раздается бесплатно членам III Отделения Академии, а также другим академикам, которые пожелают получить его; кроме того, рассылается по особому списку ученым учреждениям; редакция же имеет право вступить в обмен с другими журналами, необходимыми для нее.

3) Все книги и журналы, получаемые в обмен или в дар или приобретаемые редакцией, хранятся в редакции, которая в случае необходимо-

¹⁷ О причине изменения названия журнала мы узнаем из некролога А. А. Кунику, принадлежащего перу В. Г. Васильевского: «Когда возникла мысль об издании специального журнала по византиноведению, он (т. е. Куник. — И. М.) восстал против предложенного наименования нового органа Византийским обозрением, находя это слишком, по его выражению, будуарным, слишком рассчитанным на рекламу, и в угоду ему было придумано название Временник, все-таки отзывающееся некоторым почтенным архаизмом» (ВВ. 1899. Т. 6. С. 611).

сти может посылать их сотрудникам журнала для рецензий, а по миновании в них надобности обязана передавать их в библиотеку Академии.

4) Подписная за журнал плата принимается у комиссионеров его и передается ими в Правление Академии в сроки, определенные по соглашению редакции с комиссионерами.

5) Редакция имеет право почтовые посылки передавать на склад изданий Академии для пересылки в России по казенной почте.

6) Обязанности каждого из редакторов точнее определяются следующим образом:

а) Первый редактор:

1) рассматривает все поступающие рукописи и окончательно решает вопрос об их напечатании в журнале;

2) рассматривает и подписывает последнюю корректуру каждого листа, кроме тех случаев, когда он признает возможным поручить это второму редактору;

3) заявляет III Отделению Академии наук о всех возникающих в течение года вопросах, касающихся журнала и требующих разрешения Отделения;

4) назначает размер по листной платы за каждую статью журнала.

б) Второй редактор:

1) ведает всю хозяйственную часть журнала, получает и подписывает все счета, поступающие в редакцию;

2) принимает входящую корреспонденцию, все журналы, книги и корректурные листы и ведет заграничную корреспонденцию;

3) получает из Правления Академии авансы в размере 100 руб. и производит из них все мелкие расходы, а расписки получателей представляет в Правление Академии.

7) Все листы каждой книжки журнала утверждаются к печати Непременным секретарем Академии.

СМЕТА

по набору и печатанию журнала «Византийское обозрение» с бумагою, 8°, из шрифта цицero Дресслера русское и греческое № 12, с разбивкою на 2 пункта шпонами на странице 38 строк, и петит Дресслера № 8, в числе 510 экземпляров:

За набор $1/4$ листа из шрифта

цицero русское № 12

8 р. 50 к.

За набор $1/4$ листа из шрифта

цицero греческое № 12

7 р. 20 к.

За набор $1/4$ листа из шрифта петит Дресслера № 8 (подстрочные примечания)

7 р. 40 к.

За чтение первой корректуры	1 р. 50 к.
За печать 1 листа в числе 500 экземпляров	2 р. — к.
За 10 часов исправлений в корректурных	3 р. — к.
За 1 стопу 2 дести бумаги, считая стопу в 5 руб. (бумага «Записок»)	5 р. 50 к.
Итого	35 р. 10 к.
За 45 листов	1579 р. 50 к.
За 4 обложки (набор и печать) по 5 руб. в количестве 510 экземпляров	20 р. — к.
За бумагу для 4 обложек, считая 1 ¹ / ₂ стопы по 10 руб.	15 р. — к.
За брошюровку 2040 экземпляров, считая по 2 ¹ / ₂ коп.	50 р. — к.
Итого за 45 листов с 4 обложками и брошюровкой	1664 р. 50 к.

XI. Программа журнала «Византийского Временника», составленная академиком В. Г. Васильевским¹⁸

С настоящего года при Императорской Академии наук будет издаваться специальный журнал, посвященный византиноведению, под заглавием: «Византийский Временник».

Основанием самостоятельного органа по изучению Византии имеется в виду удовлетворить давно уже признанной научной потребности и вместе с тем внести единство и систему в византийские занятия в России, в последнее время все более и более расширяющиеся. Сведения о рукописных памятниках и исследования по разным сторонам византийской жизни, публикуемые в многочисленных периодических изданиях более общего содержания и характера, часто остаются неизвестными и недоступными даже для тех, для кого они всего больше имеют значение. Именно в области византиноведения оказывается особенно неудобным и вредным все еще существующее разъединение между русскою светскою и русскою духовною наукой, между университетом и духовною академией. Слишком также обычное явление в области византиноведения, что давно указанные ошибки и заведомо неверные положения

¹⁸ В фонде В. Г. Васильевского сохранилась рукопись (автограф Васильевского) этой программы (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 1–6). Тем не менее мы публикуем документ по печатному (на правах рукописи) тексту из приложения к протоколу заседания ИФО от 9 февраля 1894 г. (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 1а — 1894. Ед. хр. 141. Л. 241–243), отредактированному, возможно, самим автором (или В. Э. Регелем?) в ходе печатания и соответствующему тексту, предназначенному, согласно постановлению ИФО, для рассылки (один экземпляр последнего наличествует в библиотеке С.-Петербургского института истории РАН, шифр IV 18776).

держатся по преданию продолжительное время и препятствуют поступательному движению науки. Вследствие того очередные вопросы, выдвинутые одним поколением, скоро забываются и сменяются другими вопросами, которым также не бывает иногда суждено подвергнуться окончательному решению. Таким образом, одною из главных причин, препятствующих успешному ходу византийских занятий, нужно признать отсутствие специального органа и недостаток системы и метода в частных, между собой ничем не связанных, работах. Правда, что давнишняя русская идея о самостоятельном значении византиноведения нашла теперь торжественное признание и в ученой Германии; в прекрасном издании д-ра Крумбахера «*Byzantinische Zeitschrift*» уже два года тому назад получила не без содействия русских ученых сил свое осуществление и самая мысль о постоянном периодическом органе для разработки вновь признанной специальности. Однако же выходящий в Германии ученый журнал, несмотря на все свои стремления к международной, все-таки — и по совершенно понятным и оправдываемым основаниям — не допустивший на свои страницы наравне с французским и английским также и русского языка, не может удовлетворять ранее признанным русским потребностям; он не может проникать так глубоко, как это желательно и возможно будет для русского органа, в различные¹⁹ слои и классы русского образованного общества, не может служить центром объединения для всех русских ученых сил и прямо содействовать их союзу и дружной работе в данной области. К тому же русская наука всегда имела и будет иметь при изучении Византии свои особенные задачи и свои специальные темы, тесно связанные с вопросами русского самосознания. А с другой стороны, русский журнал несколько не повредит распространению и успеху немецкого. Журнал д-ра Крумбахера будет иметь в нем не конкурента, а союзника.

«Византийский Временник» имеет целью согласовать и объединить византийские занятия в России и дать им более определенное направление в смысле постановки ближайших научных задач, определяемых как современным состоянием византиноведения, так и теми особенными отношениями, которые вытекают из разнообразных влияний Византии на Россию. Давая место исследованиям, сообщениям и материалам, относящимся к Византии вообще, «Византийский Временник» с одинаковым вниманием имеет относиться к фактам политической, церковной и социальной ее истории, к явлениям литературы и искусства, языка и права, к данным географии, топографии, этнографии, хронологии, ну-

¹⁹ В рукописи: «во все»; далее зачеркнуто: «общественные».

мизматики, палеографии и других вспомогательных наук, служащих к уразумению Византии (сфрагистика, эпиграфика и т. д.). Имея, однако, в виду, что в изучении Византии есть такие стороны, которые частью были уже выдвинуты ранее русскою научною традицией, частью же составляют обязательный долг русской науки настоящего времени, редакция «Византийского Временника» находит не излишним теперь же наметить некоторые из упомянутых сторон как предмет особенных и ближайших его задач, представляя развитие потребностей своим авторитетным сотрудникам, которые не замедлят это сделать в первых же номерах издания. К таким задачам относятся: 1) сообщение сведений о хранящихся в России греческих, а также и славянских рукописях, имеющих отношение к Византии, и оценка содержащегося в них материала. Славянские рукописи упоминаются здесь потому, что, как известно, они иногда содержат переводы потерянных и неотысканных греческих подлинников, иногда же более древние редакции того, что сохранилось в позднейших византийских переделках; 2) проверка и разработка хронологии византийской истории — старая задача, которую давно преследует наша Академия наук и которую она теперь вновь выдвигает вперед. Византийский журнал мог бы содействовать достижению цели, помещая на своих страницах хронографические обозрения отдельных царствований или же отдельных небольших периодов и даже десятилетий, подготавливая таким образом фундамент и материал для того обобщающего и цельного труда по византийской истории, который, конечно, составляет настоящую потребность русской публики, но может быть только плодом долгих общих усилий в соединении с одушевлением и талантом отдельного лица. Образцом при этом должны служить известные немецкие (*Jahrbücher*) и французские издания, а также и русские (Русско-ливонская хронография); 3) свод исторического материала, почерпаемого в житиях святых. Нет надобности останавливаться на объяснениях особого значения такой задачи и можно только порадоваться, что русские представители классической филологии стали заниматься изданием в свет этого рода византийских памятников. Расчищать им дорогу, извлекать из их работы²⁰ непосредственные исторические и другие выводы, поддерживать их усердие будет делом не последней важности. После²¹ агиографии и другие роды византийской письменности давно ждут ученой обработки, и особенно применительно к нуждам и целям русским: требуется специальное изучение памятников византий-

²⁰ В рукописи: «трудоу».

²¹ В рукописи: «Прибавим здесь же, что после...».

ского проповедничества для определения его отношения к проповеди древнерусской, византийской поучительной литературы ради полного²² обследования древнерусских поучений от отца к сыну и сборников назидательных изречений, памятников византийской народной литературы, зачатков византийской литургической драмы и т. д.

В самой разработке византийской истории «Византийский Временник»²³ может поставить себе некоторые ближайшие задачи. Изучая с особым вниманием аналогии, а также и противоположности восточно-византийского и западного развития, отправляющегося здесь и там от одного источника, заключающегося в учреждениях Римской христианской и даже еще языческой империи, русские ученые могут внести ценный вклад в общую сокровищницу исторической науки и содействовать достижению самых высших задач исторического знания, соприкасающихся с философией истории. В известных случаях, когда идет спор о римском или германском происхождении тех или других институтов или порядков, сопровождающих и характеризующих развитие романо-германского мира, византийские аналоги могут иметь решающее значение. Изучение варварского, в частности, германского элемента равным образом соприкасается и с первоначальной византийской историей, и с очередными задачами русской археологии. Здесь на первом плане стоит вопрос о влиянии готов на военную и административную систему Византийской империи, а также на ее культурную жизнь. В смысле воздействия на учреждения и вообще на внутреннюю жизнь Византии в хронологическом порядке за готами следуют славяне; поэтому желательны новые исследования в области южно-славянской истории, ибо никак нельзя думать, что исчерпаны все данные письменных и монументальных памятников, произведений искусства, остатков далекой старины в быту и в учреждениях Византийской империи²⁴, по которым возможно восстановить живые следы славянства в Византии.

Точно так же и по отношению к последующим периодам византийской истории «Византийский Временник» будет преследовать некоторые специальные задачи. Опыт показывает, что пренебрежение к византийским источникам, до последнего времени господствовавшее в европейской науке, было причиной²⁵ существенных пробелов и частных фактических ошибок в сочинениях, касающихся периода Крестовых по-

²² В рукописи: «вполне научного».

²³ В рукописи: «Византийский журнал».

²⁴ В рукописи: «истории».

²⁵ В рукописи далее зачеркнуто автором: «немалочисленных общих».

ходов и позднейших. «Византийский Временник»²⁶, преследуя свои особенные цели, и здесь может попутно оказать услугу общеевропейской науке, занятой теперь восполнением опущенного и недостаточного. Но особенно желательно глубокое и всестороннее изучение миссионерской и просветительной деятельности Византии по отношению к славянам и русским, грузинам и армянам. Исследования²⁷ по древней истории упомянутых народностей, находившихся под сильным влиянием Византии, изучение памятников их культуры и искусства, их²⁸ учреждений и литературы должны находить себе место в специальном византийском органе в пределах его возможности и основной цели. На этом поле мы прямо встречаемся с русскими учеными ориенталистами, которые вообще и всегда были лучшими союзниками византологии и своими изданиями арабских и армянских источников в подлиннике, особенно же в переводах, а равным образом сообщением желаемых указаний и извлечений своим собратям по науке много содействовали их успехам: ими самими или же при их помощи написаны многие наиболее ясные и точные страницы византийской истории. Журнал, издаваемый при Императорской Академии наук и по соседству с единственным в России Восточным факультетом, конечно, и впредь может рассчитывать на их внимание и участие.

«Византийский Временник» в качестве периодического издания не должен быть, однако, только сборником более или менее ценных статей, но, как сказано, объединяющим и руководящим органом византологии в России. В нем читатель должен находить обозрение всего, что является в России²⁹ по византологии, с особенным указанием более³⁰ важного и заслуживающего внимания³¹, не только перечень, но и критическую оценку работ русских ученых. Вместе с полным библиографическим отделом, не исключаяющим ни новой греческой ученой литературы, ни западной, критика доброжелательная, направленная и ободряющая, должна сделать журнал необходимым для всех, интересующихся византологией и сродными науками. По соображениям, разъяснять которые нет необходимости, для обозрений трудов и статей, появляющихся в Греции и вообще на православном Востоке³²,

²⁶ В рукописи: «наш журнал».

²⁷ В рукописи: «Таким образом, исследования...».

²⁸ В рукописи отсутствует.

²⁹ В рукописи далее зачеркнуто: «а также и за границей».

³⁰ В рукописи далее зачеркнуто: «или менее хорошего».

³¹ В рукописи далее зачеркнуто: «чтобы не только русские, но и иностранные ученые могли найти в журнале...».

³² В рукописи: «и в Константинополе».

равно как и для более важных оригинальных сообщений с этой стороны, наряду с русским языком решено допустить и греческий литературный³³.

Для желающего следить за ходом ученого движения в той или другой излюбленной области бывает одинаково важно иметь сведения не только о том, что сделано и что уже напечатано, но также и о том, что предположено сделать и что вскоре может быть напечатано. Для всякого рода известий о планах и предприятиях ученых учреждений и отдельных лиц, о предпринимаемых экспедициях и приготавливаемых изданиях будет служить отдел мелких заметок или смеси, имеющий назначение вообще быть восполнением двух предыдущих.

Итак, «Византийский Временник», обнимая по возможности все стороны и отрасли византиноведения, будет заключать в себе следующие три отдела:

³³ В рукописи следует вычеркнутый самим автором целый абзац, не поддающийся восстановлению; он мог содержать объяснение позиции автора в вопросе о «рабочих» языках журнала. Позднее, подводя итоги пятилетнему (за 1894–1899 годы) функционированию журнала, В. Г. Васильевский так обозначает эту позицию: «В программе издания, обнародованной пять лет тому назад, объяснены особливые задачи русского органа по византиноведению и указаны причины, по которым принято ограничение языков и устранены западноевропейские — подобно тому, как в журнале Крумбаха русский язык тоже исключен и после “внимательного взвешивания” всех условий не поставлен наряду с английским, италийским, французским: мы не возвращаемся теперь к взвешенному и нами вопросу; но, признавая чрезвычайные заслуги нашего достоцитимого сотрудника г. Курца — в деле ученого посредничества, мы все-таки должны заметить, что знакомство с русским языком на Западе постоянно расширяется, что почти все достойное внимания доходит до сведения западной публики и прямо, хотя, конечно, не особенно легко и скоро, и, как мы выше заметили, встречает признание и одобрение. Соображения с высшей идеальной точки зрения, высказанные при основании “Временника”, находят себе подкрепление в практическом опыте с внешней стороны. “Византийский Временник” доселе не ощущал недостатка в материале и в течение пятилетия мог бы даже обходиться одними русскими статьями: каждый из пяти томов более или менее выходил своим объемом за пределы первоначально назначенной нормы; дальнейшее расширение его повело бы к несоответствию с денежными средствами, отпущенными на “Временник”. Что же было бы, если бы, кроме конкуренции небогатой учеными силами Греции, было допущено соревнование со стороны Германии и Франции, где издавна процветают студии, родственные с византийскою специальностью, где в последние годы стали даже особенно усердно заниматься разными отраслями византиноведения, где такое обилие филологов, археологов, историков и юристов, принимающих участие в движении? Не повело бы и здесь начало свободного обмена к сокращению поприща, на котором могут развивать свои силы русские ученые?» (ВВ. 1899. Т. 6. Приложение. С. 5–6.).

1) Исследования и материалы. Как сказано выше, здесь желательны самостоятельные статьи не только по политической, церковной и социальной истории, но также по истории литературы и искусства, языка и права, не исключая и так называемых вспомогательных наук. Под материалами разумеются небольшие по объему, но интересные по содержанию неизданные византийские памятники по разным отделам византинологии, сопровождаемые при том объяснительным введением³⁴.

2) Критика и библиография.

3) Мелкие заметки и известия.

Редакция Временника получила право рассчитывать на сочувствие и ближайшее содействие старшего поколения русских ученых, занятия которых соприкасаются с византиноведением, а равным образом на сотрудничество младшего поколения, в рядах которого можно насчитать достаточное количество имен, способных обеспечить успех предприятия. В числе первых мы должны прежде всего назвать профессора Ф. И. Успенского, которому принадлежит и та честь, что он в качестве председателя Историко-филологического общества при Новороссийском университете первый на деле доказал возможность существования в России специального византийского издания (в виде Византийского отделения Летописи этого общества), затем профессоров А. С. Павлова, Ф. Е. Корша, Д. Ф. Беляева, А. И. Кирпичникова, И. Е. Троицкого, академика А. Н. Веселовского, проф. Н. Ф. Красносельцева и др.³⁵

Исследования и сообщения, принадлежащие посторонним Академии сотрудникам, оплачиваются гонораром по соглашению с редакцией. Сверх того будут выдаваемы отдельные оттиски статей по желанию авторов в определенном ими количестве экземпляров, — однако не более ста, и с сохранением первоначальной пагинации, но с обложкою.

«Византийский Временник» будет иметь характер повременного издания: предполагается выпускать четыре книжки в год, каждая от 10 до 12 листов; в случае нужды допускается соединение двух номеров в одном выпуске. Четыре книжки или номера составляют один том издания. Первую книжку редакция надеется выпустить в начале апреля сего года.

Подписная цена за годовое издание или один том назначается в пять (5) рублей для России и в 12 1/2 германских марок или 16 франков за грани-

³⁴ С этого места в рукописи следуют несколько непроработанных отрывков, правка которых осуществлялась, по-видимому, непосредственно при наборе текста, возможно, под присмотром самого Васильевского.

³⁵ В разосланных экземплярах программы этот список пополнен за счет таких имен, как Г. С. Дестунис, В. И. Ламанский, Н. П. Кондаков, И. В. Помяловский, М. С. Дринов, Н. В. Покровский, А. А. Куник, барон В. Р. Розен.

цею.

Подписка принимается у книгопродавца [К. Л.] Риккера (С.-Петербург, Невский пр., 14) для России и у комиссионера Академии наук Эггера для заграничных подписчиков³⁶.

Редакцию заведуют по избранию Третьего отделения Академии наук ординарный академик Василий Григорьевич Васильевский (Загородный проспект, 24), на которого возложена ученая ответственность за направление и содержание журнала, и приват-доцент С.-Петербургского университета магистр Василий Эдуардович Регель, ведающий преимущественно деловую и экономическую часть издания, а также ведущий переписку с иностранными учеными по делам журнала.

Письма и рукописи могут быть присылаемы на имя того или другого из редакторов, а книги, журналы и корректуры должны быть направляемы в помещение редакции в доме № 15 на Васильевском острове, по Десятой линии³⁷.

XII. Письмо редактора «Byzantinische Zeitschrift» Карла Крумбахера в редакцию журнала «Византийский Временник»³⁸

26 апреля (8 мая) 1894 г.

München 26. IV. [18]94. Sehr verehrter Herr Kollege, Indem ich Ihnen für die Zusendung des Prospektes des Визант[ийский] Врем[енник] danke und zur Mitbegründung dieses für die Ausbreitung und Organisation unserer Studien so vielversprechenden Organs aufrichtig Glück wünsche, erlaube ich mir die ergebenste Anfrage, ob die Leitung des Врем[енник] geneigt wäre, mit der Byzantinischen Zeitschrift in Tausch zu treten. Im bejahenden Falle bitte ich um Angabe der Adresse, an welche mein Verleger die B.Z. schicken soll und um direkte Zusendung des Врем[енник] an mich.

Mit besonderer Hochachtung

Ihr sehr ergebener

K. Krumbacher

³⁶ В рукописи: «для заграницы».

³⁷ В рукописи: «в доме В. Э. Регеля на Васильевском острове (10^а лин. № 15)». Рукопись завершается начертанными рукой Васильевского подписями «Академик В. Васильевский. Приват-доцент С.-Петербургского Университета В. Регель», опущенными в печатном приложении к протоколу заседания ИФО, но сохраненным в разосланных экземплярах программы..

³⁸ Печатается по подлиннику (РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 89). Адресат — В. Э. Регель.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ И СМЕРТЬ В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО

(глава из неопубликованной монографии И. М. Гревса)*

Как уже отмечалось выше, в С.-Петербургском филиале архива РАН хранится неизданная монография известного русского историка-медиевиста Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) под названием «Василий Григорьевич Васильевский, профессор и академик. Опыт биографии (1838–1899)»¹. Рукопись (автограф И. М. Гревса)² не датирована, но из слов «умерший 30 лет назад В. Г. В-ский» (С. 108) видно, что писалась она в 1929 г., именно к 30-летию со дня смерти ученого³. В ней И. М. Гревс, ученик В. Г. Васильевского и его преемник на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Петербургского университета, сам ставший «родоначальником петербургской школы медиевистики»⁴, с необыкновенной теплотой и любовью рисует проникновенный психологический портрет своего учителя, прежде всего как гениально одаренной личности и прирожденного педагога, обладателя уникальных, чисто человеческих качеств и безграничного обаяния, пользуясь при этом, главным образом, собственными впечатлениями от долгого и близкого общения с ним, но также многочисленными некро-

* Опубликовано: ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 220–236.

¹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726 (И. М. Гревс). Оп. 1. Д. 22. Л. 103а–385 об.

² В фонде И. М. Гревса есть и машинописная копия этой монографии (Там же. Д. 22а. 358 листов), но пользоваться ею надо с большой осторожностью, часто автор машинописи даже не понимал, что он перепечатывает: не понят текст, перевраны имена и названия, почти полностью опущены иностранные вставки и сноски и т. д.

³ Подтверждается это и перепиской И. М. Гревса, собиравшего именно в этом году материалы для написания монографии. Например, письмом из Харькова от 13 июня 1929 г. В. П. Бузескул извещает И. М. Гревса о высылке ему четырех писем (в копии) Васильевского, высказывает свое впечатление от личности и трудов ученого и в заключение подчеркивает: «Очень интересуюсь Вашей книгой о В. Г. Васильевском. Желаю скорейшего ее окончания и выхода в свет» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 2. Д. 37. Л. 14–15 об.).

⁴ Каганович Б. С. Русские историки западного Средневековья и Нового времени (конец XIX – пол. XX). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. С. 8. (Гл. 1 этой неопубликованной диссертации посвящена И. М. Гревсу.)

логами В. Г. Васильевскому⁵ и доступной ему (И. М. Гревсу) перепиской ученого⁶. («Архив его, — пишет И. М. Гревс, — вовремя не был собран с надлежащим вниманием и полнотою; письма рассеяны и, вероятно, в большинстве случаев, затеряны; исчезли среди бурных перипетий последних лет многие официальные документы о его профессорской и ученой службе; главный памятник — его труды»⁷.)

Разумеется, будучи историком латинозападной цивилизации, и прежде всего в ее средневековую эпоху, И. М. Гревс сделал основной упор на разбор трудов В. Г. Васильевского именно в этой области, на раскрытие его знаменитых лекционных курсов по «средней истории». Византийская «ипостась» В. Г. Васильевского как исследователя намечена в монографии лишь эскизно⁸. Тем не менее (или, может быть, именно поэтому) труд И. М. Гревса представляет интерес и для византистов, ибо дает нам почувствовать очарование еще «неизвестного Васильевского». Особое внимание ввиду исполнившегося совсем недавно 100-летия со дня кончины ученого привлекает последняя, седьмая глава книги, которая так и называется: «Последний год жизни. 1898–1899» (Л. 378–385 об.). Нельзя без волнения следить за перипетиями этого последнего года в жизни ученого, когда в расцвете творческого дарования и в разгар многих научных предприятий его настигает коварная и малопонятная болезнь, на которую он сам смотрел «с покорным недоумением» (Л. 383). «Острое сострадание берет за сердце; жизнь

⁵ Как известно, И. М. Гревс был и сам автором одного такого некролога (*Гревс И. М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки* // ЖМНП. 1899. Ч. 324. С. 27–74).

⁶ В личном фонде И. М. Гревса хранится 13 адресованных ему писем В. Г. Васильевского за 1884–1899 гг. (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. 21 лист), множество копий И. М. Гревса с писем В. Г. Васильевского к Л. Н. Майкову (Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 2, 20–22, 52–74, 81–99), к В. И. Ламанскому (Там же. Л. 14, 16–19, 23–28, 75–80 об.), уже отмеченные письма В. П. Бузескула (при отсутствии высланных им И. М. Гревсу копий писем В. Г. Васильевского; возвращены обратно?), а также масса других подготовительных материалов.

⁷ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 108.

⁸ О В. Г. Васильевском как византистике см. в изданных работах последнего времени: *Литавин Г. Г. Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838–1899)* // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 6–10; *Заливалова Л. Н. В. Г. Васильевский: ученый в свете материалов архивных собраний Москвы и Петербурга* // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995 (Т. 1). С. 36–44; *Герд Л. А. В. Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки* // Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 52–67.

хотелось провести август и часть сентября за городом, например, в Ораниенбауме или в доме приглашавшего его проф. И. В. Помяловского в Гатчине, но консультировавший его проф. Л. В. Попов нашел сильное расширение сердца и запретил всякое передвижение.

Его тяготит неподвижность и запрещение занятий. Праздность ваперти наводит тоску, и он начинает строить планы, так сказать, «лучшего будущего». Еще среди лета (28 июля 1898 г.) читаем в одном письме целый проект¹⁵: «Хорошо было бы уехать из Петербурга на тяжелое осеннее время, хотя путешествие в Крым или на пресловутую Ривьеру не особенно рекомендуется, ибо сопряжено с утомлением. Ввиду всего этого в свои бессонные часы ночью я стал придумывать собственные планы. Если болеть после выздоровления, то болеть с пользой и удовольствием, для себя и для других. Не поехать ли мне просто за границу, не побывать ли в Италии, в Риме? Не взять ли отпуск, а то и командировку на целую зиму? Ведь, пожалуй, и умирать будет стыдно, не выдавши голубого итальянского неба. Можно будет заглянуть в Ватиканскую библиотеку, хотя зимой там заниматься почти невозможно и об открытиях мечтать поэтому не дозволяется. А не худо было бы напасть еще раз на какого-нибудь Кекавмена¹⁶. По возвращении я бы официально уже оставил редакцию¹⁷ и поселился бы где-нибудь поблизости Академии, чтобы увеличить вереницу плетущихся по субботам в известном направлении по Университетской набережной старичков почтенного вида, очевидно, посвятивших себя высшим созерцаниям. Прежде всего я занялся бы изданием первого выпуска своих «Исследований», которые известны публике по второму выпуску, и затем и другого, неоконченного... Вот мои мечты. Они еще были подогреты полученным мною из Старой Руссы известием, что В. И. Модестов получил командировку в Италию на три года. Откуда сие бысть, не могу сообразить, но присутствие в Риме такого в нем старожила и моего приятеля, очевидно, было бы для меня весьма кстати»¹⁸.

¹⁵ Привожу сейчас и ниже большие выписки из писем, так как они отлично характеризуют состояние духа В. Гр-ча. Доктора предупреждали, что придется еще долго возиться с болезнью и не обнадеживали, что выздоровление наступит полное; он огорчался, но не терял терпения и кротости.

¹⁶ Он вспоминает найденную им и обработанную ценную византийскую рукопись [Речь идет о московской синодальной рукописи Греч. № 436. См. публикацию: Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus / Ed. V. Wassiliewsky et V. Jernstedt. Petropoli, 1896].

¹⁷ Журнал Министерства народного просвещения.

¹⁸ В другом письме он говорит, что пока поехал бы в Финляндию готовиться к заграничному путешествию (1 августа) [письмо к Л. Н. Майкову от 1 августа 1898 г. Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 84].

Надежда на выздоровление, желание поправиться не вызывается у него трусливым цеплянием за жизнь при ощущении пропадающего здоровья, а неослабевающею тягою к работе, волнующею его острою памятью, что многое еще надо сделать, никак нельзя оставить важных материалов неопубликованными, дорогих мыслей невысказанными и необоснованными. Через несколько дней планы его меняются (1 августа): «Теперь я уже на острове Корфу¹⁹. В Риме месяцы декабрь и январь неблагоприятны для жительства, а на острове, по рассказам, гуляют в летнем платье даже в первый день января²⁰. Отсюда я проеду в Афины, чтобы постоять перед Акрополем и проникнуться теми чувствованиями, о которых говорила телеграмма Вильгельма II Бисмарку. Вы, впрочем, ничего не сообщайте Вашему приятелю, Высочайшему велосипедисту из Павловска²¹, а то он пожелает, чтобы я представил-ся его сестрице, жительствующей в столице греческого королевства.²² Возвратиться можно будет через Константинополь. Разве это не похоже на мечтания? Хорошо, если бы хоть часть их осуществилась?».

И здесь В. Гр. стремится в места, связанные с историческими великими воспоминаниями, близкими к его научным работам. О здоровье или, вернее, о болезни говорится лишь вскользь, между прочим. А недуг идет своим чередом, то ухудшаясь и заставляя его сильнее страдать, то давая короткие отдыхи, как бы шадя больного, облегчая его мучения. Он вообще редко жаловался на судьбу, переносил страдания стойко и мужественно, но, не переставая думать о других, к своей беде относился с добрым юмором.

Настойчивое, взволнованное стремление (неодолимая потребность) вернуться к прерванным занятиям охватывало В. Г-ча эти месяцы всякий раз, как ему становилось хоть несколько легче в болезни, которая более полугода держала его на краю могилы. И он проявлял здесь нечасто встречающуюся силу жизни и энергию дела. Он сейчас же переставал смотреть на себя как на больного, сердился на заботы и предостережения окружающих, раскрывал свои материалы, садился за стол, окружал себя фолиантами, брался за перо, страшась упустить остающееся время (верно, ощущая приблизившийся конец), ловя возможность произнести недосказанные слова.

Он не жалел себя в такие критические месяцы, когда только строжайшая осторожность могла предотвратить резкое ухудшение и продлить

¹⁹ Разумеется, в мечтаниях бессонных ночей.

²⁰ Коллеги, приятели и знакомые навещали его, и каждый давал свой совет.

²¹ Здесь намекается на президента Академии, великого князя Конст[антина] Конст[антиновича], владельца Павловска, увлекавшегося велосипедным спортом [годы жизни 1858–1915].

²² Подразумевается королева греческая Ольга Константиновна [1851–1926].

уже сосчитанные дни. Он все решительнее рвался за границу — в Италию и очень раздражался против д-ра Штанге, который все откладывал разрешение на выезд, отговариваясь тем, что надо укрепнуть. Мне доктор признавался, что он боится отпускать его, так как катастрофа может грозить в дороге, что организм В. Гр-ча в полном расстройстве, надежды на выздоровление нет и он «живет уже в долг» (так выражался Штанге). Но В. Гр-чу в середине зимы стало несколько лучше, и силы прибавились. Приглашенный на консультацию известный доктор Л. О. Бертенсон нашел возможным для больного выехать в Италию, но советовал подождать начала весны, которая рано начинается в благодатной стране.

Уже в январе начались приготовления, но дело оттягивалось, погода была холодная, и состояние больного колебалось, но он покорно ждал выезда и только просил врачей и своих поторопиться. Душа его страшно рвалась в Италию, и он очень любил в эти дни говорить о ней. Во время командировки в молодые годы безденежье не дало ему достигнуть Италии, потом жизнь до конца отрывала от нее, теперь недуг грозит отнять последнюю надежду увидеть ее на склоне дней. Зная мое пристрастие к стране, он все говорил мне: «Приходите почаще: вы еще расскажете мне об Италии; ваша любовь к ней живит мою душу, делает меня опять здоровым и молодым». Он читал книги об Италии, изучал путеводители, пытался учиться практически итальянскому языку, но отчаявался (*sic!*) — мало времени и не до того. Он шутливо пишет об этом Майкову (9 янв. 1899): «Не имея надежды научиться итальянской речи, я решил возобновить свои — тоже небольшие — познания во французском разговорном языке. С этой целью я купил “*Lettre à une inconnue*” Мериме и читаю их — иногда забавным образом вслух. Хороший писатель. Только очень жаль, что он все писал к дамам, а мне бы желательно было найти у него материал для разговора в библиотеке и с учеными. Впрочем, есть полезные сведения. В том и в другом томе встречаются письма из Канн (*Cannes*) от первой половины февраля с сильными жалобами на холод и дурную погоду. А меня посылал на Ривьеру ранее»²³.

²³ [Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 87]. В. Гр-ч хорошо знал много иностр[анных] языков, но говорил на всех плохо (тому виною деревенское детство в духовной семье и семинарское образование). Помню, когда я спрашивал приезжавшего в Петербург в свои молодые годы нынешнего известного французского византиниста, историка искусства Милле (Габриель Милле приезжал в Петербург в феврале 1896 г. в связи с планами совместной русско-французской экспедиции на Афон. — *И. М.*), как понравился ему В-ский, он отвечал, что, конечно, это замечательный ученый, но он какой-то равнодушный (*peu enthousiaste*): а он просто стеснялся своего «*mauvais français*».

С осени 1898 г. В. Гр-ч, конечно, не читал лекций и в «Журнале Мин. Нар. Просв.» его заменял с горячею готовностью помощник его по редакции Э. Л. Радлов [1854–1928], большой его почитатель. В-ский постоянно выражал ему свою душевную благодарность и перед отъездом настойчиво хлопотал, чтобы обеспечить его своим преемником как редактором журнала²⁴, но оставаться в бездействии В-ский не мог, несмотря на болезнь. За составом и выходом очередных книжек журнала он следил все-таки тщательно, сам писал или пытался дописывать собственные недоконченные статьи. Можно было застать его наклоненным над письменным столом, старающимся не замечать болей и изнурения, работающим из последних сил.

Именно в эти тяжелые предсмертные месяцы В. Гр-чем были написаны последние две его работы — некролог по скончавшемся незадолго до него самого старшем его товарище по Академии и по византийским занятиям Аристе Аристовиче Кунике [1814–1899] и отчет-характеристика о пятилетнем существовании и деле руководимого им ученого журнала — «Византийский Временник»²⁵.

А. А. Куник достиг в 1899 г. своего 85-летия. В-ский должен был непременно помянуть его первым: Куник был ближайший «специалист» и патриарх византиноведения (если последнее и не было исключительным его делом), а потом его инициативе и деятельной поддержке В-ский был обязан постановкой в 1889 г. его кандидатуры как академика. Это было «noblesse oblige». Между тем захватывал страх: вдруг окончательно слягу, не успею, не выйдет. А задача — ответственная и сложная: Куник — оригинальная личность, и он прожил долгую деятельную ученую жизнь. Надо его достойно оценить, а для этого многое пересмотреть в короткий срок.

Это было для В-ского серьезное беспокойство и забота. А. А. Куник болел уже с конца 1898 года. В. Гр-ч справляется у Майкова (17 янв. 1899): «Что Арист Аристович? До меня доходят тревожные слухи... Он не должен умирать в мое отсутствие²⁶ и не примирившись со мною вполне». Речь идет в последних словах о неудовольствии по отношению

²⁴ Желание его состоялось, но только после смерти В-ского. Э. Л. Радлов пробыл редактором ЖМНПр до прекращения его, но он ни за что не соглашался принять редакторство даже после отъезда В-ского за границу, не принимал от него хотя бы части предлагавшегося ему редакторского вознаграждения, которое В-скому тяжело было получать, не работая на правах (?).

²⁵ [См.: ВВ. 1899. Т. 6. С. 619–636 (некролог А. А. Кунику); Приложение. С. 1–23 (отчет «Византийский временник за пять лет, 1894–1898»)].

²⁶ То есть покамест В-ский будет поправляться сам за границей.

к нему Куника в связи с каким-то ученым спором или академическим вопросом. В-ский мог иногда не сдержаться в полемике, а Куник в старости стал подозрителен и обидчив. Должно быть, сразу сговориться не удалось, потом В. Гр-ч заболел, и инцидент не был вполне исчерпан. Это огорчает его, а навестить старика мешает собственная хворость²⁷.

А. А. Куник скончался [19 января 1899 года]²⁸. В. Г. В-ский с печалью пишет (22 янв. 1899): «Арист Аристович все-таки умер, когда не нужно было ему этого делать. По крайней мере, я лично молил Бога, чтобы его дни продлились, по меньшей мере, на год, дабы я, воротившись из-за границы, имел возможность с ним вполне примириться. Может быть, это оказалось бы трудным, ибо он становился капризным. Однако же я узнал, что мое к нему письмо в декабре произвело на него приятное впечатление. Он поверил искренности моего уверения, что я никогда не переставал уважать его и даже любить, что я все-таки считаю себя способным ценить ученые заслуги не хуже кого-нибудь другого, что только злобствующие на меня лица, в сущности даже один мне лично похвалявшийся, старались внушить ему всяческие против меня подозрения²⁹, а любил я его точно так же, как и Вы, со всеми его достолюбезными чудачествами, потому что с ним были связаны воспоминания если не самых юных и лучших дней, то начального ученого поприща»³⁰.

Надо было браться за некролог. Непременный секретарь Академии ([Н. Ф.] Дубровин) требовал скорейшего представления его для доклада на заседании Академии в память Куника, врачи запрещали, родные отговаривали, В. Гр-ч чувствовал, что сил не хватает, он волнуется, но на нем лежит долг, и он не может ему изменить. Ему помогают при собирании сведений, но все припомнить, систематизировать и писать должен он сам, а болезнь редко отпускает свои злые когти. Несколько писем к Майкову полны тревожений по поводу этого некролога. Он хочет сделать дело хорошо, как приличествует одному крупному ученому, говорящему о другом. Между тем материала много, оставленного Куником, но мало биографических данных о нем самом. Ему дорого стоила эта

²⁷ [Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 88]. В этом же письме В. Гр.-ч тревожился о повторной болезни своего коллеги по Академии и по ЖМНПр В. К. Ернштедта, который пережил его лишь года на три. Всегда думает о других.

²⁸ [У И. М. Гревса здесь пробел; в машинописной копии указана дата «18 января»; см.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 333].

²⁹ В. Гр-ч называет Щеглова [пробел]. Очевидно, то была злостная сплетня.

³⁰ [Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 89].

работа, он страшно напрягался, но недоволен тем, как выходит: есть начало, есть конец, но середины нет, то есть не успеть разобрать всех трудов Куника, связанных с византиноведением (что ему особенно хотелось). Он советуется с Майковым, что делать, одобрил ли тот печатать то, что сложилось при таких тяжелых условиях. Трогательно читать эти совестливые волнения одного почти умирающего о том, чтобы почтить достойно другого, только что умершего³¹.

Работа была сделана и появилась в печати уже как посмертная статья³². Нет надобности специально говорить здесь о ней — она переносит нас к труду жизни другого ученого, замечательного эрудита, с огромными сведениями по многим ученым областям, оригинала и чудака, но способного к удивительному беспристрастию, немца, бывшего, как говорили, не вполне шутя, главою русской партии в Академии. Скажу, однако, что в ней воплощаются присущие В. Гр-чу до гробовой доски качества — пиетета к науке и к тем, кто честно отдает свою жизнь бескорыстному служению ей, и замечательного умения понимать своеобразие и заслуги каждой научной индивидуальности. Интересно привести одну подробность относительно общественно-этических воззрений Куника. Ему противны были милитаризм и шовинизм, и он вооружился против русских планов завоевания, во что бы то ни стало, Константинополя. Когда ему возражали, что это ключ от нашего дома и без него мы будем и в военном, и в экономическом рабстве от иностранных держав, он отвечал: Завоевывайте св. Софию идеально, как всю Византию, изучая ее прошлое, так и знаменитый храм, исследуя его лучше других археологически и художественно. Остальное приложится вам. В. Гр-ч не мог не чувствовать уважение к такому благородному повороту идей.

Прикованный если не к постели, то к комнате, В-ский ни на минуту не забывал Академии, радел об ее интересах. В частности, он прилагал глубокую думу и энергичный почин и в описываемые последние месяцы жизни к замещению освободившихся мест выбором новых достойных членов.

Прежде всего выдвигалась им кандидатура известного филолога, сравнительного языковеда И. А. Бодуэна де Куртенэ. Научная компе-

³¹ Минутами он приходит в отчаяние: «Право же, мне нужно скорее уезжать, а то я сгину от одних тревожных размышлений — что, когда, как? Проснешься ночью, начнешь раздумывать, ни к чему не придешь, но совсем потеряешь сон и спокойствие» (28 января) [Там же. Л. 90].

³² Читалось в отсутствие В. Г. В-ского в общем собрании Академии наук 6 февраля 1899 г. Напечатано в «Византийском временнике», т. VI, в одном выпуске с некрологом самого В. Г. В-ского, написанным П. В. Безобразовым.

тенция его была несомненна, но он вызывал неодобрение своим импрессионистским неровным характером, и «правой» части Академии не нравился своим, хоть и не всегда последовательным (может быть, это и не нравилось), но резким радикализмом воззрений. В-ский, поддерживая кандидатуру Бодуэна, устроил у себя «дипломатический» обед, пригласив Майкова, Ламанского и Шахматова с целью убедить одного из главных противников, В. Р. Розена, не противиться выбору. Это не удалось — все они были плохие дипломаты, и Розен свою позицию отстоял: «атака была отбита», пишет В-ский, и кандидатура не прошла.

Другая попытка В. Гр-ча оказалась удачною. Дело касалось кафедры русской истории. В-ский отстаивал с большою энергиею выбор молодого тогда, но уже определенно выдвинувшегося ученостью, широкою образованностью, крупным талантом и замечательною трудовою выдержкою А. С. Лаппо-Данилевского³³. Кандидатура была по существу вполне твердая и достойная; но он был молод — это нарушало обычаи, а потом были желающие из старших и заслуженных и соперники из русских историков поколения Лаппо-Данилевского. Потом можно было опасаться, что уединенная замкнутость его и горделивый индивидуализм оттолкнет ряд голосов. Надо было устранить препятствия. В-ский считал его неотложно желательным членом Академии: он хорошо предвидел, какой он будет деятельный и авторитетный сочлен. Он говорил, что Лаппо-Данилевский рожден академиком. Тут уж он действовал без всякой дипломатии: прямо стоял за своего кандидата.

Как энергично он действовал, видно все также из писем к Л. Н. Майкову. Прежде всего, надо было установить право русской истории, как выставленной для замещения кафедры. Она была недостаточно представлена [в Академии]: Куник умер, он занимал кафедру (ее и предстояло заместить), и работы его касались лишь главным образом древнейшего периода. Интересы Дубровина также имеют специфический характер и ограничиваются новыми временами; сам В-ский себя настоящим русским историком не считал, а предмет в русской Академии должен быть центральным. «Так, как теперь, не должно продолжаться: нужен крепкий и свежий деятель в силах руководить работою по всей русской истории, особенно центральными частями ее (Московский период и XVIII в.) ... именно в том направлении, в каком идет наиболее горячая работа — учреждения, социально-экономический строй, в соединении с хорошим знакомством с архивами здесь и в Москве». Таким и лучшим, по его убеждению, представлялся Лаппо-Данилевский —

³³ [Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), академик с 1899 г.]

самостоятельный, выдающийся ум, уже несомненный знаток, человек, могущий рассчитывать (по возрасту своему) на долгую работу, притом безукоризненный по нравственной физиономии человек (*un homme intègre*).

Так он прежде всего открыто выразил свое мнение одному из тех, которые (он мог думать) претендуют по праву на занятие ближайшего свободного места в Академии, заслуженному ученому, лучшему после него византинисту — Федору Ивановичу Успенскому. Он указывал тому, что неоспоримо принадлежит ему наследство самого В-ского после его смерти³⁴; двух же византистов (*sic!*) иметь в Академии одновременно неуместно, при отсутствии должным образом широко подготовленного русского историка. Затем, Ф. И. Успенский занимал крупное почетное место вдали от Петербурга — он был директором Русского археологического института в Константинополе, — и это затрудняет его немедленную кандидатуру. Ф. И. Успенский, конечно, предоставил ему действовать по его убеждению и академической кафедры не добивался. Выбирать в академики иногородних и уже знаменитых русских историков, Ключевского или Иконникова, было неудобно, так как им могла быть предложена лишь ординатура, а тут освобождалось только место адъюнкта. Более молодым русским историкам, притязавшим на роль конкурентов, В-ский также откровенно объяснил свое предпочтение им Лаппо-Данилевского, готового всецело отдаться академической работе, к которой, по понятиям В-ского, он всю свою ученую физиономию предназначался³⁵, хоть он и знал, что нелегко убедить людей в таких случаях, когда ставится личный, даже высокий и благородный интерес.

Упоминаю об этом факте, так как он характерен для В-ского и ценен для биографии, как его самого, так и Лаппо-Данилевского. Он ратовал за дело, казавшееся ему важным и принципиально правильным, не щадя усилий даже в такой момент, когда ему, опасно больному и истощенному, неприятные переговоры, даже столкновения могли грозить тяжелыми осложнениями. Радея об интересах Академии, он не хотел уезжать, оставляя вопрос в неопределенном состоянии, и ему удалось продвинуть желанную кандидатуру до своего отправления, причем им самим

³⁴ Это ему уготовано, и (он, должно быть, думал) — это не заставит себя ждать, а Федор Иванович долго (*sic!*) переживет его. Последнее он прямо сказал тому, и это оказалось верно. Избранный в академики после В-ского, он жил деятельною научною жизнью еще 30 лет после него (Ф. И. Успенский, 1845–1928).

³⁵ В-ский ссылался и на то, что таков был предсмертный завет К. Н. Бестужева-Рюмина, высказанный ему и Л. Н. Майкову.

составлена была записка с мотивированным предложением. Он мог ехать спокойным по данному вопросу³⁶, а Лаппо-Данилевскому такую авторитетную инициативую оказалась обеспечена двадцатилетняя ученая деятельность в Академии, соответствующая его знаниям, его научному темпераменту и желаниям, вплоть до его преждевременной смерти в 1919 году³⁷.

Время шло и нетерпение В-ского ехать выростало. Он хотел непременно смотреть на свою поездку не как на преследующую исключительно цели здоровья, а ставил ей и научные задачи (не то, что старался закрыть глаза на свое положение, а надеялся, что лучше станет на юге). Он строил целый план, что видно из полуофициального письма его к Л. Н. Майкову (8 января 1899 г.), которое тот должен был показать в Академии и в Министерстве при хлопотах, которые брал на себя: «Так как [врачи] не воспрещают мне умственных занятий, а только рекомендуют осторожность и умеренность, то мне думается, что поездкою в Италию, более или менее продолжительным пребыванием в Риме, Флоренции и Венеции, а на возвратном пути в Женеве, Мюнхене и, может быть, в Вене, я мог бы воспользоваться для осуществления давнишних моих замыслов и мечтаний относительно ближайшего моего ознакомления с сокровищами Ватиканской и Венецианской библиотек, а также и других — по части греческих рукописей византийского содержания. В Италии я до сих пор не был, но по опыту моих занятий в Парижской Национальной Библиотеке я знаю, как бывает полезно ознакомление с каталогами рукописей при возможности тотчас же проверить предположенный интерес манускрипта его рассмотрением, личным и непосредственным. Больших обещаний я не могу делать, своим мечтам я не позволяю далеко заноситься, имея в виду свои физические немощи, но ничто не мешает мне рассчитывать на счастье и удачу, которые иногда были ко мне благосклонны — имею в виду открытие стратегика Кекамена. На сем основании я решаюсь просить не только о заграничном

³⁶ В. Гр-ч писал Майкову 11 февраля: «Отлагать [выборы Данилевского] до моего возвращения из-за границы ввиду брэнности всего земного мне стало казаться страшным. Пусть бы, по крайней мере, первый почин не ускользнул от меня. Итак, не согласились ли бы Вы на такую комбинацию, чтобы я перед своим отъездом написал и подписал представление о Лаппе, дабы оно могло быть внесено в отделение и затем до весны пройти дальнейшие стадии. Я полагаю, что успех нашего кандидата в отделении обеспечен» [Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 94].

³⁷ См. специально посвященную памяти А. С. Лаппо-Данилевского книжку «Русского исторического журнала» (1920. Кр. 6).

отпуске, но и о командировании меня с ученою целью на четыре месяца служебных и три каникулярных, считая с февраля»³⁸.

Желание его было исполнено соответствующею властью, что свидетельствует о почитании В. Г. В-ского и в высших сферах, так как всем было известно, что болен он почти безнадежно, но выехать удалось не раньше 6 марта.

Помню во всех подробностях этот день отъезда, который стал и днем последнего свидания. На Варшавском вокзале холодным вечером собралась небольшая группа товарищей, друзей и учеников В. Гр-ча проводить его за границу. Он сидел в зале, весь закутанный, укрываясь от проникавшего в двери русского мороза, который еще не хотел уступить места теплу, с лицом, измученным и истощенным долгими страданиями, но с веселыми глазами и бодрою душою. Его поддерживала радостная надежда, что итальянское солнце возвратит ему здоровье; он с чисто юношеским восторгом предвкушал наслаждение, которое должна была дать ему свою природою, своими памятниками, своими научными сокровищами дивная страна, седалище давней, великой культуры, куда давно влекли его многие собственные работы и связанные с ними дальнейшие интересы³⁹. В прежние годы он часто сам посылал туда своих учеников с добрыми пожеланиями вглядываться и вдумываться в великую старину, рыться в архивах, «расширять свое мирозерцание», как он с шуткою в тоне, но справедливо по существу прибавлял.

Италия, действительно, не раз вдохновляла их мысль и направляла труд, после того, как именно ему удалось впервые пробудить в них истинную любовь к науке, внушить им определенную задачу исторической работы. Теперь он возлагал твердые упования на ее чудодейственные свойства и для себя: он рассчитывал, что Италия быстро излечит его и откроет ему еще несколько лет хорошей старости, счастливой свободным научным трудом (после избавления от наиболее обременительных занятий), к которому он всегда так рвался и от которого его отрывали не одни болезни, но и лежавшие на нем чрезмерные служебные и семейные обязанности. Жутко было каждому близкому видеть такую почти детскую радость и веру в человеке, очевидно обреченном на скорый конец. Почти ясно было, что он не вернется; но горечь последнего расставания примирилась при виде того, как желание жить не было унижено

³⁸ [Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 86].

³⁹ [Вычеркнуто примечание: Но всего более сияли в его умственных взорах образы Ватикана, Мидичейской библиотеки *Lorenziana* во Флоренции и венецианского хранилища св. Марка].

в шедшем к смерти В. Гр-че страхом перед нею, а одухотворялось потребностью усиленной умственной деятельности. Оно воплощалось не в мелочной тревоге об избавлении от опасности, а в разнообразных планах, где он найдет драгоценный памятник, что он будет продолжать и заканчивать, а потом искать, исследовать, начинать писать...

Такая неумирающая вера в возможность для него возрождения и неустанное влечение к научному труду, казалось, помогали ему побеждать физические мучения и слагались в картину достойного и возвышенного угасания. Только такое нравственное настроение души давало ему, по-видимому, силы предпринять и перенести длинное [путешествие], утомительное и не для такого больного, как он, пойти напряженным усилием навстречу исполнению давнего горячего желания увидеть Рим перед смертью.

Первая часть путешествия прошла благополучно. Васильевские⁴⁰ остановились на двое суток [в Вене] в гостинице (Grand Hôtel, Kärtharring, 9). Оттуда я получил от него замечательно бодрое, милое письмецо, очень меня обрадовавшее и самым фактом (памятью обо мне), и содержанием: «Доехал до Вены благополучнейшим образом. Просидев в четырех стенах с унылым и скучным видом на Загородный проспект и серенькое низкое небо в Петербурге, я сразу стал чувствовать себя лучше на более открытом пространстве. Уже под Вильной я заметил, что здесь и небо имеет другой цвет, и воздух другой. Хотя под Варшавой мы опять увидели снег, — оказалось, он только что выпал, но это не нарушило моего благосостояния... По земле Чешской ехать было радостно; хотя воздух был свежий, но солнце светило ярко, открывались широкие перспективы, окаймленные горами. Кроме радости я ничего не чувствовал: не было никаких болей, ни даже усталости. В ознаменование своего восторга я спросил за обедом⁴¹ шампанского и в посрамление всех докторов выпил сам полстакана и не только остался жив и здоров, но даже более повеселел...»⁴² Письмо заканчивалось надеждою на хороший исход всего странствия и нетерпеливо-радостным ожиданием предстоящего въезда в Рим. Доктора посылали его во Флоренцию, но он решил внутри себя прямо направляться к Вечному городу.

⁴⁰ В. Гр-ча сопровождали жена и взрослая дочь, и они пригласили с собой знакомого академического служителя Людвига, который был очень предан ему.

⁴¹ В вагоне-ресторане Международного общества.

⁴² [Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. Л. 17–18 об.]. Он и в маленьком письме к В. А. Штанге признается в этом своем акте свободомыслия против медицинской власти. В записочке из вагона (7 марта, за Вильной) к Майкову он тоже смеется над «недальновидностью» врачей [Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 95].

В Вене уже испортилась погода, и В-ский после короткой прогулки в экипаже в сторону Пратера просидел два дня больше всего в гостинице. Но настроение его не портилось. Время свое он занимал письмами. Письмо к Майкову (Вена, 9/21 марта) начинается, правда, печальным возгласом: «Расстался я с Вами, милые сердцу, расстался!» Однако тотчас же затем оно продолжается бодрым тоном: «Но я глядел вперед без страха и с надеждой... Подъезжая под Ораны, я послал первый привет весне. Положим, ее еще не было, но довольно было взглянуть на небеса, чтобы получить ее предчувствие... Другой цвет облаков, другой воздух...» Затем он рассказывает о различных перипетиях путешествия — при пересадках, в австрийской таможне, окрашивая все в комический цвет: ему весело, чувствуется даже задор.

И В. И. Ламанскому В. Гр-ч успел написать из Вены (тоже 9/21 марта). Тоже радуется доброму началу путешествия и своему хорошему самочувствию (ему гораздо лучше, чем в Петербурге). И он восхищается «землей Чешской»⁴³. Потом подтрунивает над ним, рассказывая, что Вл. Ив. рекомендовал ему давно не существующий отель «Erzherzog Karl», и они напрасно разыскивали его в Вене. По поводу этого эпизода в письме к Майкову он вспоминает слова И. П. Минаева, когда тот явился рассерженный, опоздав к обеду на дачу к В. И. Ламанскому в Шувалове и «начал бранить славянофилов: заберутся Бог знает куда и толком не расскажут адреса». Потом он сообщает В. И. Ламанскому о своем свидании с И. В. Ягичем, посетившим его в гостинице в Вене. Он знал, как будет приятно тому, рассказывает, что Ягич был очень мил и внимателен, расспрашивал про него и выражал все время только одни дружеские чувства, добрые товарищеские воспоминания. Друзьям можно было вздохнуть спокойнее, прочитав эти первые вести из-за границы от уехавшего больного, которого они провожали с самыми плохими предвидениями.

Но это был короткий просвет. Вторая половина путешествия из Вены в Италию сложилась совсем иначе и по внешним условиям и по внутреннему состоянию. В. Гр-ч сам описывает тяжелые впечатления в своих письмах. «Вторая часть пути — от Вены до Флоренции — не только не доставила такого удовольствия, как первая — напротив, была тягостна. Главная причина — изменившаяся погода. Уже в Вене настал холод, затем весь путь до самой почти Флоренции мы совершили под густым снегом, какого совсем не ожидали видеть в благословенной Ита-

⁴³ [Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 79]. Собственно говоря, он коснулся ее только краешком — в моравском конце.

лии». Несчастливым образом в тот год и в Италии запоздала весна, потом надо помнить, что пришлось ведь переезжать через Альпы, далее через Апеннины; В. Гр-ч говорит, что когда они спустились в Тосканскую равнину, снег перестал; но и вообще денек выдался исключительно неблагоприятный; ему объяснили, что это разразилась «совсем неслыханная (в такой сезон) по своей свирепости трамонтана».

В. Гр-ч пишет, что «дорога из Вены сокрушила его». Пришлось отменить первоначальное решение ехать прямо в Рим, которое он принял себе тайно от докторов, и остановиться во Флоренции. Ехать дальше он был не в силах, его вынесли из вагона в совершенном изнеможении, почти в дурноте. Он говорит, очевидно, придется засесть здесь надолго; Флоренция действительно стала последним местом его пребывания на земле. Он прожил там около двух месяцев. Эти месяцы были медленным умиранием; но и эти последние дни расставания с жизнью он остался таким, каким был всегда: не впал в отчаяние, не страшился конца, не терял умственных интересов, читал, порывался к работе, думал о других, с добрыми чувствами и постоянными приветами обращался к друзьям, «протягивая к ним руку через Альпы»⁴⁴.

За В. Гр-чем очень ухаживали два молодые псаломщика русской церкви во Флоренции — Левицкий⁴⁵ и Бережков, посещали его ежедневно, исполняли все поручения, доставали книги, вообще облегчали ему материальные условия существования и трогали его своими хлопотами и заботами. У него еще бывал давний флорентийский старожил, русский немец фон-Фрикен, историк искусства и археолог, родственник петербургского профессора Форстена. Навещал его и старый друг В. И. Модестов, приезжая из Рима. Удалось найти порядочное жилище, куда и перевезли больного из гостиницы (Hôtel Helvetia, где ему было неудобно и неприятно).

В письме к В. И. Ламанскому (10 апреля) он описывает свой образ жизни. «Теперь мы живем на своей квартире, в одной из лучших новых улиц — *via Magentia*, 15⁴⁶. Передние комнаты обращены на север, но позади есть выход в сад, в котором в хорошие дни светит и греет чудное солнце. За те часы, которые мне уже пришлось в нем провести, можно

⁴⁴ [Так В. Г. Васильевский пишет и В. К. Ернштедту в недатированном письме из Флоренции: «Протягиваю правую академическую десницу через Альпы и дружески целую» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 733. Оп. 2. Д. 33 Л. 35–39 об.).

⁴⁵ [Протоиерей Владимир Левицкий «с причтом» и хоронил В. Г. Васильевского (см.: *Бибилов М. В. Нис situs est... // ВВ. 1994. Т. 55 (80)*].

⁴⁶ В третьем, наружном концентре (*terzocerchio*), параллельно Арно, вблизи от пригородного парка *Cascine*.

простить много Флоренции»⁴⁷. Такое горе: теплая погода все не устанавливалась; В. Гр-ч зяб в плохо отапливаемых комнатах, выходить почти не пришлось, она не могла очаровать тяжело страдающего мягкою, непобедимую красотой своего пейзажа и своего лика; она, скованная необычно непогодю, не могла ему улыбнуться, он не успел ее полюбить.

Из последнего письма к Л. Н. Майкову (20 мая нов. стиля), написанного за пять дней до кончины, извлекаем картину его последнего месяца. Это — удивительное, полное духовности умирание.

Ему трудно писать, но потребность общения побуждает покрывать дрожащим почерком целые листы. Он все хочет обходиться без усиленного ухода, поменьше беспокоить окружающих⁴⁸. Дочь отпустил в Рим, «а то, — говорит, — самому побывать там, пожалуй, не придется», так, значит, пусть она побывает. Он радуется за друзей, что те у себя продолжают делать большое научное дело, шлет им пожелания успеха. На болезнь свою смотрит с покорным недоумением: «Болезнь моя приняла какое-то странное направление, я перестаю что-нибудь понимать и думал было прекратить сообщения о ней, в письмах. От крайней слабости сил я совсем потерял возможность произвольных движений... Мечтаю о том счастливом времени, когда немножко будет позволено пройтись на ногах». Но он терпит все кротко, просит усаживать его за стол, тогда пишет⁴⁹, читает книги, относящиеся к Италии, которые Бережков⁵⁰ достает ему из Национальной Библиотеки или из известной читальни Vieusseux (sic?). Он пытается даже статьи доканчивать, привезенные из России, «начинает даже нечто соображать об одной рукописи в Генуе». Мысленный взор его постоянно тянется к России. Там готовились чествовать столетие со дня рождения Пушкина [пробел] мая. Он выражает надежду, что доживет до этого дня и спрашивает, как и куда послать свое приветствие, интересуется новыми томами академического издания сочинений великого поэта. Он очень просит выслать во Флоренцию в «Biblioteca Nazionale Centrale» (palazzo degli Uffici, secondo piano) лучшие издания русских классиков — «итальянцы очень любезны и интересуются всякою нашею диковиной».

⁴⁷ [Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 80–80 об.].

⁴⁸ «Дайте поддержать Вашу руку в своей», — так заканчивает он это письмо; может быть, чувствует, что в последний раз [Там же. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 99].

⁴⁹ Ламанскому заявляет: «Сегодня сижу на солнце и пишу к Вам в неудобной, правда, позе, но с душевным удовольствием».

⁵⁰ О нем тепло говорит: он кончил курс в Петерб. Духовн. Акад., — значит, слушатель В. И. Ламанского, даровитый человек, но жаль, мало подготовлен.

В то же число (за пять дней до смерти) написал В. Гр-ч еще к В. И. Ламанскому. Хочу закончить его жизнеописание этим словом его к другу, ставшим прощальным: увидим сейчас, оно полно сильных прозрений жизни, любви, мысли о деле, об умственных благах и о других.

«Firenze, via Magentia, 8/20 Maggio, 1899. — Дорогой Владимир Иванович! Сам писать почти совсем не мог: с одной стороны, полный упадок сил, с другой, подкожное накопление воды до невероятных размеров в ногах делают то, что только на руках жены или Людвига могу добраться до стола, а с другой стороны, дочь свою я все-таки отпустил в Рим к Модестовым, с которыми она должна совершить путешествие в Неаполь и вернуться вместе с ними во Флоренцию, где некоторое время проживет и Василий Иванович. Что со мной делается, не знаю, но мой доктор не унывает, я же продолжаю ему доверять. Бывают мучительные ночи, но в 6 часов открываются ставни: свежий, но холодный воздух, много свету, а затем и солнце ощущаю и вижу из моей постели, и сердце радуется, хотя бы на короткий срок... После завтрака начинаются легкие занятия, прерываемые то припадками удушья, то дремотою. Теперь я стал прикасаться к Данте и почитать Савонаролу Виллари. Соображаю разные комбинации о рукописях. Мне пришла идея ходатайствовать перед факультетом о пособии для поездки в Италию известному Вам Сахарову (Владимиру Николаевичу)⁵¹. Он мог бы по моим указаниям вступить в область византийской рукописной литературы и принести мне прямую пользу...⁵² Чувствую, еще хранятся во мне где-то силы для работы. Дай Бог, чтобы я продержался подле Вас еще несколько лет и завершил кое-что из начатого. Обнимаю Вас. Ваш от всего сердца»⁵³.

Уже почти обессиленный приближающейся смертью В. Гр-ч все-таки писал рукою, едва удерживавшею перо, еще другому, старшему ученику, работавшему в командировке в Германии над диссертацией, отвечая тщательно на его только что полученные научные вопросы. Он до самого конца мало думал о своей болезни, гораздо больше, во всяком случае, досадовал на нее, что она мешает работать и еще общаться с историческими сокровищами Италии, чем боялся, что она приведет его к могиле. Не выносил он мысли о специальной борьбе с недугом. Он мечтал не о дальнейшем путешествии в какой-нибудь лечебный пункт,

⁵¹ Это был студент — последний ученик В. Гр-ча, византинист, очень способный, о котором до последнего дня заботится его мысль.

⁵² Последние слова, конечно, приведены как лишнее побуждение помочь ему устроить работу для ученика.

⁵³ [Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 19].

а об исполнении своего паломничества в Рим, которое рисовалось ему необходимым актом его ученой жизни. Он умер почти у ворот великого города, как будто звавшего его к себе, не успев вступить на прославленную почву. Эта картина печально соответствует незавершенному, раньше, чем можно было, прерванному делу его жизни.

В. Г. Васильевский скончался 13 мая (ст. ст.) [1899 г.] в [пробел] часов. Его успел застать в живых приехавший из Рима друг его В. И. Модестов, который и воздал ему последний долг. В. Гр-ч погребен на кладбище *cimitero degli Allori* около Флоренции по дороге к знаменитому монастырю *Certosa di val d'Ena*. Я посетил его могилу летом 1907 г., когда сам с своими учениками и ученицами ездил в Италию в научно-историческую экскурсию. Кладбище расположено около дороги на полугоре; оно разбито по форме плана античного театра. На одном из его полукругов лежит белая, мраморная плита, покрывающая останки В. Гр-ча с начертанным его именем на русском и латинском языке⁵⁴. Кругом растут цветы, и могила отенена задумчивыми кипарисами. Красивое, тихое место успокоения дорогого праха!

В. Г. В-ский оставил землю. Но не могло исчезнуть с ним дело, которое он вел, научно-историческое исследование и преподавание, как вообще не пропадает серьезный труд жизни большого ума, руководимого чистым сердцем. Этот труд давал недостаточно удовлетворения и душевного мира ему самому, но он влагал много блага в духовное существование и деятельность других. Положил ли начало В-ский особой своей школе византиеведения в медиэвистике у нас? Чтобы ответить на это убедительно, требуется подвергнуть критическому изучению научную производительность следующих лет в этих областях знания, а также в соседних. За это пишущий данные строки не берется в настоящей книге.

Сейчас могу высказать по этому вопросу лишь несколько мыслей. Прежде всего замечу: не все зависит от человека в глубине оставляемого им духовного следа; многое обуславливается свойствами воспринимающей среды, стойкостью или изменчивостью ее. Следует, прежде всего, бросить взгляд на ближайшие, следовавшие за его смертью годы, хотя бы первые полтора-два десятка лет. В этих пределах воздействие его личности, его духа, его работы было очень большое в том тесном, но определительном для духовной культуры страны и ее общества кругу, внутри которого он действовал, кругу ученых и научных работ-

⁵⁴ [Тексты воспроизведены: *Бибиков М. В.* *Nic situs est...* С. 22. См. также ниже, с. 189].

ников, академическом и университетском. Здесь, может быть, прежде всего он много сделал для самой организации научно-исследовательского дела и общего направления его дальнейшего движения и в таком смысле влиял на своих непосредственных коллег и сотрудников, старших (людей одного с ним поколения), находившихся с ним в последовательном общении, членов Академии и профессоров Университета, и младших, им привлеченных к работе. Они почувствовали себя без него ослабевшими и должны были в интересах продолжения общих начинаний взять на себя поддержание заложенных им традиций — и они разделили дело его между собою, причем и мысль его переживала в них.

В области византиеведения ученики его, ближайšie последователи его главной специальности, непосредственно продолжали его труд. Их было немного, но они все были «заряжены» шедшими от него вдохновениями и шли в проблемах, какие они себе выбирали, и методах исследования по проложенной и расчищенной им дороге⁵⁵. Очень было печально, что преподавание византийской истории прервалось в Петербургском университете после его смерти; но нельзя не видеть плода его же заветов, когда после 1905 г., когда университеты стали автономны, установлены были во многих из них если не отдельные кафедры, то курсы по византиеведению, последние могли подготовить новых представителей изучения эпохи, которая всеми, кому ведать надлежит, была признана важною ветвью «всеобщей» истории.

Что касается «медиэвистики», то нет никакого сомнения, что дальнейший рост этой существенной отрасли исторической науки, и в области чистого исследования, и в области университетских занятий, пошел от сильного ствола, созданного В. Гр-чем. Тут дело, сделанное именно им, особенно заметно на работе его учеников, наследовавших ему в Петербургском университете и попавших в другие. Отрицать этот рост у нас в первую четверть XX века вряд ли возможно, и в числе насадителей всего течения роль его рядом с ролью Павла Гавр. Виноградова, роль крупная и благотворная, не подлежит никакому сомнению. Прибавлю еще, что метод В-ского отразился не только в сфере «*studia mediaevalia*»,

⁵⁵ [В машинописной копии за этим следует абзац, отсутствующий в автографе И. М. Гревса: «В своей последней статье, дающей отчет о первом пятилетии работы руководившего им “Византийского временника” (см.: Журнал Мин. нар. просв., 1899, март) он прямо называет своими учениками, вышедшими из его аудитории, группу лиц, которых делит даже на два поколения — старших — В. Э. Регеля, Х. М. Лопарева и П. В. Безобразова и младших — А. А. Васильева и Б. А. Панченко. Они уже при его жизни показали себя серьезными учениками» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 353–354)].

но учениками его были и прошедшие петербургскую школу представители древней и новой истории, также русской и славянской; воздействие от его трудов и общения с ним переходило и на тех, кто прямо у него не учился: я выше указывал, что и классики, романогерманисты, русские словесники — все искали у нас «научного наставничества» В. Г. В-ского. Во всех этих смыслах он был одним из сильнейших очагов и распространителем научного света не только «исторического», но и «гуманитарного» вообще.

Заметное, осязательное и длительное влияние В. Гр-ча простиралось на немногих. Но можно сказать с уверенностью, что из бывших его слушателей не только те, которые сами стали профессорами или учеными специалистами, чттили его память и с удовлетворением и благодарностью сознавали себя в известном смысле его духовными питомцами. Многие из них долгие годы работали в средней школе, учителями истории, литературы или древних языков. Среди мужчин и женщин, трудившихся на педагогическом поприще, немало лиц сеяли дальше полученные от него семена; некоторые, может быть, еще до сих пор помнят врученные им идеи, знания, преподанные им советы. Через уста их всех слово В-ского продолжало звучать в сознании немалых следовавших за ним поколений, подтверждая истину того, что в них содержалось. Я не хочу преувеличивать, но надобно понимать, что трудно наглядно вскрыть, прощупать все пути преемства духовного предания и найти ясно все признаки его продолжающейся жизни и действительности; но нельзя возражать против высказанного выше положения, что дело большого человека должно хранить могучую живучесть, и печальна та человеческая среда, которая не бережет даров прошлого, не понимает их, не впитывает их в себя; тем более достойна жалости та, которая их забывает или топчет.

Последние слова я обращаю не только в прошлое, но и в настоящее и будущее. Революция⁵⁶ круто повернула на совсем новую дорогу судьбы России, социальные и духовные, осудила и разрушила многое в прошлом, как злые или мертвые начала. Но порвать окончательно с ним она не может и не должна: отрицать все наследие веков было бы слепотою и неоправдываемую расточительностью. Есть нечто вечное, что связывает времена, что обуславливает передачу от поколения в поколение, из эпохи в эпоху плодов труда человеческого. Дело В. Г. В-ского направлено было на создание ценностей, нужных всегда и для всех. Он

⁵⁶ [И. М. Гревс сначала написал «Наша революция», но затем вычеркнул слово «наша»].

был представителем чистого знания, не такого, которое защищало бы интересы какого-нибудь привилегированного класса, политического строя, партии. Он искал достоверной истины, удовлетворяющей врожденной потребности человека, всякого человека знать истину. Таковая особенно должна быть дорога тому порядку, который строит благо для всех, стремится творить общество трудящихся, в котором всем обеспечено будет достойное человека существование. Для сторонников такого идеала личности, подобные В. Г. В-скому, должны быть дороги, как бы тесною и теоретичною ни казалась при беглом, поверхностном взгляде сфера их деятельности. В науке все нужно, ничего не пропадает в ней для блага всех, если только почитается в стране и благом свобода. В полном убеждении, что тут правда, я и считал важным долгом оставить закрепленным для новой России образ одного из добрых и редких работников старой.

Когда я ровно 30 лет тому назад писал свою скорбную заметку у свежей могилы В. Гр-ча и вспоминал направление научных идей его, только что ушедшего из жизни, мне невольно пришли на память несколько мест из оригинального сочинения знаменитого французского идеалиста, который был в числе любимых писателей скончавшегося. Говорю о книге Ренана «Будущее науки». Чувствую потребность закончить ими и настоящую книгу.

«Совершенным был бы тот, кто одновременно являлся бы поэтом, философом, ученым, нравственным человеком, притом не в известные промежутки своей жизни и не в некоторые только моменты (это было бы посредственное совершенство!), но в глубоком взаимопроникновении во все протяжение своего существования, который был бы поэтом и одновременно философом, философом, но также ученым, словом, в котором все элементы человечности сливались бы в высшей гармонии» (L'avenir de la Science. P. 11). Так должно отразиться в личности то, что составит идеальное совершенство в человечестве; и передовые части человечества, как целые, прообразуют (sic!) в своих лучших чертах такой будущей высший тип человека⁵⁷. Ренан видит, что современная человеческая личность далека от такого совершенства. Но он думает, что жажда истины, отыскиваемой всеми путями познания, то есть именно то, что мы называем идейностью, лучше всего приближает человека к

⁵⁷ Ibid. P. 12: «Le modèle de la perfection nous est donné par L'humanité elle-même; la vie la plus parfaite est celle qui représente le mieux toute l'humanité. Or l'humanité cultivée n'est pas seulement morale, elle est savante, curieuse, poétique, passionnée».

желанному состоянию, развивая в нем особенно сильно соответствующие мысли, чувства и склонности (Ibid. P. 17: «Savoir est le premier mot du symbole de la religion naturelle»). При таком высшем искании наука — высший светоч для человека. Потому-то Ренан называет ее «первою потребностью человечества» (le premier besoin de l'humanité) и верит, что она сможет поистине привести к улучшению положения человека на земле»⁵⁸.

Такие мысли всегда были созвучны В. Г. Васильевскому, потому что отвечали основному его настроению и выражали приемлемый им идеал. Он верил в творческую и действенную силу познания. Он не мечтал сам о совершенстве. Не требуется и людям, понимавшим и ценившим его, считать его таковым, чтобы сохранить о нем благодарное воспоминание и проститься с ним хорошими словами [писателя], которому он сочувствовал в его призыве развивать идейность в людях при помощи науки и работал сам для такой цели в своей сфере без тщеславия, чуждаясь эффекта, но всею данною ему большою силою.

Приложения

1. Ранее не публиковавшийся некролог В. Г. Васильевскому, составленный 4/16 ноября 1899 г. А. А. Васильевым.

(РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–8).

Василий Григорьевич Васильевский как профессор и учитель (Отрывки из воспоминаний)⁵⁹

13 мая 1899 года во Флоренции умер академик и профессор Василий Григорьевич Васильевский. Вдали от родины, которую покойный так горячо любил, почил Василий Григорьевич и был погребен на флорентийском кладбище Аллори по дороге в Чертозе под чудным небом Италии, куда он, особенно в последнее время своей жизни, так сильно, так напряженно стремился.

На нравственной обязанности его учеников лежит почтить память этого замечательного ученого, и в августовской книжке Журнала Министерства Народного Просвещения за 1899 год появилась уже, как

⁵⁸ Ibid. P. IX.

⁵⁹ Не путать с позднее написанными и опубликованными этим же автором его воспоминаниями о В. Г. Васильевском: Annales de l'Institut Kondakov. 1940. T. 11. P. 207–214 (здесь и далее примечания наши. — И. М.).

известно, довольно большая статья И. М. Гревса⁶⁰, а в последнем номере Византийского Временника обстоятельная статья Безобразова⁶¹. В нижеследующих строках мы хотим, преимущественно на основании своих воспоминаний, коснуться деятельности Василия Григорьевича как профессора и учителя.

Труден путь, многосторонни обязанности, велика ответственность перед государством, обществом и самим собою того, кто призван быть насадителем науки, ее двигателем, кто должен в молодом поколении будить любовь к науке, поддерживать ее, развивать, — кто помимо профессора и учителя науки вместе с тем невольно, силою вещей должен своим нравственным авторитетом вселять в сердца молодежи любовь к возвышенному, прекрасному, чистому, — кто при ближайшем знакомстве с учениками часто наводит последних на путь, по которому они будут идти всю свою жизнь, полагает основание, на котором ученики будут строить здание всей своей последующей деятельности.

Трудно совместить в одном лице все те требования, которые могут быть предъявлены профессору, чтобы он олицетворял собою его возможный идеал. Вместе с глубокой, твердой ученостью в той или другой специальности, которая не должна застаиваться, а должна всегда идти вперед параллельно с прогрессом науки, необходимо обширное общее образование, хорошее знакомство со многими вспомогательными дисциплинами, не ремесленное, а живое⁶² отношение к делу, т. е. врожденная любовь к наукам и к знанию, как к таковым; вместе с тем обязанности профессора так близко связаны, так густо переплетены с обязанностями учителя, что профессор по этому одному уже должен обладать любовью к юношеству, тою отзывчивостью и теплотою души, которую быстро схватывают чуткие, молодые сердца и которой доверчиво идут навстречу.

По нашему мнению, образ ученого профессора-учителя является неполным, незаконченным, если он ограничивается только одним учебным влиянием и не оказывает на своих учеников влияния нравственного; эти две стороны должны пополнять одна другую, и в их взаимодействии заключается залог плодотворной, нескоро преходящей деятельности ученого профессора-учителя.

Покойный Василий Григорьевич представлял собой одного из очень выдающихся деятелей на учено-педагогическом поприще. Редко у кого

⁶⁰ Гревс И. М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // ЖМНП. 1899. 4. 324. С. 27–74 (есть отдельный оттиск: СПб., 1899).

⁶¹ Безобразов П. В. В. Г. Васильевский // ВВ. 1899. Т. 4. С. 636–658.

⁶² Вместо вычеркнутого: «идеальное».

можно было встретить настолько обширную эрудицию, какая была у покойного. Имея превосходную классическую подготовку, будучи человеком философски образованным, он свободно распоряжался как сложным, мало исследованным, но столь близко знакомым ему материалом в области византийской истории, так и данными для средневековой западноевропейской истории. Изучение Византии сталкивало непрестанно Василия Григорьевича с судьбами славянских государств на Балканском полуострове и с первыми, столь загадочными страницами начальной истории нашей родины, и его работы в этом направлении были всегда полны новизны, живого интереса, бросали на события совершенно неожиданное, яркое освещение; в вопросах, в которых, по видимому, было сказано уже последнее слово, чувствовалась после появления работы Василия Григорьевича новая жизнь, новый интерес; это наводило читателя на ряд новых для него соображений, комбинаций; перед [ним] раскрывалась внутренняя связь между совершенно далекими, чуждыми на первый взгляд явлениями; а в то же время изумительная начитанность в самых разнообразных источниках и пособиях давала возможность Василию Григорьевичу делать блестящие аналогии из внешней и внутренней истории разнообразных стран и народов. Покойный до последних дней своей жизни зорко следил за научным движением и был всегда *au courant* всего выдающегося, что делалось в науке. Всевозможные, написанные на разных языках, новые труды по его специальности и по другим не прямо соприкасающимся с его занятиями отраслям знания, прочитывались, просматривались Василием Григорьевичем, и подобное всегдашнее общение с книгами развило в нем удивлявшую многих, конечно, и от природы уже исключительную способность «вычитывать», «читать между строк» то, на что другие никогда не обратили бы внимания.

Василий Григорьевич любил науку, любил ее ради нее самой. Это был тот мир, в котором он вращался всю свою жизнь, покидая его только или ввиду сильной болезни, или тех разнообразных служебных обязанностей, которых у покойного к концу жизни было, к сожалению, даже слишком много. Давно уже мучившая Василия Григорьевича болезнь не была в силах ослабить его глубокой, врожденной любви к науке, и он, несмотря на советы, запрещения врачей, как только являлась малейшая возможность, замечалось хоть кажущееся улучшение, садился за книгу и, не щадя своих падавших сил, продолжал работать долгие часы. По мере того, как физические силы слабели, дух оставался поразительно бодрым. Я до сих пор совершенно ясно представляю сцену моего последнего с ним свидания в Петербурге в декабре месяце

1898 года⁶³, в день моего отъезда в Константинополь, и каждый раз при этом воспоминании чувство невыразимой грусти охватывает мое сердце. Видно было уже тогда ясно, что человек, сидевший предо мною в глубоком кресле, согбенный, изнуренный донельзя болезнью, обречен на смерть, что дни его сочтены, — и тем не менее в этом изнеможенном теле дух был удивительно бодр: в голове угасавшего ученого роились многочисленные планы продолжения и окончания своих различных работ, и даже поднимались новые вопросы.

За несколько дней до смерти Василия Григорьевича я получил в Константинополе от него из Флоренции написанное дрожащею рукою, совершенно изменившимся почерком письмо, адрес которого даже не был уже написан покойным, где он давал мне план одной из моих последующих работ, — и в этом письме человека, над которым уже готова была закрыться крышка гроба, встречались такие строки: «Для этой работы надо увлечься, надо, так сказать, возгореть духом». Таково было завещание умирающего учителя одному из своих младших учеников!

По своим знаниям, по своему живому, отнюдь не ремесленному отношению к науке покойный Василий Григорьевич, можно сказать, олицетворял собою возможный идеал профессора-ученого. Иногда приходилось слышать сожаление о том, что Василий Григорьевич не оставил после себя какого-нибудь большого, капитального, общего труда, а ограничивался отдельными статьями, чересчур специальными, незаметно появлявшимися на страницах мало распространенных журналов, иногда под скромным заглавием «Материалов»; но нужно помнить, с каким ученым материалом приходилось иметь дело Василию Григорьевичу, — с материалом сырым, новым, почти совершенно необработанным. На его долю выпал тяжелый, но неблагодарный труд обрабатывать (sic!) этот материал, дать возможность будущим поколениям ученых воспользоваться им для своих работ. Василий Григорьевич наметил новые пути, поставил новые задачи, и его заслуги в этом отношении теперь признаны как у нас, так и в Западной Европе, которая должна считаться с трудами покойного. Не говоря о том великом значении работ Василия Григорьевича, которое они имеют для истории византийской и русской, нельзя теперь писать истории первого крестового похода без его образцовой работы «Византия и печенеги»; трудно обойтись при изложении истории второго крестового похода без статьи «Союз двух

⁶³ В своих более поздних воспоминаниях о В. Г. Васильевском (см.: *Annales de l'Institut Kondakov*. 1940. Т. II. Р. 213) А. А. Васильев датирует свое последнее свидание с ним «концом января 1899 г.».

империй» и «Слово Василия Охридского»; неполным будет выяснение причин четвертого крестового похода без рецензии Василия Григорьевича на книгу Ф. И. Успенского «Образование второго болгарского царства». ⁶⁴ Одним словом, ученые труды Василия Григорьевича, несмотря на их некоторую разрозненность, сразу дают понять, что в них наука имеет дело с звездой первой ученой величины, что подобный представитель науки должен являться гордостью страны, в которой он живет и работает.

Василий Григорьевич не был профессором для многочисленной аудитории; как известно, ораторским талантом, сильным голосом он не обладал; говорил тихо, повторялся; его лекции оставляли впечатления экспромта. В обширной аудитории Василий Григорьевич как бы терялся. В большинстве случаев его аудитория многочисленностью не отличалась, и здесь, в этом более тесном кругу, чтение Василия Григорьевича приобретало совершенно иной характер; стоило вслушаться (sic!) в его тихую, прерывающуюся речь, сосредоточиться, и тотчас вас охватывала глубина содержания, превосходное знакомство с предметом, любопытное освещение фактов; вам становилась бесконечно милою эта беседа, во время которой Василий Григорьевич, редко читавший свои лекции с кафедры, подходил к первому столу и, будто бы обращаясь к какому-нибудь одному студенту, делился своими глубокими и разносторонними знаниями.

Вообще, как профессор, Василий Григорьевич не был близок со студентами и сам первый этой близости не искал. Но если студент к нему обращался за советом, за разрешением того или другого научного недомыслия, и если Василий Григорьевич видел, что в подобном случае не замечается только простая формальность, а в студенте усматривается хоть небольшой интерес к предмету, улавливается действительное стремление если не к науке в начале, то, по крайней мере, к более или менее серьезным занятиям, тогда Василий Григорьевич как бы открывался перед студентом, щедро давал советы, направлял его занятия, обильно снабжал книгами из своей богатой библиотеки, в случае нужды хлопотал о стипендиях и пособиях, — одним словом, делал все возможное, чтобы облегчить и подвинуть вперед работу начинающего. В последнем случае профессор совмещал в себе и учителя, который любит своих учеников, печется о них и заставляет работать.

⁶⁴ Об этом см. статью Безобразова в Византийском Временнике [прим. А. А. Васильева. Ср.: *Безобразов П. В. Г. Васильевский (некролог)* // ВВ. 1899. Т. 6. С. 636–658].

У Василия Григорьевича, как то известно всем его ученикам и многим другим лицам, бывали «пятницы». В своей статье И. М. Гревс упомянул о тех впечатлениях, которые уносились посетителями Василия Григорьевича от этих «пятниц». Никогда и я не забуду их. Будучи иногда отвлекаем от ученых занятий условиями моей петербургской жизни, я иногда недели по три не приходил к Василию Григорьевичу. Особенно знаком мне был кабинет в его последней петербургской квартире на Загородном проспекте, где, большею частью, Василий Григорьевич встречал своих гостей, сидя на глубоком диване. Действительно, вечер, проведенный в его обществе, положительно воскрешал, одухотворял ослабевавший иногда в силу различных обстоятельств интерес к научным занятиям, побуждал к деятельности, и, возвращаясь домой, всегда уже снабженный несколькими книгами, я испытывал бодрость, чувствовал силы продолжать занятия... Подобные ощущения не забываются!

Помимо научного интереса есть еще одна сторона, которая должна навсегда оставить след в душе ученика Василия Григорьевича, — это его нравственный облик. Трудно представить себе человека с более чистыми взглядами на жизнь, с более возвышенными понятиями о долге и чести, с более твердыми нравственными устоями, чем был Василий Григорьевич. Все это не может пройти бесследно для учеников, вращавшихся в его обществе, и в продолжении их жизни нравственный образ покойного профессора-учителя будет в них всегда поддерживать любовь ко всему прекрасному и хорошему, не перестанет будить лучшие порывы человеческой души, иногда заглохнувшие под влиянием различных жизненных условий, и заставит стремиться хоть несколько приблизиться к той духовной, нравственной высоте, на которой всю свою нелегкую жизнь твердо стоял покойный Василий Григорьевич.

Деятельность Василия Григорьевича имела большое⁶⁵ значение для развития исторической науки в России, где некоторые из его учеников работают на профессорских кафедрах в различных университетах, другие готовятся к трудной, ответственной задаче насаждать науку и вселять к ней любовь среди русского молодого поколения. Характерно, что влияние Василия Григорьевича, как учителя, не только распространялось на лиц, занимающихся специально средневековой или византийской историей, а шло дальше и на специалистов по новой и русской истории, из которых многие считают себя учениками покойного Василия Григорьевича.

Императорская Академия наук решила приступить к полному изданию трудов Василия Григорьевича. Это будет достойным памятником

⁶⁵ Вместо вычеркнутого: «громадное».

профессору-ученому; пожелаем только, чтобы это издание не слишком замедлилось. Но ученики покойного не забудут его и как профессора-учителя; они передадут его заветы своим ученикам, и память о незабвенном учителе не умрет в грядущих поколениях.

Мы знаем, что набросанные выше строки бледно, неполно рисуют профессорско-учительскую деятельность Василия Григорьевича. Но что делать? Лишь несколько месяцев спустя после его смерти, перед этой дорогой, навсегда скрывшей образ любимого учителя могилой, мы были прямо не в силах представить систематическое изложение этой деятельности. Пройдет еще несколько времени, поутихнет горе, личность и деятельность Василия Григорьевича будут принадлежать истории, и тогда как его ученые труды, так и его профессорско-учительская деятельность найдут, я уверен, основательную, всестороннюю, беспристрастную оценку. А теперь, как один из младших учеников Василия Григорьевича, я хотел только поделиться некоторыми, может быть, несколько беспорядочными мыслями, которые были навеяны мне эту тяжелую утрату отечественной науки. Мир праху твоему, первоклассный ученый, замечательный профессор-учитель, гуманный, высоконравственный человек!

А. Васильев

Македония

Монастырский вилайет.

Село Патели.

4/16 ноября 1899 г.

II. HONOR SEPULCRI: размышления А. А. Васильева у могилы В. Г. Васильевского*

В фонде известного отечественного антиковеда академика С. А. Жебелева (1867–1941), хранящемся в С.-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 729), содержится обширная подборка писем А. А. Васильева (1867–1953), адресованных С. А. Жебелеву, с которым, как оказывается, А. А. Васильева связывали узы тесной и многолетней дружбы (Оп. 2. Д. 18). Богатые содержанием, окрашенные своеобразной лирической манерой письма, свойственной артистической натуре этого выдающегося русского византиниста, письма прекрасно характеризуют его «труды и дни», в частности в период его «зарубежья»⁶⁶. Среди них есть письмо

* Опубликовано: ВВ. 1994. Т. 55. С. 24–26.

⁶⁶ См.: *Куклина И. В.* А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 313–338.

о посещении А. А. Васильевым места захоронения одного из его учителей — В. Г. Васильевского (л. 210–213), замечательный человеческий документ, исполненный эмоционально-ностальгических интонаций, своеобразное «родительское воскресение», всколыхнувшее пласты памяти, отнюдь не безынтересные и нам — «пигмеям, стоящим на плечах великанов».

Но прежде еще несколько слов о болезни В. Г. Васильевского. Среди его писем, адресованных В. К. Ернштедту и также хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 733. Оп. 2. Д. 33) есть одно недатированное (Л. 38–39 об.), писанное из Флоренции (Firenze, via Magenta, 15) явно незадолго до кончины под диктовку Васильевского: почерк не его, лишь в конце его дрожащей рукой (видимо, писать ему было очень трудно) сделана приписка: «Протягиваю правую академическую десницу через Альпы и дружески целую. Васильевский». Письмо гласит: «Переезд из Вены во Флоренцию сильно надломил мои силы и с тех пор я не могу оправиться. О Риме, куда звал меня Модестов⁶⁷, нельзя было и думать. Он посетил меня здесь. Возбуждает даже зависть своим ученым одушевлением и восторгами. Я же валяюсь в кровати, как пень негодный. Погода здесь целый почти месяц стояла холодная, лили дожди, дул ветер. Это одна из причин моего бедственного положения...⁶⁸ Посидел несколько дней в садике, совершил прогулку с Модестовым в S. Miniato. Свел знакомство с местным церковным клиром, и благодаря обширным связям [В. Э.] Регеля с русским деловым человеком — Д. А. Гравенговым, который оказывает мне большие услуги. Он свел меня с доктором Курцем, который является не шалопаем и рутинером, а мыслящим медиком. Курцы вообще удаются византинистам⁶⁹. Этот доктор нашел нужным сделать мне операцию — выпускания воды из правой стороны, которой вышло 1½ литра. В Петербурге не узнали главной моей болезни: это был плеврит, оставивший после себя экссудат, и я носил его полгода» (следует приведенная выше собственноручная приписка).

Приводим письмо А. А. Васильева, не требующее, на наш взгляд, особых комментариев (писано на сдвоенном листочке зеленоватой бумаги с надпечаткой: Hôtel Helvetia Florence):

⁶⁷ Модестов В. И. (1839–1907), известный филолог и историк античности.

⁶⁸ Следует опущенное здесь описание квартиры из пяти комнат с садиком во Флоренции.

⁶⁹ Намек на Э. Г. Курца (1846–1925), много сделавшего для популяризации русского византиноведения за рубежом.

Флоренция 10 авг. 1931.

Дорогой и хороший друг мой! Вот уже около трех дней, как я в очаровательной Флоренции, где после удушающей жары Равенны можно дышать и двигаться. Хочу поделиться несколькими моими переживаниями во Флоренции, которые, м[ожет] б[ыть], будут небезынтересны и для Вас. На другой день по приезде я по трамваю поехал за город на кладбище *Allorì*, где похоронен В. Г. Васильевский. На этом кладбище есть уголок, заполненный памятниками умерших во Флоренции русских. По старой памяти я быстро этот уголок нашел: увидел памятник врачу Валериану Павловичу Кондакову; нашел сразу группу памятников семьи Левицкого, настоятеля русской церкви во Флоренции; погребен сам он, его жена, дети. Самого настоятеля я знал: в 1903 г., когда я работал в *Laurenziana* над рукописью Агапия, я ходил иногда к Левицкому играть в винт; в 1913 г. он уже в очень преклонном возрасте служил моей сестре и мне панихиду в полугодовой день кончины нашей матери. Умер он в 1923 г. Могилы же Вас[ильевско]го я сразу не нашел; но помнил, что она должна быть по соседству. Наконец, я увидел плиту, сильно изветрившуюся, внизу даже треснувшую и смог прочесть следующее:

Hic situs est

Basilius Gregorief (?)⁷⁰

Vassilievskius

Universitatis Petropolitanae professor emeritus

Academiae Scientiarum Rossicae Socius

Quiescat in pace.

Затем шла эпитафия по-русски с обозначением дат рождения и смерти.

На этом кладбище народу не бывает; я был один. Стояла теплая, немного облачная подвечерняя погода; кругом тишина; кипарисы не шевелились. И должен Вам сказать откровенно, что я, стоя перед этой дорогой мне плитой, произнес громко: «Я знаю, что мог бы сделать в своей области в сто раз больше, чем сделал; но могу лишь одно честно утверждать, что я не опоганил, не осквернил твоего имени». И вспомнился мне один момент в моей жизни, который решил мое будущее. Если я Вам об этом уже когда-либо писал или говорил, простите; но мне хо-

⁷⁰ Знак вопроса принадлежит А. А. Васильеву. Воспроизводя надпись в своих более поздних воспоминаниях о В. Г. Васильевском (см.: *Annales de l'Institut Kondakov*. 1940. Т. 11. Р. 214), А. А. Васильев уже снимает знак вопроса, хотя налицо, по-видимому, явная ошибка в прочтении, и читать нужно *Gregorii f<i>ilius*>, что и сделано М. В. Бибиковым. См.: *Бибиков М. В. Hic situs est... // ВВ. 1994. Т. 55 (80).*

чется, и именно теперь, здесь, во Флоренции, еще раз этот момент пережить. Весною 1890 г. я переходил на 3-й курс университета и должен был выбирать «специальность»; почти уже решил идти к П. В. Никитину по греч[еской] словесности. Весною этого года был один из балов, даваемых профессором-турковедом, В. Д. Смирновым, у которого было три дочери, и их надо было показывать. На этом балу были представители вост[очного] факультета, бар[он] Розен, супруги Жуковские и т. д. Увидя меня, Розен, у которого я уже два года занимался перед тем арабским языком, спросил меня о моих дальнейших намерениях. Я ему сказал о моих греческих перспективах. Тогда он мне посоветовал от его имени пойти к Васильевскому, которого я никогда не видал, и поговорить с ним, указав ему, что у меня есть не только греч[еский], но и арабский язык. И вот в ближайшую пятницу (у В. Г. были пятницы) я пошел куда-то далеко на Вас[ильевский] остров, где жил Вас[ильевск]ий. Выслушав меня, он встретил меня сочувственно и посоветовал летом почитать Гиббона⁷¹. Это была первая книга, связанная с Византией, которую я когда-либо читал. И вот летом, в Мариенбаде, на этом пепелище моей первой любви (об этом пусть Вам прочтет сестра, если Вас эта романтика, но романтика чистейшей воды, интересует) я стал читать Гиббона. Все это пронеслось в моей голове, когда я стоял над могильной плитой В. Г. И какой пиетет, какую благодарность чувствовал я в эти моменты Васильевскому и Розену, которые сделали мою жизнь! А случай, дорогой друг, разве не играет великую роль в нашей жизни!? Не будь бала у Смирнова, я, почти наверняка, никогда бы не был византистом. Для Византиноведения, м[ожет] б[ыть], это было бы и лучше; но для меня... не знаю!

Если мне не изменяет память, Модестов также умер во Флоренции, и в прошлые годы я, кажется, его памятник видел. Но теперь найти не мог. Да, м[ожет] б[ыть], в этом случае мне просто изменила память.

Не символ ли это, что я этим летом делаю пелеринаж к моему далекому прошлому, к дорогому, светлому и, увы! невозвратному прошлому? Конечно, больше в своей жизни я не увижу ни Мариенбада, ни кладбища Allorì у Флоренции.

Вы знаете, когда вчера я провел около часа в Соборе Maria del Fiore, то на этот раз я вспомнил не только Флорентийскую унию, оглашенную там в присутствии визант[ийского] императора, и т. д., а также и сцену

⁷¹ Этот эпизод рассказан А. А. Васильевым и в его упомянутых здесь воспоминаниях о В. Г. Васильевском: *Annales de l'Institut Kondakov*. 1940. Т. 11. P. 207–208.

из тургеневского «Довольно» в Соборе. Смотрел я на высокие «кверху разветвленные столбы», на «потертые плиты» пола, вбирая могучие волны органа⁷². Прочтите эту сцену. Стбит! А ведь и мы были с Вами вместе во Флоренции! Стояла зимняя промозглая погода. Ну, заболтался. Напишите в Napoli. American Express. Co. Piazza dei Martiri, 58. A. Vasiliev. Привет сестре. Душевно Ваш А. Васильев.

⁷² См.: *Тургенев И. С. Сочинения*. М., 1981. Т. 7. С. 224.

ЧАСТЬ III

СУДЬБА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Октябрьский переворот 1917 г. и последовавшие за ним события в стране явились подлинной катастрофой для научного дела византинистов, понесших ни с чем не сравнимые потери. Кажется, что именно к византинистам в первую очередь относятся пронзительные слова академика С. Ф. Ольденбурга, сказанные им в 1920 г., хотя он имел в виду общую картину: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России <...>; длинные ряды “первых” томов, “первых” выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний. Всего два в сущности с небольшим века этой молодой русской науке, а как длинен ее мартиролог»¹. Стоит вспомнить судьбу 1-го выпуска подготовленного В. Н. Бенешевичем издания «Тактикона» Никона Черногорца, прервавшегося буквально на полуслове и больше не продолженного, 2-го тома «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики» Н. П. Лихачева, уже отпечатанного типографией Академии наук и уничтоженного, II тома «Истории византийской империи» Ф. И. Успенского, также отпечатанного и пущенного на оберточную бумагу, и т. д. (примерам несть числа), чтобы убедиться в этом.

Заметное место занимают имена византинистов и в составленной В. Н. Бенешевичем «скорбной летописи» погибших от голода и болезней (а нередко и от «красного террора»)²: в 1918 г. скончались Х. М. Лопарев, П. В. Безобразов, Я. И. Смирнов, Н. А. Скабаланович, в Москве — К. Н. Успенский; в 1920 г. — Б. А. Панченко, И. С. Пальмов, А. Л. Бертье-Делагард, в Казани — тесно связанные с петербургской школой византиноведения Ф. И. Курганов и А. И. Алмазов; в 1921 г. — акад. В. В. Латышев; в 1919 г. в Киеве расстрелян ВЧК Т. Д. Флорин-

¹ Цит. по: Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 97.

² Бенешевич В. Н. Скорбная летопись // РИЖ. 1921. Кн. 7. С. 229–261.

ский и есть требующие дополнительной проверки данные, что такая же участь постигла в 1919 г. в Киеве другого «отпрыска» петербургской школы византиноведения — Ю. А. Кулаковского³. В некрологе умершему в 1920 г. академику А. А. Шахматову В. М. Истрин обреченно констатирует: «При современных условиях жизни мы как-то привыкли к мысли о смерти и только лишь задаем себе вопрос, чья будет ближайшая очередь покинуть здешний мир»⁴. Та же мысль рефреном звучит в некрологе академику Б. А. Тураеву (ученику Ф. Ф. Соколова и В. Г. Васильевского), прочитанном на общем собрании Российской академии наук 4 сентября 1920 г. академиком П. К. Коковцовым: «Необычайно тяжелые условия нашей современной жизни, — сказал он, — продолжают беспощадную опустошительную работу в рядах передовых деятелей русской науки и просвещения»⁵.

Спасаясь от голодной смерти и репрессий, многие византинисты (особенно это было характерно для историков церкви, прежде всего, в связи с ликвидацией С.-Петербургской духовной академии⁶) покидают метрополию и отправляются в провинцию («чем глуше место, тем лучше», — пишет И. Попов Н. Н. Глубоковскому)⁷, в «блуждания в вавилонском рассеянии» (из письма И. Е. Евсева к Н. Н. Глубоковскому от 8 января 1921 г.)⁸, а некоторые — еще дальше, за рубеж, в Сербию, оттуда в Европу. Этот «исход» как маститых ученых (М. И. Ростовцев, Н. П. Кондаков, Н. Н. Глубоковский, С. Пападимитриу, С. Г. Вилинский, Н. Г. Адонц, позднее — А. А. Васильев), так и талантливой византиноведческой молодежи (Г. В. Вернадский, Г. А. Острогорский, М. А. Андреева, А. В. Соловьев, Н. Е. Андреев, А. В. Флоровский, В. А. Мошин) также опустошил русское византиноведение⁹. «Все мы, — писал М. И. Ростовцев, — оказались ненужными для той России, для которой мы жили и работали: и те, которые влачат печальную жизнь под большевицким игом, и те, которые, как Никодим Павлович и я, из этого ига выр-

³ Устное сообщение А. Г. Грушевого.

⁴ Известия РАН. 1920. № 1–18. С. 177.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Плохо выполненное в профессиональном отношении издание М. Складаровой «Сосуд избранный: История Российских духовных школ» (СПб., 1994) поражает тем не менее трагизмом человеческих судеб, апокалиптическим мироощущением русской научной интеллигенции в это «злое время».

⁷ Сосуд избранный. С. 258–259.

⁸ Там же. С. 297.

⁹ См. об этом: *Fonkič B. L., Poljakov F. B. Schicksale der byzantinischen Philologie in Russland im 20. Jahrhundert // La filologia medievale e umanistica greca e latina nel secolo XX. Roma, 1993. P. 795–797.*

вались. Наша работа в России растоптана и разбита. Мы вынуждены учить других тому, что мы продолжаем считать нужным и важным для России»¹⁰. Как будет видно, оставшихся также ждала незавидная участь.

Дело, впрочем, даже не в человеческих судьбах, но в том, что само византиноведение как научная дисциплина оказалось ненужным, так как оно, по крайней мере в глазах большевистских идеологов и марксистских историографов (а они отождествляли себя с «русской передовой общественностью») было «политически скомпрометировано тем особым поощрением, которое оно получало от царского правительства»¹¹. «Разбитое корыто русской византинологии, унаследованное революцией, — говорит один из таких марксистов-историографов, — продолжало давать новые и новые трещины. Старые панславистские лозунги при революции потеряли всякий кредит. Новое содержание не могло сразу влиться в устаревшие меха. У идеологов Октябрьской революции во всяком случае не было оснований проявить особенное внимание к этой отрасли знаний»¹². И как результат — «эти разделы исторической науки (византиноведение и славяноведение. — *И. М.*) выпали из вузовских программ и на многие годы остались в стороне от столбовой дороги развития советской историографии»¹³. Разгрому подверглась византиноведческая периодика: после 1917 г. прекратил свое существование целый ряд печатных изданий, ранее обслуживавших византиноведение, в том числе «Журнал Министерства народного просвещения»; подлинной агонией старого регелевского «Византийского временника» можно назвать появившиеся в 1917–1928 гг. три «рахитичных», по выражению Ф. И. Шмита, выпуска, да и те благодаря самоотверженным усилиям Ф. И. Успенского и его «правой руки» во все эти годы — В. Н. Бенешевича¹⁴.

Вообще, все то (все же немалое), что делалось в русской (назвать ее советской было бы неправильно, ибо отныне для нее изобретено клеймо — «буржуазная») византистике в первое десятилетие советской власти, делалось вопреки фатально складывавшейся ситуации и благо-

¹⁰ *Ростовцев М. И.* Странички воспоминаний // Н. П. Кондаков. 1844–1924. К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага, 1924. С. 28–29 (перепечатано в кн.: *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы / Сост., подг. текста и примеч. И. Л. Кызласовой. М.: Индрик, 2002. С. 215).

¹¹ *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики (1917–1966). Л., 1968. С. 70.

¹² *Лозовик Г. Н.* Десять лет византологии (1917–1927) // Историк-марксист. 1928. Т. 7. С. 231.

¹³ *Вайнштейн О. Л.* Указ. соч. С. 70.

¹⁴ *Медведев И. П.* О Ф. И. Успенском как редакторе «Византийского временника» // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 57–67.

даря тому, что во главе ее (русской византистики) стояла сильная и одержимая фигура академика Ф. И. Успенского (1845–1928), прямого и последовательного продолжателя дела академика В. Г. Васильевского. Отдавая отчет в «глубоком несоответствии академических традиций по изучению Византии с переживаемыми настроениями»¹⁵, Успенский упрямо и, как иронизирует «марксист» Г. Н. Лозовик, «сохраняя олимпийское спокойствие жреца науки по отношению к разыгрывавшимся революционными событиями»¹⁶, собирает вокруг себя разрозненную и поредевшую рать византинистов, все снова и снова обращается в Академию наук с предложениями разного рода научных проектов и создания для этого различных ученых комиссий, доказывая, что «узкое русло», в которое ввели византиноведение «исключительные условия переживаемого времени» — это «временный этап, за которым начнется движение вперед со свежими силами»¹⁷.

Уже весной 1918 г. Ф. И. Успенскому удается добиться образования академической «Постоянной Комиссии», получившей также наименование «Константин Багрянородный», в состав которой вошли Ф. И. Успенский (председатель), А. А. Васильев, В. В. Латышев, В. Н. Бенешевич и А. А. Дмитриевский, а также (видимо, для представительства) академики А. А. Шахматов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, А. В. Никитский, М. И. Ростовцев. Комиссии предлагалось выработать план и метод занятий, связанных с изучением, изданием и переводом трудов византийского императора Константина VII Багрянородного (913–959) — важнейшего источника не только по истории Византии, но и Руси IX–X вв. Именно с этой целью В. В. Латышев успел еще перед смертью подготовить переводы сочинений Константина «Об управлении империей», «О фемах», «Жизнеописание Василия I»¹⁸. Особое внимание было уделено знаменитому «Обряднику» Константина Багрянородного (*De cerimoniis*), единственный (лейпцигский) список которого предполагалось сфотографировать и на этой основе подготовить новое издание памятника «со всеми накопившимися ком-

¹⁵ Успенский Ф. И. Хроника византиноведения // ВВ. 1923. Т. 23. С. 137. «Надгробным словом русскому византиноведению» назвал эту «Хронику» Ф. И. Шмит (см.: Сообщения ГАИМК. 1932. № 7–8. С. 18).

¹⁶ Лозовик Г. Н. Десять лет византологии. С. 232.

¹⁷ Успенский Ф. И. Хроника византиноведения. С. 135.

¹⁸ Сохранились в рукописи: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 126. Оп. 3. Д. 8–10, 16, 18. Ср.: Тункина И. В. В. В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 172–288.

ментариями». Как бы побочным результатом этой работы должно было стать «дополнение словаря Дюканжа *mediae graecitatis* подбором пропущенных и неизвестных в его время слов, извлеченных из писателей, найденных в последние столетия, и в особенности из надписей и папирусов»¹⁹. И если вопрос с изданием *De septimonia* быстро заглох (наверное, не так-то просто было получить снимки этого сильно поврежденного кодекса)²⁰, то задача дополнений к словарю Дюканжа с конца 1922 г. становится доминирующей в деятельности комиссии, которая получает название «Русско-византийская историко-словарная комиссия»²¹. Уточняется и состав: Ф. И. Успенский, С. Ф. Ольденбург, В. М. Истрин, Д. В. Айналов, В. Н. Бенешевич, В. Е. Вальденберг, А. А. Васильев, С. А. Жебелев, И. И. Соколов; на заседании 11 апреля 1923 г. было постановлено привлечь еще к работе С. И. Соболевского, М. Н. Крашенинникова, Н. И. Новосельского; в 1926–1927 гг. членами комиссии стали (удивительно!) Э. Л. Радлов, Е. В. Тарле, О. А. Добиаш-Рождественская, А. И. Анисимов, а в Одессе образовалось отделение РВК (А. Г. Гаталов-Готлиб, С. С. Дложевский, Е. А. Загоровский, П. О. Потапов, М. Ф. Болтенко). Всю организационную работу выполнял ученый секретарь комиссии и одновременно «товарищ Председателя» — В. Н. Бенешевич²².

Узнав о задуманном Международным Союзом Академий переиздании латинского словаря Дюканжа, комиссия решила расширить рамки поставленной задачи и выдвинула на первый план намерение произвести капитальную переработку греческого словаря Дюканжа, результатом которого должен был стать полный словарь среднегреческого языка,

¹⁹ Успенский Ф. И. Хроника византиноведения. С. 139.

²⁰ Впрочем, и позднее эта идея не выпадает из поля зрения членов комиссии (см., например, ниже отчет В. Н. Бенешевича о зарубежной командировке в 1927 г. (С. 293–302). Есть также сведения о том, что А. А. Васильев исполнил перевод «Обрядника», хотя судьба перевода остается невыясненной. См.: Басаргина Е. Ю. Ф. И. Успенский: обзор личного фонда // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. С. 52.

²¹ Вкратце об этом см.: Басаргина Е. Ю. 1) Ф. И. Успенский. С. 52–54; 2) О планах переиздания Словаря среднегреческого языка Ш. Дюканжа в России // XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. I. С. 111–112. В настоящее время разбором и изучением архива «Русско-византийской историко-словарной комиссии» занимается научный сотрудник С.-Петербургского филиала Архива РАН О. А. Барынина.

²² Бенешевич В. Н. Русско-византийская Комиссия: *Glossarium Graecitatis* // ВВ. 1926. Т. 24. С. 115–130; *Он же*. Русско-византийская историко-словарная комиссия в 1926–27 гг. // ВВ. 1928. Т. 25. С. 165–170.

хотя В. Н. Бенешевич и считал более реалистичным изначальный план «обработки словаря», справедливо полагая, что в полном виде переработка словаря может быть выполнена лишь совместными усилиями русских и иностранных ученых (в этом его поддерживали немецкие византилисты Август Гейзенберг и Франц Дэльгер, с которыми он советовался во время заграничной командировки и которые предлагали русским ученым заняться главным образом пересмотром содержания глоссария по вопросам государственного и церковного строя Византии, ибо считали эту задачу наиболее соответствующей русской традиции, выполнимой в течение нескольких лет)²³.

Несмотря на чрезвычайные трудности, Комиссии удалось заметно продвинуть подготовительную работу. Члены комиссии, число которых достигло 40, провели большую словарную работу, расписав на карточках десятки византийских источников и византиноведческих исследований, выбрав из них имена и термины и уточнив значение многих из них, — громадный, оставшийся в необработанном и далеком от опубликования виде материал, ныне хранящийся в С.-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 126)²⁴.

Следует указать и на работу, которая велась в двух подкомиссиях: 1) по изданию трудов В. Г. Васильевского (пользуясь ныне IV томом «Трудов» академика, не забудем, что он был подготовлен к печати В. Н. Бенешевичем, имя которого отсутствует на титульном листе издания)²⁵; 2) по «Экономическим связям» Древней Руси и Византии (на самом деле планировалась подготовка первого научного издания договоров Руси с греками в X в.; по указанию М. Д. Приселкова было сфотографировано 10 списков с текстом договоров, который был подготовлен к печати В. Н. Бенешевичем, указатель слов составлен А. Н. Насоновым и А. А. Степановым)²⁶. Нельзя, наконец, не вспомнить здесь и основанный в 1922 г. «Кружок друзей греческого языка и лите-

²³ *Басаргина Е. Ю.* О планах переиздания. С. 112. Текст письма А. Гейзенберга к Ф. И. Успенскому от 8 декабря 1927 г. на эту тему опубликован: *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Успенский. С. 53.

²⁴ См. также: *Бенешевич В. Н.* Русско-византийская историко-словарная комиссия в 1926–27 гг. С. 167 (с указанием конкретных исполнителей и количества составленных ими карточек). В личном фонде В. Н. Бенешевича (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192) содержится большая его переписка с участниками проекта, отражающая экстремальные условия, в которых протекала работа.

²⁵ *Васильевский В. Г.* Труды. Л., 1930. Т. 4. 331 с.

²⁶ *Барынина О. А.* Русско-византийская историко-словарная комиссия: историческая лексикография в отечественном византиноведении 1920-х годов // ВВ. 2004. Т. 63(88). С. 195–205.

ратуры» во главе все с тем же Ф. И. Успенским и с его заместителем профессором Д. К. Петровым (подлинным инициатором этого дела). В письме к президиуму этнолого-лингвистического отделения Университета, при котором предполагалось открыть «Кружок» (он сам и отнес письмо ректору университета), Ф. И. Успенский между прочим отметил: «В этой области, где европейские ученые давно уже дали нам почетное место и отметили оказанные нами услуги, в изучении византийской истории и искусства, в этой области мы скоро, за смертью стариков и недостатком их заместителей, должны будем стать в последние ряды», а в своей речи на торжественном открытии «Кружка» 19 декабря 1922 г. подчеркнул: «Наша совесть говорит нам неустанно о наших обязанностях перед Россией внести (в изучении Византии) свою долю труда в европейскую или лучше — в мировую культурную работу»²⁷. В «Кружке» велось изучение греческого языка (по группам, которыми руководили молодые ученые), но осуществлялась и чисто научная деятельность, с обсуждением докладов на специальных заседаниях (в качестве докладчиков неоднократно фигурирует сам Ф. И. Успенский, а также С. А. Жебелев, В. Е. Вальденберг, А. И. Малейн, И. И. Соколов, О. О. Крюгер, П. В. Ернштедт, М. А. Шангин, Д. К. Петров, С. Я. Лурье, П. Лавров)²⁸.

Разумеется, византиноведческая работа велась и в ряде других учреждений города, например в Эрмитаже, где большую музейную и организаторскую работу по собиранию и исследованию византийских памятников, по созданию одной из первых в мире выставок византийского искусства вел один из учеников Д. В. Айналова — Л. А. Мацулевич (1886–1959)²⁹; в Лихачевском Музее палеографии (с 1931 г. — Институт книги, документа и письма), где велась большая научная и просветительская работа, издавались «Труды Музея палеографии» (вышло три выпуска, подготавливался четвертый), но особенно в Государственной академии истории материальной культуры, где с 1919 г. и до отъезда его в 1925 г. из России А. А. Васильев, а с 1926 г. Н. П. Лихачев

²⁷ Малейн А. И. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель Кружка друзей греческого языка и литературы // Памяти академика Ф. И. Успенского. 1845–1928. Л., 1929. С. 75.

²⁸ Ценная информация о работе семинара с подробным перечнем тем докладов содержится в очерке В. Е. Вальденберга: [Waldenberg W. E.]. Aus dem wissenschaftlichen Leben Leningrads (Peterburgs) // Minerva — Zeitschrift. 1924. Bd. 1. H. 1. S. 10–11.

²⁹ Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 74–76; Соленикова Е. В. Л. А. Мацулевич: архив ученого // Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004. С. 436–457.

заведовали разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского³⁰.

Не ставя себе целью характеризовать здесь византиноведческую продукцию, произведенную в это первое «советское» десятилетие³¹, хочу все же отметить, что она целиком находится в русле традиций, заложенных петербургской школой византиноведения эпохи ее расцвета, — и это не в силу какой-то инерции, а в осознанном стремлении сохранить в неприкосновенности достижения этой школы, не дать окончательно разрушить основу византиноведческих штудий. Протестуя против навязываемого обществу представления о видных представителях русского дореволюционного византиноведения (и прежде всего, конечно, о Ф. И. Успенском) как об апологетах самодержавия и против переноса этих представлений на судьбу самого византиноведения как научной дисциплины, академик С. А. Жебелев, имея в виду позицию Успенского на посту директора Русского археологического института в Константинополе, подчеркивает: «Как служитель истинного знания, Ф. И. Успенский всегда ратовал за самую дорогую из всех свобод для ученого, свободу научного исследования, научного мышления»³².

Некоторая переориентация в проблематике исследований имела, впрочем, место. Так, виднейший представитель историко-церковной науки И. И. Соколов (1865–1939) переключился на изучение социально-экономических отношений Византии и Турции, и это в марксистской историографии было расценено как признак того, что «влияние марксистской методологии начало сказываться в византиноведении с конца 20-х — начала 30-х годов»³³. Думается, что в данном случае более

³⁰ 3–5 декабря 2002 г. в Петербурге прошла большая конференция, посвященная 100-летию «Дома Н. П. Лихачева» и 140-летию его хозяина. См. тезисы докладов конференции: Историческое источниковедение и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

³¹ Неплохую сводку данных о трудах русских византинистов в этот период см.: Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). Л., 1975. С. 141–147. См. также: Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. С. 9–40, хотя крайняя политизированность автора, его щедрое навешивание (с позиций «классового подхода») различного рода ярлыков делает чтение этого опуса почти невыносимым.

³² Жебелев С. А. Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе // Памяти академика Ф. И. Успенского. С. 57. То же утверждает в своих лекциях по истории византиноведения В. Н. Бенешевич: «При учреждении Русского археологического института в Константинополе имелась в виду политика, не совпадавшая с задачами Института как научного учреждения, но директор его Ф. И. Успенский сумел обойти ее» (см.: Бенешевич В. Н. Лекции по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византинистов. С. 610).

³³ Удальцова З. Е. Советское византиноведение за 50 лет. С. 24.

правы авторы, подвергнувшие сомнению подобную мотивировку отхода ученого от привычной ему тематики. «Насколько можно судить, — справедливо замечают они, — роль играло не столько воздействие методологии марксизма, сколько политическая обстановка в стране, исключавшая продолжение историко-церковных штудий»³⁴.

1928 г. оказался для судеб петербургской школы византиноведения не менее фатальным, чем 1917-й. 10 сентября умирает Ф. И. Успенский, не успев провести в Академию наук своего преемника (в лице В. Н. Бенешевича, как он рассчитывал)³⁵, и впервые в истории Академии византийская кафедра оказалась вакантной. Не прошли в Академию ни уехавший в 1925 г. за границу основной потенциальный претендент А. А. Васильев (считалось, что он находится в зарубежной научной командировке)³⁶, ни Д. В. Айналов и Г. Ф. Церетели, имена которых также «склонялись» при обсуждении кандидатур на частных совещаниях академиков — членов Отделения истории и филологии АН СССР³⁷, ни Ф. И. Шмит, также сделавший попытку занять освободившуюся кафедру византиноведения в Академии наук³⁸. Что касается В. Н. Бенешевича (его другим кандидатам на академическую кафедру, в том числе и А. А. Васильеву, предпочитал не только Ф. И. Успенский, но и, по крайней мере, В. П. Бузескул³⁹), то именно с целью не допустить этого он

³⁴ Лебедева Г. Е., Морозов М. А. Из истории отечественного византиноведения конца XIX — начала XX в.: И. И. Соколов // АДСВ. Екатеринбург, 1998. С. 141. Ср.: Лебедева Г. Е. Из истории византиноведения и неозэллинистики в России: И. И. Соколов // Мוסхovia: Проблемы византийской и новогреческой филологии. М.: Индрик, 2001. С. 230–231.

³⁵ См. об этом: Медведев И. П. Научное творчество В. Н. Бенешевича в оценке Ф. И. Успенского (по случаю представления в академики на выборах 1927–1929 гг.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. [Н.с.]. СПб., 2000. Вып. 2. С. 155–163.

³⁶ См. о нем: Куклина И. В. А. А. Васильев: «Труды и дни» ученого в свете неизданной переписки // Архивы русских византинистов. С. 313–338.

³⁷ Тункина И. В. Неизданный отзыв академика С. А. Жебелева о Д. В. Айналове: К истории выборов 1927 и 1929 гг. в действительные члены АН СССР (в печати).

³⁸ Басаргина Е. Ю. Ф. И. Шмит: материалы к биографии // 1) Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. С. 478–496.; 2) Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 108–118.

³⁹ Так, в письме к С. А. Жебелеву от 19 июля 1929 г., когда В. Н. Бенешевич уже находился в заключении, В. П. Бузескул пишет: «Кстати о Владимире Николаевиче. Несколько ближе присмотревшись к его трудам, я вижу, что Ф. И. (Успенский) был прав: как ученый, Вл. Ник. выше нашего теперешнего кандидата (т. е. А. А. Васильева. — И. М.), хотя и последний вполне достойный» (Ар-

под надуманным предлогом (ему инкриминировались принадлежность к агентуре Ватикана, нелегальные сношения с польской миссией, участие в контрреволюционной организации «Евразийцы») был арестован 25 ноября органами ОГПУ и сослан в Соловецкие лагеря. Довершило разгром петербургской школы византиноведения печально знаменитое «академическое дело» (1929–1931) — политический процесс, сфабрикованный по указке Политбюро ЦК ВКП(б) как часть общей кампании репрессий против академической интеллигенции, в котором пострадало и немало византинистов, а двое из них — академик Н. П. Лихачев и уже осужденный, но также подключенный к процессу В. Н. Бенешевич — оказались в числе главных обвиняемых⁴⁰.

Невольно напрашивается предположение: не напуганный ли этими событиями решается на «отступничество» один из бывших сподвижников Ф. И. Успенского по Константинополю, талантливейший ученый Ф. И. Шмит (1877–1937)⁴¹, выступивший с теоретическим обоснованием отказа от «старых традиций буржуазного византиноведения, в утверждении которых нет никакой надобности» и с «основными тезисами *нашего* (выделено мною. — *И. М.*) нового марксистского византиноведения»?⁴² Рассмотрев вкратце основные этапы истории мирового византиноведения (причем всякий раз в зависимости от того, кто и в чьих интересах занимался византийской историей), Шмит приходит к выводу, что и в России научное византиноведение родилось тогда, когда в нем появилась практическая

хив РАН. СПб филиал. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 42). В то же время Бузескул не советовал С. А. Жебелеву включать в готовящийся к печати сборник «Памяти академика Ф. И. Успенского» статью В. Н. Бенешевича («Относительно “Памятки”» Ф. И-ча я полагал, что в данный момент, когда положение В. Н. так еще тяжело, было бы осторожнее, благоразумнее, ради спасения самой “Памятки”, статью В. Н. не помещать»: Там же. Л. 36) и был удивлен, что сборничек (скорее, брошюрка) все же вышел («Я, признаться, думал, что ее не выпустят, из-за присутствия в ней статьи В. Н.»: Там же. Л. 61). Характерно и его замечание в письме от 3 октября 1929 г.: «Из-за “Памятки” жду неприятностей. Теперь о Византии и византинистах говорить неудобно» (Там же).

⁴⁰ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2: Дело по обвинению академика Е. В. Тарле. СПб., 1998. Предусмотрены выпуски с материалами следственных дел по обвинению академика Н. П. Лихачева и В. П. Бенешевича.

⁴¹ О вполне благожелательном отношении Ф. И. Шмита к Ф. И. Успенскому и о их взаимоотношениях см.: Шмит Ф. И. Федор Иванович Успенский // Е. Ю. Басаргина Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 195–204.

⁴² Шмит Ф. И. Политика и византиноведение // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7–8. С. 6–23.

потребность. Он усматривает наличие «интимной связи» между появлением работ В. Г. Васильевского и Русско-турецкой войной, выявляет «агрессивно-политические цели *правительственного* (выделено мною. — И. М.) византиноведения», которых «никто не думал и скрывать», и «классовые корни буржуазного византиноведения», призывает к тому, чтобы «не только установить, что нам не нужно империалистического вонне и реакционного внутри буржуазного византиноведения, но и решить, нужно ли нам византиноведение вообще»⁴³. Он, правда, за то, что марксистское византиноведение имеет право на существование хотя бы потому, что «не может быть такой области, которую бы мы полностью могли предоставить русским эмигрантам, сконцентрировавшимся в Праге (в настоящий момент)⁴⁴ или где угодно в другом месте (например, в американском Мэдисоне⁴⁵). “Византия” — была. “Византия” — на всем европейском Востоке и в передней Азии в течение тысячелетия играла громадную роль. “Византия” в пережитках существует и по сей час. Пройти мимо всего этого мы не можем. И если у нас нет сейчас своего византиноведения, оно должно быть, и оно будет»⁴⁶. Соответственно, Шмит не только составляет реестр того, от чего следовало отказаться («никакой *Kaisergeschichte* мы писать не будем»; «история церкви примет у нас совсем новый вид», ибо «никто не будет отрицать симптоматическое значение церковных анафем, но историю догматов православной церкви мы заниматься не будем и не должны»; «история литературы должна перестать быть историю византийской письменности»⁴⁷; и т. д.), но и намечает первоочередные задачи марксистского визан-

⁴³ Шмит Ф. И. Политика и византиноведение. С. 20.

⁴⁴ Имеется в виду Институт им. Н. П. Кондакова (вначале — Семинар), основанный в 1925 г. в Праге учениками Кондакова. Никодим Павлович почему вызывал особую неприязнь у Ф. И. Шмита. Достается тому от него и в рассматриваемом опусе за «лирические восторги по поводу нетленной красоты св. Софии и прелестей дачек на Босфоре и на Принцевых островах» (С. 18), но особенно в злобной, насквозь политизированной, но оставшейся незавершенной и неопубликованной статье Ф. И. Шмита «Византиноведение на службе самодержавия: Н. П. Кондаков» (1933 г.). По словам Е. Ю. Басаргиной, «трудно оценить эту статью иначе, как попытку реабилитировать себя в глазах властей, поправ почтенное имя покойного ученого» (см.: *Басаргина Е. Ю. Ф. И. Шмит: материалы к биографии // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. С. 496*).

⁴⁵ Намек на А. А. Васильева, осевшего в Мэдисоне в качестве профессора Висконсинского университета.

⁴⁶ Шмит Ф. И. Политика и византиноведение. С. 20.

⁴⁷ Там же. С. 21. Продолжим цитату: «Собственно литературных текстов, тех текстов, которые нам интересны и нужны для выяснения жизни восточно-европейского феодального общества, вовсе, к сожалению, не так много. Да и к

тиноведения, основой которого мыслится изучение византийского феодализма «во всех его конкретных разновидностях» как особой общественно-экономической формации: «На первом плане у нас будут земельные отношения, все материальное производство (сельскохозяйственное, промышленное, ремесленное), торговля и т. д.»⁴⁸. Любопытно, что, будучи искусствоведом, Ф. И. Шмит «набрасывает» интересный проект программы для истории византийского искусства, под которым, думается, не отказался бы подписаться ни один представитель петербургской школы⁴⁹. Во всем же прочем преемственность между старой исторической наукой и новой возможна постольку, поскольку вторая является отрицанием первой⁵⁰.

Этот ярко написанный и вызывавший неизменные восторги у советских историографов-византинистов манифест марксистского византиноведения, стоивший его автору репутации «красной вороны» у коллег, не смог спасти его и от гибели: арестованный 26 ноября 1933 г. по делу «Российской национальной партии» (главной причиной ареста послужили его украинские связи), Ф. И. Шмит был приговорен к пяти годам исправтрудлагеря, с заменой высылкой в Казахстан, вторично арестован в ночь с 10 на 11 августа 1937 г., приговорен к высшей мере наказания и 10 ноября 1937 г. расстрелян⁵¹.

Казалось, что дело русских византинистов старой школы было окончательно проиграно. Г. А. Острогорский публикует в 1940 г. (написаны, наверное, раньше) такие слова: «Теперь от этого (т. е. от расцвета русского византиноведения. — *И. М.*) ничего не осталось. Не осталось буквально камня на камне: византиноведение советская власть уничтожила как-то особенно радикально. В начале подсоветские (sic!) русские ученые самоотверженно

этим текстам у нас будет свой особый подход, который сделает просто ненужною добрую часть той исследовательской работы, которая сейчас продельвается европейскими византиноведами. Мы не станем, например, заниматься детальной фактической критикою агиографической литературы (разве что в каком-нибудь исключительном случае) — для средневекового человека жития святых были любимым чтением, были беллетристикою, и именно с этой стороны мы к ним подойдем, интересуясь не теми святыми, о которых ведется рассказ, а тем читателем, который таким рассказом увлекался и наслаждался, и тем автором, который с помощью таких рассказов обрабатывал общественное мнение и вел классовую политику, классовую борьбу. А агиографию нам заниматься не придется» (С. 22).

⁴⁸ Там же. С. 20–21.

⁴⁹ Там же. С. 22.

⁵⁰ Там же. С. 23.

⁵¹ *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 38, 138, 206, 229–230; *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Шмит: Материалы к биографии. С. 491.

пытались продолжать работу и приблизительно до 1927 г. еще как-то вели ее, хотя и в очень суженном объеме. Сейчас все окончательно задушено и умерщвлено. Русское византиноведение сейчас существует лишь постольку, поскольку работают в этой области русские ученые за рубежом»⁵².

Кое-кто тем не менее до поры до времени еще оставался, и прежде всего — В. Н. Бенешевич, хотя дамоклов меч репрессивной системы стал снова висеть над ним. Сознывая свою ответственность за судьбу отечественного византиноведения, он по возвращении в 1933 г. из заключения с головой уходит в работу, готовит свои знаменитые публикации этих лет, которые за невозможностью издания их в советской России помещает в зарубежных журналах или пишет «в стол», как пишут «в стол» и другие еще живущие «старые» (даже не в смысле возраста, а по степени их интеграции в советскую историческую науку) византилисты (например, В. Е. Вальденберг, М. А. Шангин и др.)⁵³. Особенно В. Н. Бенешевича беспокоило плачевное состояние подготовки молодых византиноведческих кадров. Не уповав больше на Академию наук, он направляет «по инстанциям» датированную 22 февраля 1935 г. записку «О возрождении византиноведения в Ленинградском государственном университете»⁵⁴. Отметив, что «Санкт-Петербургскому университету принадлежит руководящее значение в истории русского византиноведения», он подчеркивает, что и на историческом факультете ЛГУ «лежит теперь долг не только не сдавать этой почетной позиции, но и укреплять ее всячески». Он констатирует, что истфак в этом смысле стоит перед труднейшей задачей: «ведь приходится восстанавливать ту область исторических знаний, за которой в настоящее время укрепилась очень дурная репутация, и для работы в которой сохранилось очень мало специалистов не только в Ле-

⁵² *Острогорский Г. А.* В. Г. Васильевский как византолог и творец новейшей русской византологии // *Annales de l'Institut Kondakov*. 1940. Т. 11. Р. 235.

⁵³ Не иначе как стремлением выдать желаемое за действительное, следует расценить утверждение О. Л. Вайнштейна о том, что как эти византилисты, так и А. Ф. Вишнякова и, особенно, Е. Ч. Скржинская (1897–1981), занимавшиеся главным образом византийским источниковедением, «эволюционировали в сторону марксизма» (*Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. С. 75). Даже у М. А. Шангина, часто публиковавшего свои сугубо палеографические заметки в журнале «Историк-марксист», не ощущается никакого влияния марксизма. См. о нем: *Гукова С. Н.* М. А. Шангин: Жизнь и творчество // *Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга*. С. 497–520.

⁵⁴ *Медведев И. П.* Записка В. Н. Бенешевича о возрождении византиноведения в Ленинградском государственном университете // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. Вып. 3: Сб. статей в честь 70-летия проф. Г. Л. Курбатова. СПб., 2001. С. 72–80.

нинграде, но и во всем СССР. Предубеждение против истории Византии может быть искоренено окончательно лишь тогда, когда советской общественности станет ясно, что уже давно на Западе разглядели важное самостоятельное значение Византии в истории культуры стран не только Ближнего востока, Балканского полуострова, России и Италии, но и западных славян и всего западноевропейского мира, что русским ученым принадлежит честь быть первыми в деле раскрытия этого значения и что Советская Россия должна взяться за самостоятельную разработку истории Византии с точки зрения своих собственных задач и интересов, если не хочет увидеть себя в зависимости от результатов и выводов, основанных и в главном и в подробностях на иных позициях. Притом же и само обилие в СССР разного рода материалов, восходящих к византийской эпохе и влияниям, должно неизбежно вызвать интерес к истории Византии с новой силой уже в ближайшее время. Перед лицом всех этих грандиозных задач возникает для старых специалистов долг своевременно подготовить себе на смену учеников, которые будут справляться с трудностями успешнее своих учителей».

Далее в записке следует изложение общих принципов подготовки молодых византиноведов на примере одного такого молодого специалиста (вопрос о руководстве В. Н. Бенешевичем был уже обговорен ранее) — сотрудницы Эрмитажа и одновременно аспирантки истфака А. В. Банк (1906–1984), которой в качестве объекта исследования Владимир Николаевич наметил изучение рукописных списков (по сохранившимся у него самого фотографиям) и издание на этой основе византийского историко-правового памятника «Земледельческий закон» (*Νόμος γεωργικός*)⁵⁵, и хотя из этого в конце концов ничего не вышло⁵⁶,

⁵⁵ Об этом мне было известно от самой Алисы Владимировны. Впрочем, теперь отысканы и конкретные научные планы работы аспирантки Банк, собственноручно писанные В. Н. Бенешевичем, в основу которых «положено непосредственное, ближайшее ознакомление с источниками византийской истории, в первую очередь историками и хронистами VI–XV веков; этой цели служат: чтение греческого текста, критическое сопоставление греческого текста с существующими переводами на латинский и русский, сравнение текста с его источниками и позднейшими переработками, сообщение сведения об авторе читаемого текста и о его труде в целом». См.: *Медведев И. П.* Записка В. Н. Бенешевича о возрождении византиноведения. С. 77–79.

⁵⁶ По-видимому, из-за скорой гибели В. Н. Бенешевича. Да и подлинные интересы А. В. Банк лежали все же больше всего в истории византийского прикладного искусства. Папку с незавершенными работами по «Земледельческому закону» (в частности, с коллажей нескольких списков памятника) Алиса Владимировна передала незадолго до смерти автору этих строк.

уроки, преподанные В. Н. Бенешевичем, явно не остались бесполезными для этого ученого, сделавшего так много для «возвращения ленинградской школе византистики ее места в мировой науке»⁵⁷. Более успешным (хотя и кратковременным) было научное руководство В. И. Бенешевичем работой аспирантки ГПБ по отделу греческих рукописей Е. Э. Гранстрем (1911–1991), которое обеспечило преемственность в столь сложной области византиноведения, как греческая палеография и позволило реализовать взятую Бенешевичем на себя и неосуществленную задачу — создание научного каталога греческих рукописей из собрания ГПБ⁵⁸.

Почти что знаковым по своему значению оказалось участие В. Н. Бенешевича в качестве официального оппонента в защите кандидатской диссертации Е. Э. Липшиц (1901–1990) «Земледельческий закон и сельская община в Византии VII–VIII вв.», состоявшейся 25 декабря 1936 г. в Хрустальном зале Мраморного дворца на заседании Ученого совета ГАИМК (первая защита по византиноведению в после-революционное время!)⁵⁹. По существу, в данном случае произошло своего рода «сретение» старой византистики и новой, марксистской, которую представляла здесь Е. Э. Липшиц. Сформировавшись в атмосфере ГАИМКа, где царил дух «новых идей» и «зарождалась марксистская византология»⁶⁰, находясь всецело под влиянием Ф. И. Шмита,

⁵⁷ Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 78. Интересно, что подробно перечислив «первых учителей» и лиц, «оказавших несомненное влияние на формирование будущего исследователя» (С. 79), авторы данного труда даже не упоминают В. Н. Бенешевича — по незнанию?

⁵⁸ См. составленный В. Н. Бенешевичем «План занятий в 1935/6 г. аспирантки Е. Э. Гранстрем» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 1. Д. 46. Л. 542). В своем последнем (восьмом) выпуске «Каталога греческих рукописей» (Добавления, поправки и указатели) Е. Э. Гранстрем, между прочим, пишет: «По независящим от меня обстоятельствам я не могла посвятить уже первый выпуск каталога (вышел из печати в 1959 г.) памяти своего учителя — Владимира Николаевича Бенешевича, замечательного ученого, основателя советской школы византинистов-палеографов. Помню, как Владимир Николаевич, впервые показывая мне зимой 1935–1936 гг. греческие рукописи в Отделе рукописей Публичной библиотеки, говорил: “У меня нет учеников. Я стар и болен, мне недолго осталось работать, но мне хочется передать эти рукописи знающему человеку. Хотите ли вы учиться у меня?” <...> Прошу всех, кто будет обращаться к моей работе, помнить, что она есть моя благодарная дань памяти Владимира Николаевича Бенешевича» (ВВ. 1971. Т. 32. С. 109–110).

⁵⁹ См. об этом: *Медведев И. П.* Урок Бенешевича // Византийские очерки. М., 1996. С. 187–205 (текст отзыва: С. 192–205).

⁶⁰ *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. С. 74, 184.

которого она считала своим учителем, Елена Эммануиловна вполне искренне усвоила азы марксизма, посвятив даже взглядам классиков свои самые первые печатные труды⁶¹, и в своей диссертации отдала обильную дань вошедшему в моду ритуалу — поносить «реакционных буржуазных ученых» (пункт в диссертации, вызвавший наибольшее отвращение у Бенешевича). Разобрав «по косточкам» текст диссертации, оппонент убедительно показал отсутствие компетентного руководства и, при несомненной способности автора к «конструкции», отсутствие настоящей исследовательской школы. Ведь «одно дело — изложение, а другое — исследование, — сказал Владимир Николаевич. — Я хочу смотреть на Вашу работу именно как на исследование, между тем Ваша работа такова, что это изложение является в ней самым ценным»⁶². И далее: «В Ваших замечаниях о политической физиономии исследователей заключается хорошее намерение, но только выполнение этого намерения производится ненадлежащим образом. Вы, конечно, хотите обратить внимание на то, как нужно осторожно относиться к выводам буржуазной науки и что выводы даже таких заслуженных деятелей науки, как Ф. И. Успенский, Цахаризэ [фон Лингенталь] и др., должны приниматься с величайшей осторожностью. Это, конечно, верно. Однако, с другой стороны, надо же было Вам принять во внимание одно важное обстоятельство: прежде, чем так свысока относиться к этим людям и, можно сказать, так мальтретировать их, нужно было определить, что же они сделали. Неужели это такие люди, значение которых для науки падает, благодаря тому, что один был тайным советником, другой был помещиком или реакционным членом парламента и т. д. Ведь вы же сами приводите выдержки из их трудов, которые показывают, что эти люди очень много сделали. Поэтому Вашу первую главу которая должна была дать некоторые основные результаты, очень важные притом для всей той работы, которую Вы себе наметили дальше и в приложении, нужно было не обращать в какое-то лобное место, на котором Вы действуете Вашими схемами, как топором, в результате чего от рассмотрения целого ряда таких почтенных деятелей остается место, усеянное трупами. Если бы я захотел быть на Вашем месте и действовать по Вашему образцу, то я бы, по крайней мере, производя операции основательно, постарался бы обобрать своих против-

⁶¹ Как известно, первыми статьями Е. Э. Липшиц были «Из мыслей К. Маркса о Византии» (Проблемы ГАИМК. 1933. № 3–4. С. 51–61) и «К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии» (Известия ГАИМК. 1933. Вып. 90. С. 548–563).

⁶² *Медведев И. П.* Урок Бенешевича. С. 198.

ников до нитки и сделать все, чтобы они и не встали для советского ученого. Дикая мысль, но она была бы понятна и заманчива с Вашей точки зрения! А теперь то, что Вы проделали с ними в Вашей первой главе: я могу это сравнить с тем, что бывает в опере, когда героиня убивает героя, а затем занавес поднимается, герой с героиней выходят и раскладываются: все очень хорошо кончается. Такое же оперное действие происходит и у Вас: все эти дискредитированные Вами люди у Вас ожидают, и в дальнейшем изложении Вы начинаете строить на них все то, что Вам нужно»⁶³.

Ясно, что, преподав урок научной этики, В. Н. Бенешевич адресовался не только к Е. Э. Липшиц, но и ко всей «новой поросли» историков-византинистов. Этот урок, преподанный молодой византистке на защите ее кандидатской диссертации, при всей своей безжалостности, был спасением для нее, и это касается не только длинного списка конкретных исправлений ее перевода «Земледельческого закона» на русский язык (в опубликованном позднее переводе памятника Е. Э. Липшиц учла почти все эти поправки, естественно, без упоминания источника), но и вообще принципов подхода к изучению историко-правовых памятников. Она, правда, не стала палеографом или археографом, но то, что она в конце концов стала крупным (а по словам Е. Э. Гранстрем, ученицы В. Н. Бенешевича, и выдающимся)⁶⁴ специалистом в области истории византийского права, — заслуга в том числе, как думается, и В. Н. Бенешевича, к которому Елена Эммануиловна всегда питала особое уважение.

Судьба самого Владимира Николаевича, последнего из «могикан» старой петербургской школы византиноведения, как мы увидим далее, сложилась трагично, да она, в сущности, и не могла быть иной. Независимость поведения, нежелание соблюдать новые правила игры во взаимоотношениях деятелей науки с властью, отказ заниматься «переоценкой ценностей» в области своей специальности делали его фигуру почти несовместимой с установившимися условиями жизни и весьма уязвимой со стороны «органов». Несмотря на постоянную угрозу своему существованию, неоднократные аресты и «отсидки» в тюрьмах и лагерях, завершившихся расстрелом, В. Н. Бенешевич вплоть до самых последних своих дней не порывал связей с зарубежными учеными, находился в регулярной научной переписке практически со всеми византиноведческими центрами, активно публиковался в их печатных

⁶³ *Медведев И. П.* Урок Бенешевича. С. 194–195.

⁶⁴ *Гранстрем Е. Э.* Владимир Николаевич Бенешевич (к 100-летию со дня рождения) // ВВ. 1973. Т. 35. С. 238.

изданиях, вел оживленный книжный обмен. В отличие от своих коллег, он не только не сжигал и не скрывал своей переписки с границей, но и отстаивал свое право на научные контакты с зарубежными учеными.

Не думаю, что права была О. А. Добиаш-Рождественская, сообщавшая в письмах к академику Д. М. Петрушевскому от октября — ноября 1937 г. о «совершенно исключительном возбуждении нашей университетской общественности», вызванном фактом опубликования в этом году в Мюнхене (то есть в фашистской Германии) подготовленного В. Н. Бенешевичем критического издания одного из основных канонических сборников византийской церкви «Синагоги в 50 титулах» Иоанна Схоластика (VI в.)⁶⁵, — в том, что здесь налицо «глубочайшее непонимание мира, в котором он (то есть В. Н. Бенешевич. — И. М.) живет, непонимание правды страшной борьбы, которую нельзя не видеть»⁶⁶. Даже если Бенешевич и рассчитывал на понимание коллегами возникшей ситуации, когда давным-давно (еще в 1912 г.) запланированное и растянувшееся на десятилетия (причем санкционированное начальством в лице вице-президента АН СССР акад. Н. Я. Марра) издание осуществилось в столь неблагоприятный в политическом отношении момент, он все же не мог не предполагать, какую бурю негодования это вызовет и какая опасность нависнет над ним. Объяснение одно: внутренне он уже смирился с тем, что ему придется пожертвовать жизнью ради осуществления своей мечты, дела своей жизни («Синагога» Иоанна Схоластика мыслилась В. Н. Бенешевичем как I-й том многотомного «Корпуса источников византийского права», работу над которым он резко активизировал в последние годы своей жизни, заручившись поддержкой мировой научной общественности). Последствия этого «жертвоприношения» известны: 10 октября 1937 г. коллеги по кафедре истории Средних веков ЛГУ устраивают Бенешевичу на своем заседании настоящую экзекуцию и фактически не оставляют ему шансов на выживание (особенно досталось ему от зав. кафедрой и председателя заседания О. Л. Вайнштейна, а среди византинистов — М. В. Левченко)⁶⁷; 25 октября Академия наук СССР на своем заседании (в присутствии вице-президента АН академика Г. М. Кржижановского, а из академиков — А. М. Деборина, С. И. Вави-

⁶⁵ *Benešević V. Joannis Scholastici Synagoga L Titulorum ceteraque ejusdem opera iuridica. München, 1937. Т. I (до сих пор единственное издание).*

⁶⁶ Из переписки О. А. Добиаш-Рождественской 1920–1930-х годов / Сост. Б. С. Каганович // Отечественная история. 1992. № 3. С. 113–114.

⁶⁷ См. протокол заседания: Архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. I. Связка 8. Д. 1606. Л. 20–24 об.

лова, И. А. Орбели, Б. Д. Грекова, В. В. Струве и др.) пунктом 7 повестки дня постановила лишить В. Н. Бенешевича звания члена-корреспондента, с формулировкой: «Ввиду того, что В. Н. Бенешевич неоднократно проявлял враждебное отношение к нашей социалистической родине (ложь! — *И. М.*), систематически боролся за укрепление позиций поповщины (не нуждается в комментарии. — *И. М.*), поддерживая дружественные связи с фашистами (ни одного нациста среди немецких коллег Бенешевича не было. — *И. М.*), восхваляя деятельность фашистских учреждений, и пользовался их услугами для опубликования своих работ (все ложь. — *И. М.*), признать поведение В. Н. Бенешевича несовместимым с достоинством члена-корреспондента Академии наук СССР и, в соответствии со ст. 24 ее Устава, внести на Общее Собрание АН предложение о лишении В. Н. Бенешевича звания члена-корреспондента Академии наук Союза ССР»⁶⁸; 26 октября «Известия» публикуют материал «Антисоветский поступок члена-корреспондента АН В. Н. Бенешевича» с сообщением о лишении звания; 27 ноября следует арест — путь на Голгофу был открыт.

Казалось бы, победному шествию марксизма в советском византиноведении теперь ничто не мешало. В Ленинграде это как будто так и было: здесь византиноведение монополизировал (как руководитель) марксист № 1 среди византинистов — М. В. Левченко (1890–1955), член ВКП(б) с 1925 г., унаследовавший (после увольнения В. Н. Бенешевича) ставку профессора на кафедре истории Средних веков истфака ЛГУ и читавший здесь курс лекций (основа его книги «История Византии. Краткий очерк» — первого общего марксистского труда по истории Византии, 1940 г.), создавший в Ленинградском отделении Института истории АН СССР византийскую группу (1939), со своим органом «Византийский сборник» (подготовлен к 1941 г., в свет вышел в 1945 г. только том первый)⁶⁹, — начинается действительно эпоха советского византиноведения с его попытками «осмыслить с марксистских позиций характер социально-экономического развития Византии» и т. д.⁷⁰

Тем более интересен (и на первый взгляд малопонятен) тот факт, что в 1943 г. оформился Московский центр византиноведения при Институ-

⁶⁸ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 7. Оп. 1. Д. 208. Л. 87.

⁶⁹ О М. В. Левченко см.: Курбатов Г. Л. М. В. Левченко и византиноведение в Ленинградском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1962. Вып. 1. С. 72–80; Заливалова Л. Н. Митрофан Васильевич Левченко: штрихи к портрету ученого // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3: Сб. статей в честь 70-летия проф. Г. Л. Курбатова. СПб.: изд-во СПбГУ, 2001. С. 287–296.

⁷⁰ Курбатов Г. Л. История Византии (историография). С. 147 и сл.

те истории АН СССР во главе с членом-корреспондентом АН СССР Е. А. Косминским (1886–1959), причем с ясной ориентацией на сохранение преемственности с традициями старой русской (именно петербургской) школы византиноведения. В апреле 1945 г. состоялась сессия Отделения истории и философии АН СССР, посвященная памяти академика Ф. И. Успенского в связи с 100-летием со дня рождения, где выступил Е. А. Косминский с докладом о задачах советского византиноведения, в котором отметил необходимость «дальнейшего объединения исследовательской работы советских византинистов, разработки плана публикаций неизданных первоисточников на основе обследования советских рукописных фондов, главным образом Московского исторического музея, Ленинградской публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеки Академии наук СССР, а также плана издания переводов византийских историков. Докладчик остановился на задачах подготовки советских византинистов. Для этой цели Е. А. Косминский указал на необходимость введения в программу нескольких средних школ преподавания греческого и латинского языков, чтения курса истории Византии, византийской литературы и палеографии в университетах, расширения подготовки аспирантов по специальности византиноведения»⁷¹.

Это было как раз то, о чем мечтал В. Н. Бенешевич, и не только мечтал, но и изложил в своей записке от 15 апреля 1937 г., составленной по просьбе Е. А. Косминского для дирекции Института истории и содержащей широкую программу работ по возрождению византиноведения в СССР⁷². Не сомневаюсь, что именно из нее извлек тезисы для своего доклада на указанной сессии Е. А. Косминский (сам он, как известно, не был византинистом), который, судя по его письмам к Бенешевичу (июнь — июль 1937 г.), питал к тому чувство глубокого уважения⁷³.

⁷¹ См. раздел «Хроника» в: ВВ. 1947. Т. I (XXVI). С. 370.

⁷² См. текст записки и подготовительные материалы к ней: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 101. Л. 17–25 (копия под копирку); Л. 27–56 (подготовительные материалы). См. также: Л. 5–7 (черновик письма Бенешевича к директору Института истории акад. Н. М. Лукину с обоснованием необходимости развивать византиноведение); Л. 8–11 («Дополнения к плану работы исторической группы Института истории АН в 1935 г.» о включении в план истории Византии, с пометой Бенешевича: «Подано на сессии АН 20 марта 1936 г. <...>». Присоединились: Д. М. Петрушевский, И. А. Орбели, А. Н. Самойлович); Л. 12 (письмо ученого секретаря Института истории Медведевой Бенешевичу от 21 марта 1936 г. с приглашением принять участие в работе сектора истории Средних веков); Л. 13–16 (ответ Бенешевича от 30 марта 1936 г. с программой его исследований).

⁷³ Там же. Л. 66–68.

Отметим также, что предложенная Бенешевичем в записке программа перевода целого ряда конкретных, византийских по преимуществу, правовых памятников, была им же самим реализована (хотя бы частично) в обширном византийском разделе для первого тома «Хрестоматии по истории средних веков» под редакцией Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина (вышел в свет в 1939 г., после выхода второго тома, причем имя Бенешевича, как автора, было снято)⁷⁴. «Культ личности» Бенешевича царил и среди иных московских историков византийского искусства (В. Н. Лазарев, Н. И. Брунов, М. В. Алпатов), ориентированных на культивирование тех классических традиций в византийском искусствознании, которые были заложены Н. П. Кондаковым. Они беспрестанно «досаждали» В. Н. Бенешевичу запросами о всякого рода консультациях, а молодой, явно талантливый, но куда-то сгинувший московский искусствовед Г. В. Корсунский (10 писем его в фонде Бенешевича исполнены почтения к маститому ученому и восторга перед его эрудицией — сокровищницей, из которой он, как и его коллеги-москвичи, жадно черпал интересующую его информацию) пишет в письме к Бенешевичу от 14 ноября 1935 г.: «Я приветствую в Вашем лице выдающегося русского византиста и надеюсь, что Вы будете иметь возможность сделать новые вклады в советскую историческую науку»⁷⁵. Показательно, наконец, и то, что единственный, кто недвусмысленно выразил свое возмущение судилищем, которое устроили Бенешевичу в 1937 г. его коллеги по кафедре и ленинградские византисты, был московский академик Д. М. Петрушевский (1863–1942), хотя бы и в письме, адресованном самому Бенешевичу. «А мы так надеялись, что Вы организуете у нас византийский кабинет, и под Вашим руководством опять оживет когда-то так блестяще процветавшая у нас отрасль исторической науки», — с горечью добавляет он⁷⁶.

Наиболее наглядно тенденция сохранения преемственности с традициями старой русской школы византиноведения проявилась в восстанов-

⁷⁴ См. об этом ниже, с. 263–265. Не под влиянием ли Бенешевича и задумана эта «Хрестоматия»? В своей вышеуказанной записке он пишет: «Можно было бы указать ряд памятников, заслуживающих быть переведенными, потому что они оказали бы громадную помощь в изучении не только Византии. Из них можно было бы составить и *хрестоматию* (выделено мною. — И. М.) для высшей школы, полезную и для учащихся, и для учащихся» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 101. Л. 43–44).

⁷⁵ Медведев И. П. Письма искусствоведов в архиве В. Н. Бенешевича // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. СПб.: Гос. Эрмитаж. 2004. С. 93–99.

⁷⁶ Полностью письмо публикуется ниже. См. с. 291–292.

лении москвичами академического периодического византиноведческого органа «Византийский временник». Вышедший в Москве в 1947 г. первый том этого органа всем своим обликом («греко-русский» титульный лист воспроизводил внешнее оформление старого регелевского ВВ), своим порядковым номером (XXVI), а главное — содержанием (основное внимание было уделено восстановлению научного наследия Ф. И. Успенского и той школы, которую он представлял) и целью («снова завоевать своему органу то почетное место, которое он всегда занимал»), выражал эту идею преемственности⁷⁷. Ясно, что реакция бдительных идеологов-марксистов не заставила себя ждать. Последовал разнос редколлегии и авторского коллектива за стремление «стереть принципиальную идеологическую грань между старой и новой наукой», внушительное указание, что «восстановление журнала не означает продолжения традиций буржуазно-дворянского византиноведения»⁷⁸. Дальше — больше: вот уже многих авторов статей (не называя, правда, имен) стали обвинять в «объективизме», в «раболепии» и «низкопоклонстве перед буржуазной наукой», причем все «буржуазное византиноведение» было объявлено «растленным», а в передовой статье второго тома «Византийского временника» вообще было выдвинуто гениальное в своей простоте положение: «Не нужны ссылки на иностранных ученых без критики»⁷⁹. Даже О. Л. Вайнштейн, найдя это положение «антиленинским», признал, что «таким образом, заранее исключалась возможность использовать достижения зарубежной науки»⁸⁰.

Все это, впрочем, стало лишь одним из моментов «пристального внимания со стороны советской и партийной общественности» к работе Института истории Академии наук СССР. В редакционной статье 12-го номера журнала «Вопросы истории» за 1948 г. (главный редактор — В. П. Волгин), отрывок из которой мы цитируем и которая озаглавлена «Против объективизма в исторической науке», говорится, между прочим, и о «Византийском временнике». Отметив, что в сбор-

⁷⁷ Ср.: Поляковская М. А. Научный опыт новой серии «Византийского временника» (1947–1994) // Российское византиноведение: Итоги и перспективы. Тезисы конференции. М., 1994. С. 115.

⁷⁸ См.: Обсуждение I тома «Византийского временника» (ВИ. 1948. № I) и обзор Ф. Рассейкиным работ, напечатанных в этом томе (ВИ. 1948. № 3. С. 127–134).

⁷⁹ ВВ. 1949. Т. 2. С. 6.

⁸⁰ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. С. 185. Об Осипе Львовиче Вайнштейне (1894–1980) с его «раздвоением личности» в условиях советской действительности см. чрезвычайно содержательную статью Г. Е. Лебедевой и В. А. Якубского «Профессор О. Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ» (в печати).

нике «Средние века», выпуск 2-й, под редакцией Е. А. Косминского, посвященном Петрушевскому, были «чрезмерно превознесены виднейшие представители русской буржуазной школы историков Средних веков — Петрушевский, Савин и Виноградов», а «советские историки Средневековья были объявлены хранителями и прямыми продолжателями традиций этой школы», автор добавляет: «Та же самая ошибочная и вредная идея — о преемстве, хранении и продолжении советскими историками традиций буржуазной историографии — была повторена в “Византийском временнике” (редактор — Е. А. Косминский); только теперь это преемство традиций было распространено и на русскую буржуазную школу византиноведения, представленную Васильевским и Успенским. Но “Византийский временник” пошел значительно дальше: он попытался установить единый фронт и с зарубежным византиноведением, забыв при этом, что оно представляет собою буржуазно-реакционное направление в науке, с которым нужно вести решительную и непримиримую борьбу»⁸¹. В результате наш главный (на протяжении нескольких десятилетий) идеолог на византиноведческом фронте мог с чувством огромного удовлетворения констатировать: «Ошибки в оценке наследия русского буржуазного византиноведения, получившие выражение на страницах первого тома “Византийского временника”, вскоре, однако, были преодолены. В журнале из года в год печаталось все больше статей принципиального характера, на широкие актуальные темы»⁸².

⁸¹ ВИ. 1948. № 12. С. 6–7.

⁸² Я ставлю здесь точку, хотя цитируемая фраза имеет продолжение, не совсем соответствующее истинному положению вещей: «углублялась источниковедческая база исследований». См.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. С. 47.

О НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ПРОЕКТЕ ПО ИЗДАНИЮ КОРПУСА ИСТОЧНИКОВ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА*

Вся жизнь выдающегося русского ученого Владимира Николаевича Бенешевича (1874–1938), не столь уж, как видим, продолжительная, да к тому же исполненная бед и страданий¹, может быть названа своеобразным Forschungsproject «Byzantinisches Recht», причем именно с теми задачами и установками, которыми ныне руководствуется, скажем, такой бесспорный «флагман» в современном «правовом византиноведении», как основанный в 1974 г. во Франкфурте-на-Майне и успешно действующий центр по изучению греческих юридических рукописей (Frankfurter Forschungsprojekt «Byzantinisches Recht»), прямым предшественником и фактическим spiritus rector которого В. Н. Бенешевич, таким образом, является. Представляет поэтому большой научный интерес сама концепция русского ученого и разработанная им программа издания корпуса источников византийского права, даже независимо от того, что в своем целостном виде проект остался неосуществленным. Ясно, что это была не вина, а беда В. Н. Бенешевича: ему не дали осуществить то, что им было в деталях продумано, в значительной мере подготовлено и частично даже проведено в жизнь.

Считается, что впервые подобная идея была высказана В. Н. Бенешевичем в 1919 г., когда Отделению исторических наук и филологии Российской академии наук им была предложена записка «Об издании Corpus juris canonici ecclesiae Graecae» (об этом — ниже). Кажется, однако, что сам замысел в общем виде зародился у В. Н. Бенешевича гораздо раньше, чуть ли не с самого начала его подвижнической археографической деятельности — иначе зачем же ему было производить уже тогда фактически сплошное обследование и фотографирование рукописного материала («объездил библиотеки Франции, Германии, Италии, Турции, Греции, М. Азии и Египта; обследовал все греческие рукописи юридического со-

* Опубликовано: ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 249–272.

¹ О В. Н. Бенешевиче см.: *Медведев И. П.* В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 339–381 (с библиографией).

держания не только виденных мною, но и всех остальных библиотек; описание рукописей сопровождалось фотографированием всего достойного в них внимания»²). Обнаружен план работы В. Н. Бенешевича в 1912 г., предусматривающий создание «Очерков по истории источников права восточной церкви» и, очевидно, издание текста следующих памятников: 1) Иоанн Схоластик и предшествующий ему сборник; 2) Арефа Кесарийский; 3) Никон Черногорец; 4) Грузинский перевод номоканона 14 титулов; 5) Прохирон 1379 г.; 6) Прохирон Макария Анкирского 1405 г.³

Позднее, в 1937 г., когда возникла опасная для жизни В. Н. Бенешевича ситуация в связи с выходом в свет мюнхенского издания «Синагоги» Иоанна Схоластика, он, оправдываясь во время «экзекуции», устроенной ему коллегами по кафедре истории Средних веков Ленинградского университета, сообщил («для объяснения, а не для оправдания»), что еще в 1912 г. он обращался в Академию наук с предложением опубликовать этот памятник, но «это оказалось невозможным, так как типография ее уже была перегружена подобного рода работами»; об этом узнали на Западе, в связи с чем Эдуард Шварц предложил начать публикацию через Страсбургскую академию наук, членом которой В. Н. Бенешевич (именно с целью опубликования данного труда) был избран. «Я согласился на это. Часть работы я отослал Шварцу, но наступившая война прервала переговоры»⁴.

Тем не менее частично этот «фантастический», как его назвал сам В. Н. Бенешевич, план стал реализовываться уже в последующие годы: в 1914 г. был опубликован защищенный им в качестве докторской диссертации

² Медведев И. П. В. Н. Бенешевич... С. 340. Фраза взята из письма В. Н. Бенешевича, писанного им незадолго до гибели, 19 мая 1936 г., но относится главным образом к раннему периоду его деятельности, когда им, выражаясь по-современному, закладывался «банк данных» как для первоочередных работ, посвященных рукописной традиции Номоканона XIV титулов и Синагоги Иоанна Схоластика, так и для будущего проекта в целом. Ср.: Герд Л. А. Фотоархив В. Н. Бенешевича // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 381–388.

³ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 87. Л. 401.

⁴ Архив СПбГУ. Ф. 1 (отдел кадров). Оп. 1. Связка 8. Д. 1606. Л. 20–21 (из протокола № 42 заседания кафедры от 10 октября 1937 г.). Эти сведения подтверждаются и Шварцем, который, обосновывая в 1933 г. необходимость критического издания «Синагоги» Иоанна Схоластика, подчеркивает, что «es gibt nur einen Gelehrten, der imstande ist, eine solche Ausgabe herzustellen, das korrespondierende Mitglied unserer Akademie, W. Beneschewitsch» и что «еще до войны» Страсбургское ученое общество (Wissenschaftliche Gesellschaft in Strassburg) запланировало критическое издание Иоанна Схоластика, поручив его Бенешевичу. См.: Schwartz Ed. Die Kanonensammlung des Johannes Scholastikos // Sitzungberichte der Bayerischen Akademie der Wiss., Philos.-hist. Abt. Jahrgang 1933. Heft 6 (München, 1933). S. 6.

ции классический труд «Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика» (в предисловии Бенешевич отмечает: «По предложению проф. Эд. Шварца я взялся написать предлагаемый труд, задуманный мною некогда одновременно с вышедшим уже “Кан[оническим] сб[орником XIV титулов]”⁵, как одна из частей обширного, может быть, фантастического плана. Не сбылись и не сбудутся воодушевлявшие меня тогда юношеские мечты, но остался громадный материал, собранный главным образом благодаря поддержке со стороны Имп. Академии наук. Оказалось необходимым теперь лишь заменить всякого рода заметки и выписки фотографическими снимками с рукописей; и тут мне пришли на помощь проф. Эд. Шварц, предоставивший в мое пользование свои фотографии с C_1C_2 — Wissenschaftliche Gesellschaft in Strassburg, сделавшее на свой счет снимки с BB_1N_1 Near Ven, Имп. Археографическая Комиссия и Имп. С.-Петерб. Университет, выписывавшие рукописи из Москвы и Флоренции. В результате сделанных усилий составилось редкое по полноте собрание материала, необходимого для того первого критического издания исследуемого сборника, которое задумано Страсбургским Научным Обществом и для которого предлагаемая теперь мною работа должна служить, по мысли Эд. Шварца, как бы введением»⁶); в 1916 г. появился 1-й выпуск «Тактикона» Никона Черногорца⁷; полностью было подготовлено к печати

⁵ Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года: К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1905–1907 (с приложениями). Работа защищена в 1906 г. в качестве магистерской диссертации, печатные тезисы которой хранятся: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 1. Д. 118.

⁶ Бенешевич В. Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1914. Предисловие.

⁷ В разработанном уже в 20-е гг. проекте первоочередных изданий (список тем и далее — комментарий к темам), в котором «Тактикон» занимает первую позицию, Бенешевич пишет: «Тактикон Никона Черногорца уже начат изданием в годы войны, и в 1917 г. вышел один выпуск (8°, 120 с.), содержащий л. 1–62 рукописи, где находятся предисловие и “слова” (т. е. главы) 1–4 целиком; но, принимая во внимание, что 1) всех глав в “Тактиконе” 42 и что 2) печатание происходило в чрезвычайно тяжелых условиях и закончено в РСФСР быть не может, следует считать издание 1 выпуска как бы не существующим и начать все сначала. Для одного только текста “Тактикона”, занимающего в рукописи 263 л., потребовалось бы около 600 стр.; краткое предисловие и указатели займут около 4–5 л., т. е. до 60 стр. Таким образом, общий объем книги был бы около 45 печ. л. Текст весь переписан и уже в значительной мере подготовлен к печатанию. Частями можно его начать сдавать в типографию немедленно» (см.: Медведев И. П. В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива. С. 349).

оставшееся в рукописи издание «Прохирона 1379 года»⁸, но ход реализации замысла — не по вине Бенешевича — прервался, и только в 1919 г. (более неподходящий момент для осуществления проекта трудно себе представить!) он делает новую, более серьезную попытку заинтересовать проектом Российскую академию наук и обращается в историко-филологическое отделение РАН с запиской «Об издании *Corpus juris canonici ecclesiae Graecae*».

Поскольку этот документ, которому В. Н. Бенешевич всегда придавал особое значение, до сих пор остается неопубликованным⁹, приводим его текст полностью (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 1. Оп. 2—1919. Д. 40. Л. 9—11 об.: автограф В. Н. Бенешевича):

Об издании *Corpus juris canonici ecclesiae Graecae*

Западноевропейские ученые с XVI века сделали ряд настойчивых попыток — и для своего времени успешных — собрать памятники византийского церковного права и опубликовать то, что попадало им в руки. Современная наука, пользуясь накопленными богатствами, принуждена испытывать крайние неудобства от того, что

1) за немногими исключениями, труды предшественников не удовлетворяют иной раз даже самым скромным пожеланиям, обеспечивающим надежность текста памятников,

2) самые памятники разбросаны по разным изданиям, иногда при этом представляющим библиографическую редкость.

⁸ См. о нем: *Медведев И. П.* В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива. С. 358.

⁹ Следует считать недоразумением, что сам В. Н. Бенешевич, а вслед за ним его биографы (Е. Э. Гранстрем, Я. Н. Щапов) включают эту записку в список опубликованных работ Бенешевича (под номером 55) на том основании, что она была напечатана в приложении к протоколу X заседания Отделения исторических наук и филологии РАН от 17 сентября 1919 г. (к § 165): ни сами протоколы, ни приложения к ним не являются тиражированными изданиями и в лучшем случае печатались («на правах рукописи») в трех экземплярах. Что же касается нашего текста, то он сейчас вообще существует в единственном печатном экземпляре указанных приложений и соответственно хранится в архиве, откуда он нами и воспроизводится. Правда, своеобразной публикацией этой записки В. Н. Бенешевича можно считать ее подробное изложение в итальянской статье А. Пальмиери о работах Бенешевича: *Gli studi di B. (sic!) Benescevic sul diritto delle chiese orientali (Nota preliminare di A. Palmieri) // Studi Bizantini. Roma, 1927. Vol. II. P. 125.* Возможно, В. Н. Бенешевичу, как автору, был дан еще один печатный экземпляр приложения к протоколу с текстом его записки, который им и был послан Пальмиери.

Но если даже примириться с этими неудобствами, то совершенно невыносимо вызываемое теперь изучением рукописных богатств, хранящихся в многочисленных библиотеках западных и восточных, и успехами византинологии сознание самой действительной, самой неприкосновенной бедности изданного материала. Достаточно указать, что до сих пор нет надлежащего издания даже основных для истории византийского церковного права сборников в 14 тит. и в 50 тит., благодаря чему нет и не может быть критического издания текста канонов, имеющего не только научное, но и ближайшее практическое значение. И вся живая и интенсивная работа Византии в области церковного права остается в пренебрежении без надлежащего признания и оценки главным образом потому, что многие результаты ее хранятся еще под спудом, а некоторые только в самое последнее время хотя бы упомянуты в описаниях рукописей.

Давно пора современной науке приступить к созданию *Corpus juris canonici ecclesiae Graecae* в виде, соответствующем ее потребностям. Но для успешности этого дела следует заранее отрешиться от героической самонадеянности, понятной, простительной и даже трогательной в устах ученых XVI–XVII веков; следует проявить железную настойчивость в осуществлении основной идеи организованными усилиями ряда компетентных лиц в течение жизни не одного поколения, подобно тому, как ведутся предприятия вроде *Acta Sanctorum* или *Corp. Script. eccl. latinog.* Венск. Академии и *Corp. Script. eccl. graecog.* Берлинской Академии.

Казалось бы, эта задача должна лечь на плечи русских ученых лиц и учреждений. Но пока следует признать, что в указанной области русскими сделано еще очень мало, а условия современной русской жизни таковы, что едва ли и можно надеяться на большее в не столь отдаленном будущем. Поэтому я, с своей стороны, считаю своим священным долгом перед наукой и родиной принять заблаговременно все возможные меры к тому, чтобы не пропало, по крайней мере, то, что мне лично удалось собрать с 1898 года: ведь разбираться в моем литературном наследстве едва ли тоже найдутся охотники в не столь отдаленном будущем, а когда и наступит для этого время, тогда будет во многих случаях проще проделать все или часть вновь, так как труднее будет догадываться, почему я некогда действовал так, а не иначе. Обращаюсь к Академии наук с покорнейшею просьбой взять на себя издание следующих памятников византийского церковного права (перечисляю не в хронологическом порядке, с приблизительным распределением их по выпускам или томам):

- 1) Сборник в 50 тит. со славянским переводом — т. I;
- 2) Сборник в 14 тит. с грузинским переводом — тт. II—III;
- 3) Иоанна Постника номоканон со славянским и грузинским переводами — т. IV;
- 4) Котелерия номоканон со славянским переводом — т. V;
- 5) Стефана Ефесского сокращение правил,
- 6) Симеона Логофета *ἐπιτομή κανόνων*
- 7) Арсения уэнпшйт *τῶν θείων κανόνων* — т. VI;
- 8) К. Арменопула *ἐπιτομή τῶν κανόνων*
- 9) Прохирон 1379 года — т. VII;
- 10) Сборник Макария Анкирского — т. VIII;
- 11) Сборник Иоанна Трулина — т. IX;
- 12) Сборник Стаматия — т. X;
- 13) Сборник Sinait. № 1384 — т. XI;
- 14) Покаянные номоканоны — т. XII;
- 15) Канонические ответы и правила и отдельные мелкие статьи, как, напр., М. Пселла *σύνοψις τοῦ νομοκανόνου*, неизвестного *περὶ τῶν ἐν τῷ νομοκανόνῳ*, выдержки *Ἐκ τῶν διαφορῶν τίτλων τῶν Ἰουστινιανοῦ βασιλέως νεαρῶν διατάξεων κεφάλαια κατ' ἐκλογὴν διάφορα* и др. — т. XIII;
- 16) *Libellus synodicus Pappi* — т. XIV.

Каждый памятник будет предваряться историко-литературным введением, сопровождаться примечаниями и заключаться указателями собственных имен и технических терминов (в случаях нужды и осуществимости, также и другими указателями). Выпуски будут различных размеров: от 10 до 30 печатных листов. Появляться они могли бы по мере изготовления, теперь уже готовы у меня три тома вчерне. Начать издание следовало бы с грузинского перевода номоканона в 14 тит., так как этот памятник для истории грузинского права, устройства церковных дел и образования современной юридической терминологии был бы крайне необходим. В год я мог бы заканчивать два выпуска меньших или один большой, т. е. около 20–30 листов, сдавая в Типографию совершенно готовый текст.

Своей работой я хотел бы положить начало выполнению той основной научной задачи, о которой говорил выше. Чтобы скрепить разрозненные части между собою и облегчить появление следующих, как необходимых членов громадного целого, мною подготавливается нечто вроде истории источников византийского церковного права, должствующее в виде отдельного тома войти в мою серию и служить как бы планом создания этих последующих частей, для чего у меня собран тоже

некоторый материал. Таким образом, серия могла бы носить заглавие: *Corpus juris canonici ecclesiae Graecae*.

Профессор В. Бенешевич
Петроград, 15 сентября 1919 года

Рассмотрение записки В. Н. Бенешевича по существу состоялось во время XIV заседания Отделения исторических наук и филологии РАН 12 ноября 1919 г., на котором присутствовали Президент Академии наук А. П. Карпинский, Непременный секретарь АН академ. С. Ф. Ольденбург и академики В. В. Латышев, Ф. И. Успенский, П. К. Коковцев, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, А. В. Никитский, Б. А. Тураев, Ф. И. Щербатский; отсутствовали П. Г. Виноградов, М. И. Ростовцев, П. Б. Струве. В результате обмена мнениями было решено следующее (§ 201 протокола, печатная выдержка из которого хранится и сейчас в бумагах Бенешевича¹⁰): «Отделение имело суждение по вопросу о предложении В. Н. Бенешевича относительно издания сборника памятников византийского церковного права. Положено благодарить В. Н. Бенешевича за сообщение о приготовленных им материалах по византийскому церковному праву и сообщить, что в настоящее время Академия лишена возможности приступить к их изданию и потому не входит пока в обсуждение вопроса»¹¹. Сохранилось и уведомление об этом Бенешевича от 5 декабря 1919 г. за подписью Непременного секретаря АН академ. С. Ф. Ольденбурга¹².

Разумеется, отказ Академии взять под свою опеку ведение проекта огорчил Бенешевича, но он пытается отстоять хотя бы частично его воплощение и с этой целью пишет 23 мая 1920 г. академику Н. Я. Марру письмо следующего содержания: «Многоуважаемый Николай Яковлевич! Хотя Отделение исторических наук и филологии Российской Академии наук отказалось даже входить в обсуждение вопроса об издании предложенной мною серии *Corpus juris canonici ecclesiae Graecae* (I приложение к протоколу X заседания Отделения 17 сентября 1919 г. к № 165), но есть в составе этой серии два памятника, издание грузинского перевода которых имело бы чрезвычайную научную ценность, так как облегчало бы создание на исторических основах целой отрасли наук

¹⁰ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 190. Л. 38.

¹¹ Конечно, прав А. Пальмиери, отметивший в выше цитируемой статье (см. прим. 9), что дело было не столько в недостатке средств, сколько в общей неблагоприятной для такого рода изданий обстановке в послереволюционной России, когда история церкви и церковного права оказались ненужными (С. 125).

¹² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 190. Л. 39.

в Грузии, а именно правоведения в различных его разветвлениях. Один из этих памятников — “покаянный номоканон”, приписываемый иногда патриарху константинопольскому Иоанну IV Постнику (582–595); он уже издан проф. А. С. Хахановым¹³, но так, что именно потому его и надо издать наново возможно скорее. Второй памятник — “великий номоканон” в 14 титулах, приписываемый в этой редакции греческого оригинала (883 года) патриарху константинопольскому Фотию, он до сих пор не издан, несмотря на свое основное значение и в деле установления канонического строя церковной жизни. Не признаете ли Вы возможным включить издание этих памятников в серию Bibliotheca Armeno-Georgica, причем начать следовало бы с “великого номоканона”. Списки его обследованы мною, а полный текст целиком сфотографирован и хранится в Азиатском Музее. Все издание заняло бы около 30 листов сплошного грузинского текста мхедрули, около 5 листов понадобилось бы на маленькое предисловие и грузино-греческий и греко-грузинский словари технических терминов; было бы очень желательно издать параллельно и греческий оригинал перевода, так же, как я издал древне-славянскую кормчую, но это увеличило бы размеры издания до 60 листов текста; правда, ценность издания возросла бы неизмеримо больше. Для подготовки текста к изданию мне потребовалось бы около трех или четырех месяцев. Примите уверения в моем глубоком уважении и искренней преданности. В. Бенешевич»¹⁴.

Ответ Марра своему бывшему «ученику-другу» не сохранился: скорее всего, и сказать ему было нечего. Пребывая в состоянии подавленности и в то же время в условиях перегруженности другими своими исследованиями (их у него в 20-е гг. вышло немало!) и должностными обязанностями («правая рука» академика Ф. И. Успенского во всех его начинаниях, связанных с Российским Палестинским обществом, Русско-византийской словарной комиссией, Византийским временником и т. д.), В. Н. Бенешевич не прекращает работы и «по основной своей линии: истории источников греко-римского права и влияния их на славянское, древне-русское и восточное» (из письма к его тестю, академику Ф. Ф. Зелинскому). От этого времени (1921 г.?) происходит хранящееся в его личном фонде архивное дело, обозначенное в описи как статья В. Н. Бенешевича «О необходимости издания сборников 50 титулов и 14 титулов»¹⁵. Скорее, однако, в этом неозаглавленном тексте нужно видеть

¹³ Имеется в виду: *Хаханов А. С.* Номоканон Иоанна Постника. М., 1902.

¹⁴ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 800. Оп. 3. Д. 103. Л. 10–11 об.

¹⁵ Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 11 (61 л.).

черновой вариант вводной статьи с обоснованием издания корпуса источников канонического права в целом, «как бы некоторое завещание для будущего продолжателя работы, озаренной отблеском многих славных в науке имен» (заключительная фраза текста). Сравнивая состояние дела с состоянием латинского корпуса канонов («латинские переводы канонов уже дождалась такого издания их в начатых С. Н. Turner Eccles. Occid. Mon. Juris Antiquiss., которое достойно завершает гигантскую работу западноевропейской науки по собиранию и изучению труднообозримого количества материала»), В. Н. Бенешевич констатирует: «Далеко не так благополучно обстоит дело с греческими оригиналами древних переводов на латинском, сирийском, коптском, грузинском и арабском языке. Конечно, в отношении их существуют большие трудности, поскольку необходимо привлекать многоязычный материал для восстановления текста и состава некоторых редакций, но даже в отношении одних греческих данных до сих пор сделано еще очень мало для уяснения истории канонических сборников XII века и издания их текста канонов, как он существовал до Аристина, Зонары и Вальсамона».

Следует характеристика первого издания греческого текста апостольских канонов, осуществленного Филиппом Меланхтоном в 1521 г. (появление его, по мнению В. Н. Бенешевича, «следует приписать церковно-политическим настроениям с начала XVI в.»), других изданий XVI в. — Галоандра («вызвано как сознанием необходимости их для юриста, так и недостатками их текста в латинских канонических сборниках»), Jean du Tillet (предпринято «ради восстановления мира в недрах католической церкви») и др., XVII в. (работа издателей этого времени «состояла в перепечатывании наследия, оставленного учеными XVI в., и только VI в знаменитой своей Bibl. Jug. Cap. дали первое пока единственное издание Синагоги в 50 титулов Иоанна Схоластика по пропавшему теперь списку *clero-montanus*»), XVIII–XIX вв. (Assemani, кард. Ang. Mai, кард. Pitra и др.). Характеризуя работу Ang. Mai, В. Н. Бенешевич подчеркивает, что тот «издал номоканон 14 титулов в редакции, содержащей текст канонов в каждой главе каждого титула, причем не указал, по своему обыкновению, точной цифры списка и приписал эту редакцию самому патриарху Фотию; на деле же изданный текст оказался взятым из Vatic. 2198 (Column. XXIII) и более интересным по своему происхождению, но поздним»¹⁶.

Особенно же достается в этом сочинении В. Н. Бенешевича кардиналу Питре. Отдавая должное самому замыслу «дать текст первоначаль-

¹⁶ Здесь В. Н. Бенешевич ссылается на свое исследование «Номоканон Иоанна Комнина, архиепископа Ахридского» (ВВ. 1915–1916. Т. 22. С. 41–61).

ного вида канонов апостольских, соборных и отеческих со всеми позднейшими наслоениями» (для этого Питра «привел в известность не менее 92 списков сборника, перечислив их не по редакциям, а по библиотекам»), Бенешевич констатирует: «В задуманной в грандиозном масштабе работе этому масштабу соответствуют только недостатки, но не достоинства. Прежде всего совсем опущены столь интересные для канонического права и греческой церкви каноны Карфагенского собора 419 г., до начала XX в. существовавшие без толкований только уже в упомянутом издании Тилия 1540 г. и потом в *Justelli Codex canonum eccl. Afric.* (Paris. 1615 — Bibl. 305–417, с вариантами из рукописей *Regii graeci Paris. et Palatini*). Затем чтение рукописей изобилует ошибками, а печатный текст опечатками. Отличия списков не указаны исчерпывающим образом и не сделано различие между важными и пустячными. Ни о каком наблюдении над историческими наслоениями и изменениями в тексте канонов не может быть и речи, потому что сами списки не сгруппированы по редакциям. Большая заслуга Питры в том, что он собрал схолии к канонам, но текст их прочтен и напечатан в общем крайне неудачно» (Л. 12–13).

Именно «неудовлетворительность печатных изданий всего состава правил, — пишет В. Н. Бенешевич, — заставила меня при издании древнего славянского перевода Синтагмы 14 титулов без толкований¹⁷ присоединить и греческий текст всех входящих в нее статей по тому списку X века, который принадлежит к той же редакции, что и славянский текст; и так как эта редакция во многих отношениях очень своеобразна и сохранилась по-гречески в одном только списке *Vallisc. F. 47*, то было необходимо слить даваемый им текст с *Patm. 172* и *173* и *Vallisc. F. 10*. Здесь не дано критического издания греческого текста правил, но зато впервые они представлены в полном виде по указанным спискам, однако без правил константинопольских соборов 861 и 879 гг., которые в состав основной редакции не входят. Схолии к канонам, находящиеся в списках сборников 50 титулов и 14 титулов, изданы мною в 1905 г.¹⁸ и 1914 г.»¹⁹ (Л. 13–14).

Окончание сочинения В. Н. Бенешевича хотелось бы привести полностью: «В результате работы с XVI в. до 1921 г. (т. е., по-видимому,

¹⁷ См.: *Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906–1907 [Т. 1] (в трех выпусках); София, 1987. Т. 2 (подготовлен к изданию и снабжен дополнениями Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым и Я. Н. Щаповым; под общим руководством Я. Н. Щапова).

¹⁸ В приложении к исследованию: *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник XIV титулов. (см. примеч. 5).

¹⁹ См.: *Бенешевич В. Н.* Синагога в 50 титулов. С. 251–267.

времени, когда писалась данная статья. — И. М.) оказывается, что произошло действительно некоторое накопление подлежащего обработке материала и сведений о нем, но не существует даже простого надежного воспроизведения текста основного кодекса канонического права греческой церкви хотя бы по одной исправной и полной рукописи в одной книге, и приходится обращаться за таким — притом не везде одинаково — надежным текстом к разрозненным попыткам его установления в трудах, например, Bunsen, *Analecta Ant. Nicaena* (1854), P. de Lagarde, *Rel. jur. eccl. ant. graece* (1856), Routh, *Reliquiae sacrae*, Rokcham, *The Text of the Canons of Ancyra* (*Stud. Bibl. et eccl.* 1891, III) и др. Причины такого неудовлетворительного положения разнообразны и многочисленны. Среди них наименьшее значение следует приписывать борьбе Рима с церковно-политическими тенденциями, выразившимися в том, что сделанная в 1610 г. Justelli перепечатка издания Тилья под названием *Codex canonum Eccl. Universae* (*Bibl.* 29–100) уже в 1623 г. попала в *Index* (Rensch, *Index*, II, 152), как туда же попал и *Beveregii Synodicon* изд. 1672 г. (Rensch, *ib.*, 123). Само состояние текста правил было таково, что для понимания их необходимо было пользоваться данными к ним толкованиями византийских канонистов XII в. Таким образом получалась и аналогия с *Corp. jur. can.*, позволявшая применять к толкованию греческого текста ряд выработанных школой приемов. Но может быть самое важное то, что в толкованиях Вальсамона видели чрезвычайно существенное пособие в деле восстановления текста Юстинианова законодательства. Все это заставляло обращать внимание на издание текста правил с толкованиями. Стремление восходить к первоначальному и древнейшему виду сборников не было сильно потому, что предполагалась неизменность и постоянство в составе и тексте правил, как залог единства и крепости применяющей их церкви. Притом римская церковь основывается на переводах с греческого лишь в небольшой, хотя и очень важной части своих источников права и привыкла видеть текст их в разных версиях, неодинаково авторитетных для отдельных частей ее территории, и потому практически она не была заинтересована в изучении греческих подлинников до тех пор, пока научное движение в изучении особенно до-Никейского периода не заставило ее подумать о возможности и необходимости примкнуть к этому движению для защиты себя от нападений со стороны протестантов и занять руководящее положение в исследовании греческих источников права после-Никейского времени до IX–X в. в интересах подготовки к решению великих междуцерковных вопросов. Вторая половина XIX и начало XX в. ознаменовались пробуждением живейшего научного и практического интереса к исто-

рии и греческого (византийского или, в известном смысле, западного) православия, и “восточного”, и славянского. Потребовалась масса ученых сил для разработки в столь широком масштабе громадного материала в большей своей части еще даже и не приведенного в известность; между тем на уровне с западноевропейцами стояли со второй половины XVIII в. до 1914 г. только научные силы России и со второй половины XIX века отчасти Греции и южных славян. Можно было надеяться, что, во всяком случае, славянские и греческие ученые одинаково, хотя и с разных точек зрения, возьмутся за греческие источники церковного права; но на деле оказалось, что одни из них, усвоив приемы западноевропейской науки, усвоили себе и круг ее интересов и ее точки зрения, а другие успокоились на том неправильном представлении об основных чертах византийской церкви, как носительницы окаменелой традиции, которое казалось наиболее православным в официальных и руководящих церковных кругах, и довольствовались наличными средствами ознакомления с источниками права этой церкви; лишь очень немногие дорожили своеобразием материала и пытались проложить самостоятельный путь к изучению его.

Теперь Россия, вероятно, долго принуждена будет молчать в области изучения и издания памятников греческого церковного права; западноевропейская наука, отвлеченная изучением потрясения от великой войны, едва ли удосужится уделить столько сил вопросам менее спешным, сколько уделила бы в довоенное время. Поэтому будет не бесполезно резюмировать здесь вкратце несколько фактических данных, как бы некоторое завещание для будущего продолжателя работы, озаренной отблеском многих славных в науке имен» (Л. 14–22).

Скорее всего, рассмотренный труд готовился В. Н. Бенешевичем для Эдуарда Шварца. О том, что в 20-е гг. Бенешевич продолжал работать над подготовкой критического издания Синагоги Иоанна Схоластика (I том в предполагаемом «Корпусе») в Германии, свидетельствует сохранившийся в его бумагах машинописный «отпуск» (очень бледная копия) его немецкого письма от 29 июля 1928 г., адресованного, вне сомнения, Эдуарду Шварцу, хотя имя адресата и отсутствует²⁰. Приводим относящуюся к делу часть письма на языке оригинала: «Hochverehrter Herr Kollege und lieber Freund, Die Arbeit am Scholasticus macht immer Fortschritte, aber nicht in dem Masse, wie ich es hoffen konnte. Die Hauptschuld daran trägt die Nothwendigkeit, die schönste Arbeitszeit von 10 bis 4 täglich dem Dienst zu opfern; an und für sich ist er freilich sehr

²⁰ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 19. Л. 14–15.

angenehm, denn ich habe mit den griech. Hss zu thun, aber zeit — und müheraubend und für meine eigene Arbeit störend bleibt er doch. Dann hat mir die Krankheit fast drei Wochen geraubt, und jetzt bin ich auf dem Lande zur Erholung. Immerhin bin ich mit den bisherigen Resultaten nicht unzufrieden: die Vorrede ist zur Hälfte fertig in russischen Sprache, und einige Theile des griech. Textes sind auch fertig, aber die Hauptmasse liegt wie Cheops-Pyramide während des Baues. Ich habe die Absicht, die Vorrede auf Deutsch, den Apparatus criticus auf Lateinisch abzufassen. Gegen Mitte September hoffe ich alle Photographien aus Paris, München und Italien zur Verfügung zu haben. Es wird mir nicht gelingen, mich der Arbeit am Sch[olasticus] ganz zu widmen, weil ich zwei Beiträge zu Festschriften liefern muss und mit der Ausarbeitung eines Katalogs der griech. Hss des Sinai-Klosters beschäftigt bin; wenn ich die Gelegenheit jetzt verpasse, den Katalog im Auslande auf Kosten der Harvard University zu veröffendichen, dann wird es überhaupt nie möglich sein, denselben je wieder in Fluss zu bringen. Auch hoffe ich auf diese Weise etwas für die nächste Reise ins Ausland verdienen zu können, die mir unentbehrlich ist.

Wie es vorauszusehen ist, wird der griech. Text früher fertig sein, als die Vorrede in deutscher Sprache: für die Ausarbeitung der letzteren wäre es allerdings sehr angenehm, den gedruckten Text vor Augen zu haben; auch wären die Änderungen und Zusätze im gedruckten Text ganz ausgeschlossen, weil bei der Ausarbeitung desselben die Vorrede in russisch. Sprache schon vorgelegen haben würde. Ich möchte also Ihnen zunächst den vollständigen griech. Text der Ausgabe vorlegen (nebst einem Verzeichniss der Abkürzungen) und während der Drucklegung desselben die Vorrede nachschicken. Auf diesem Wege liesse sich die Ausgabe ohne Zeitverlust verwirklichen. Es fragt sich aber, ob Sie dieses Verfahren vom Standpunkt der Akademie für möglich halten; Ihre Antwort wird für mich entscheidend sein».

[«Уважаемый коллега и дорогой друг! Работа над Схоластиком продвигается, но не в той мере, в какой я мог надеяться. Главная причина заключается в необходимости тратить самое лучшее для работы время ежедневно с 10 часов до 4-х на службу; сама по себе она, конечно, весьма приятна, так как я имею дело с греческими рукописями, но требует много времени и труда, мешая моей собственной работе. К тому же болезнь украла у меня почти три недели, и теперь я нахожусь в деревне на отдыхе. И все-таки полученными результатами я доволен: предисловие на русском языке наполовину готово, готовы и некоторые части греческого текста, но основная масса подобна пирамиде Хеопса в процессе строительства. У меня есть намерение составить предисловие на

немецком, а критический аппарат — на латинском. Надеюсь к середине сентября иметь в своем распоряжении все фотографии из Парижа, Мюнхена и Италии. Мне не удастся целиком посвятить себя работе над Схоластиком, так как я должен представить две статьи в юбилейные сборники, а также занят подготовкой каталога греческих рукописей Синайского монастыря; если я сейчас упущу возможность опубликовать каталог на средства Гарвардского университета, то уже никогда больше не представится возможным выпустить его. Я, таким образом, рассчитываю также что-то успеть сделать во время ближайшего путешествия за границу, которое мне просто необходимо.

Как можно предвидеть, греческий текст будет готов раньше, чем предисловие на немецком языке: для исполнения последнего было бы удобнее иметь перед глазами печатный текст, да и всякие изменения и дополнения в печатном тексте были бы совершенно исключены, так как при его составлении предисловие на русском языке было бы уже представлено. Я, стало быть, хотел бы сперва представить Вам для издания полный греческий текст (вместе с указателем сокращений), а во время его печатания дослать предисловие. Так можно было бы осуществить издание без потери времени. Вопрос в том, считаете ли Вы возможным этот способ действия с точки зрения Академии. Ваш ответ будет для меня решающим»].

Последовавший, однако, 25 ноября 1928 г. арест и затем ссылка сначала в Соловецкие, а затем в Ухта-Печерский «исправительно-трудоу» лагеря на целых 5 лет вырвали ученого из круга занятий. Катастрофой было даже не столько само физическое отстранение ученого от науки, сколько тот разгром, которому подвергся в его отсутствие архив со всеми подготовительными работами. Отчаянным «криком души» можно назвать слова написанного Бенешевичем уже по возвращении (15 сентября 1933 г.) письма к директору Центрального Литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевичу: «В 1930 г. задались целью отыскать следы моих преступлений там, где я больше всего действовал: в описаниях греческих, славянских и восточных рукописей, в фотоснимках с них и в моих предварительных работах по громадной истории источников византийского права с его связями с юго-славянским, древнерусским и восточным правом. Приступили систематически: сначала все — и материалы и книги — свалили в груду в одной комнате, затем из груды тащили все рукописные материалы и снимки себе в учреждение: 30 лет работал без отдыха и срока. Орудие преступления оставалось лежать в учреждении, и будь бы это инструмент для самогона или взлома, он пошел бы в музей угрозыска и сохранился бы, а тут вдруг оказалась жал-

кая писанина: сам следователь спрашивал с недоумением, за что же 4 академии наук избрали меня в свои члены, когда и он мог бы написать такую же книгу! Вот такой просвещенный человек этот следователь! И потому почти весь результат главной моей работы, фундамент ее, за 30 лет заложенный, сдан был на перемол; остались кое-какие вещи (например, из около 40 описаний всех юридических греческих рукописей в библиотеках всего культурного мира осталось 3; предварительные работы по памятникам погибли, фотоснимков масса погибла — больше 1000, которые я сейчас вспоминаю). А я готовил работу, которая во всяком случае была бы к чести советской науки в глазах всего ученого мира и необходима для самой советской науки! Подлое бессмысленное вредительство удержу не знает и остается безнаказанным или даже награды получает! Боюсь, что той же участи подвергся и архив моего тестя, где было много любопытного: письма Сологуба, Блока, Вяч. Иванова, еще каких-то людей литературы (Инн. Ф. Анненского), фотографии, самим Сологубом переписанные стихи. Ах, да все это пустяки по сравнению с моей потерей: ведь можно было бы восстановить потерянное только поработавши года полтора-два в тех библиотеках, а это значит, что никогда не восстановить!»²¹

И тем не менее, находясь и после возвращения из заключения почти в экстремальных условиях существования, В. Н. Бенешевич находит в себе силы вернуться к «главному делу» его жизни. Уже в письме к Ф. Ф. Зелинскому от 17 июня 1933 г. он, между прочим, пишет: «По мере сил работаю. Готовлю в память Гейзенберга статью о новых, то есть до сих пор не известных в печати лекциях Меланхтона; Шварц обещает представить в Баварскую АН. Кроме того, берусь за небольшую работу о Кормчей в 50 титулов, чтобы сообщить некоторые данные для прояснения мозгов по очень важному для славяноведения вопросу. Хочу потом такую же статью подготовить о Кормчей в 14 титулов и третью работу, уже побольше, о Кормчей т. н. Саввы сербского. Вообще работы у меня тут набралось столько, что сиди и обрабатывай для печати... Буду все-таки работать по основной своей линии: история источников греко-римского права и влияние их на славянское, древнерусское и восточное»²².

Исключительный импульс к оживлению работы над проектом дало В. Н. Бенешевичу приглашение Оргкомитета IV Международного конгресса византинистов в Софии (9–16 сентября 1934 г.), за подписью

²¹ ОР РГБ. Ф. 369. Картон 239. Д. 9. Л. 15–16 об.

²² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 6. Л. 2–3.

Г. И. Кацарова, принять участие («вместе с супругой») в работе конгресса²³. Правда, ответ его преисполнен был грусти и пессимизма («С радостью поехал бы на конгресс и потому, что не пришлось побывать на трех предыдущих, и потому, что не придется, может быть, дожидаться пятого. Но осуществление моего пожелания совершенно не зависит от меня: я мог бы поехать только в том случае, если бы научное учреждение, например, АН, сочло нужным командировать меня на конгресс. Так как до сих пор этого не случилось, то я уверен, что моя поездка не состоится и что мне остается только от души пожелать Вам и конгрессу с блестящим успехом выполнить программу намеченных работ»)²⁴. Не помогло и обращение Оргкомитета в Академию наук с просьбой делегировать Бенешевича на конгресс в Софию²⁵, как, впрочем, и предложение Эдуарда Шварца отправить Бенешевича на конгресс в качестве представителя Баварской АН, за счет последней²⁶. Тем не менее доклад с обоснованием необходимости издания Корпуса источников по греко-римскому праву ему удалось и подготовить, и опубликовать в актах конгресса²⁷.

²³ Там же. Ф. 192. Оп. 3. Д. 95. Л. 101 (с пометами Бенешевича: «Получ. 14/VI 34, отвеч. 14/VI 34»). В деле (Л. 103–105) есть и печатный экземпляр циркулярного письма Оргкомитета со списком членов (президент В. Н. Златарский, вице-президент М. Арнаутов, генеральный секретарь Б. Филов).

²⁴ Там же. Л. 102 (черновик письма от 14 июня 1934 г.).

²⁵ В деле (Л. 106) хранится письмо В. Н. Златарского и Б. Филова к Бенешевичу от 28 июня 1934 г., в котором они уведомляют его, что, по совету Г. А. Острогорского, они еще 2 июня отправили в Академию наук письмо.

²⁶ Сохранился черновик письма Бенешевича Шварцу от 25 июня 1934 г., в котором он пишет, что вынужден отказаться от участия в софийском конгрессе в качестве представителя Баварской АН, просит не предпринимать никаких шагов и добавляет: «Schade für mich, denn die Ehre, die Bayer. Ak. auf dem Kongresse zu vertreten, weiss ich hoch zu schätzen auch als einen Ansporn zur weiteren unentwegten Arbeit auf meinem schwierigen u. undankb. Wiss. Gebiet. Leider laufen heutzutage die reisten wissenschaftl. Absichten die Gefahr, vergerrt zu werden. Also lieber ruhig zu Hause sitzen bleiben und an Scholastikos' Texten mit steigendem Interesse arbeiten» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 16. Л. 1). Обо всем этом говорится и в письме Бенешевича к Ф. Ф. Зелинскому от 15 июня 1934 г.: «Вот и в деле поездки на конгресс византинистов: я уж тебе писал, что самые любезные и почтенные приглашения вроде пришедшего сегодня и самое горячее желание мое побывать хоть на одном конгрессе византинистов абсолютно ничего не значат. Не только ты, но и все мои приятели по работе запрашивают меня о приезде в Софию так, как будто я захотел — и поехал! Один только Шварц дал неожиданный оборот: запросил, согласен ли я поехать представителем Баварской АН на конгресс, на счет этой АН. Я и ему ответил, что это от меня не зависит, а пусть обратятся к здешней АН. Такое обращение показало бы, что нас ценят и помнят» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 6. Л. 6).

Из писем В. Н. Златарского к Бенешевичу нам известно, как это происходило. Почтовой открыткой от 4 сентября 1934 г. он уведомляет Бенешевича о том, что текст доклада получен и передан в Оргкомитет «для дальнейших распоряжений». «Как и когда доклад Ваш будет внесен в заседание конгресса, не могу пока ничего Вам сообщить; но как только будет установлено дальнейшее его положение, я немедленно сообщу Вам. Все Ваши желания будут приняты во внимание. Мы очень сожалеем о том, что Вы не можете приехать на наш конгресс, который, как кажется, будет весьма интересен, если судить по количеству разнообразных рефератов (109) и по многочисленности желающих приехать на конгресс (210 и больше). Приедет также и Александр Александрович (Васильев. — *И. М.*), что придаст конгрессу особое значение»²⁸. Вторым письмом, написанным уже после конгресса, а именно 1 ноября 1934 г., Златарский сообщает любопытные детали оглашения доклада. «После получения Вашего доклада, — пишет он, — а это было 8 сентября, последний был тотчас же передан экстраординарному профессору по болгарскому праву, Вл. Алексиеву, для того, чтобы передать содержание Вашего доклада как можно подробнее, на немецком языке, которым Вл. Алексиев хорошо владеет. Доклад был приготовлен заблаговременно и в пленарном заседании членов съезда, председательствуемом профессором Dölger'ом, 15 сентября был прочтен тем же Вл. Алексиевым и подложен (*sic!*) обсуждению. Однако все, которые говорили о Вашем предложении, высказались в положительном смысле, а некоторые даже говорили, что за предложенный Вами *Corpus* нужно приниматься как можно скорее. При голосовании предложение Ваше было принято единогласно и единодушно, и собрание высказалось, чтобы это решение было внесено немедленно в постоянный международный комитет по византинологии для того, чтобы был составлен нужный план для скорого начатия работы по этому весьма важному и необходимому научному предприятию. Итак, дальнейшее развитие вопроса о *Corpus*'е переходит в руки членов постоянного комитета, в который входит и проф. Dölger, так что, если Вы настаите (*sic!*) перед ним, чтобы дело пошло поскорее, я думаю, что он Вам не откажет тем более, что Мюнхенская Академия наук, насколько мне известно, имеет в проэкте подобное научное предприятие. Ваш доклад будет напечатан в полности (*sic!*) и на русском языке в "Трудах" съезда, т. к. мотивировка у Вас полнее, чем в немецком изложении»²⁹.

²⁷ Бенешевич В. *Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis* // Actes du IVe Congrès International des Études Byzantines. Sofia, 1935. Vol. I. P. 137–144 (на русском языке).

²⁸ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 76. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 2.

Аналогичные сведения содержатся и в письмах Фр. Дэльгера к Бенешевичу, которые вообще являются ценнейшим источником по истории данного неосуществленного проекта русского ученого. Так, в почтовой открытке от 9 октября 1934 г. Дэльгер пишет: «Wir haben Sie auf dem Kongress alle sehr vermisst. Ihr Memorandum über eine Ausgabe der kanon. Rechtsquellen wurde in der feierlichen Schluss-Sitzung von Herrn Alexiev verlesen und ich hatte die Freude als Vorsitzender die allgemeine Zustimmung feststellen zu können. Ich hoffe, dass diese Frage nun in Zukunft rascher gefördert werden könne, da wir diesmal einen permanenten Ausschuss konstituiert haben, der sich bis zum nächsten Kongress mit den Dingen zu befassen haben wird und dem ich als Vertreter des D. Reiches angehöre. Ich nehme an, dass Ihnen der Sekretär des Kongresses, Herr Filov, Mitteilung machen wird»³⁰. [«Нам всем очень недоставало Вас на конгрессе. Ваша записка об издании источников канонического права была зачитана г-ном Алексиевым на торжественном заключительном заседании, и мне, как председателю, было радостно констатировать ее всеобщее одобрение. Надеюсь, что отныне этот вопрос будет решаться быстрее, так как мы на этот раз учредили постоянную комиссию, которая должна будет заниматься этим делом вплоть до следующего конгресса и в которой я состою в качестве представителя Германского Рейха. Полагаю, что секретарь конгресса г-н Филов сообщит Вам об этом»]. Еще более содержательно письмо Дэльгера из Мюнхена от 3 ноября 1934 г. («получено 10/X 34, отвечено заказным письмом 13/XI 34»), в котором он пишет: «Hochverehrter Herr Kollege! Dass ich Ihre freundliche Karte vom 21. X. solange nicht beantwortet habe, liegt daran, dass ich erst Nachricht von Herrn Filov in Sofia abwarten wollte, um Ihnen Zweckdienliches berichten zu können. Ich berichte zunächst über den Kongress. Der Kongress hat, wie ich mich jetzt nach der Benachrichtigung durch Filov auch genauer erinnere, beschlossen, von den russischen Kollegen die Herren Ainalov und Sie zu begrüßen, aber nicht durch Telegramm, sondern durch einen Brief, der an die Akademie in Leningrad gerichtet werden sollte. Der Brief konnte in Sofia erst am 2. Oktober abgehen, da Herr Filov, in dessen Händen die ganze ungeheure Arbeit lag, am letzten Kongresstage von einem Nierenleiden befallen wurde. Der Brief spricht das Bedauern des Organisationsausschusses aus, dass die Akademie auf dem Kongress nicht vertreten werden konnte. Weiter wird darauf hingewiesen,

³⁰ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 76. Д. 62. Л. 16. В бумагах Бенешевича хранится 25 исключительно содержательных писем и почтовых открыток Дэльгера 1927–1936 гг. — свидетельство теснейшей личной дружбы и научного сотрудничества двух ученых.

dass der Kongress beschlossen hat, die abwesenden hervorragenden Byzantinisten zu begrüßen, und zum Schluss wird die Akademie gebeten, diese Grüsse Ihnen und Herrn Ainalov zu übermitteln.

Des weiteren ist Herr Filov mit mir der Ansicht, dass Sie nun unbedingt die für die Vorarbeiten des Corpus canonicum unerlässlichen Handschriftenforschungen machen müssen und wir wollen von dem nun gewählten ständigen Ausschusse aus gerne alles tun, um Ihnen die Möglichkeit hiezu zu verschaffen. Es wäre mir nur sehr lieb, wenn Sie mir über zwei Dinge Auskunft geben möchten:

1) welche Form Sie für die zweckmässigste halten würden, um Ihren Behörden nahezubringen, dass dieses Werk nötig ist und dass Sie, wovon wir alle überzeugt sind, der einzige Mann sind, der das machen kann;

2) welche Reisen in erster Linie konkret in Frage kämen. Leider kann ja, wie Sie wissen und wie Filov auch ausdrücklich schreibt, der Kongress oder der Ausschuss keine Mittel zur Verfügung stellen. Aber vielleicht liesse sich diese Frage, wenigstens zum Teil, auch auf anderem Wege lösen; ich will nächster Tage einmal mit Herrn Ghr. Schwartz sprechen. Ein fester Plan wäre jedenfalls für alle Fälle ein guter Anhaltspunkt für uns...»³¹. [«Глубокоуважаемый коллега! То, что я так долго не отвечал на Вашу любезную открытку от 21 октября, объясняется тем, что я хотел дождаться вестей из Софии от г-на Филова, с тем чтобы иметь возможность сообщить Вам уже нечто целесообразное. Отчитаюсь сперва о конгрессе. Насколько точнее я теперь, после извещения Филовым, помню, конгресс постановил приветствовать из русских коллег г-на Айналова и Вас, но не телеграммой, а письмом, которое должно было быть адресовано Академии в Ленинграде. Письмо могло отправиться из Софии лишь 2 октября, так как г-н Филлов, занятый непомерной работой, слез в последний день конгресса с почками. В письме высказывается сожаление Оргкомитета о том, что Академия не была представлена на конгрессе. Было сообщено, что конгресс постановил приветствовать отсутствующих выдающихся византинистов, а в заключение высказывалась просьба к Академии — передать эти приветствия Вам и г-ну Айналову. Г-н Филлов придерживается того же мнения, что и я, а именно, — что Вам теперь обязательно придется заняться исследованием необходимых для подготовки *Corpus canonicum* рукописей, а мы, с помощью ныне избранной постоянной комиссии, хотим охотно сделать все от нас зависящее, чтобы создать Вам надлежащие возможности. Буду очень рад, если Вы дадите мне разъяснение по двум пунктам: 1) как Вы считаете наиболее целесообразным убедить Ваше

³¹ Там же. Л. 17—17 об.

начальство, что этот труд необходим, и что Вы (в чем мы все убеждены) — единственный человек, который может это осуществить; 2) какие конкретно поездки должны быть приняты к рассмотрению в первую очередь. Конгресс ведь, или комиссия (как Вам известно и как недвусмысленно пишет Филов), не могут, к сожалению, представить в Ваше распоряжение никаких средств. Но, может быть, этот вопрос можно было бы решить, по крайней мере частично, каким-то другим путем; в ближайшее время я все же поговорю с г-ном т. с. Шварцем. В любом случае, какой-то прочный план был бы для нас хорошей точкой опоры»].

Судя по упоминаниям в письмах Дэльгера о полученных им письмах Бенешевича, последний забросал его ими, торопя его с организационным оформлением работ по проекту, так что Дэльгер даже не успевал отвечать на них (где-то в Германии ведь они должны быть!) и уговаривал даже Бенешевича «несколько потерпеть, ибо быстро это дело не пойдет». Вот это интереснейшее письмо Дэльгера (из Мюнхена, от 4 декабря 1934 г.): «Alle Ihre Sendungen habe ich richtig erhalten. Das Wichtigste mit einem wohlüberlegten Begleitbrief befindet sich schon in den Händen von Herrn Filov, des Vorsitzenden unseres neugebildeten Ausschusses. Nur muss ich Sie um einige Geduld bitten; sehr schnell wird alles nicht gehen. Denn der Ausschuss hat einen formalen Geburtsfehler und ich weiss nicht, ob der inzwischen behoben ist. Auch dann arbeitet ein 9-gliedriger Ausschuss, dessen Mitglieder in aller Herren Ländern sitzen, mit einer beträchtlichen Langsamkeit. Sie dürfen überzeugt sein, dass ich tue, was ich nur kann, aber ich habe eben das Ganze nicht in der Hand.

Selbstverständlich habe ich Ihre Briefe auch mit Herrn Ghr. Schwartz durchgesprochen. Der war nun etwas bedenklich und meinte, Sie nähmen sich da eine Aufgabe vor, die durchzuführen *menschenunmöglich sei* (выделено мною. — И. М.). Er meinte, Sie sollten in allererster Linie die 14 Titel hernehmen und das zu Ende bringen; es ist dasjenige, was wir augenblicklich am notwendigsten brauchen. Vor allem sollte der Johannes Scholastikos nicht ins Stocken kommen, da auch die hiesige Akademie nicht weiss, wie lange sie noch über Mittel zum Druck dieser Ausgabe verfügt. Vielleicht haben Sie doch von dem Interesse der Regierungen anderer Länder an unserer Wissenschaft eine zu hohe Meinung. Auch wir kämpfen.

Das soll aber nicht hindern, dass wir den Plan im ganzen allen unseren Eingaben usw. zugrundelegen. Ein besonder schwieriges Kapitel ist die Gewinnung der Mittel. Mit der Akademie hier wird schwer etwas zu machen sein; vielleicht lassen sich einige Arbeit am Scholastikos mit denen am Corpus vereinigen. Das Aussichtsreichste wird immer noch die Rockefeller Foundation sein, obgleich sich auch da infolge des Dollarsturzes und anderer

Dinge im letzten Jahre grosse Schwierigkeiten ergeben haben»³². [«Все Ваши послания я своевременно получил. Самое важное, с хорошо продуманным сопроводительным письмом, находится уже в руках г-на Филова, председателя нашей новообразованной комиссии. Я только вынужден просить Вас набраться немного терпения: быстро все это дело не пойдет. Комиссии был свойственен некий формальный природный недостаток, и я не знаю, преодолен ли он за это время. Комиссия из 9 членов, представители которой пребывают во всех главных странах, работает очень медленно. Будьте уверены, что я сделаю все, что смогу, но ведь не все в моих руках. Разумеется, Ваши письма я обсудил с г-ном т. с. Шварцем. Несколько подумав, он сказал, что Вы, якобы, ставите перед собою задачу, которая *не под силу человеку* (выделено мною. — И. М.). Он полагает, что Вы должны были бы в первую очередь заняться (Номоканон) XIV титулов и довести это до завершения; что это то, в чем мы в настоящий момент самым насущным образом нуждаемся. Но прежде всего не должна приостанавливаться работа над Иоанном Схоластиком, так как и здешняя Академия не знает, как долго еще она будет располагать средствами для печатания этого издания. Может быть, Вы слишком высокого мнения об интересе правительств других стран к нашей науке. Но это не должно мешать тому, чтобы мы в основу всех наших действий положили наш план. Самое трудное — обретение средств. С здешней Академией будет трудно что-то сделать. Самое перспективное — это все еще Фонд Рокфеллера, хотя вследствие падения доллара и других событий в этом году возникло немало трудностей»].

Ответное письмо Бенешевича от 12 декабря 1934 г. сохранилось в форме машинописного «отпуска»³³, но — увы! — бледная, тусклая и не пропечатанная копия почти совсем нечитабельна. Нам, впрочем, удалось разобрать несколько слов, которые можно считать ключевыми в реакции Бенешевича на высказанное сомнение Эд. Шварца о возможности реализации проекта: «Es ist eine sehr schwierige Aufgabe, aber durchaus nicht menschenunmöglich, wenn...» (следует страстное отстаивание возможности осуществления проекта, залогом чего выставляется «meine 35-jährige Arbeit», опыт, знания и накопленные материалы; условием же: die Studienreise)³⁴. Дело, однако, начинает все больше увязать в волоките. Вот несколько выдержек из писем Фр. Дэльгера к В. Н. Бенешевичу этого времени:

³² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 76. Л. 19–19 об.

³³ Там же. Л. 21.

³⁴ Там же.

Из письма от 24 сентября 1935 г.: «...Von Herrn Filov habe ich inzwischen nicht gehört. Das Herantreten an den französischen und tschechischen Vertreter in unserem Ausschuss müsste von dort aus erfolgen, aus begreiflichen Gründen. Bei nächster Gelegenheit will ich Herrn Filov darauf aufmerksam machen. Dass im letzten Hefte der B. Z. nicht von dem Corpus jur. gr.-rom. die Rede war, beruht auf Raumgründen. Ich weiss nicht, ob Sie sich eine Vorstellung davon machen können, wie wir mit dieser Raumnot kämpfen und welches Kunststück es ist jedesmal auf Seite 480 (und keine Zeile mehr!!) abzuschliessen... Ich will Ihnen nicht mehr Sorgen bereiten mit meiner Klage, aber es wäre ein Irrtum, wollten Sie glauben, dass wir ohne Schwierigkeiten arbeiten. Ich will versuchen in dem Hefte, das eben im Drucke ist, das Versäumte nachzuholen»³⁵. [«О г-не Филове я за это время ничего не слышал. Обращение к французским и чешским представителям в нашей комиссии должно было бы, по понятным причинам, последовать отсюда. При ближайшей okazji я постараюсь обратить внимание г-на Филова на это. То, что в последнем выпуске *Byz. Ztsch.* о Corpus'e нет речи, объясняется ограниченностью объема. Я не знаю, можете ли Вы себе составить представление о том, как мы сражаемся с этой нехваткой листажа и какие трюки мы выделываем всякий раз, чтобы закончить на 480-й странице (и ни строчкой больше!!) <...> Я не хочу больше досаждать Вам моими жалобами, но было бы ошибкой для Вас — считать, что мы работаем без трудностей. Я хочу попытаться наверстать упущенное в том выпуске, который сейчас находится в печати»].

Из письма от 27 декабря 1935 г.: «Nun zur Angelegenheit der Vorbereitung Ihres Corpus. Ich habe seinerzeit sogleich nochmals Filov gebeten, die französischen und tschechischen Fachgenossen und ihre Vertreter im Ausschusse dringend für die Sache zu interessieren, habe aber von Filov seit Monaten keine Nachricht. Soeben will ich ihm schreiben und kann das ohne Aufdringlichkeit tun, weil am 16. Dezember Zlatarski gestorben ist. Ich will auch gerne nochmals im nächsten Hefte der B. Z. einen kurzen Abschnitt über die Schritte des Ausschusses bringen, vorausgesetzt, dass ich darüber einwandfreie Nachrichten von Filov erhalten kann. Es ist eben offenbar leider auch hier die typische Schwäche solcher Ausschüsse zutagegetreten»³⁶. [«Теперь к вопросу о подготовке Вашего корпуса. В свое время я еще раз попросил Филова настоятельно попытаться заинтересовать в отношении дела французских и чешских коллег и их представителей в комиссии, но уже несколько месяцев не имею

³⁵ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 76. Л. 25.

³⁶ Там же. Л. 26 об.

о Филове никаких вестей. Я сейчас же хочу написать ему и могу это сделать без назойливости, так как 16 декабря умер Златарский. Я хочу также (и весьма охотно) еще раз опубликовать в ближайшем выпуске *Byz. Zeitschr.* краткий раздел о шагах комиссии, предполагая получить от Филова безупречные по этому поводу вести»].

Почти реквиемом по проекту (и по его инициатору) звучат слова Дэлгера из его письма к Бенешевичу от 16 марта 1936 г.: «...Ich hatte gewartet, um Ihnen etwas Tröstlicheres schreiben zu können, aber leider umsonst. Ich habe damals sofort sowohl an Millet wie an Weingart als die Vertreterer Frankreichs und der Tschechoslovakei in unserem Ausschuss ebenso höflich wie eindringlich in Ihrer Angelegenheit geschrieben: während mir nun Millet bis heute überhaupt keine Zeile geantwortet hat, hat mir Weingart sogleich sehr höflich geschrieben, dass er beim tschechischen Ministerium des Auswärtigen in der Sache vorstellig werden wolle. Ich wartete und wartete, bis wieder eine Mitteilung von W. kam, er habe die Sache vorgetragen, sei aber noch ohne Antwort; er werde mir sofort mitteilen, wenn er etwas höre. Ich habe ihm darauf sehr herzlich für seine Bemühungen gedankt und ihn nochmals gebeten mich gleich zu verständigen, wenn er etwas erfahre: leider habe ich inzwischen bis heute nichts mehr gehört. Ich möchte wünschen, dass Ihnen die Vollendung *Ihrer Lebensarbeit* (выделено мною. — И. М.) doch noch ermöglicht wird, aber es ist alles eine sehr harte Geduldsprobe»³⁷. [«Я ждал возможности написать Вам что-нибудь более утешительное, но, к сожалению, тщетно. Тогда я сразу же написал Милле и Вейнгарту как представителям Франции и Чехословакии в нашей комиссии по Вашему делу, написал столь же вежливо, сколь и настоятельно; и в то время, как Милле не ответил мне вплоть до сегодняшнего дня вообще ни одной строкой, Вейнгарт тотчас же написал мне очень вежливо, что он войдет с ходатайством по делу в Чешское министерство иностранных дел. Я ждал-ждал, пока снова не получил сообщения от Вейнгарта о том, что он доложил о деле, но пока еще не получил ответа. Он сообщит мне тотчас, как только что-нибудь станет известно. Я сердечно поблагодарил его за старания и еще раз попросил сразу же меня уведомить, когда он что-нибудь узнает; к сожалению, до сих пор мне ничего неизвестно. Я хотел бы пожелать, чтобы свершение *твоя жизнь* (выделено мною. — И. М.) стало все же возможным, но все это есть очень суровое испытание терпения»].

Видя, что воскресшие было надежды начинают рушиться, а его «детские» — все больше увязать в бюрократической волоките (впрочем,

³⁷ Там же. Л. 21. Л. 28.

может быть, и не беспочвенной: не пришло еще время для подобных проектов?), В. Н. Бенешевич предпринимает еще одну отчаянную попытку возбудить интерес к своему проекту со стороны международной научной общественности, используя для этого очередной, V Международный конгресс византинистов, состоявшийся 20–27 сентября 1936 г. в Риме. Собственно говоря, и о нем Бенешевич узнал от Дэльгера. В уже цитировавшемся письме из Мюнхена от 16 марта 1936 г. последний пишет: «Dem Vernehmen nach wird der nächste Byzantinistenkongress heuer Ende September in Italien sein; Einladungen sind indessen noch nicht ergangen. Wäre die Möglichkeit, dass Sie die Erlaubnis bekämen, daran teilzunehmen? Wir wissen zwar alle noch nicht, was bis dahin wieder alles vorgegangen sein wird — aber wir hoffen mit unverwüsthlichem Optimismus, dass wieder alles gut gehen wird»³⁸. [«По слухам, следующий конгресс византинистов состоится в Италии нынче, в конце сентября. Приглашения, между тем, еще не отправлены. Будет ли у Вас возможность получить разрешение на участие в нем? Мы, правда, еще не знаем, что до тех пор произойдет, но мы надеемся с несокрушимым оптимизмом, что все снова будет хорошо»].

Видимо, в неизвестном нам письме от 25 марта 1936 г. (сохранилось в архиве Дэльгера?) Бенешевич дал соответствующие инструкции, потому что, отвечая ему, Дэльгер в письме из Мюнхена от 16 апреля 1936 г. пишет следующее: «Ich freue mich sehr, dass der Druck des Scholastikos vorwärts geht und Sie an dieser Arbeit Freude finden. Wegen der Einladung zum Kongresse will ich bei Mercati das meinige tun in dem Sinne, wie Sie mir geschrieben haben. Das wird freilich alles sehr schwierig sein, wie Sie sich denken können. Ich bin übrigens sicher, dass zum Kongress in Sofia Ihre Regierung in aller Form eingeladen wurde, sodass das ausgesprochene Bedauern über das Nichtvertretensein Russlands doch wohl eine tatsächliche Grundlage hatte...». [«Я рад, что печатание Схолостика продвигается и что Вы находите удовольствие в этой работе. Для приглашения на конгресс я хочу у Меркати сделать все от меня зависящее в том смысле, как Вы мне писали. Конечно, все это будет совсем непросто, как Вы можете себе представить. Впрочем, я уверен, что на конгресс в Софии Ваше правительство тоже было приглашено по всей форме, так что высказанное сожаление о неучастии России все-таки имело, пожалуй, действительную основу»]. И далее Дэльгер добавляет: «Der Kongress wird, wie Sie vielleicht schon erfahren haben, vom 20–27. September 1936 in Ravenna, Rom und Neapel sein mit anschliessenden Exkursionen nach

³⁸ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 76. Л. 21. Л. 28.

Sizilien und womöglich Tripolis. Ich habe darüber Mitteilungen von S. G. Mercati, die zunächst noch nicht für die Öffentlichkeit bestimmt sind. M. meinte, dass wir die Einladungen bis Ostern in Händen haben sollten, aber es ist leider nichts gekommen und ich fürchte, dass ein noch weiteres Hinauszugern der Einladungen das Zustandekommen des Kongresses in Frage stellen kann»³⁹. [«Кongресс состоится, как Вам, может быть, уже известно, 20–27 сентября 1936 г. в Равенне, Риме и Неаполе, с последующими экскурсиями на Сицилию и, возможно, в Триполис. Я имею об этом сообщения от С. Дж. Меркати, которые пока не предназначены для публичности. Меркати полагал, что приглашения должны были попасть нам в руки до пасхи, но, к сожалению, этого не получилось, и я боюсь, что дальнейшая отсрочка приглашений может поставить под вопрос проведение конгресса»].

Интересно было бы узнать, что за «инструкции» дал Бенешевич Дэльгеру относительно формы своего участия в римском конгрессе. Ясно, что личное участие исключалось, речь могла идти только о заочном участии. Результат известен: глашатаем В. Н. Бенешевича на конгрессе в Риме оказался его тесть, академик Ф. Ф. Зелинский, который, парафразировав замечательным образом одно место в «Меланиппе» Еврипида (имеется в виду: TGF 484, *Nauc* 2: οὐκ ἐμὸς ὁ λόγος, ἀλλὰ τῆς μητρὸς πάρα), выступил с докладом о проекте «*Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis*» (и позднее опубликовал его под своим именем, оговорив, однако: οὐκ ἐμὸς ὁ λόγος, ἀλλὰ τοῦ γαμψοῦ πάρα)⁴⁰. Из сохранившейся переписки Бенешевича и Зелинского мы кое-что узнаем об этом не совсем обычном обороте дела. По-видимому, помимо Дэльгера, с Оргкомитетом конгресса (в лице его председателя Дж. Меркати) вел переговоры по поводу участия Бенешевича и Ф. Ф. Зелинский. Так, в открытке из Варшавы от 10 августа 1936 г., адресованной его дочери Амате (жене Бенешевича), Зелинский вставляет отрывок из письма к нему (Зелинскому) Меркати: «Il programma elaborato da Suo genero sarà letto per la sua importanza in una seduta a sezioni riunite e sarà probabilmente oggetto di discussione nella seduta finale, quando si metteranno all'ordine del giorno le proposte già

³⁹ Там же. Л. 29–29 об. Ср. также письмо Дэльгера от 16 мая 1936 г. (Там же. Л. 30): «Ich habe auch bei Mercati wegen der Einladung der Akademie und Ihrer Person angefragt, aber seit Wochen keine Antwort erhalten, wie das ja bei Mercati üblich ist. Ich werde aber wieder nachfragen, schon weil ich dieselben Auskünfte auch bez. der Einladung unserer Regierung haben muss».

⁴⁰ *Zielinski Th. Projet de la création d'un «Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis» // Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini. Roma 20–26 sett. 1936. Roma, 1939. T. 1. P. 735–740.*

approve nel congresso di Sofia e quelle da fissare per il VI Congresso. Credo che il prof. Filov, come segretario del Comitato permanente ne riferira insieme colle altre proposte»⁴¹. [«Программа, разработанная Вашим зятем (т. е. В. Н. Бенешевичем. — И. М.), будет зачитана, учитывая ее важность, на одном из пленарных заседаний и, вероятно, станет предметом дискуссии на заключительном заседании, если в повестку дня будут внесены уже одобренные на конгрессе в Софии предложения, а также предложения, рекомендованные для VI конгресса. Полагаю, что проф. Филов, как секретарь постоянной комиссии, доложит их вместе с другими предложениями». И хотя подробности «договора» Бенешевича и Зелинского ускользают от нас, ясно, что первый решил коренным образом переработать и обогатить свой доклад на софийском конгрессе, а затем отослать его своему тестю с тем, чтобы тот облек его в наиболее адекватную и доступную для слушателей (и читателей) форму, имея в виду, что «сверхзадачей» доклада было — пробить брешь в сочувственно-индифферентном отношении со стороны международной научной братии. «Насчет *Congrus j. sap. escl. Gr.* напишу тебе особо подробное донесение по-французски или по-латински. Ты, конечно, прав, что общение с научными кругами в европейском масштабе способно изгнать всякое уныние!» — пишет оптимистично Бенешевич Зелинскому в одном из писем⁴².

В архиве Бенешевича есть дело⁴³, которое содержит черновики (карандаш + чернила) тезисов к докладу (Л. 73), с пометой Бенешевича: «Посланы спешной почтой 2/VIII 36» и самого доклада (Л. 1–72, 74–75 об.), с пометой Бенешевича (синий карандаш): «При переписке текст сильно изменен. Отослано 4.VIII.36» (Л. 75 об.). Приводим для начала текст «Тезисов к докладу».

1. До настоящего времени история византийского права вынуждена пользоваться изданиями источников и памятников византийского права, появившимися в XVI–XVII вв., не только как вспомогательными, но и как основными пособиями работы.

2. В XVIII–XX вв. этот материал значительно дополнен изданиями новых текстов, даже для своего времени не всегда удовлетворительными, но богатство рукописного материала остается далеко не исчерпанным и даже не во всей полноте и точности известным.

⁴¹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 1. Д. 4/2. Л. 30.

⁴² Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 28 (фрагмент черновика без даты и без обращения, но ясно, что это письмо Зелинскому).

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 45 (76 листов).

3. Неотложной и почетной задачей нашего времени должно быть признано опубликование всего, что не издано, переиздание всего, что издано (прежде всего того, что издано давно или неудовлетворительно) и объединение всего материала в виде *Corpus scriptorum juris graecorum*, за исключением СИС, Василик, папирологического материала и того, что войдет в *Corpus der griechischen Urkunden*.

4. В *Corpus* должны быть обеспечены единство методов издания, полнота материала и удобство пользования.

5. Основной предварит[ельной] работой для *Corpus* должно быть составление общего обзора всего подлежащего обработке рукописного материала, хранящегося в библиотеках всего мира.

6. Основным условием успеха дела является включение его в план работ авторитетного научного учреждения в лице одной из Академий наук или их объединения.

Любопытен ответ Ф. Ф. Зелинского на получение «Тезисов к докладу»: «В числах 1 и 6 августа, — извещает он Бенешевича почтовой открыткой из Варшавы от 7 августа 1936 г., — получил по письму от тебя; в последнем заключались и тезисы, которые я сегодня обработал по-французски и посылаю заказным письмом в Рим. Надеюсь, что не сморозил, а впрочем, ты слишком высокого мнения о моих византийских познаниях. Что такое, например, “василики”? Если то же, что *Constitutiones*, то они же вошли уже в СИС. Перевел на всякий случай через “*les basiliques*” в надежде, что поймут. По существу мне кажется, что с этими ограничениями *Corpus* будет очень не полон: по-моему, папирусы следовало бы включить. Но это уже решайте вы, византилисты; я ведь тут только *opos agōn mysteria*»⁴⁴.

Да, В. Н. Бенешевич, конечно, рисковал, отдавая текст «профану». Профан, впрочем, был человеком гениальным и в высшей степени искусственным в вопросах публичного словоговорения, чтобы суметь, пользуясь тезисами и полученным к тому времени полным текстом доклада, составить изящный *opus rethoricum* на 5 печатных страниц, в котором мало что осталось от текста самого Бенешевича (впрочем, Зелинский и сам оговаривается: «*Je ne vais pas répéter ici les données contenues dans le Mémoire de M. Beneszewicz: mon but est plutôt de tracer une sorte de programme immédiat (“Sofortprogramm”) afin que l’énormité de la tâche*

⁴⁴ Там же. Д. 4/2. Л. 28 (русский текст напечатан на польско-латинской машинке, что характерно для переписки Зелинского в этот поздний период, — окончательно испортился и так «невозможный» почерк?).

entière ne porte pas atteinte aux nécessités du moment. Et pourtant c'est l'ensemble de cette tâche — c'est-à-dire, le CSJ — qui doit être présent à l'esprit des exécuteurs du Sofortprogramm: il m'est donc nécessaire de le résumer le plus brièvement possible»⁴⁵). Любопытно и то, как сам Зелинский задним числом, уже готовя текст «своего» доклада к публикации, оценивает (в открытке из Варшавы от 19 октября 1936 г., русский текст в латинской машинописной транскрипции) его эффективность на конгрессе: «Теперь посылаю перестуканный (sic!) текст моего доклада. Я уже писал тебе (письмо не сохранилось? — И. М.), почему я не имею основания быть им довольным: не на ту публику рассчитан. Делать тогда было нечего, а теперь кое-что можно, так как доклад будет напечатан (хотя неизвестно, когда, ибо на это нужны лиры). Жду поэтому твоих предложений — добавок, сокращений, изменений. Так как я сохранил кроме писанного моей драгоценной рукой оригинала (редкое явление; надеюсь, что он после моей смерти пойдет с молотка и будет куплен каким-нибудь почитателем или, вернее, -тельницей) еще автоматическую копию, то ты можешь, не возвращая своего экземпляра, присылать свои замечания по счету страниц и строк. Должен сознаться, как это ни стыдно, что иногда я сам не понимал, что писал; это касается главным образом верхней половины стр. 4. Французский стиль не всегда достаточно гладок, что объясняется тем, что я писал доклад на Эльбе (? Elbie) без всяких стилистических пособий, а теперь переделать трудно. Впрочем, если Вы с Аматой кое-что найдете, валяйте. Твоего предложения Меркати относительно обмена я там же ему сообщить не мог: уж очень был завален бедняга и все равно бы забыл. Сделаю это теперь в связи с прочими делами. Получил ли ты коллективную открытку, которую съезд тебе послал с заключительного заседания? Если нет, то все же считай ее состоявшейся: я сам видел, как М[еркати?] собирал подписи, и с особым удовольствием отметил, что и Fg. дал свою»⁴⁶.

К сожалению, даже в этом виде В. Н. Бенешевичу не суждено было увидеть свой материал напечатанным: 27 января 1938 г. он был расстрелян органами НКВД по надуманному поводу. Возмутитель спокойствия исчез, и все успокоилось — на много десятилетий вперед. Недаром ведь сказано: «Есть человек — есть проблема; нет человека — нет проблемы». Впрочем, это уже другая история.

Публикуемый в приложении текст — подлинный, подготовленный (наверное, в спешке) Бенешевичем для V Международного конгресса

⁴⁵ Zielinski Th. Projet. P. 736.

⁴⁶ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 74. Л. 14.

византинистов в Риме. При этом мы опускаем ту часть рассматриваемых материалов, которые воспроизводят его доклад на IV Международном конгрессе византинистов в Софии⁴⁷. Хотя этот рукописный вариант и отличается от опубликованного в актах конгресса (самое существенное и важнейшее отличие состоит в том, что рукопись содержит систематические списки рукописей по памятникам права, опущенные совсем или сведенные к минимуму в печатном варианте, но именно они, эти списки, были опубликованы Я. Н. Щаповым)⁴⁸. Издаваемый текст⁴⁹ представляет собой известную реконструкцию, проведенную нами, так как листы в архивном деле перепутаны, существуют в основном в рукописном виде, но иной раз дублируются и машинописью (изъяты из текста, посланного Зелинскому?), материал вообще не содержит заглавия (воспроизводится по заглавию Зелинского).

Приложение

В. Н. Бенешевич

Проект создания «Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis»

Казалось, что единогласное принятие IV конгрессом мысли об издании Corp. scr. j. gr.-r. должно поставить дело на твердый путь, и у меня была надежда успеть кое-что уже [к] V конгрессу. Но обнаружилось, что в отчетах о результатах IV конгресса даже в *Byz. Ztschr.*, *B.-Ng. Jb.*, *Byzantion*, *Echos d'Orient* о *Corpus'e* ни слова не сказано, а в *Byz. Ztschr.*, 1936 S. 271 сообщено, что «Die Sowietregierung taub bleib gegenüber den Anträgen des Ausschusses des intern. Byz. Kongresses, der in pflichtgemässer Ausführung eines einstimmigen Beschlusses des 4. Byz. Kongresses den nötigen Urlaub für B. erbeten hat, leider bisher ohne Erfolg». [«Советское правительство осталось глухо по отношению к ходатайствам комиссии Международного конгресса византинистов, которая, во исполнение единодушного постановления IV Межд. конгресса византинистов, просила о предоставлении командировки для Б[енешевича], но, к сожалению, до сих пор безуспешно»]. Очевидно, доклад не дошел как-то до сознания членов конгресса, и виноват в этом я сам, представивши его на русском языке, не всем доступном, притом с запозданием,

⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 45. Л. 14–46.

⁴⁸ Там же. Л. 30–46. Опубликовано: *Бенешевич В. Н.* Древне-славянская кормчая без толкований. София, 1987. Т. 2. С. 265–273.

⁴⁹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 1. Д. 45. Л. 54–75.

без изложения тезисов, и не лично, вследствие чего членам не было возможности ознакомиться с вопросом заблаговременно, и не было дано дополнительных разъяснений о способе выполнения, ближайших задач, сроках и т. д.

Прошу разрешения представить вопрос еще раз на рассмотрение конгресса, не повторяя фактических данных предыдущего своего доклада, но дополнив его некоторыми соображениями. Перейдя в 7-й десяток жизни и проработав 38 лет в любимой области, мне трудно примириться с мыслью о неудаче той мысли, которая всегда подкрепляла меня в трудные времена, и в такой момент, когда эта мысль соответствует некоторому общему течению.

Византиноведение XX века пришло к ясному сознанию необходимости приступить к сообщению и обработке на новых началах и современными методами всего того необозримого материала, который накоплен уже трудами ученых с XVI века и который лежит еще неисследованным в громадной массе памятников письма и материальной культуры <зачеркнуто: разных народов>: стоит вспомнить такие предприятия, как новое издание руководящего труда незабвенного Крумбаха, подготовительные работы Fr. Dölger по изданию византийских грамот и документов, Corpus hist. byz. По инициативе Н. Grégoire в Брюсселе, новую обработку Orient Christianus трудами оо. ассумпционистов по инициативе L. Petit, мысль об издании словаря средневекового греческого языка взамен глоссария Дюканжа, выдвигаемую проф. Г. Хаджидакисом, или о переиздании того же глоссария Дюканжа, над чем была начата большая и далеко в свое время продвинувшаяся работа в Византийской Комиссии АН СССР; кроме того, есть основания ожидать появления <и завершения>⁵⁰ грандиозных обработок материала и по просопографии, и по нумизматике, и по сигиллографии, <и по христ. эпиграфике>⁵¹. Говоря короче и точнее, нельзя себе представить ни одной области современного византиноведения, в которой не могла бы быть развернута работа в том же <зачеркнуто: соответствующем пользе дела> масштабе, как это уже <зачеркнуто: делается> происходит в ряде указанных выше вопросов. Мечты прошлого получили все данные для того, чтобы обратиться в реальности ближайшего будущего, почти на наших глазах, потому что современному византиноведению свойственна еще одна особенность: оно ясно осознает и наличие в себе достаточных сил для выполнения стоящих перед ним трудных задач. Далеки те

⁵⁰ Добавлено в соответствующей машинописной странице (Л. 67).

⁵¹ Добавлено в соответствующей машинописной странице (Л. 67).

времена, когда двух журналов было достаточно для обслуживания специалистов, число которых колебалось около десятка и которые работали в одиночку, изредка объединяясь со своими земляками, еще реже с иностранцами. Современное византиноведение черпает свою силу в международном общении, которое сказывается не только внешним образом на многолюдных и оживленных специальных конгрессах, но и проникает всю сущность работы в этой области: все многочисленные теперь специально византиноведческие журналы открыты для каждого специалиста любой национальности, и нет ни одного вопроса, который бы стоял в зависимости от специфических интересов одной нации или группы или класса; можно быть уверенным, что любой специальнейший вопрос найдет себе отклик, если только он представлен в достаточно разработанном виде. В то же время и уменье привлекать к делу вопросы из смежных областей знания и из истории взаимоотношений Византии с различными народами сделало дальнейшие громадные успехи. Поэтому византиноведение заняло видное место в работе и конгрессов, и постоянных учреждений по истории и Западной Европы, и Востока и славянства.

Нельзя, однако, сказать, чтобы положение византиноведения в настоящее время могло везде считаться таким же прочным, как, например, изучение культур древнего Египта, Ассирии или Вавилонии. Поскольку сильны еще пережитки византийской культуры в языке, нравах и религии отдельных стран, постольку крепко держатся и политические суеверия и предрассудки в отношении Византии, претендующие на научное обоснование, а по существу напоминающие неоконченные рассказы М. Твена. Еще и теперь можно читать утверждения, что вопрос о проливах и об экспорте русского хлеба из Черного моря обусловил развитие византиноведения в царской России; или что Дюканж работал по заказу французского правительства XVII в. в интересах усиления французского влияния в Константинополе; или что византиноведение служило <или даже и теперь еще стремится служить>⁵² основой для политической и церковной реакции в России. Конечно, оканчивать эти рассказы и массу подобных им не так легко и просто, как в случаях, приводимых М. Твеном, хотя бы уже и потому, что, например, история русского византиноведения еще не существует, и только теперь смогут появиться зачатки ее в составе АН СССР; со временем выясняется целиком и действительная роль Византии в русской истории, и характер русского византиноведения, не соответствующие представлениям ни

⁵² Добавлено в соответствующей машинописной странице (Л. 64).

у друзей, ни у врагов⁵³. Но самая возможность такого недомыслия, таких предрассудков, и по инерции⁵⁴ похожих больше на какие-то физические упражнения⁵⁵, указывает на шаткость положения византиноведения, могущую для него проявиться в любой стране весьма губительно⁵⁶. Поэтому нельзя в византиноведческой научной работе забывать о необходимости связать ее с интересами современной ответственности. Здесь разумеется не какое-то подлаживание под вкусы толпы или партии, а прежде всего то, что уже делается во многих странах с большим талантом, именно переводы византийских текстов на разные языки с надлежащим объяснительным аппаратом, или прекрасно написанные популярные очерки, или, наконец, даже беллетристическое изображение византийской жизни; стоит только расширить круг вопросов через включение истории византийской техники, медицины, математики, естествознания, чтобы сделать нагляднее и понятнее ценность познания Византии для современной жизни и науки.

Но особенную ценность представило бы издание в надлежащем виде тех памятников, которые для изучения <и даже просто понимания>⁵⁷ государственного, общественного и экономического строя Византии имеют первостепенное значение; притом же параллельно греческому тексту памятников византийского права могло бы быть предпринято и получившее в последнее время развитие чрезвычайно полезное дело перевода их на <современные западно>европейские языки <или на русский>.

При такой силе научной работы и разнообразии интересов современного византиноведения до сих пор оставлен в стороне вопрос о целой громадной группе юридических памятников, без которых невозможно

⁵³ По-видимому, к этому месту мог относиться исключенный Бенешевичем интересный отрывок (Л. 65): «...оказана самая действительная помощь развитию византиноведения в СССР, которое имеет большие заслуги в раскрытии ценности виз. культуры и должно было бы в дальнейшем своем развитии признать, что от слов и высокопарных притязаний на обладание виз. наследием до действительного обладания дистанция огромного размера и старая фантазия о Москве "третьем Риме" имеет не больше реального содержания, чем фантазия какого-нибудь охочего книжника нашего времени о Москве "четвертом Риме"».

⁵⁴ Слово «по инерции» заменило в рукописи вычеркнутое «мыслей по заказу политики дня».

⁵⁵ В соответствующей машинописной странице (Л. 64) фраза «больше... упражнения» заменена на не менее оригинальную: «на отрывивание жвачки». Бенешевич был мастер подобных афоризмов.

⁵⁶ В соответствующей машинописной странице (Л. 64): вместо фразы «могущую... губительно» стоит: «отразившуюся на нем в СССР, но возможно и в других странах».

⁵⁷ Добавлено в машинописном варианте (Л. 64).

изучение экономической, государственной и общественной жизни как Византии, так и ряда связанных с ее историей народов, невозможно и удовлетворительное осуществление некоторых из намеченных уже предприятий, прежде всего *Corpus d. griech. Urk.* Здесь разумеются не сборники Юстиниана, и не Василики, которым принадлежит совершенно особое самостоятельное место в научной обработке⁵⁸, и не публичные и частные акты на папирусе, а те юридические сборники, которые включают в себя источники действующего права, как церковного, так и светского; среди них есть особенно много таких, которые войдут в *Corpus der griechischen Urkunden*, которые специально важны и для географии и топографии (как как *potitiae episcop.* и *nomina episc.*). Важность этих сборников, среди которых самое видное место принадлежит так называемым синтагмам, синагогам и номоканонам в 50 титулов и в 14 титулов, еще надлежащим образом даже и не осознана. Правда, с XVI в. началось уже научное использование этих сборников для издания отдельных входящих в них памятников права, и в трудах ученых XVI–XVII веков заложен основной фундамент того материала, на котором строили свои изыскания и осуществляли свои издания ученые XVIII–XX веков. Очень много важных памятников и в несравненно более удовлетворительном виде было издано в XIX–XX вв., а все-таки еще далеко не исчерпано все то богатство, которое содержится в юридических сборниках, уже известных в печати по описаниям, да и сами эти сборники еще не все известны, так как много рукописных собраний еще или не описаны, или недостаточно хорошо известны. А ввиду этого невозможна еще и история тех сборников, в которые входят отдельные памятники. Какое громадное значение принадлежит месту, занимаемому источником права в сборнике, можно будет особенно удобно вскоре убедиться при помощи предпринятого Баварской Академией наук издания текста сборника в 50 титулов Иоанна Схоластика: даже каноны, которые приравнивались к св. Писанию и должны были оставаться неизменными, подвергались сильным изменениям в своем тексте и составе в зависимости от того, к какой редакции сборника они принадлежали...⁵⁹

Чтобы иметь уверенность в полноте и точности привлекаемого из сборников материала, недостаточно и невозможно ограничиться существующим

⁵⁸ Поэтому нет надобности ставить вопрос об издании *Corpus Scr. j. gr.-r.* с вопросом об издании Василики, как это предлагал на IV конгрессе *Andréades* (прим. В. Н. Бенешевича).

⁵⁹ Опускаем раздел, буквально воспроизводящий пункты 4 и 5 на с. 139 издания доклада В. Н. Бенешевича на IV Межд. конгрессе в Софии (см.: *Бенешевич В. Corpus scriptorum juris...*).

ющими описаниями рукописей, а необходимо просмотреть их систематически и планомерно с точки зрения интересов истории права, и собранные тексты отдельных памятников должны быть обработаны для издания с соблюдением общего правила, что только филологически надежные тексты являются и юридически ценными. При этом надо принять во внимание, что появились новые издания и деяний вселенских соборов, и латинских, армянских и славянских переводов греческого текста канонов и законов, а ждет издания грузинский перевод их в составе «великого номоканона»: все это также не должно оставаться мертвым грузом.

Если живо представить себе всю естественную необходимость предъявленных выше требований к изданию юридических памятников и всю степень невыполнения их даже самыми лучшими существующими изданиями памятников, то вывод ясен и он единственно правильный: все должно быть издано наново, от старого не останется камня на камне! Пусть даже текст в результате новых усилий окажется совпадающим со старым, он все же получит новую ценность. А рядом с известными уже памятниками выступят новые, из которых я привел для примера в своем докладе IV конгрессу (стр. 140) целых 14. Тут кто-нибудь мог бы, пожалуй, возразить, что ввиду трудности дела можно было бы пока ограничиться изданием только еще неизданных памятников, хотя бы указанных 14. И оно было бы настолько же уместным и убедительным, как если бы инициатору *Corpus sigillogr. byz.* предложили ограничиться описанием неизданных еще печатей, редактору *Corpus d. griec. Urk.* выбрать для издания только неизданные грамоты и т. п.; но оспаривать здесь это возражение не приходится: если бы оно представлялось сильным, то не стоило бы злоупотреблять вниманием конгресса.

Конечно, трудности при выполнении *Corpus* встретятся значительные, но их не следует ни преувеличивать, так как они выступают не все сразу, ни бояться, так как много подготовительной работы уже сделано.

Начать дело следует с выяснения всего того рукописного материала, который сохранился в библиотеках всего мира. Это не значит, что надо лично и долго побывать (*sic!*) в каждой библиотеке, где есть греческие рукописи, так как 1) во многих греческих фондах совсем нет рукописей юридического содержания или важных в каком-нибудь отношении для истории права, 2) в других юридические рукописи содержат или новейшие копии с более древних списков или такие обычные редакции поздних сборников, которых ценность легко испытать несколькими пробами. И в отношении богатых рукописями и описаниями в печати библиотек надо иметь в виду, что очень много важных для истории права рукописей уже исследовано очень основательно, и надо

только знать те пункты, относительно которых исследования или описания должны быть дополнены. В отношении же тех рукописей, которые еще не описаны в печати, работы, конечно, много, но она сильно упрощается и сокращается в руках человека, близко знающего литературу и рукописные материалы в своей области.

Сколько времени потребовалось бы на всю эту работу, сказать трудно, так как совсем не известно, что окажется в неописанных фондах Афинской Национальной библиотеки (около 3000), на Синае (где сверх известных 2151 уже надо предполагать более 300 новых), в Ватикане, Париже, Берлине, Британском музее, на Афоне и др. Все-таки, руководствуясь опытом предыдущей работы над сложными и обширными фондами, можно думать, что при надлежащем содействии библиотечного персонала и использовании фотографического аппарата понадобилось бы не больше двух лет усидчивого и усердного труда. В обработанном виде получился бы такой указатель, из которого легко вышла бы *Geschichte der Quellen und Literatur des byzantinischen Rechts*, или нечто аналогичное труду незабвенного Aldo Albertoni «*Per la storia del diritto bizantino*».

На основе этого указателя еще до появления его в печати можно было бы уже начать работу над любым юридическим текстом, и тогда наступила бы трудность сосредоточения в руках исследователя или издателя всех нужных ему списков текста. В этом отношении громадное облегчение доставила бы возможность располагать громадными фондами, сосредоточенными в Риме, Париже, Афинах и т. п.: приходилось бы только немного фотографировать или фильмовать в дополнение к находящемуся уже под руками. Другое облегчение заключается в том, что немало текстов уже снято и отдельными лицами и учреждениями; у меня лично найдется кое-что, частью уже указанное мною в докладе на стр. 140–142 и в моих трудах о сборниках в 50 и 14 титулов.

Но где найти средства для посылки на 2 года обследователя рукописных фондов, где хранить собранные им материалы, на какие средства печатать их, добывать нужные для работы издателей фотографии, печатать самые издания текстов, кому руководить ходом работы, объединять и подкреплять сотрудников? Никому иному все это не под силу, как только Академии наук одной из стран, обладающих большими греческими фондами и соответствующим научным персоналом, или союза таких Академий; но каким путем обеспечить эту помощь *Corpus*'у, я себе не представляю и опасаясь, что тут-то и скрывается подводный камень, которого *Corpus*'у никак не миновать. Передача же заботы о судьбе *Corpus*'а опять международному комитету пользы не принесет, и будет означать не что иное, как почетное погребение моего предложения ввиду его неисполнимости.

ОБ ОДНОМ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ПРОЕКТЕ ИЗДАНИЯ РУССКОГО ПЕРЕВОДА «ТАЙНОЙ ИСТОРИИ» ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО*

Недавно появившееся в свет издание трудов одного из самых знаменитых историков Византии VI в. — Прокопия Кесарийского — в новом переводе на русский язык¹ дает нам повод вспомнить о любопытной и еще совсем неизвестной ученой страничке из истории создания «русского Прокопия», о неосуществившейся, к сожалению, попытке издать в 30-е гг. нашего столетия русский перевод его «Тайной истории». Как и многие другие византиноведческие проекты этого времени (1933–1939): одни — частично осуществленные, другие — по разным причинам не доведенные до конца (например, перевод текстов по теме «Из истории византийской агротехники» и, в частности, «Геопоники» для Института истории науки и техники²), — данный проект также был связан с именем Владимира Николаевича Бенешевича.

Известный прежде всего своими фундаментальными исследованиями в области церковно-канонического (византийского, древнерусского, древнеславянского, грузинского и армянского) права³, В. Н. Бенешевич отнюдь не замыкался в рамках канонистики, обладая необычайной широтой интересов в самых различных областях истории византийской цивилизации⁴. Конечно, обнаруженные нами материалы мало что добавляют к богатейшей традиции изучения сочинений Прокопия Кесарийского, но они добавляют еще один штрих в палитру научных интересов Бенешевича.

* Опубликовано: ВВ. 1995. Т. 56 (81). С. 320–331.

¹ *Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история* / Пер., ст. и комм. А. А. Чекаловой. М.: Наука, 1993. 570 с.

² О договоре В. Н. Бенешевича с ИИНИТ'ом и о переписке их по этому поводу см.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 62. Л. 1–9.

³ О нем в этом качестве см.: *Гранстрем Е. Э. Владимир Николаевич Бенешевич (к 100-летию со дня рождения)* // ВВ. 1973. Т. 35. С. 235–243; *Шапов Я. Н. Сборники византийского права в исследованиях и изданиях профессора В. Бенешевича* // Кlio. 1979. Bd. 61, N 1. S. 235–242; B[urgmann] L. *Hommage à Vladimir Nikolaevic Benesevic* // RJ. 1988. Bd. 7. S. 3–12.

⁴ См., например: *Медведев И. П. Неожиданный Бенешевич: заметки по материалам архива ученого* // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 27–32.

Сама история этого несостоявшегося проекта проста и незамысловата: от Мечислава Ильича Бурского (1903–1944), заведующего секцией истории агрикультуры ИИНИТ'а, с которым собирался сотрудничать В. Н. Бенешевич, последний узнал о намерении Алексея Максимовича Горького, с 1927 г. возглавлявшего редакционный совет издательства *Academia*⁵, издать труд о положении женщины в Византии (в рамках особой серии о положении женщины у разных народов и в разные эпохи⁶), и предложил в качестве «живой иллюстрации» к этой теме опубликовать русский перевод «Тайной истории» Прокопия, высказав при этом ряд любопытных соображений. Горький передал письмо Бенешевича заведующему издательством *Academia* (небезызвестному в нашей истории) Льву Борисовичу Каменеву, который в письме от 15 февраля 1934 г. и в последующих письмах предложил Бенешевичу или самому осуществить этот замысел, или возглавить созданную им группу переводчиков в качестве ответственного редактора. Уточнение деталей этого проекта и составляет существо завязавшейся переписки. Особый интерес вызывают, конечно, имена двух названных Бенешевичем сотрудников-переводчиков «Тайной истории»: выдающегося антиковеда Марии Ефимовны Сергеевко (1891–1987), широко известной прежде всего своими замечательными переводами образцов латинской литературы⁷, и не менее известного филолога-классика историка античной литературы Александра Васильевича Болдырева (1895–1941), переводчика Платона, античного романа (в содружестве АБДЕМ), немецких романтиков, одного из авторов (вместе с Я. М. Боровским) книги «Латинский язык», впоследствии неоднократно переиздававшейся. В начале 30-х гг. А. В. Болдырев провел несколько лет в ссылке, умер в Ленинградскую блокаду⁸.

⁵ Об этом: Крылов В. В. Издательство *Academia* — бесценный вклад в духовную культуру // Вестник РАН. 1993. Т. 63, № 4. С. 348–357.

⁶ Например, в 1930 г. в издательстве *Academia* была выпущена книга Г. И. Серебряковой «Женщины эпохи французских революций».

⁷ О ней см. в последнее время замечательный очерк: Гаврилов А. К., Казанский Н. Н. К 100-летию М. Е. Сергеевко // ВИД. 1993. Т. 24. С. 316–328. Кстати, упоминание имени М. Е. Сергеевко в планах Бенешевича — единственное, если не ошибаюсь, известное свидетельство того, что их пути пересекались, хотя некоторые такие «точки пересечения» могли бы быть вычислены и теоретически, например, дом Ивана Ивановича Толстого, куда оба были вхожи, или сотрудничество их в секции агрикультуры ИИНИТ'а.

⁸ За предоставленные мне сведения об А. В. Болдыреве сердечно благодарю А. К. Гаврилова. От себя добавлю, что имя А. В. Болдырева мелькает и на страницах следственного «академического» дела. На одном из допросов В. Н. Бенешевич показал, что тот два раза заходил к нему на квартиру «не для разговоров, а для расплаты за фотографии с латинских рукописей Парижской Национальной библиотеки, сделанные мною (во время заграничной командировки 1927 г. — И. М.) по его просьбе с труда Исидора Севильского».

Остается пожалеть, что по каким-то причинам (не из-за ареста ли Л. Б. Каменева, последовавшего 16 января 1935 г.?) этот интересный проспект заглох, так, вероятно, и не начав реализовываться⁹. Приводим текст переписки (к сожалению, письма В. Н. Бенешевича воспроизводятся по его черновикам, которые не все сохранились. Судьба отосланных подлинников нам неизвестна).

1. В. Н. Бенешевич — А. М. Горькому

[1934 г.?)

Многоуважаемый Алексей Макс[имович],

М. И. Бурский сообщил мне о Вашем начинании, для которого Вам нужны материалы из истории Византии о положении женщин. Чрезвычайно хороша Ваша мысль и в отношении истории виз[антийской] культуры обещает особенно важные результаты, т. к. тут есть громадный материал, еще очень мало освещенный исследованиями, но уже успевший обрости (sic!) предрассудками и елейностью. На пространстве 1000-летия можно проследить с любой для отдельных частей империи и отдельных эпох положение женщины и составить ряд очень живых иллюстраций к изложению, которое и само по себе выйдет полным движением и разнообразием. Под иллюстрациями я разумею, напр[имер], в первую голову такую вещь, как т. наз. «Тайная история» Прокопия Кесар[ийского], которую необходимо перевести даже и с чисто литературной точки зрения в серии Academia. История права, церкви, литературы, искусства дает для Виз[антии] такую массу материала, что надо было бы образовать для разработки Вашей темы особую секцию в составе какого-нибудь Инст[итута] Византиновед[ения], и надо желать, чтобы АН СССР взяла в свои руки образование такого Института.

Пишу Вам, как человек, причастный к изучению Виз[антийской] истории и потому горячо сочувствующий всякому серьезному проявлению интереса к ней и готовый по мере сил помочь осуществлению Вашей прекрасной мысли. Конечно, силы мои слабые и раздерганные, притом живу в условиях для научной работы крайне тягостных, но все же чем-нибудь могу быть полезен.

С глуб[оким] уваж[ением] В. Б.

⁹ Лишь один небольшой фрагмент своего перевода «Тайной истории» Бенешевичу удалось опубликовать, уделив, правда, большее внимание другим сочинениям Прокопия. См.: Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. М., 1939. Т. 1. С. 197 (об авторстве Бенешевича византийского раздела этой хрестоматии см. ниже).

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 25.
Черновик. Фиолетовые чернила. Без даты (1934 г.?)

2. Л. Б. Каменев — В. Н. Бенешевичу

15 февраля 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич!

Алексей Максимович Горький передал мне Ваше предложение об издании «Тайной истории» Прокопия. Я издавна полагал, что Academia следует ввести в свои планы несколько представителей Византийской литературы. Я полный профан в последней, но по отрывочным сведениям, имеющимся у меня, мне представляется, что «Тайная история» будет интересным началом подобной серии.

Прошу Вас в связи с этим сообщить мне о размерах предполагаемой книги, объеме и характере необходимых примечаний и вводных статей, о возможных сроках представления этой работы. Получив эти сведения, мы сможем уже приблизиться к решению вопроса.

Не укажете ли Вы материал, по которому можно было бы составить более или менее точное представление о «Тайной истории»? Не переведена ли она, хотя бы в отрывках, по-русски? Быть может, существует французский или английский перевод, которым можно было бы воспользоваться для самого общего ознакомления с этой работой.

Зав. Издательством
Л. Каменев

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 114.

Подлинник, машинопись. На бланке издательства «Academia». С пометами Бенешевича: «Получ. 17/II-34 г. Отвеч. 20/II-34 г.»

3. В. Н. Бенешевич — Л. Б. Каменеву

20 февраля 1934 г.

В Ред[акционный] сект[ор] изд[ательства] «Academia»

Многоуважаемый Лев Борис[ович],

Действительно, для начала «Тайная история» Прокопия была бы очень подходящим представителем виз[антийской] литер[атуры] в изданиях «Acad[emia]». Точное представление о ней Вы можете получить при помощи переводов: неважный франц[узский] (Anecdota ou Hist. secrète de Justinien trad. de Procope avec notice sur l'aut. et notes philol. et hist. par Isambert. Paris, 1856), англ[ийский] (Procopius with an Engl.

Transl. In seven vols. By H. B. Derwing. Lond. – N.-York, W. Heinemann — G. P. Putman's Sons. 1920-e гг. в серии Loeb Class. Libr.), итал[ьянский] (Proc. Di Cesar., Le Inedite, libro nono delle Istorie. Testo gr. con trad. ital. a cura di D. Comparetti. Roma 1928. 8e. LXXX + 367, в серии Fonti per la Storia d'Italia public. Dall'Instituto Stor. Ital. Scrittori, Sec. VI). А если не найдутся в Москве новые англ[ийский] и итал[ьянский] переводы, как не имею я их в Ленинграде, тогда можно воспользоваться старыми переводами итал[ьянским] Compagnoni (Milano 1830), англ[ийским] 1674 (London) и нем[ецким] J. P. Reihard (Erl. – Leipzig 1753). По-русски можно выдержки читать и представления получить о произведении легче всего у Б. А. Панченко, О «Т. И.» Прокопия (Виз. Врем., 1895, т. II) или в русск[ом] перев[оде] книги Ш. Диль, Юстиниан¹⁰.

Размер книги можно представить себе на основании размеров текста и существующих переводов¹¹. В изд[ании] М. Н. Крашенинникова (Юрьев 1899) текст занимает 142 стр., причем на крит[ический] аппарат падает около 1/3; значит, текста около 100 стр. К тексту необходимы примечания как в виде кратких объяснений слов, дат, событий и т. п. под строкой, так и в виде кратких экскурсов позади текста, дающих связное изображение отд[ельных] сторон быта и строя эпохи Юстиниана. Вводная статья об авторе и его труде могла бы¹² занять не больше двух лл.; на¹³ все это надо отвести¹⁴ около 4 лл. Затем необходимы иллюстрации к тексту¹⁵ (фототипии и автотипии), географ[ическая] карта (схематич[еская]) империи, приновр[енная] к тексту, и план Константинополя VI века; все заканчиваться должно указателями¹⁶ имен и предметов.

В общем должен получиться изящный том около 250–300 стр[аниц], содержащий первую попытку русск[ого] перевода одного из замечательнейших произведений не только виз[антийской], но и мировой литературы. Мне кажется, что эта книга не залежалась бы, но при условии

¹⁰ Почему-то В. Н. Бенешевичу осталось неизвестным, что первым русским переводом «Тайной истории» Прокопия Кесарийского был перевод, выполненный в 1838–1841 гг. Спиридоном Юрьевичем Дестунисом (не опубликован; рукопись хранится в Научной библиотеке С.-Петербургского университета (№ 439). См.: Белоброва О. А. С. Ю. и Г. С. Дестуниси: рукописное наследие // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 26–27.

¹¹ Следует зачеркнутое: «В основание перевода следовало бы положить изд[ание] М. Н. Крашенинникова, как более удачное, чем изд[ание] J. Nauгу».

¹² Следует зачеркнутое: «быть очень небольшая, м. б.».

¹³ Следует зачеркнутое: «экскурсы же».

¹⁴ Следует зачеркнутое: «не менее 3».

¹⁵ Следует зачеркнутое: «в количестве приблизительно 5 табл.».

¹⁶ Следует зачеркнутое: «собств.».

надлежащего выполнения всей работы. С трудностями этой работы я хорошо ознакомился, т[ак] к[ак] давно уже носился с мыслью дать перевод, а после 1917 г. даже и начал уже переводить, еще в голодные годы, для собственного удовольствия и утешения. Конечно, взявшись за дело вплотную, можно, пожалуй¹⁷, закончить года в два¹⁸. Comparetti сидел за работой много лет, и после него можно что-то скомпилировать приличное, для чего понадобилось бы даже, пожалуй, не менее двух лет человеку резвому и привычному к переводам¹⁹. Много зависит от условий работы, и я, напр[имер], просто лишен возм[ожности] взяться за такое дело из-за крайне тягостн[ого] положения с жилплощадью, моими материалами и книгами и из-за отсутствия нов[ейшей] литературы; проявлять же резвость в компиляции мне не к лицу и не в моих нравах.

Добавлю еще кстати, что стоило бы и ряд других виз[антийских] произведений вывести на свет в хорошем виде. В М[оскве] у Вас есть для совета такой выд[ающийся] знат[ок] и виз[антийской] лит[ературы], как акад. М. Н. Сперанский. В чем смогу, и я готов от души Вам быть полезным.

С соверш[енным] уваж[ением] В. Б.
20/II 34.

¹⁷ Следует вычеркнутое: «при помощи новейших англ. и итал. переводов».

¹⁸ Следует вычеркнутое: «но это уже при очень большом напряжении и при благоприятных условиях работы: ведь эти переводы все-таки не избавляют от необходимости проработать весь греч. текст самостоятельно в интересах точности и литературности русск[ого] перевода, и, пожалуй, без них было бы даже удобнее или как-то проще и короче дело».

¹⁹ Следует вычеркнутое: «Естественно предположить, что Вы рассчитываете возложить на меня выполнение перевода, и потому считаю долгом немедленно осведомить Вас о моем отношении к Вашей мысли. Я считаю перевод таким важным, большим и трудным делом, что с величайшей радостью взялся бы за работу. Но мое положение в настоящее время чрезвычайно неблагоприятно для научной работы: 1) из прежней квартиры в 4 комн[аты] для 4 взрослых и работающих для науки членов моей семьи, после того, как моя жена и брат прошли через тюрьму и ссылку, осталась только одна комната в 30 кв. м., в которой теперь живем четверо и рояль (я с женой и два сына), а брат мой — пятый жилец — выселился временно в гостиницу; 2) мои материалы и книги, результат напряженной 30-летней работы, были вывезены совершенно зря следователем ОГПУ в Библ[иотеку] АН, приведены в полное разстройство и не могут быть перевезены обратно ко мне из-за полного отсутствия места. Я твердо уверен в том, что все будет приведено со временем в порядок при помощи надлежащих органов общественности и власти, но в настоящее время помощи мне еще не оказано; мне поэтому невозможно брать на себя ответств[енную] работу, и я даже уже был вынужден отказаться от двух работ. Если бы даже, однако, все было в порядке, то осталось бы еще одно громадное препятствие, а именно отсутствие в моем распоряжении указ[анных] выше новейших переводов (англ. и итал.)».

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 115–118.
Черновик. Фиолетовые чернила.

4. Л. Б. Каменев — В. Н. Бенешевичу

3 марта 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Очень благодарен Вам за сведения о Прокопии. К сожалению, из Вашего письма я усматриваю, что Вы колеблетесь принять лично на себя подготовку этого издания. Указанный Вами срок нас не смущает, мы могли бы выпустить Прокопия не раньше конца 36 года, для чего он должен был бы быть сдан в производство в конце 35 года. Это оставляет для подготовки рукописи приблизительно те два года, на которые указываете и Вы.

Мне хотелось бы получить от Вас более точное указание насчет того, возьмете ли Вы на себя при этом сроке эту работу, и если нет, то считаете ли Вы целесообразным, если я обращусь с подобным же предложением к указанному в Вашем письме М. Н. Сперанскому. Или, быть может, существуют молодые византиологи (sic!), которые взяли бы на себя черновую работу перевода под Вашим руководством и редакцией?

С искренним уважением

Зав. Издательством Л. Каменев

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 97.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства «Academia». Пометы Бенешевича: «Получ. 5/III. Ответ. 6/III 34»

5. В. Н. Бенешевич — Л. Б. Каменеву

6. III. 1934.

Л. Б. Каменеву. Academia

Многоуважаемый Лев Борисович,

На Ваш запрос от 3. III. отвечаю, что препятствия для принятия мною на себя работы над «Т[айной] И[сторией]» Прокопия, точно и ясно указ[анные] мною в предыд[ущем] письме, остаются, к сожал[ению], в силе на неопред[еленное] и продолж[ительное] время, а срок играет роль совершенно второстеп[енную]. Меня очень огорчает то, что я вынужд[ен] отказ[аться] от такой увлекат[ельной] и важной работы, пока мое положение не изменится к лучшему.

Принять на себя руководство и ред[актирование] в отношении перевода я не могу по свойствам своего характера: кончилось бы тем, что перевел бы почти все сам вновь! Да и для всякого другого переводчика обладание новейшей литературой в миним[альном] указ[анном] мною объеме так же необходимо, как и мне в качестве редактора перевода.

Обращение к М. Н. Сперанскому я считал бы весьма целесообраз[ным], т[ак] к[ак] он может указать Вам и подход[ящее] лицо (вместо зачеркнутого «сотрудника». — *И. М.*) в Москве, если сам не возьмется.

С своей стороны я постараюсь заинтересовать работой кого-нибудь из здешних эллинистов. Хорошо было бы знать предлагаемые Вами условия оплаты труда.

С глубоким уважением В. Б.

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 96.

Черновик. Фиолетовые чернила.

6. Л. Б. Каменев — В. Н. Бенешевичу

21 апреля 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Письмо Ваше получено. Двухлетний срок работы, который Вы определяете, позволяет нам предложить Вам заключение договора на декабрь 1934 г. с тем, что настоящее письмо служит гарантией того, что договор будет заключен и таким образом может служить основанием для приступа Ваших сотрудников немедленно же к работе.

Условия работы — согласно Колдоговору Издательства и его сотрудников, следующие: перевод с редакцией — 200 р. за авт. л. (40.000 знаков); комментарии — 4000 р. лист, статья, если она не превысит разм. 1-го листа — 400 руб., если выше — 300 руб. за лист.

Мы полагаем, что перевод будет полный, а поэтому оплату за сокращение и редактирование основного, оригинального текста мы не предусматриваем. Если же такая работа будет иметь место, то она, конечно, будет оплачена. При заключении договора уплачивается 25 %, при одобрении рукописи — 35 %, при подписании к печати — остальные 40 %.

Зав. Издательством Л. Каменев

Зам. Рук. Редсектора Эльсберг

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 95 об.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства «Academia».

Академик Ф. И. Круг

Николай Надежин.

Н. И. Надежин

Академик А. А. Куник

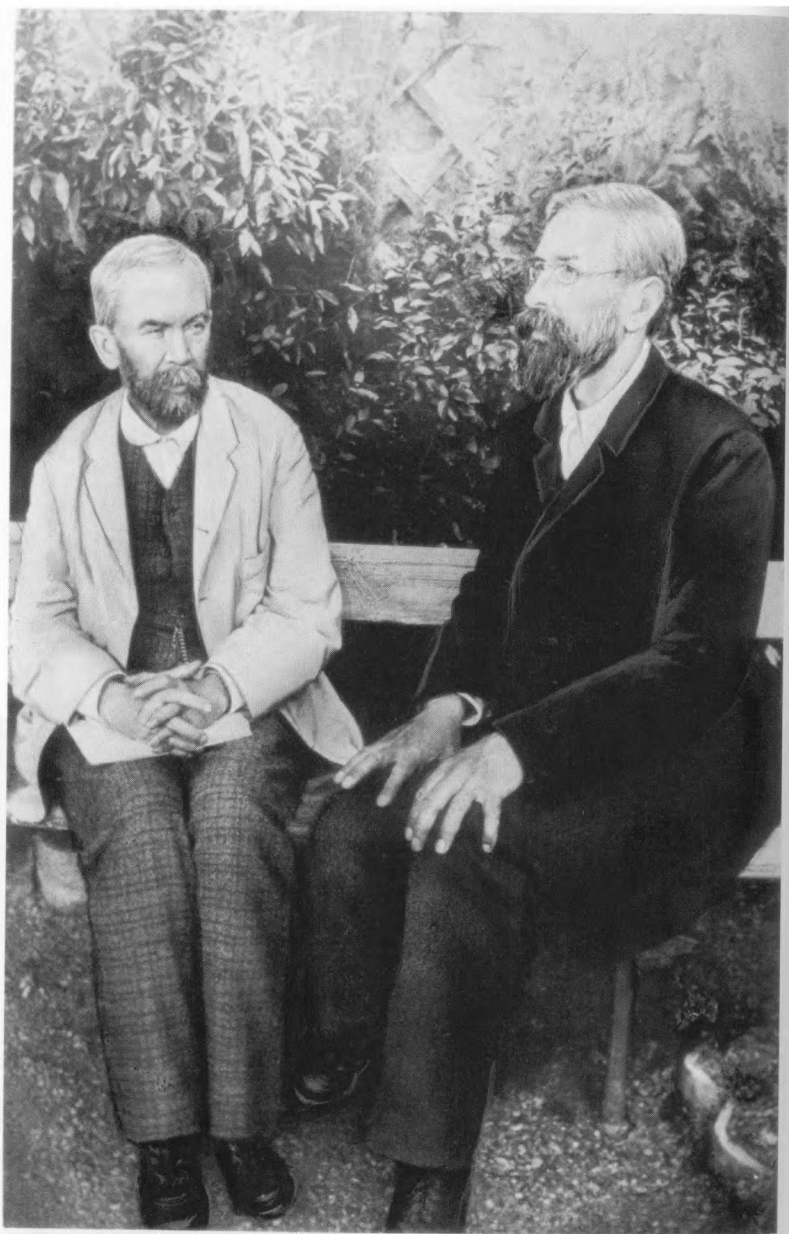

Кабинет А. А. Куника

Э. Г. Муральт

В. Г. Васильевский и Н. П. Кондаков

Ф. И. Успенский

П. В. Никитин

В. В. Латышев

И. Н. Крашенинников

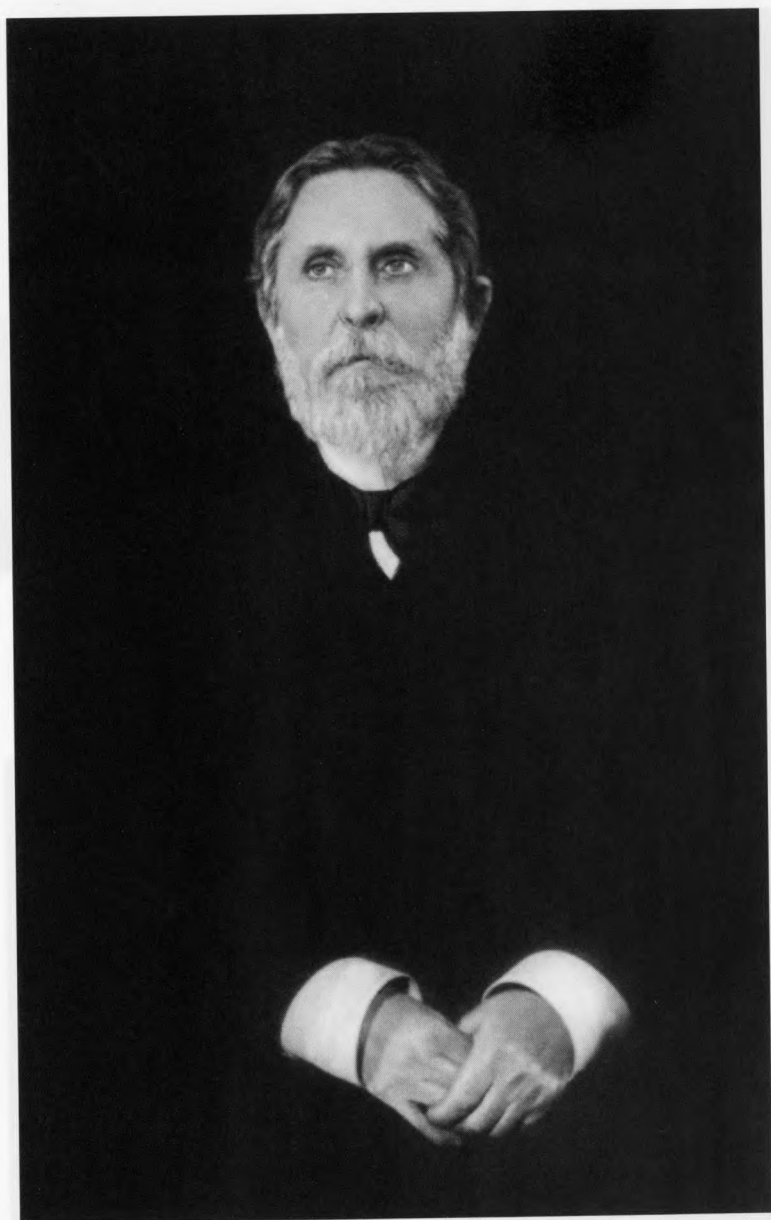
И. В. Помяловский

И. И. Толстой

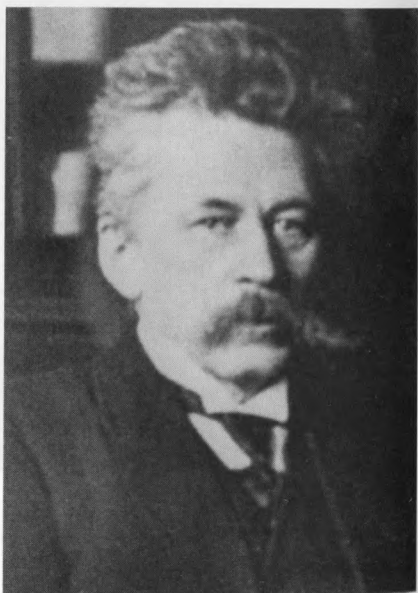
В. К. Ернштедт

А. И. Пападануло-Керамевса

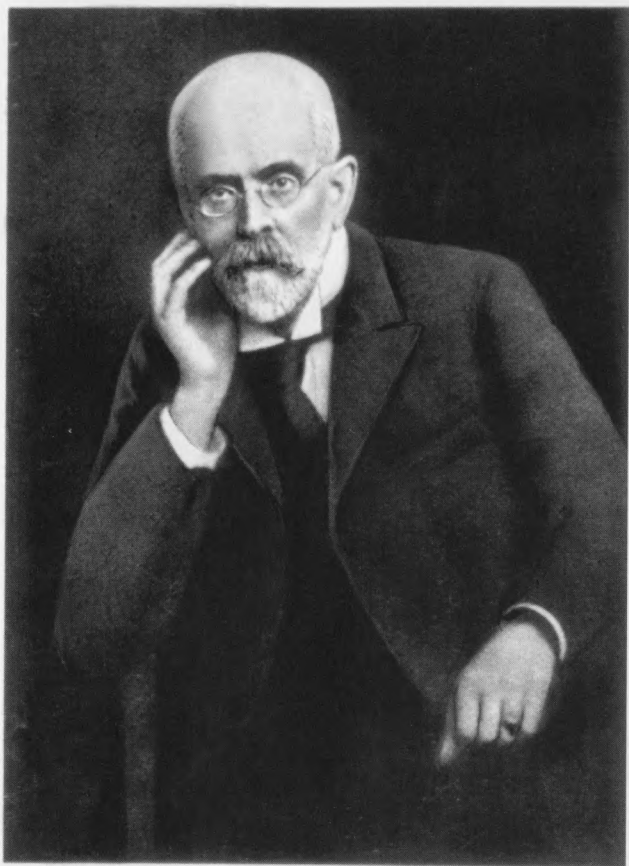
В. Н. Бенешевич

В. Н. Бенешевич

А. А. Дмитриевский

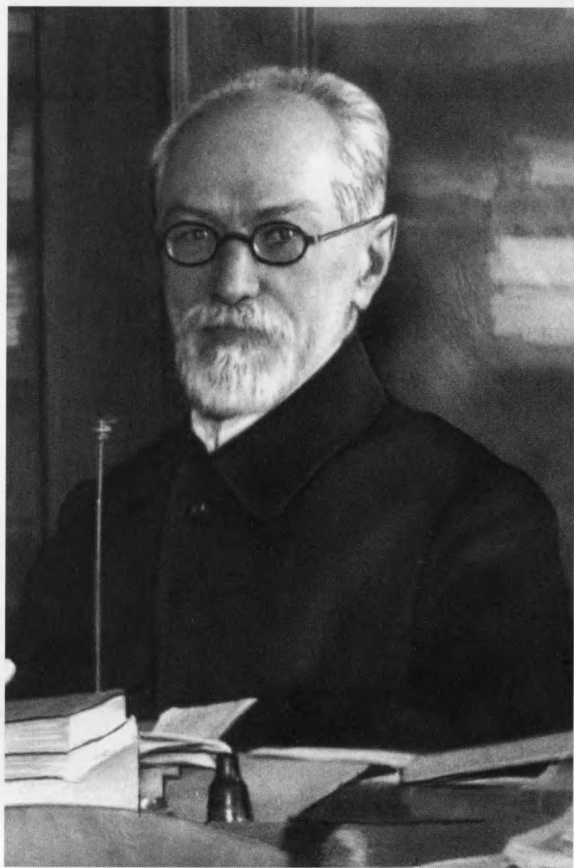

K. Krumbacher

Карл Крумбахер

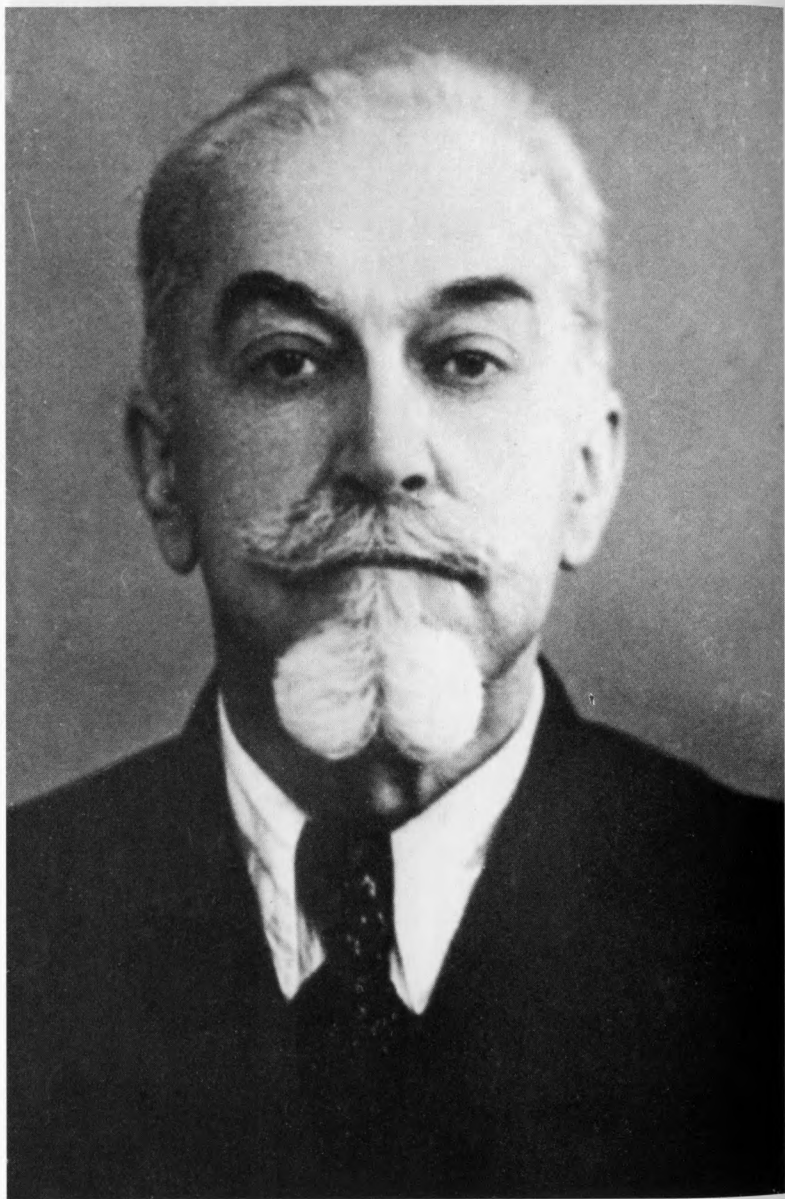
Я. Н. Смирнов

В. Е. Вальденберг

Ф. И. Шмит

Л. А. Мацулевич

7. В. Н. Бенешевич — Л. Б. Каменеву

26.IV.1934

Многоува[ажаемый] Л[ев] Б[орисович],

Ни один из моих сотрудников по переводу «Т. И.» Прокопия не считает для себя возможным заняться этим перев[одом] до заключения договора, т[ак] к[ак] у всякого есть работа, дающая заработок немедленно. О себе скажу, что и я взял уже работу, о которой Вам писал, и вообще я считал, что оставление моих писем без немедл[енного] или скор[ого] ответа ясно показывает, что «Т. И.» не пользуется вниманием; притом же и указ[анные] мною пункты оставлены без ответа. Поэтому, если Вы пожелаете возобновить разговор о «Т. И.» в декабре, то все примет надлежащий вид.

С соверш[енным] уваж[ением] В. Б.

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 95.

Черновик (на обороте письма Л. Б. Каменева от 21 апреля 1934 г.). Фиолетовые чернила.

8. Л. Б. Каменев — В. Н. Бенешевичу

29 апреля 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Вы напрасно думаете, что «Тайная история» не пользуется вниманием издательства. Мы только обязаны были сочетать новое предложение с давно выработанными нами планами изданий. Так как наш договорный портфель до декабря 34 года уже заполнен, то отсюда и вытекло наше предложение о заключении договора с Вами и Вашими сотрудниками на декабрь 34 года. Нам казалось естественным, что на предложения, поступающие позже других, и договор заключается в порядке очередности. Во всяком случае, Прокопий внесен в наш план, в декабре месяце мы можем заключить на него договор и оплатить соответствующий аванс. А предыдущее наше письмо сохраняет силу гарантии того, что эти предположения рассматриваются нами как обязательство с нашей стороны. В этом же письме указаны условия оплаты, и я не догадываюсь, что именно из Ваших вопросов «оставлено без ответа», как пишете Вы в письме от 26 апреля.

Английский перевод «Тайной истории» будет нами выписан.

С уважением

Зав. Издательством Л. Каменев

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 113.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства «Academia». По-
мета Бенешевича:

«получ.
отвеч. 6.V.34».

9. В. Н. Бенешевич — Л. Б. Каменеву

6 мая 1934 г.

(черновик не сохранился)

10. Л. Б. Каменев — В. Н. Бенешевичу

9 мая 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Ваше письмо от 6 мая я получил и принял к сведению как резюме положения дела с переводом Прокопия на нынешний день. Фактически, значит, дело сводится к тому, что приступ к работе откладывается до декабря.

Что касается поставленных Вами вопросов, то, по-видимому, отсутствие ответов на них вызвано исключительно бесспорностью решения этих вопросов: конечно, нужны экскурсы обобщающего характера для объяснения текста и понимания эпохи, конечно, нужна карта Византийской империи эпохи Юстиниана, конечно, нужна карта Константинополя в VI веке, конечно, нужны указатели именной и предметный, конечно, нужны иллюстрации (и чем больше, тем лучше), а о размере предисловия лучше всего судить редактору книги. Издательство не может быть затруднено ни двумя, ни тремя, ни даже 4-мя листами предисловия, но нуждается ли книга в предисловии размером в 2 листа, в 3 или 4 — об этом, по моему невежеству, судить я не могу и предоставляю решение вопроса в этих пределах всецело Вашей компетенции.

Зав. Издательством Л. Каменев

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 112.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства «Academia». По-
мета Бенешевича: «получ. 12/V 34».

11. Редакционный сектор — В. Н. Бенешевичу

27 мая 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Для того, чтобы выписать из-за границы перевод Derwing'a «Тайной истории» Прокопия, нам необходимо знать совершенно точное на-

звание, место и по возможности год издания книги. Просим нам срочно сообщить эти сведения.

Зам. руков. редсектора Эльсберг

Секретарь Антокольская

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 111.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства «Academia». По-
мета Бенешевича:

«получ.

отвеч. 29/V 1934».

12. Редакционный сектор — В. Н. Бенешевичу

28 ноября 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич!

Для составления договора с Вами на «Тайную историю» Прокопия нужно получить от Вас окончательный и детальный план издания с указанием размеров отдельно каждой его части (текст, статья, комментарии и указатель).

Просим сообщить нам эти сведения. Срок сдачи при условии заключения договора в декабре будет проставлен в договоре 1 января 1937 г.

Зам. Рук. Редсектора Эльсберг

Секретарь Антокольская

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 110.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства «Academia». По-
меты Бенешевича: «получ. 3/XII 34, отв. 6/XII 34».

13. В. Н. Бенешевич — Издательству «Academia»

[6 декабря 1934 г.]

(Письмо содержало, очевидно, подробный план издания. Черновик не сохранился. Сохранность и местонахождение подлинника нам неизвестны).

14. Редакционный совет — В. Н. Бенешевичу

9 декабря 1934 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,

Ваше письмо получили. С содержанием тома «Тайная история» Прокопия мы согласны. Сообщаем Вам гонорар, из которого Вам нужно будет исходить при распределении перевода: 200 руб. за п. л. перевода. За введение — 400 руб. за п. л. За комментарии и указатель — 400 руб. п. л., за редактирование перевода — 50 руб. п. л.

За подбор карт и таблиц к тому же мы заключим с Вами особое соглашение.

Укажите нам точно фамилии и адреса переводчиков, с которыми будут заключены договоры.

Просимые Вами книги мы выпишем. Вы нам сообщили, что итальянский перевод Вам обещал прислать из Рима В[аш] знакомый. Если Вы его достать не сможете, выпишем и его.

Зам. руков. редсектора Эльсберг

Секретарь Ческис

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 109.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства «Academia». Помета Бенешевича: «Получ. 11/XII 34».

15. В. Н. Бенешевич — Издательству

[18 декабря 1934 г.]

В изд-во «Academia»

Сотрудниками по переводу Т[айной] И[стории] Прокопия будут:

1) Сергеенко Мария Ефим[овна]. П[етроградская] С[торона] 136, Гейслер. Пер., 7, кв. 13. Тел. В-4-22-48,

2) Болдырев Александр Вас[ильевич], Загор[одный] просп., 28, кв. 9а. Тел. А-6-34-08,

с которыми и прошу заключить договор на условиях, мне Вами сообщенных в письме от 9 дек[абря].

О необходимости выписки англ[ийского] и итал[ьянского] переводов мною было объявлено Вам в моем письме от 29 мая, немедленно по получении мною Вашего запроса о точном заглавии этих переводов, я был уверен, что книги уже выписаны. Подтверждаю, что необходимы оба перевода, причем обращаю внимание на то, что из издания Comparetti нужен только том III, т[ак] к[ак] I и II вышли давно и есть в здешних библиотеках.

Добавлю, что на редактирование текста перевода Прокопия уйдет времени очень немало, так как и работа нелегкая да еще должна быть сопоставлена с существующими переводами. Не менее месяца упорной работы потребуется на это дело, если ничем больше не заниматься. Поэтому считаю гонорар в 50 р. за лист недостаточным: ведь за 6 листов получится только 300 р.

Важно знать, как обстоит дело с перепиской текста на машинке. Было бы удобнее всего, если бы эта переписка могла быть произведена здесь под моим наблюдением.

С совершенным уважением проф. В. Бенешевич
18/XII 34.

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 108.
Черновик. Простой карандаш.

16. Редакционный совет — В. Н. Бенешевичу

5 января 1935 г.

Уважаемый Владимир Николаевич,
Посылаем Вам договор на ст[атью], комментарии и редактирование пе-
ревода Прокопия «Тайная история». Просим его подписать и прислать нам.
Секретарь Редсектора Л. Ческис — подпись
Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 139 об.
Подлинник. Машинопись на бланке издательства «Academia».

17. В. Н. Бенешевич — Издательству «Academia»

15.1.1935

В издательство «Academia»

Только 15 янв[аря] удалось собраться всем участникам перевода
«Т. И.», и я теперь посылаю подписанный договор с твердой уверенно-
стью в том, что к 1 янв[аря] 1937 г. все будет готово, а может быть, уда-
стся еще и значительно раньше закончить дело²⁰.

Предоставление издательством в мое распоряжение итал[ьянско-
го] и англ[ийского] переводов, мне иначе не доступных, является одним
из основных условий успешности и быстроты работы, как я уже писал
об этом в издательство.

С совершенным уважением
В. Бенешевич

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 139.
Черновик, на оборотной стороне письма издательства от 2 января
1935 г.

18. Редакционный Совет — В. Н. Бенешевичу

20 января 1935

²⁰ Следует вычеркнутое: «Если издательство заинтересовано в ускорении
работы, то прошу указать мне, чем это ускорение может быть стимулировано
со стороны издательства. Возможно, конечно, что издательству важно получить
все в назнач[енный] срок, чтобы не выходить из рамок своих кредитов».

Уважаемый Владимир Николаевич,

Подписанный Вами договор на редакцию перевода, статью и примечаний к Прокопию мы получили. Договор этот, согласно Вашему письму, вступит в силу только тогда, когда будут получены из-за границы выписанные итальянский и английский переводы Прокопия.

Секретарь Редсектора Л. Ческис

Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 95. Л. 138.

Подлинник. Машинопись на бланке издательства «Academia». Помета Бенешевича: «Получ. 23/1 35».

Приложение

Об авторстве византийского раздела «Хрестоматии по истории Средних веков» (1939 г.)*

Речь идет об изданной в 1939 г. под редакцией Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина «Хрестоматии по истории средних веков» (М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР), в которой принята интересная попытка собрания корпуса источников в русских переводах по истории стран средневековой Европы, а в качестве авторов разделов был привлечен цвет тогдашней русской медиевистики. В состав сборника вошел пространный византийский раздел, в котором были опубликованы добротные переводы целого корпуса преимущественно законодательных византийских памятников («Земледельческий закон», «Клиторологий» Филофея, отрывки из «Эпанагоги», «Книги Эпарха», Кекавмена и др.).

К сожалению, византийский раздел хрестоматии сугубо анонимен, и это выделяет его из всего сборника, так как авторы других разделов всякий раз тщательно фиксируются. Между тем качество переводов византийских текстов, скупые и строгие, но весьма компетентные примечания говорят о том, что их автором был мастер своего дела. В одной из статей мною высказано предположение, что автором византийского раздела не мог быть никто иной, кроме как выдающийся ученый, один из представителей всемирно известной старой русской византистики В. Н. Бенешевич (1874–1938)²¹. За это говорили явственно ощущав-

* Опубликовано: Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. Тезисы докладов и сообщений научн. конф. М., 1994. С. 99–100.

²¹ Медведев И. П. По поводу нового издания «Книги Эпарха» // ВВ. 1993. Т. 54. С. 183–187.

шаяся в материале «рука» ученого и тот известный мне факт, что в апреле 1937 г. Бенешевич обращался в Институт истории АН СССР с предложением перевести ряд византийских памятников, среди которых фигурируют и представленные в хрестоматии, с тем чтобы из них «составить и хрестоматию для высшей школы, полезную и для учащихся, и для учащихся»²². Сама анонимность византийского раздела объяснялась тем, что автор, незадолго до того в который раз — и теперь уже окончательно — арестованный по нелепому обвинению, был 27 января 1938 г. расстрелян в застенках ОГПУ, в связи с чем его имя в последний момент составителям пришлось в спешном порядке убирать из хрестоматии. Смущало отсутствие упоминаний об этой работе в бумагах Бенешевича, в его различных отчетах и анкетах, датированных этим временем, а также тот небольшой для такого рода работы срок со времени его обращения в Институт истории (апрель 1937 г.) и до его ареста (27 ноября 1937 г.), наполненный к тому же драматическими событиями в жизни Бенешевича.

Мною обнаружен (в личном фонде В. Н. Бенешевича, хранящемся в СПб филиале Архива РАН²³), документ, который все ставит на свое место, — письмо одного из редакторов хрестоматии от 27 сентября 1937 г. Привожу его текст: «27.IX.37. Глубокоуважаемый Владимир Николаевич! Я очень виноват перед Вами тем, что до сих пор не написал Вам подробное письмо, хотя коротко о получении материала извещал. Дело в том, что мне хотелось написать Вам уже после того, как материал по Византии будет окончательно готов для сдачи в издательство. Между тем эта работа по окончательному оформлению материала очень затянулась. Большинство текстов было Вами написано карандашом, и притом сокращенно. Машинистка Учпедгиза кое-что не поняла, кое-что перепутала. Мне пришлось все считывать, исправлять, снова переписывать. А т[ак] к[ак] я страшно занят, мне пришлось сидеть над этим лишь по выходным дням. Хотел я посылать материал для считки и исправлений Вам, но все надеялся, что справлюсь со всем сам, а кроме того работу эту я производил параллельно другой — такому оформлению материала, которое принято вообще в хрестоматии. При этом меня все время отчаянно торопили, и я вот только теперь сдаю материал, и притом без введения, которое не написал и не знаю, когда и как напишу. Приходится все спешно сдавать потому, что без последнего отдела и весь старый материал 1-й части лежит без движения. Теперь же он

²² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 101. Л. 18–19.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 206. Л. 1–2.

пойдет по инстанциям, причем еще придется над ним поработать дополнительно — кое-что, может быть, сократить, кое-что дополнить. Вот тогда я постараюсь прислать Вам рукопись на окончательный просмотр, а пока единственную оформленную мною рукопись я спешно представляю в Учпедгиз.

Вы в последнем письме прислали дополнительные указания литературы. Но дело в том, что в Хрестоматии литература вообще, как правило, не указывается. Зато очень точно указываются издания, с которых сделан перевод. Хрестоматия рассчитана на такого массового читателя, которому трудно достать вообще какую-нибудь литературу, тем более иностранную. В Вашем отделе я значительно отошел от этого правила, но все же многое из Ваших указаний (библиографических) пришлось сократить. Боюсь, как бы вообще материал не сократили — его получилось не менее 4-х печатных листов. Напишите мне, пожалуйста, при случае, какие греческие термины из “Книги Эпарха” Вы переводите словами “подрядчик”, “ремесленник” и “рабочий”. Тут должна быть большая точность во избежание всяких недоразумений. При желании Вам скорейшего конца всех Ваших неприятностей и всего наилучшего искренне Вам преданный Н. Грацианский» (в начале письма в правом верхнем углу Н. П. Грацианский приписал: «2-й т. Хрестоматии хотят выпустить в декабре»).

Установление авторства столь авторитетного ученого, как В. Н. Бенешевич, заставляет по-новому и со всем вниманием отнестись к византийскому разделу названной хрестоматии, а также включить его в список научных работ ученого в качестве его последнего печатного труда. Впрочем, есть надежда, что список этот еще будет пополняться за счет опубликования тех его немалочисленных работ, которые до сих пор остаются в рукописях и пылятся в архивах.

В. Н. БЕНЕШЕВИЧ КАК «ДУШЕПРИКАЗЧИК»
Н. П. ЛИХАЧЕВА*

В последние три года жизни у Н. П. Лихачева, пожалуй, не было более близкого по духу, по научным интересам, по общности горестных переживаний друга, чем В. Н. Бенешевич. Сама судьба распорядилась так, чтобы оба они оказались вовлеченными дьявольскими силами в фантазмагорию так называемого «академического дела»¹, приняли крестные муки ссылки и лагерей, на сей раз выжили, вернулись в Ленинград, с тем чтобы в поистине экстремальных условиях успеть еще что-то воплотить из задуманного ранее.

Свидетельств об их контактах в эти годы не так уж много, но все сохранившиеся весьма красноречивы. Вот, например, письмо В. Н. Бенешевича от 22 октября 1933 г.: «Дорогой Н. П. Все хочу повидать Вас, и сил не хватает исполнить это желание. А у меня есть и дело. Я работаю теперь над *Melanchtoniana*²: нашел его (т. е. Филиппа Меланхтона. — *И. М.*) dictatus к греческим текстам его же издания, записанные его учеником *Aloysius Gassarus*, тоже известным деятелем Реформ[ации]. Нет ли в Вашем музее материалов из этой эпохи, поближе к 1519–1525 гг.? Может быть, найдутся хотя бы и печатные издания (указано несколько изданий XVI в. — *И. М.*)? Вообще мне интересно было бы узнать от Вас об этом всем, так как лучше Вас никто мне ничего не скажет. Знаю, что растрavляю мучительную рану, но я и сам мучаюсь от такой же раны и только жалею, что не убит еще и физически, что дожил и увидел разгром работы всей моей жизни. А пока живу, надо работать, чтобы иметь силу жить. С сердечным приветом Ваш В. Бенешевич»³.

С аналогичным письмом он обращается к Николаю Петровичу и 22 февраля 1934 г.: «Дорогой Н. П., все время собираюсь к Вам, а в последние дни особенно, так как узнал, что Вы нездоровы; но беда в том, что просто нет сил и времени. А теперь еще угнетает мучение с

* Опубликовано: ВИД. 1998. Вып. 26. С. 105–113.

¹ «Скорбная летопись» этого «дела» пишется: БАН России начинают публиковаться «документы и материалы дела, сфабрикованного ОГПУ», выпущены уже два тома, посвященные академикам С. Ф. Платонову и Е. В. Тарле (см.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. СПб., 1993; Вып. 2. СПб., 1998); предусмотрены, между прочим, тома с материалами обвинения Н. П. Лихачева и В. Н. Бенешевича.

² См. издание: *Melanchtoniana: Ein Beitrag zur Literaturgeschichte des byzantinischen Rechts in Westeuropa 1521–1560 / Von W. Benesewicz. München, 1934. 125 S.*

³ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 246. Оп. 3. Д. 79. Л. 7.

паспортом Людмилы Фаддеевны (жены В. Н. Бенешевича. — *И. М.*), которая вернулась 17 февраля из ссылки на новые мучения <...>. На днях зайду к Вам. Сердечно преданный Вам В. Бенешевич⁴.

Совершенно неизвестными до сих пор были их планы совместных научных работ, которым не суждено было осуществиться. Из письма знаменитого немецкого византиниста Франца Дэльгера к Бенешевичу от 16 марта 1936 г. мы узнаем, что последний обращался к Дэльгеру за содействием в деле его (В. Н. Бенешевича) и Н. П. Лихачева сотрудничества в издании корпуса моливдовулов, которое собирался предпринять (и, как мы знаем, действительно осуществил много времени спустя) известный французский ученый-ассомпционист Виталиен Лоран. «Это, — замечает Дэльгер, — заслуживает всяческого внимания (*ist sehr beachtenswert*), и я надеюсь переговорить с ним, когда ему вздумается проезжать через Германию. Я читал последнюю статью Лихачева в *Byzantion'e* о печати патриарха Игнатия⁵ и вижу, как тяжело вы страдаете из-за нехватки литературы; и так трудно помочь, ибо все менее обозримой становится масса выходящей литературы и даже для самого себя удастся с большим трудом раздобыть лишь самое необходимое»⁶.

Вышеупомянутый проект совместной работы по изданию корпуса печатей был, однако, обречен на неудачу, и даже не потому, что 14 апреля 1936 г. Николая Петровича не стало, но и из-за позиции Лорана, о которой мы узнаем из другого письма Дэльгера Бенешевичу. 16 апреля 1936 г., еще не зная о смерти Н. П. Лихачева (его письмо было ответом на письмо Бенешевича, отправленное 25 марта), Дэльгер, между прочим, пишет: «...Добавлю, что я получил от Лорана ответ, который, к сожалению, в деле с печатями Лихачева снова не очень ободряющ. Положение вещей здесь тоже значительно запутаннее, чем можно признать на первый взгляд. Короче: Лоран предпринимает издание печатей по поручению Французской Академии (*Collège de France*)⁷ и вообще ничего не может делать от себя. Он говорит, что правильнее было бы Вам обратиться непосредственно к Французской Академии (*Coll. de France*). Поскольку печати должны публиковаться по "фондам", у Лорана еще вдоволь

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Имеется в виду статья: *Lichacev N. P. Le sceau du patriarche Ignace // Annuaire de l'Inst. de philologie et d'histoire Orientales. T. 3. Bruxelles, 1935. P. 303–310.*

⁶ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 62. Л. 28.

⁷ Дэльгер допускает неточность, отождествляя два разных учреждения: Французскую академию наук и Коллеж де Франс. Лоран работал по поручению второго.

времени, чтобы обождать; впрочем, он, по-видимому, очень хорошо снабжен русским материалом, в том числе соответствующими очень редкими и дорогими трудами. Л[оран] пишет, что о сотрудничестве с г-ном Л[ихачевым] или с Вами потому еще у него не может быть речи, что 1) число обработанных или сфотографированных им печатей вдвое больше того, что могли бы ему предложить Вы, и он сомневается, что Эрмитаж владеет 5-ю тысячами византийских печатей; 2) он знает наперед, что Collège de France, при весьма различной точке зрения отдельных кругов, не примет во Франции какого-либо сотрудника из России; Милле, как обычно в своей манере, просто оставит без ответа подобные неприятные для него запросы и предложения; 3) для него же (Лорана) гораздо лучше, если лихачевская рукопись с таблицами будет напечатана (очевидно, в России. — *И. М.*), чтобы затем он смог использовать ее в полном издании, окончание которого следует ожидать только лет через семь. Вот что он может только сделать, так это закупить, скажем, клише для печатей. Лоран полагает, что было бы очень хорошо, если бы Вы смогли появиться на следующем [византиноведческом. — *И. М.*] конгрессе, с тем чтобы можно было обсудить все эти вещи...»⁸

Как видим, французский ученый весьма скептически оценивал как перспективы франко-русского сотрудничества, так и возможности рус-

⁸ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 62. Л. 29: «...Bescheid, der nun leider wiederum auch in der Angelegenheit Lichacev-Siegel nicht sehr ermutigend ist. Die Dinge liegen hier auch viel verwickelter als man auf den ersten Blick erkennen kann. Kurz gesagt: Laurent unternimmt die Herausgabe der Siegel im Antrage der Französischen Akademie (Collège de France) und kann von sich aus überhaupt nichts tun. Er sagt, das Richtige wäre, wenn Sie sich direkt an die Franz. Akademie (Coll. de France) wendeten. Da die Siegel nach «Fonds» publiziert werden sollen, hat Laurent reichlich Zeit abzuwarten, ist übrigens mit dem russischen Material anscheinend sehr gut versehen, auch mit den sehr seltenen und teuren einschlägigen Schriften. L. schreibt, dass eine Mitarbeit von Herrn L[ichacev] oder Ihrerseits deshalb für ihn nicht in Frage komme, weil 1) die Zahl der von ihm bearbeiteten oder photographierten Siegel das Doppelte betrage von dem was Sie ihm anbieten könnten, und er bezweifle, dass die Ermitage 5000 byzant. Siegel besitze, er wisse 2) im voraus, dass das Collège de France bei der sehr verschiedenen Einstellung der einzelnen Kreise in Frankreich einen Mitarbeiter aus Russland nicht annehmen werde; Millet werde, wie das seine Art sei, solche ihm unangenehmen Anfragen und Anträge einfach ohne Antwort lassen; 3) es sei ihm (Laurent) viel lieber, wenn Lichacevs Manuskript mit den Tafeln gedruckt würde, damit er es dann für das Sammelwerk, dessen Vollendung erst in 7 Jahren zu erwarten sei, verwenden könne. Was er allein tun könne, sei, dass er etwa die Klischees zu den Siegeln kaufe. Laurent meint, es wäre sehr gut, wenn Sie auf dem nächsten Kongress erscheinen könnten, um diese Dinge zu besprechen...»

ских ученых как партнеров (если, конечно, Дэльгер не исказил несколько его точку зрения, что маловероятно). Особенно поражает его легкомыслие в вопросе о наличии в Эрмитаже столь крупной коллекции византийских моливдовулов (на самом деле она еще крупнее и насчитывает ныне свыше 12 тысяч печатей⁹). По-видимому, Бенешевич в известном нам письме непосредственно к Виталиену Лорану постарался расставить все точки над «i», так как в ответном пространном письме к Бенешевичу от 17 августа 1937 г. Лоран, между прочим, касается и этого дела, причем в несколько ином тоне: «...Не знаю я, — пишет он, — как решить проблему с печатями. Коллеж де Франс не расположен обсуждать ее до получения официальных заверений в том, что его просьба будет уважена; во-вторых, мне дано указание не передавать никакой просьбы о муляже или о фотографии до получения предварительного документа (во французском тексте употреблено немецкое слово *Vorfaktur*. — *И. М.*)! Это тупик в конце пути, который до сих пор был быстрым и легким. Если бы речь шла только о горстке свинца, я бы утешился, но 5 тысяч! Это чересчур для неминуемых *Beiträge*! Если бы я по крайней мере мог себя тешить возможностью ознакомиться с этими сокровищами на месте!»¹⁰

Не совсем понятна роль, которая отводилась в этом сигиллографическом проекте непосредственно В. Н. Бенешевичу. Думается, что она мыслилась как чисто вспомогательная или, скорее, как роль своеобразного «душеприказчика» Н. П. Лихачева: чувствуя близкий конец, престарелый и больной ученый доверил своему более молодому другу (разница в возрасте 12 лет!) довести дело своей жизни до конца, не догадываясь, очевидно, что кандидатура была не очень подходящей (дамоклов меч репрессивной системы снова зависал, уже над Бенешевичем), или, скорее всего, просто не имея выбора. Как бы то ни было, рукописи главнейших неопубликованных работ академика прошли через руки Бенешевича, фактически сохранены им. Это явствует, в частности, из переписки

⁹ Шандровская В. С. Византийские печати в собрании Эрмитажа. Л., 1975. С. 6.

¹⁰ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 208: «...Je ne sais comment résoudre l'affaire des Sceaux. Le Collège de France n'est pas disposé à traiter avant d'avoir reçu des assurances formelles que sa demande sera agréée; en second lieu, consigne m'est donnée de ne passer aucune demande de moulage ou de photographie avant réception d'une *Vorfaktur*!! C'est une impasse, au bout d'une course qui jusqu'ici avait été rapide et aisée. S'il ne s'agissait que d'une poignée de plombe, je me consolerais, mais 5 mille! C'est trop pour les immanquables *Beiträge*! Si du moins je pouvais me flatter de pouvoir consulter ces trésors sur place!»

В. Н. Бенешевича с директором Центрального литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевичем. Так, письмо Бенешевича от 26 сентября 1937 г. гласит: «Глубокоуважаемый Владимир Дмитриевич, Не дал я Вам вчера (при личной встрече? — *И. М.*) ответа еще на один вопрос: “не имеются ли подобные рукописи, которые замерзли в последнее время и не изданы?” Есть такие и у меня, но требуют восстановления после несчастий с ними, а есть и среди работ Н. П. Лихачева весьма замечательная и совсем готовая к печати: “Материалы для истории византийской и русской сфрагистики” часть III, куда входят:

Часть I:	Сфрагистика Вел[икого] Новгорода	170 лл. + 167 кл.		
1.	Печати В[еликого] Новг[орода]	лл. 1–87	клише	1–67
2.	“ посадн[иков] и тыс[ячных]	лл. 82–127	клише	68–129
3.	“ новгор[одских] концов	лл. 82–127	клише	130–138
4.	“ “ тиунов	лл. 128–132	клише	139–162
5.	Иностр[анные] печати и пломбы в В[еликом] Новг[ороде]	лл. 133–157 лл. 158–170	клише	163–167
Часть II.	Печати наместников Новоторжск[их]	11 стр.	+	13 кл.
” III.	“князей Тверск[их]	11 стр.	+	13 кл.
” IV.	“металл[ические] в[еликих] князей и царей Моск[овских]	41 стр.	+	36 кл.
” V.	“вел[иких] князей Моск[овских] и князей удельн[ых]	59 стр.	+	85 кл.
” VI.	История образования госуд[ар- ственной] печати Моск[овского] го- сударства XV–XVI вв.	145 стр.	+	85 кл.
” VII.	Красно-воск[овая], т. наз. “кормле- ная” печать, бывшая при Иване III и Василии III	27 стр.	+	22 кл.
” VIII.	Печати старейших иерархов Мос- к[овского] гос[ударства]	81 стр.	+	77 кл.
” IX.	“под бумажкой «кустодии»	7 стр.	+	5 кл.

Всего 170 лл., 382 стр., 503 клише

Вышли вып. I¹¹ и II этих же “Материалов”, но вып. II уничтожен, осталось, кажется, в Архиве АН чуть ли не 150 экз.; а выпуск этот заме-

¹¹ См. издание: *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды Музея палеографии. Вып. 1. Т. 1. Л., 1928. 175 с.

чательный, имеет руководящее значение и в таких вопросах, где западно]европейцы работали долго и с успехом. Над ним Лихачев долго трудился с помощью А. В. Орешникова¹², хорошо бы дать ход и этому вып[уску].

Для добывания же труда о виз[антийских] печатях, исчезнувшего в результате обыска 5. IX, хорошо было бы сделать так. Пусть АН (или Вы?) напишет мне предложение выдать находящийся у меня труд Н. П. Лихачева о виз[антийских] печатях, необходимый АН для скорейшего издания. Я обращусь тогда в НКВД с просьбой о выдаче мне моих мат[ериалов] и кн[иг], приложив бумагу АН. Что будет правильно, и удобно, и быстро. Впрочем, конечно, Вам виднее, что лучше.

Если бы оказалось, что оригинал пострадал, то можно его восстановить. Очень прошу Вас держать меня в курсе дела, а я буду всегда рад Вам служить и по мере и сверх сил, пока жив.

Плохо мне придется от Орбели, сами увидите. Не считайте дело выигранным до тех пор, пока не увидите подписанным к печати последний лист! Все время держите его в руках, иначе не пойдет! Оно ведь было уже в АН, прошло разные муки, и наследники рады, что получили его обратно¹³. С сердечным приветом искренне преданный Вам В. Бенешевич»¹⁴.

По-видимому, В. Д. Бонч-Бруевич не удовлетворился представленной информацией и попросил уточнить некоторые детали, что Бенешевич и делает письмом от 6 октября 1937 г.: «Многоуважаемый Владимир Дмитриевич! Отвечаю на Ваше (несохранившееся? — И. М.) письмо немедленно по пунктам. Рукописи Лихачева до сих пор не имею. Может быть, она находится у меня же в комнате в одном из запечат[анных] шкафов, но 3 октября я вторично обратился в НКВД с просьбой об открытии шкафов и пока жду результатов своего обращения¹⁵. Поэтому впредь до открытия шкафов не стоит ее искать среди унесенных из комнаты. Внешний вид ее: завязана в бумагу с надписью: «работа Н. П. Лихачева», а заглавие ее точно не помню, вроде:

¹² О теснейших дружеских и деловых связях Н. П. Лихачева с заведующим отделом нумизматики Исторического музея А. В. Орешниковым (1855–1933) см.: *Зубова Н. Л.* Письма Н. П. Лихачева к А. В. Орешникову (1917–1922) // *Река времен.* Кн. вторая. М., 1995. С. 155–191.

¹³ Не совсем ясна роль академика И. А. Орбели, в то время уже бывшего директором Эрмитажа, в этом деле. Почему же именно его должен был опасаться В. Н. Бенешевич?

¹⁴ РГБ. Ф. 369. Карт. 239. Д. 9. Л. 33–34 об.

¹⁵ «Результат» не замедлил последовать: 27 ноября В. Н. Бенешевич снова был арестован.

“Описание византийских печатей Альбома Н. П. Лихачева”¹⁶. Повторяю на всякий случай, что этот альбом, т. е. все таблицы, готовы, да и клише к ним есть или в Институте истории АН или в Институте археоло[гии] (бывш[ей] ГАИМК).

Рукопись “Матер[иалов]”, вып. III, находится у наследников Л[ихаче]ва и доступна для обозрения здесь всегда; а если Вы хотите к себе, то Геннадий Ник[олаевич] Л[ихачев]¹⁷ придет сюда в ноябре и, едуци отсюда, может привезти Вам. Конечно, это очень нескоро выходит, но наследники боятся пересылать не через надежного человека¹⁸.

Клише все сделаны и здесь. Вып. II Матер[иалов] у меня нет, так как ведь он был уничтожен. В свое время ответили Н. П. Лихачеву официально из АН, что вып[уска] нет, а в самой АН секретарь РИСО Гиппиус-Покровская мне лично сказала в 1933 г., что этот вып[уска] Лихачева, мой 1-й вып. II-го тома “Др[евне]слав[янской] Кормчей”¹⁹ и др. издания уничтожены; кто-то мне, однако, сказал, что сохранено 150 экз. III (надо: II. — И. М.) вып. “Материалов” Л[ихачева], и они сданы в Архив АН; оттуда, значит, Вы и можете получить <...>. С глубоким уважением В. Бенешевич²⁰.

Да, жаль. Все эти работы могли быть уже давно опубликованными, не вмешайся в это дело потусторонние силы. Мне не известно, проводил ли Николая Петровича в последний путь на Смоленское кладбище В. Н. Бенешевич. Но факт, что именно ему пришлось оповещать уче-

¹⁶ Точное название такое: «Сфрагистический альбом. Часть II: Моливдовулы греческого Востока (Таблицы LVIII–LXXXIII, для сопоставления с русскими металлическими печатями)». По-видимому, речь идет о той многострадальной рукописи, которая, в конце концов отложившись в фонде Н. П. Лихачева (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 246. Оп. 1. Ед. хр. 153–155.), трудами В. С. Шандровской была опубликована в 19-м томе «Научного наследия» к XVIII Международному конгрессу византистов: *Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. 358 с.*

¹⁷ Сын Н. П. Лихачева. Из письма явствует, что и после смерти Н. П. Лихачева В. Н. Бенешевич находился в тесных отношениях с семьей ученого («наследниками», как он предпочитает выражаться).

¹⁸ Рукопись и поныне хранится в фонде Н. П. Лихачева: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 246. Оп. 1. Д. 123.

¹⁹ Сохранившиеся рукопись и корректуры позволили опубликовать этот труд уже в наше время. См.: Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований: Труд В. Н. Бенешевича. Том второй / Подготовлен к изданию и снабжен дополнениями Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым и Я. Н. Шаповым. Под общим руководством Я. Н. Шапова. София, 1981. 331 с. Может быть, такая же судьба ждет и II выпуск «Материалов» Н. П. Лихачева? Хотелось бы надеяться.

²⁰ РГБ. Ф. 369. Карт. 239. Д. 9. Л. 35–36 (автограф).

ный мир об утрате²¹. Тот же Франц Дэльгер письмом из Мюнхена от 23 апреля 1936 г. (Бенешевич пометил как обычно: «получ. 12.V.36») извещает, что с глубокой печалью узнал из полученной от Бенешевича открытки о смерти Н. П. Лихачева, и добавляет: «Ушел из жизни еще один из самых лучших византинистов России, и мы с тревогой наблюдаем, что великая русская византистика теряет из своих рядов одного [представителя] за другим, в то время как новые силы не подрастают»²². Узнав из письма В. Н. Бенешевича от 27 апреля 1936 г. о намерении последнего написать для «*Byzantinische Zeitschrift*» некролог о Лихачеве, Дэльгер (редактор этого журнала) шлет ему из Мюнхена письмо от 16 мая 1936 г. со словами: «Спасибо за сведения о Лихачеве. Было бы лучше составить некролог размером не больше одной страницы (в своих многочисленных письмах к Бенешевичу Дэльгер постоянно жалуется на нехватку места в журнале из-за ограниченного объема. — И. М.) и только о собственно византийском в творчестве Лихачева — для следующего выпуска *Byzantinische Zeitschrift*. Если это Вам по каким-то причинам не подходит, то я был бы готов взять на себя составление статьи, при условии, что Вы мне сообщите еще некоторые данные о византийских аспектах творчества Лихачева»²³.

Ясно, что Бенешевич воспользовался именно этим последним предложением Дэльгера, так как после двукратного объявления и переобъявления о некрологе²⁴ последний, наконец, появился в первом выпуске 37-го тома «*Byzantinische Zeitschrift*» за 1937 г., причем за подписью «F. D.»²⁵. Именно об этом некрологе Н. П. Лихачеву упомянул М. В. Левченко в своей погромной речи в адрес В. Н. Бенешевича на печально достопамятном заседании кафедры истории средних веков ЛГУ

²¹ Впрочем, сначала ему пришлось опровергать преждевременно появившиеся в Европе слухи о смерти Николая Петровича. Так, еще в 1928 г. в письме к Бенешевичу из Брюсселя болландист П. Петерс, смущенно оправдываясь и забавно вставляя во французский текст русские слова и выражения, пишет: «L'erreur que j'ai commise au sujet de Н. П. Лихачев est de celles que l'on est tout particulièrement heureux et joyeux de reconnaître et de rétracter. Si j'avais l'honneur de connaître Н. П. je m'excuserais auprès de lui, что его преждевременно отпел» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 144. Л. 1).

²² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 62. Л. 1: «Wieder ist einer der besten Byzantinisten Russlands dahingegangen und wir sehen mit Besorgnis, dass die grosse russische Byzantinistik einen nach dem anderen aus ihren Reihen verliert, ohne dass neue Kräfte nachwachsen».

²³ Там же. Л. 30.

²⁴ *Byzantinische Zeitschrift*. 1936. Bd. 36, H. 1. S. 288; H. 2. S. 544.

²⁵ *Ibid.* 1937. Bd. 37, H. 1. S. 284–285.

10 октября 1937 г. «Недавно в немецком “Византийском Временнике”, — сказал он, имея в виду “Byzantinische Zeitschrift”, — по поводу смерти Лихачева был помещен некролог, где потоками грязи обливался Советский Союз, где писалось, что Лихачев работал в невероятных условиях и от тяжести их умер»²⁶. Под «потоками грязи» понималась, очевидно, заключительная фраза некролога, которая в моем не очень-то изящном переводе звучит так: «То, что с кончиной этого замечательно-го ученого наполняет нас особенной скорбью, это не только сознание особо болезненной утраты личностного характера, но и тот факт, что с Лихачевым от нас ушел один из последних ученых мужей нынешней России, которые в невероятных условиях и почти сверхчеловеческим усилием продолжали нести дальше факел европейской науки; правда (и это то, что заставляет нас смотреть в будущее с величайшей тревогой), на том месте, где этот борец вынужден был, побежденный смертью, выпустить из рук этот факел, не видно никого, кто бы подхватил его»²⁷. Догадывался ли Левченко, что подлинным автором некролога был В. Н. Бенешевич? Думаю, это не исключается (иначе зачем было вспоминать о Лихачеве, ведь экзекуции подвергался Бенешевич), но предосторожность Дэльгера оказалась не лишней, хотя и не решающей в судьбе Бенешевича.

Сохранился и русский вариант составленного В. Н. Бенешевичем некролога Н. П. Лихачеву в несколько иной, по сравнению с немецким вариантом, редакции, но при наличии несомненных общих мест (датован 5 сентября 1936 г.)²⁸. Слова этого проникновенного и трогательного в своих подробностях некролога «сегодня читаются и как грустная эпитафия, и как мнение друга и коллеги по республике ученых, и как характеристика времени, но в то же время как эпитафия и завещание»²⁹. Это был единственный некролог великому труженику науки, да и опуб-

²⁶ Архив СПбГУ. Ф. 1. Оп. 1. Связка 8. Д. 1606. Л. 22 (целиком документ см. ниже).

²⁷ Byzantinische Zeitschrift. 1937. Bd. 37, H. 1. S. 285: «Was uns beim Hinscheiden dieses vortrefflichen Gelehrten mit besonderer Trauer erfüllt, ist nicht nur das Bewusstsein eines besonders schmerzlichen Verlustes persönlicher Art, sondern die Tatsache, dass mit Lichačev einer der letzten Männer des heutigen Russlands von uns gegangen ist, welche mit fast übermenschlicher Kraft unter widrigsten Umständen, die Fackel der europäischen Wissenschaft weitergetragen haben; freilich — und das ist es, was uns mit grösster Sorge in die Zukunft blicken lässt: an der Stelle, wo dieser Kämpfer, vom Tode bezwungen, die Fackel aus der Hand legen musste, steht keiner, der sie aufnimmt».

²⁸ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 1. Д. 69. Л. 19–25.

²⁹ Климанов Л. Г. Н. П. Лихачев: Византиноведение в рукописном наследии ученого // Архивы русских византинистов С.-Петербурга. СПб., 1995. С. 181.

ликованным он смог стать лишь в наши дни³⁰. Самому Владимиру Николаевичу Бенешевичу писать некролог было уже некому.

Приведем в заключение тексты двух «ответных» писем Н. П. Лихачева к В. Н. Бенешевичу, сохранившихся в личном фонде последнего.

1. 20 октября 1933 г., г. Ленинград.

Дорогой Владимир Николаевич! Был рад получить от Вас письмо, но едва ли смогу сообщить Вам что-либо полезное для Ваших занятий в области *Melanchnoniana*. В Астрахани я побывал в двух поликлиниках и затем экспертной трудовой комиссией признан неспособным к работе и нуждающимся в присмотре за собою. Продолжительная почти полная неподвижность вызвала такое угрожающее развитие артериосклероза (и, между прочим, сосудов головного мозга), что я физически совершенно разваливаюсь. Чрезвычайная гипертрофия сердца, расширение аорты, испорченные почки и резко увеличенная печень. Вот мое состояние! Отлеживаюсь здесь понемногу, и мысли постепенно сосредоточиваются на старом. Воскресают научные интересы при сознании всей обстановки и своих сил!

Отдел Реформации у меня не был развернут в должной мере. Автографы деятелей этой эпохи и оригинальные издания времени первой четверти XVI века очень ценятся в Европе, и мои попытки завладеть тем или иным материалом большей частью не удавались. Отвечали или продано, или при аукционах. «Ваш лимит далеко превзойден!..»

По части печатных книг я пробовал использовать знаменитую библиотеку (*нрзб.*) (по аукционным очень хорошим каталогам), но получил сравнительно мало — всего несколько изданий. Из указанных Вами книг у меня только может быть несколько томов центурий. Среди автографов Меланхтон имеется в виде письма и в виде собственноручной копии его с чужого текста. Может быть, Вам что-нибудь и пригодилось бы при общем просмотре всех писем ученых XVI века, но вообще Реформация у меня была гораздо слабее отдела «Гуманистов» (Италия давала большую возможность приобретать!)...

Я бы хотел обратить Ваше внимание на тот картон архива Льва Алляция, который мною был временно положен в Публичной библиотеке для Дмитриевского³¹. Письма некоторых ученых, но особенно Гоара по пово-

³⁰ Бенешевич В. Н. Николай Петрович Лихачев: (Некролог) // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 441–443 (публикация Л. Г. Климанова).

³¹ См. о нем: Медведев И. П. Фонд Льва Алляция как источник по истории эллинизма в Западной Европе в XVII веке // Рукописные источники по истории западноевропейского Средневековья в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР: Археографический сборник. Л., 1982. С. 96–123.

ду Евхология, положительно заслуживали разработки. Первое издание Евхология у меня имелось, и, помнится, даже в двух экземплярах.

Не пишу ничего о сфрагистике. Невыразимо больно! Все спуталось безвозвратно! Преданный Вам Н. Лихачев.

Пользуюсь листком от старого письма. От старости эта бумага не выдерживает чернил!³²

II. 25 января 1936 г., г. Ленинград

Дорогой Владимир Николаевич! Успел сделать несколько выписок о книгах и статьях. Сердечное Вам спасибо! Знал, как Вам нужен этот уникальный экземпляр, возвращаю с благодарностью! Ваша записка в обработанном виде приобрела поразительную силу. Поздравляю.

Листок папируса VI века должен быть издан фотокопией в одном из итальянских журналов. Эти издания, думаю, могут найтись только в Эрмитаже, где много выписывали для О. Крюгера.

Сердечно Вам преданный Н. Лихачев³³.

³² Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 107, 4 л. Автограф, фиолетовые чернила. С пометой В. Н. Бенешевича: «получ. 26/X 33».

³³ Там же. Л. 3. Речь в письме идет о документе, которому посвящена неизданная, если не ошибаюсь, заметка В. Н. Бенешевича под названием «Eine verschollene Papyrusrolle von J. 553?» (Предназначалась для *Byzantinische Zeitschrift*?). Пользуясь случаем, публикую текст заметки: «P. Uspenski hat in seinem Tagebuch (Das Buch meines Lebens, V, 331) folgendes notiert: "Das ich nur ja nicht vergesse! Die griech. Bruderschaft von Venedig verwahrt eine grosse Papyrusrolle aus Ravenna. Auf derselben sind die Civilgesetze in J. 553 n. Chr. geschrieben. Dieses wertvolle Denkmal, vielleicht einzig in seiner Art, hat sich unversehrt erhalten. Leider habe ich es weder 1842 noch 1854 gesehen, weil ich von seiner Existenz nicht wusste". Vor etwa 35 Jahren habe ich mich bei der Geistlichkeit der Kirche S. Giorgio dei Greci in Venedig nach den griech. Hss erkundigt, deren Erwähnung ich damals in meinem Führer durch Venedig gefunden hatte, wurde aber schroff abgewiesen mit dem Hinweis, dass keine griech. Hss. in S. Giorgio vorhanden wären. Es fragt sich nun: 1) ist die von Usp. erwähnte Papyrusrolle vom J. 553 jemand bekannt bzw. sonst irgendwo erwähnt und je beschrieben worden? 2) sind die griech. Hss. in S. Giorgio dei Greci jemand bekannt geworden, nachdem O. Schissel's Verzeichniss der Kalaloge griech. Hss. (Graz 1924) erschienen ist? 3) wo wäre die wichtige Papyrusrolle sonst wenn nicht in S. Giorgio zu suchen? 22. VIII. 1935» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 87. Л. 369).

«ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН»: ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ*

«Всеї своей судьбой Бенешевич заработал право быть опубликованным до последней строчки». Эти слова академика А. А. Фурсенко, сказанные им на обсуждении одного из докладов автора этих строк, посвященного рукописному наследию В. Н. Бенешевича, запомнились мне, и в меру своих сил я старался сделать так, чтобы они не остались только словами¹. Здесь же хотелось бы лишь напомнить об откликах мировой общественности, вызванных стремлением властей расправиться с Бенешевичем, о попытках спасти его и о тщетности этих усилий.

1928 год для Владимира Николаевича Бенешевича оказался поистине роковым: вместо того чтобы баллотироваться на выборах в действительные члены Академии наук и заслуженно победить (соответствующее представление было сделано академиком Ф. И. Успенским, но с его кончиной 10 сентября 1928 г. В. Н. Бенешевич утрачивает своего могущественного и, пожалуй, единственного покровителя в академических кругах²), он — по-видимому, именно с целью недопущения этого — под надуманным предлогом был арестован 25 ноября органами ОГПУ и заключен в Соловецкие лагеря (обвинялся в «нелегальных связях» с русской научной эмиграцией, в частности с

* Опубликовано: Проблемы всемирной истории: Сб. статей в честь А. А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 72–82.

¹ Из серии моих публикаций о В. Н. Бенешевиче отмечу здесь следующие: *Медведев И. П.* 1) В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995. С. 339–381; 2) Урок Бенешевича // Византийские очерки. М., 1996. С. 187–205; 3) К истории изучения переводной новгородской письменности конца XV столетия // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Т. 6 (16). С. 165–174; 4) О неосуществленном проекте В. Н. Бенешевича по изданию корпуса источников византийского права (по неопубликованным данным) // ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 249–272; 5) Неопубликованные материалы В. Н. Бенешевича по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 574–611.

² См. об этом: *Медведев И. П.* Научное творчество В. Н. Бенешевича в оценке Ф. И. Успенского (по случаю представления в академики на выборах 1927–1929 года) // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 155–172.

«контрреволюционной организацией Евразийцы», с польской миссией, с Ватиканом³).

Двойственное чувство испытываешь, знакомясь ныне с материалами следственного дела В. Н. Бенешевича (хранится в архиве Управления ФСБ Российской Федерации по С.-Петербургу, д. П-39295, ранее д. № 300⁴). С одной стороны, все эти пространные монологи-«показания» ученого, записанные рукой следователя Рудовского или, чаще, рукой самого В. Н. Бенешевича, содержат богатейший и интереснейший материал о научной работе В. Н. Бенешевича в зарубежных архивах и библиотеках, о его творческих планах и особенно — о его научных и дружеских контактах с отечественными и зарубежными коллегами. В каком-то смысле, как это ни странно звучит, ему «повезло» со следователем, ибо Рудовский давал ему возможность высказаться, отнюдь не принуждая его «не отклоняться от темы»; создается даже впечатление, что ему было интересно обо всем этом услышать. Не менее интересен и пространный акт заключительного обвинения, составленный Рудовским, с обширными цитатами из изъятой при обыске и ныне утраченной (в значительной своей части) переписки ученого («вешдоки»!). А с другой стороны — завораживает зловеющий смысл того, ради чего все это делалось, когда абсолютно нормальные с точки зрения ученого, осуществлявшего интенсивную творческую деятельность, контакты с зарубежными коллегами (к тому же восходящие еще к дореволюционным временам) объявляются криминальными, из искреннего повествования ученого на допросах о его жизни делаются, с помощью подтасовки фактов⁵, совершенно им не соответствующие выводы, и в результате

³ Все это дело, получившее позднее продолжение в так называемом академическом деле, сам Бенешевич в письме к В. Д. Бонч-Бруевичу от 6 мая 1933 г. заклеил как «ни на чем не основанную мистификацию», его инициаторов — как мистификаторов-громил, а обвинения ему в евразийстве и в принадлежности к агентуре Ватикана — как соответственно «идиотство» и «идиотство в квадрате» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 2. Л. 4).

⁴ При ознакомлении с делом мы пользовались его ксерокопиями, полученными недавно Российской национальной библиотекой и хранящимися в ее архиве. Благодарю сотрудников архива за предоставленную возможность ознакомиться с ксерокопиями.

⁵ Иногда эта подтасовка имеет анекдотичный характер. Один только случай: ссылаясь на письма «главы евразийцев» Г. В. Вернадского к В. Н. Бенешевичу, следователь делает вывод о том, что последний «думал заручиться поддержкой евразийцев при своем устройстве за границей», и продолжает: «Для этой цели Вернадский предпринял некоторые шаги в Афинах на предмет назначения Бенешевича на университетскую кафедру в Салониках. Бенешевич в своих

следователь ходатайствует перед Коллегией ОГПУ о «заключении Бенешевича в Соловецкий лагерь особого назначения сроком на десять лет» (Особое совещание при Коллегии ОГПУ, впрочем, по каким-то, не поддающимся моей проверке соображениям постановило: «Бенешевич (sic!) Владимира Николаевича заключить в концентрационный лагерь, сроком на ТРИ года. Дело сдать в архив»⁶).

Арест и осуждение В. Н. Бенешевича не вызвали особого ажиотажа, но имена тех немногих деятелей мировой науки, которые выступили в его защиту, поражают. Так, в деле содержатся копии обращений к членам советского правительства двух нобелевских лауреатов, имена которых не нуждаются в представлении: норвежского полярного исследователя и общественного деятеля Фритьофа Нансена (1861–1930) от 7 ноября 1929 г.

показаниях (дело), л. 82, 86) отрицает это, хотя первоначально сознался, и утверждает, что речь шла не о нем, а о некоем (sic!) В. Н. Златарском — профессоре Софийского университета в Болгарии. В письме же от 3 августа 1926 г. Вернадский пишет: «У Венса (sic!) я был сегодня и на днях буду еще. Он полон лучших чувств и намерений по отношению к Вам и просил Вам передать, что не пишет, пока не определился окончательно, но все время следит за Вашими интересами. Назначение В. Н. в Салоники на кафедру славянской филологии было уже устроено, об этом было даже в газетах, но затем была смена министерства и открытие этой кафедры может теперь и затянуться <...> Если же почему бы то ни было (мало ли что бывает) В. Н. не принял бы этого назначения, очень прошу его (в этом случае) рекомендовать Венсу меня на эту кафедру...» В письме от 7 августа 1926 г. Вернадский сообщает: «Венс еще повторял, что он будет следить за Вашим делом...» (вещ. доказ. письмо № 7е). Венс — вероятно, чиновник министерства, от которого зависят университетские назначения. Фамилия Венса в справочнике «Minerva» не значится» (Обвинительное заключение. С. 122).

Еще бы ей там значиться, если никакого Венса никогда не существовало, а имеется в виду известный греческий ученый-византист Никос Веис (1883–1958), давнишний друг, коллега и корреспондент В. Н. Бенешевича, основатель журнала «Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher», в котором В. Н. Бенешевич много публиковался. Да и под инициалами «В. Н.» следует понимать, конечно, не Владимира Николаевича Бенешевича (зачем бы это Вернадскому в письме к Бенешевичу называть того в третьем лице), а именно выдающийся болгарский славист Василий Николаевич Златарский (ум. 1935), с которым Бенешевича связывали давние узы дружбы и научного сотрудничества. Безобидный эпизод во взаимоотношениях четырех ученых с мировыми именами превратился, по фантазии следователя, в «страшное преступление» одного из них.

⁶ Архив Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области. Д. П-39295. Л. 132 (концовка обвинительного заключения ст. уполномоченного Рудовского, с резолюциями «Согласен» нач. СОУ Домбровского и «Утверждаю» ПП ОГПУ в ЛВО Мессинга). Л. 133 (выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 14 июня 1929 г.).

к М. М. Литвинову, который в то время был главой советской делегации в Подготовительной комиссии к Конференции по разоружению в Женеве, и всемирно известного физика-теоретика, создателя общей и специальной теории относительности Альберта Эйнштейна (1879–1955) (между прочим, почетного члена Академии наук СССР с 1927 г.) от 31 июля 1929 г. к А. В. Луначарскому, в то время наркому просвещения.

Привожу тексты этих двух писем-обращений.

Фрицьоф Нансен — М. М. Литвинову⁷

Копия

Лизакер, 7 октября 1929 г.

Многоуважаемый господин Литвинов,

Я снова должен просить у Вас прощения за беспокойство. Дело касается профессора Ленинградского университета В. Бенешевича. 25 ноября 1928 г. он был арестован и после 7 месяцев заключения приговорен к трем годам принудительных работ в Соловцах (sic!). Он весьма слабого здоровья, и сомнительно, сможет ли он долго там выдержать. Я не знаю, за что он арестован, но так как он весьма заслуженный деятель наук, то разрешаю себе спросить, не было ли бы возможно выслать его из России. В течение многих лет он был профессором православного церковного права в Ленинграде, каковая специальность естественно связана с византизмом (sic!). По сообщенным мне сведениям, он имеет в обеих этих отраслях весьма большие заслуги и удостоился в Европе целого ряда почестей, между прочим, избрания членом Баварской⁸, а недавно также Русской (sic!) Академии наук⁹. В случае, если он будет

⁷ Там же. Л. 139 (публикуется по копии русского перевода с немецкого оригинала, который, по крайней мере в ксерокопиях РНБ, отсутствует. Есть ли он в подлиннике дела, мне неизвестно).

⁸ На заседании 19 февраля 1927 г. Диплом («München, im März 1927») хранится в архивном фонде ученого (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 104. Л. 11).

⁹ Надо, конечно, Прусской (т. е. Берлинской) академии наук. В бумагах ученого хранится три экземпляра печатного, на латыни, диплома о его избрании членом-корреспондентом Прусской АН (socium Epistolarem Academiae Borussiae), датированного 30 мая 1929 г. (datum Berolini die XXX. Maii anno MCMXXIX). См.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 104. Л. 8–10. Как пишет И. Ирмшер, «избрание в Берлинскую академию было единогласным. Предложение об избрании составил профессор немецкого и церковного права Ульрих Штутц. Под ним поставили подписи юрист Эрнст Гейман, египтолог Эрман, историки древности Эд. Мейер и Вилькен, филологи-классики Норден и Вилламовиц <...> необычно большое число членов Академии» (Ирмшер И. Русские исследователи античности в Берлинской академии // ВДИ. 1967. № 2. С. 122).

выслан из России, он сможет, вероятно, содержать себя и свою семью научной работой где-нибудь в Европе.

Глубоко уважающий Вас Фритьоф Хансен.

Копия верна:

Сотрудник Управления АФБ РСФСР по С.-Петербургу и области
Н. Е. Башун.

11 декабря 1991 г.

Альберт Эйнштейн — А. В. Луначарскому¹⁰

Albert Einstein.

Vertraulich. Kopie.
Berlin, V. 31/VII. 29
Haberlandstr. 5.

Herrn Volkskomissar Lunatscharski, Moskau.

Hoch geehrter Herr Lunatscharski,

Ich erlaube mir, an Sie zu schreiben in einer wichtigen Angelegenheit. Vor einiger Zeit ist der bedeutende und angesehene russische Gelehrte Wladimir Beneschewitz aus Leningrad zur Deportation verurteilt worden, einer Strafe, welche der Betroffene nach dem Urteil hiesiger Gelehrter, welche die Umstände näher kennen, kaum dürfte überstehen können. Die hiesige Akademie der Wissenschaften, welche Herrn Beneschewitz aus rein wissenschaftlichen Motiven schätzt, hat sich schon ohne Erfolg um seine Begnadigung bemüht. So versuche ich es hier noch einmal auf inoffiziellen Wege.

Herr Beneschewitz ist dadurch in sein Unglück gekommen, dass er sich dadurch wissenschaftliches Material verschaffte, dass er Beziehungen zu einem Prälaten des Vatikans unterhielt. Mit diesen verfolgte er aber nur rein wissenschaftliche Zwecke. Nicht nur vom Standpunkte der reinen Wissenschaft, sondern auch von dem des Ansehens und der Sympatie gegenüber der Soviet-Regierung wäre eine Begnadigung des Gelehrten hoch erfreulich. Meine Bitte geht dahin, Sie möchten sich persönlich für dessen Begnadigung einsetzen.

Mit aller Hochachtung und besten Wünschen

Ihr A. Einstein.

¹⁰ Копии с немецкого оригинала письма Эйнштейна и с его русского перевода также содержатся в: Архив Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области. Д. П-39295 (листы не пронумерованы, находятся в конце дела).

Перевод

Альберт Эйнштейн
Совершенно секретно. Копия.
Берлин, V. 31. VII. 29 г.
Хаберландштр. 5.

Господину Народному Комиссару Луначарскому, Москва.

Высокоуважаемый г-н Луначарский!

Я позволяю себе обратиться к Вам по чрезвычайно важному поводу. Несколько времени назад известный, уважаемый русский ученый Владимир Бенешевич из Ленинграда был присужден к ссылке (sic!), — наказание, которое упомянутый ученый, по мнению наших ученых, хорошо знакомых с обстоятельствами этого дела, не заслужил. Здешняя Академия наук, которая ценит г-на Бенешевича по чисто научным мотивам, уже ходатайствовала о его помиловании¹¹, но безуспешно. Поэтому я снова пытаюсь добиться помилования его неофициальным путем.

Г-на Бенешевича потому постигло несчастье, что он в получении научного материала поддерживал отношения с одним прелатом в Ватикане¹². Но эти отношения имели целью лишь чисто научные интересы.

¹¹ Из этих слов явствует, что Берлинская академия наук входила с официальным ходатайством о помиловании своего члена-корреспондента. Где-то ведь оно должно сохраниться.

¹² Речь идет, конечно, о префекте Ватиканской библиотеки, кардинале Джованни Меркати, с которым (и с его братом, профессором Института восточных исследований в Ватикане Сильвио Джузеппе Меркати) В. Н. Бенешевича связывали давнишние научные и дружеские связи. Сохранившиеся после изъятия у Бенешевича их переписки письма Сильвио Меркати (Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 192. Оп. 1. Д. 119. Л. 269–272 об.; Оп. 2. Д. 115; Оп. 2. Д. 119) действительно свидетельствуют о весьма интенсивном их общении, обмене научными материалами (фотографиями греческих рукописей, книгами и т. д.). В бумагах Бенешевича сохранился любопытный документ — черновик его приветствия на торжественном заседании Общества любителей древней письменности по случаю 50-летия Общества от имени Ватиканской библиотеки (датирован 27 декабря 1927 г.). Пользуясь случаем, считаю целесообразным опубликовать документ: «V(bibliotheca) Ap(ostolica) Vat(icana), старейшая в мире научная библиотека, с первых лет возникновения ОЛДП поддерживала с ним тесное научное общение, обмениваясь всеми своими трудами. Библиотека живо ощущает крепость давнишних отношений и при своем нынешнем префекте Mgr Giovanni Mercati, неусыпно и достойно хранящем многовековые научные традиции великого учреждения. Не имея возможности лично прибыть на торжество, Mgr Mercati поручил мне быть представителем Vat. Библиотеки на юбилей Общества. Исполняя это почетное поручение, от имени V. Ap. Vat., приношу ОЛДП поздравление к юбилею его полувековой научной деятельности, снискавшей ему

Помилование этого ученого было бы в высокой степени желательным не только с точки зрения чистой науки, но также и исходя из того уважения и симпатий, с какими он относится к советской власти. Я просил бы Вас о том, чтобы Вы лично ходатайствовали о помиловании г-на Бенешевича.

Примите уверения в глубоком почтении и мои наилучшие пожелания
Ваш А. Эйнштейн.

Копия верна:

Сотрудник Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области
А. Н. Евсеев

3 октября 1995 г.

Трудно сказать, от кого узнал о деле Бенешевича Фритъоф Нансен (наверное, «не дремал» именитый тесть В. Н. Бенешевича — академик Ф. Ф. Зелинский, проживавший в Варшаве). Что касается Альберта Эйнштейна, то он, скорее всего, это узнал от своего коллеги, неперменного секретаря Берлинской академии наук (также нобелевского лауреата) знаменитого физика-теоретика Макса Планка (1858–1947), а тот, в свою очередь, — «из первых рук», от жены В. Н. Бенешевича Аматы (Людмилы) Фаддеевны Бенешевич (1888–1967)¹³. В бумагах Бенешевича, хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива РАН, мною обнаружен черновой набросок письма А. Ф. Бенешевич к Максу Планку, которое гласит (в моем переводе с немецкого): «Планку. Высокочтимый Господин! Я только что получила Ваше ценное письмо от такого-то числа (sic!) (не сохранилось?! — *И. М.*) и от имени моего мужа преданно благодарю Вас за любезное сообщение. К сожалению, мой муж в настоящее время не в состоянии лично поблагодарить Вас за почетное избрание его членом-корреспондентом Вашей Академии, так как он с 24 ноября находится в предварительном заключении по политическому обвинению. При ближайшем посещении тюрьмы я сообщу ему об этом и убеждена, что это новое доказательство уважения коллег послужит ему в его нынешнем трудном положении особым утешением и ободрением»¹⁴.

славу и уважение как в русском ученой мире, так и в Европе, и выражаю пожелание, чтобы еще не одну полку пришлось отвести для будущих трудов Общества в гостеприимных залах Ватиканской Библиотеки» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 87. Л. 526–526 об).

¹³ О ее непростой судьбе см. интересный очерк: *Вольфцун Л. Amata mea // Звезда. 1997. № 4. С. 178–184; Петербургские чтения-97. СПб., 1997. С. 563–566.*

¹⁴ Архив РАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 13: «Planck'y. Hochgeehrter Herr! Ich habe soeben Ihren werten Brief vom такого-то числа (sic!) erhalten und danke Ihnen

От Аматы Фаддеевны узнал о беде В. Н. Бенешевича еще один именитый ходатай по его делу (и, в отличие от трех предыдущих, лично знавший нашего ученого) — академик Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), который обратился 26 июня 1929 г.¹⁵ к президенту Академии наук СССР академику А. П. Карпинскому с письмом следующего содержания.

Глубокоуважаемый Александр Петрович,

На днях я узнал от Л. Ф. Бенешевич, жены члена-корреспондента АН проф. В. Н. Бенешевича, что дело ее мужа окончено и он приговорен к трехлетнему пребыванию в концентрационном лагере.

Как друг покойного академика Ф. И. Успенского и как председатель КИЗ¹⁶, для которой член комиссии В. Н. Бенешевич предпринял — превращенное его арестом — издание старых (с конца XV века) математических русских неизданных текстов¹⁷, я обращаюсь к Вам с просьбой возбудить — из соображений государственной пользы и ввиду важных интересов науки — перед властью вопрос об откомандировании В. Н. Бенешевича в порядке отбывания наказания для научной работы в распоряжение Академии наук.

Согласно принципам государственного строя Союза и идеологии коммунистического мировоззрения, наказание, как наказание — возмездие

ergebens in Namen meines Mannes für Ihre liebenswürdige Mitteilung. Leider ist mein Mann gegenwärtig nicht in der Lage persönlich Ihnen für die ehrenvolle Wahl zum Korrespondierenden Mitglied Ihrer Akademie zu danken, da er sich seit dem 24 Nov. in politischer Untersuchungshaft befindet. Ich werde bei meinem nächsten Gefängnisbesuch ihm davon Mitteilung machen und bin überzeugt, dass dieser neue Beweis Kollegialer Wertschätzung ihm in seiner gegenwärtigen schweren Lage besonders tröstend und ermutigen sein wird. [следует зачеркнутое: Ich hoffe, dass seine völlige Schuldlosigkeit] Ich werde versuchen все насчет анкеты» (sic!) (без даты, без подписи). В правом верхнем углу листа рукой В. Н. Бенешевича помечено (простой карандаш): «Благодарность за избрание в Берл. АН».

¹⁵ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1963. Л. 1–4 об. (автограф, черновик, сверху первого листа помета синим карандашом: «Послано 26 VI 929»). Письмо опубликовано: *Вернадский В. И.* Из писем разных лет / Публ. С. Р. Микулинского // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 82–84.

¹⁶ КИЗ — Комиссия истории знаний АН СССР, создана по инициативе В. И. Вернадского в 1921 г., преобразована в 1932 г. в Институт истории естествознания и техники АН СССР.

¹⁷ Имеется в виду открытие В. Н. Бенешевичем древнерусского (1495 г.) перевода латинского трактата о времяисчислении одного из выдающихся литургистов XIII в. Вильгельма Дурантиса. См. об этом: *Медведев И. П.* К истории изучения переводной новгородской письменности конца XV столетия. С. 165–174.

и искупление за вину или за причиненный государству вред — не должно иметь места. Может идти лишь вопрос об изоляции данного лица, которая предупреждала бы проявление его вредной деятельности.

Форма этой изоляции может быть различная, и она согласно указанным принципам и идеологии должна согласоваться с интересами государственной пользы и целей, государственной властью поставленных. Очевидно, при том стихийно властном значении, какое в настоящий серьезный момент жизни Союза должно иметь в нем широкое научное творчество, интересы науки и научной работы в стране должны быть принимаемы во внимание как первостепенная задача государственного строительства.

С этой научной точки зрения должна быть — по сути дела — оценена деятельность В. Н. Бенешевича. Академия наук, высшая форма государственной научной организации в нашей стране, обязана — для пользы дела — представить власти свое об этом заключение.

Я знаю со слов моего покойного друга, академика Ф. И. Успенского, с которым я многократно об этом говорил и авторитетное мнение которого едва ли может серьезно оспариваться, что В. Н. Бенешевич является в настоящее время одним из самых крупных мировых ученых в области изучения былого византийской культуры — т. е. в огромной области истории на протяжении тысячелетнего существования Византийской империи и связанных с ней народов и государств. Все, что я слышал от других, работающих в этой области ученых — русских и иностранных, — вполне подтверждает эту оценку моего покойного друга. Мои сношения с В. Н. Бенешевичем в связи с его работой в нашей комиссии — В. Н. собирался выступить в ней с рядом докладов по истории науки в Византии — могли только убедить меня (уже скоро полстолетия неуклонно научно работающего и внимательно следящего за ходом научного творчества не только в области естествознания) в правильности этой оценки. Наконец, мы имеем объективные указания, которые должны серьезно быть приняты во внимание. Недавно, в 1927 или 1928 годах, В. Н. Бенешевич был избран членом Баварской Академии наук в Мюнхене, где сейчас, насколько знаю, сосредоточивается в большей мере, чем в других научных центрах Германии, работа по византиноведению. В прошлом году ему поручена этой Академией большая и ответственная работа по изданию источников византийского права, и его две большие работы — плод долголетнего труда — печатаются в Трудях этой Академии. К сожалению, тяжелые условия русского научного издательства не позволили им явиться здесь. Наконец, недавно, уже после ареста Владимира Николаевича, другая германская Акаде-

мия, мировое значение которой еще более Баварской, Прусская Академия наук в Берлине, выбрала В. Н. Бенешевича своим членом. Очень немногие русские ученые приняты сейчас в состав этих высших центров научной мысли Германии.

Мы не можем и не должны — даже с точки зрения государственных интересов нашей страны — относиться без внимания к этой оценке научного значения гражданина нашей страны. Она важна для нее объективно.

Надо принимать во внимание и то впечатление в научном международном общественном мнении, которое должно произвести направление в концентрационный лагерь члена нескольких академий (В. Н. Бенешевич, если не ошибаюсь, и член Греческой Академии наук в Афинах¹⁸) сейчас же после его избрания Прусской Академией наук.

Наша Академия обязана представить об этом государственной власти, учитывая особенно то, как социалистическое государство строит систему наказаний своих свершивших проступки граждан. Наказание есть для него вопрос целесообразности, и при его оформлении принимается во внимание только польза и интересы Союза, не абстрактные нормы права, регулирующего жизнь Западной Европы.

Мне кажется, что Академия не может остаться и по другим соображениям безучастной по отношению к В. Н. Бенешевичу. Она должна принять во внимание положение византиноведения в нашей стране. Об этом она обязана довести до сведения власти в связи с личностью В. Н. Бенешевича.

Здесь также я считаю себя нравственно обязанным оживить и напомнить те многократно за последние годы звучавшие в заседаниях Академии тревожные волнения и опасения покойного академика Ф. И. Успенского. Они не должны быть забыты в этот момент.

Сейчас положение науки о византийской культуре в нашей стране катастрофическое. Центры научной работы чрезвычайно ослаблены;

¹⁸ Неточность! 20 февраля 1927 г. В. Н. Бенешевич был избран почетным членом Афинского Общества византийских исследований ('Εταιρεία Βυζαντινῶν Σπουδῶν), см.: Архив РАН. СПб. филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 76. Л. 1 (уведомление от 23 февраля 1927 г. за подписью председателя Общества П. Д. Калогеропулоса и секретаря Ф. Кукулеса). Л. 2. (почетный диплом № 713 от 20 февраля 1927 г. за подписью тех же лиц). Л. 3–9 (печатный устав Общества). Кроме того, еще в 1912 г. В. Н. Бенешевич был избран почетным доктором (διδάκτωρ ἐπίτιμος) юридического факультета Афинского университета. Уведомление об этом (12 апреля 1912 г., греческий язык), подписанное А. Г. Монферратосом, см.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 104. Л. 18.

молодой прирост не имеет простора для развития; научные работники не имеют возможности для осуществления своего творчества. В стране нет крупных руководителей. В. Н. Бенешевич один из самых крупных, вернее, в настоящее время самый крупный.

А между тем многочисленные и теснейшие связи связывают историю нашей страны — во всех ее проявлениях — с византийской культурой. Мы не можем изучать и научно знать наше прошлое — а следовательно, и научно объективно понимать настоящее — без научно творческой работы в области византиноведения. Академия обязана об этом заботиться и должна употребить все силы и средства для сохранения в своей среде в форме работоспособной и научно активной одного из немногих, если не единственного, из мировых ученых в этой области, в пределах Союза оставшихся.

К тому же сейчас начинается расцвет научной работы в области изучения византийской культуры и переоценка в нем старого, давно известного. Новый лик прошлого открывается перед нами — и это должно сознательно переживаться нашей страной. Только в полном проявлении всех сторон научного творчества — наука, многогранная по существу, — может в нашей стране стать той большой творческой силой, какая сейчас так жизненно нам необходима. Ни одно звено без вреда не может быть выпущено.

Нельзя забывать, наконец, и того, что с правильной постановкой византиноведения связаны и менее крупные, но все же значительные государственные интересы, каковыми являются в данный момент, например, вопрос о возвращении константинопольского научного института и те интересы, которые связаны с работой Палестинского общества.

Кто у нас, достаточно авторитетный как византолог в мировой научной среде, будет это вести после смерти ак. Ф. И. Успенского?

Учитывая все это, я считаю, что АН должна представить власти, что было бы государству вредно и неправильно направлять В. Н. Бенешевича в концентрационный лагерь и что она должна ходатайствовать о направлении его — в порядке осуществления состоявшегося над ним приговора — к работе в распоряжение АН.

Должен отметить, что такие случаи уже были — и кажется, не один раз — в жизни Всеукраинской Академии наук в Киеве <...> В. Вернадский.

Нам неизвестно, отреагировала ли Академия наук должным образом на ходатайство В. И. Вернадского, но факт, что ни имена, ни титулы ходатаев¹⁹ не возымели действия. Напротив, В. Н. Бенешевич, который с его

обширными международными связями и нежеланием или неумением соблюдать «новые правила игры» во взаимоотношениях людей науки с властью был поистине находкой для «органов», не только отправляется на Соловки, но и «подключается» к новому широкомасштабному политическому процессу, так называемому Академическому делу, сфабрикованному в 1929–1931 гг. по указке Политбюро ЦК ВКП(б)²⁰. Возвращенный в Ленинград 28 февраля 1930 г., Бенешевич категорически отказывается признать свою причастность к мифическому монархическому союзу во главе с акад. С. Ф. Платоновым (Бенешевичу якобы отводилась в нем роль министра вероисповедания), но, ознакомленный с «показаниями» своих коллег, он в заявлении на имя следователя Рудовского от 14 апреля 1930 г. (автограф) пишет: «Теперь я хочу быть с ними с того времени, когда они стали считать меня в своем союзе, и разделить их судьбу»²¹. И снова бесконечные «беседы» с Рудовским, те же, в сущности, но «обогащенные» новыми подробностями, монологи и собственноручные записки, вставленные, однако, в иной квазикриминальный контекст, и осуждение — пять лет заключения в Ухта-Печорском «исправительно-трудовом» лагере.

Считается, что в 1933 г. В. Н. Бенешевич был освобожден досрочно по ходатайству небезызвестного В. Д. Бонч-Бруевича (1873–1955)²², своего давнего и влиятельного знакомого. К сожалению, в ксерокопиях следственного дела, с которыми удалось ознакомиться автору этих строк (в Библиотеке РАН, в архиве РНБ), такой документ отсутствует²³, но из

¹⁹ Имя В. Н. Бенешевича «было на устах» и других нобелевских лауреатов Так, Анни Гейзенберг, жена немецкого византиниста Августа Гейзенберга и мать физика-теоретика Вернера Гейзенберга, сообщает в письме от 21 декабря 1933 г. о том, что вернулась только что из Стокгольма, куда сопровождала своего гениального сына на церемонию вручения ему Нобелевской премии, и что в Стокгольме она разговаривала о Бенешевиче с «русским носителем Нобелевской премии» (с И. А. Бунным?) (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 46. Л. 4).

²⁰ Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1; 1998. Вып. 2.

²¹ Архив Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области. Д. П-65245. Т. 6. Л. 228. (Следственное дело известно нам по ксерокопиям, которые получены архивом РНБ.)

²² Например, так сказано в официальном документе — ответе начальника Управления КГБ СССР по Ленинградской области В. Н. Блеера от 23 марта 1989 г. на запрос Я. Н. Щапова от 11 февраля 1989 г. (благодарю Я. Н. Щапова за возможность ознакомиться с документом).

²³ В удостоверении Управления Ухто-Печорским лагерем № 63255 от 18 февраля 1933 г. сказано, что В. Н. Бенешевич, «осужденный 8 августа 1931 г. по ст. 58/11 на 5 лет, ввиду отбытия указанной меры соцзащиты (по зачету рабочих дней? — И. М.) из-под стражи освобожден» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 195. Л. 16а).

последовавшей за этими событиями переписки В. Н. Бенешевича и В. Д. Бонч-Бруевича нам известно, что последний сыграл решающую роль в вызволении Аматы Фаддеевны Бенешевич из заключения и в благополучном разрешении трудной проблемы с получением В. Н. Бенешевичем паспорта. В письме от 3 мая 1933 г. к С. М. Кирову Бонч-Бруевич пишет²⁴:

Председателю Ленинградского Облисполкома тов. Кирову.

Дорогой товарищ!

Предъявитель сего, Владимир Никол. Бенешевич, член Академии наук СССР, член Мюнхенской и Берлинской Академий наук, очень большой ученый в своей специальности, не получает паспорта на жизнь в Ленинграде вместе со своей семьей, очевидно, ввиду того, что был подвергнут высылке из Ленинграда.

Полагал бы, что В. Н. Бенешевич и его семье вполне можно было бы предоставить возможность жить в Ленинграде, так как он весь поглощен научными работами и постоянно нуждается в подлинниках рукописей различных веков и на различных языках, сохраняющихся в наших архивах и книгохранилищах. Он полон сил, энергии и несомненно на научном фронте сделает еще много полезных исследований.

Было бы очень хорошо, если бы Вы разрешили ему и его семье выдать паспорт.

Крепко жму Вашу руку.

С коммунистическим приветом

Влад. Бонч-Бруевич.

Именно В. Д. Бонч-Бруевичу, едва очнувшись после всех своих мытарств и с горечью сознавая: «Сношения ученые мои с заграницей едва ли можно возобновить, не рискуя навлечь подозрений и неприятностей», В. Н. Бенешевич тем не менее заявляет: «Заграница мне необходима, как воздух, и писать туда я должен и буду; мало того: я должен поехать туда»²⁵. И он пишет, извещая всех своих зарубежных коллег о своем возвращении к активной научной деятельности и получая в ответ многочисленные письма с выражениями искренней радости и облегчения от тревоги за судьбу Бенешевича²⁶.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 33. Л. 2 (машинописный отпуск с пометой: «Подпись красными чернилами»).

²⁵ Там же. Л. 10–10 об.

²⁶ Такого рода письма присылали Д. Анастасиевич из Белграда, Д. Моравчик из Будапешта, Г. Милле из Парижа, С. Меркати из Ватикана, Р. Блейк из Кембриджа и т. д.

Не тут то было: пройдет четыре заполненных научной работой почти что в экстремальных условиях года, и тучи опасности вновь сгустятся над головой В. Н. Бенешевича, получив катастрофическую разрядку в связи с выходом его мюнхенского 1937 г. критического издания одного из основных канонических сборников византийской православной церкви «Синагоги Иоанна Схоластика в 50 титулах», запланированного, по предложению выдающегося немецкого канониста Эдуарда Шварца, еще в 1912 г., растянувшегося на десятилетия и осуществившегося роковым образом в самый неблагоприятный в политическом отношении момент, когда в Германии уже вовсю хозяйничали фашисты²⁷. В обстановке ажиотажа и, по свидетельству О. А. Добиаш-Рождественской, «совершенно исключительного возбуждения нашей университетской общественности»²⁸ устраивается судилище над Бенешевичем на заседании кафедры истории Средних веков ЛГУ 10 октября 1937 г. (председатель О. Л. Вайнштейн, участники — М. В. Левченко, М. А. Гуковский, А. М. Розенберг, О. А. Добиаш-Рождественская, А. В. Банк и другие, в присутствии декана факультета И. Г. Гуткиной и секретаря партбюро Климентьева), факт опубликования книги в фашистской Германии расценивается как «акт политически вреднейший, возмутительнейший и заслуживающий категорического осуждения» (из выступления О. Л. Вайнштейна), кафедре предлагается «самым решительным образом осудить такого рода поступок», а «всем ее членам сделать все политические выводы и извлечь урок из этого возмутительного случая» (М. В. Левченко) и, наконец, делается оргвывод: «Просим проф. Бенешевича отчислить из состава профессоров Истфака со следующей формулировкой: Отчислить из профессорско-преподавательского состава ЛГУ проф. Бенешевича, считая несовместимой работу среди советской молодежи в высших учебных заведениях с его антисоветским поведением» (показательна робкая попытка И. М. Гревса заступиться за Бенешевича, дать тому хотя бы возможность оправдаться)²⁹.

²⁷ Об истории этого издания см.: *Медведев И. П.* 1) В. Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива. С. 346–348.

²⁸ Из переписки О. А. Добиаш-Рождественской 1920–1930-х годов / Сост. Б. С. Каганович // ОИ. 1992. № 3. С. 113.

²⁹ Архив СПбГУ. Ф. 1 (Отдел кадров). Оп. 1. Связка 8. № 1606. Л. 20–24 об. (толково составленный протокол № 42 заседания кафедры истории Средних веков от 10 октября 1937 г.). Л. 19 (представление деканата директору ЛГУ, подписанное И. Г. Гуткиной, с резолюцией «В приказ»). См. Приложение II.

О. А. Добиаш-Рождественская, подробно описавшая ход экзекуции в письмах к акад. Д. М. Петрушевскому, восклицает: «Но если меня огорчает его (В. Н. Бенешевича. — И. М.) судьба, то не могу не сказать, что совершенно изумляет его тактика: то глубочайшее непонимание мира, в котором он живет, непонимание правды страшной борьбы, которую нельзя не видеть»³⁰. Трудно сказать, что ей ответил ее корреспондент (Ольга Антоновна не сохраняла своей, особенно такого рода, переписки; «Очень мрачно то, что Вы пишете о нашем византинисте», — замечает она), но мы можем сказать, что академик Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863–1942) написал самому В. Н. Бенешевичу, и не только сказать, но и опубликовать его доселе неизвестное письмо от 4 ноября 1937 г.³¹ Вот его текст:

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич,

Получил сегодня Ваше письмо. Я сам собирался написать Вам, чтобы выразить Вам самое горячее сочувствие в постигшей Вас беде. Вы представляете себе, с какими чувствами читал я помещенные в «Известиях» инсинуации по Вашему адресу³². Откуда тамошние писаки почерпнули совершенно фантастические сведения о Вашей «реакционной» деятельности, о пропагандировании Вами «поповства и мракобесия»? Очевидно, у них заготовлена целая пачка бланков с соответственными формулами, в которые они и вносят очередные имена тех, кого судьбе угодно было отдать в жертву клевете и поруганию. Над кем они производят эту операцию, им это безразлично. Они рады всякому случаю показать свое усердие. Не сомневаюсь, что все, кому дороги интересы науки, в такой же мере, как и я, поражены свалившимся на Вас ударом. Отказываюсь понимать отношение к Вам и к Вашему «делу» того учреждения, которое, казалось бы, должно было принять все меры к тому, чтобы обеспечить Вам возможность продолжать Вашу научную работу, которую Вы вели, не покладая рук, в течение целых сорока лет³³. А мы

³⁰ Из переписки О. А. Добиаш-Рождественской... С. 114.

³¹ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 2. Д. 146. Л. 2–3 (автограф, с пометой В. Н. Бенешевича: «Получ. 6/XI 37»).

³² Имеется в виду появившаяся 26 октября 1937 г. в «Известиях» заметка «Антисоветский поступок чл.-корр. АН СССР В. Н. Бенешевича», в которой сообщалось о решении Президиума АН СССР вынести на Общее собрание вопрос о пребывании В. Н. Бенешевича в рядах Академии.

³³ Постановление Президиума АН СССР об увольнении В. Н. Бенешевича см.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 7. Оп. 1. Д. 208. Л. 87. (В числе академиков, принявших участие в заседании Президиума от 25 октября 1937 г., Д. М. Пет-

так надеялись, что Вы организуете у нас византийский кабинет и под Вашим руководством опять оживет когда-то так блестяще процветавшая у нас отрасль исторической науки. Мне все кажется, что сгустившиеся над Вашей головой тучи скоро рассеются, справедливость Вам будет воздана, и Вы опять получите возможность продолжать научную работу на пользу и славу нашей страны. От всей души желаю, чтобы это поскорее стало действительностью.

Крепко, крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас Д. Петрушевский.

Думаю, что и сам Д. М. Петрушевский понимал, что вряд ли такая возможность появится: машина уже заработала, 23 ноября 1937 г. следует арест (лейтенант госбезопасности Резник), 27 ноября — обыск (производил лейтенант Левченко), устраивается некое подобие скоротечного следствия (вел лейтенант госбезопасности Гантман), материалы которого³⁴ разительным образом отличаются от всех предыдущих: в них фактически отсутствует сам Бенешевич, почти нет подписанных и, тем более, писанных им самим документов; от его имени «дает показания» следователь³⁵. Нет и тех в общем-то живых людей, именами которых наполнены страницы предыдущих следственных дел: все они превращаются здесь в знаковые фигуры шпионов и диверсантов — «разведчик Зелинский», «агент германской разведки доктор Гейзенберг», «агент итальянской разведки проф. Меркатти», «агент германской разведки Шварц» (в «справке», приложенной к обвинительному заключению и подписанной Гантманом, отмечено, что «проходящие по делу Зелинский Ф. Ф., Гейзенберг и Меркатти находятся за границей», хотя, например, Августа Гейзенберга, который имелся в виду, к этому времени уже 7 лет как не было в живых). Знакомясь с материалами этого последнего в жизни В. Н. Бенешевича «следственного дела», «шкурой»

рушевский не значится.) С поспешной бдительностью коллег из ЛГУ и АН СССР несколько контрастирует позиция администрации ГПБ, где сделали попытки обратиться в «инстанции» с ходатайствами о снисхождении. См. об этом: *Шварц Е. М.* Владимир Николаевич Бенешевич и Публичная библиотека (материалы к биографии) // Библиотековедение и библиография за рубежом. М., 1994. № 135. С. 219.

³⁴ Архив Управления ФСБ РФ по С.-Петербургу и области. Д. П-38323 (ранее — № 37899). Т. 1 (нам это следственное дело известно в ксерокопиях, хранящихся ныне в архиве РНБ).

³⁵ В «справке», приложенной к обвинительному заключению (подписана Гантманом), отмечено: «Вещдок. по делу нет» (Там же. Л. 38).

ощущаешь зловещее зияние могилы, — и она не заставила себя ждать: приговор Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 17 января 1938 г. («осужден к ВМН») 27 января 1938 г. был приведен в исполнение. Расстреляны были (ни с того ни с сего!) два сына, молодые талантливые ученые Георгий и Дмитрий; расстрелян брат — геолог Дмитрий Николаевич Бенешевич; еще вопрос, повезло ли жене В. Н. Бенешевича — Амате Фаддеевне, также отдавшей «должное» ГУЛАГУ, пережившей все это и посвятившей остаток своей жизни борьбе за восстановление доброго и поруганного имени своего мужа. Целая семья страстотерпцев!

Приложения

I. Отчет командированного за границу проф. В. Н. Бенешевича за время с 11 июня по 10 сентября 1927 года³⁶.

Назначенный мне для работ за границей срок в три месяца распределился следующим образом;

- 1) с 11 по 23/VI — в Варшаве и Вильне;
- 2) с 24 по 29/VI — в Берлине;
- 3) с 30/VI по 2/VII — в Лейпциге;
- 4) с 3 по 13/VII — в Мюнхене;
- 5) с 14/VII по 14/VIII — в Париже;
- 6) с 16 по 30/VIII — в Риме;
- 7) с 31/VIII по 4/IX — в Мюнхене;
- 8) с 5 по 10/IX — в Берлине.

Задачи научной работы были намечены следующие:

1) по поручению Академии наук СССР собрать материалы для истории печатания *Glossarium ad scriptores mediae et inf. graecitatis* Дюканжа и для характеристики методов его работы над этим словарем, подготовка к переизданию которого является в настоящее время одной из очередных работ Русско-Византийской Комиссии Академии наук СССР;

2) исследование греческих рукописей, важных для истории государственного и общественного строя Византии, славян и Ближнего Востока;

3) ознакомление с устройством лабораторий для фотографирования рукописей в больших библиотеках Европы в интересах развития фотокабинета Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде.

³⁶ Архив РАН. СПб филиал. Ф. 192. Оп. 3. Д. 109. Л. 1–7. Машинопись, 4-й экземпляр (с рукописными вставками В. Н. Бенешевича). На верхнем поле его помета чернилами: «Подан в Комм. по загранич. научн. ком. Наркомпроса, а с приписками — в Гос. Публ. Библ.».

Работа моя началась в Варшаве и Вильне, где, по полученным в Ленинграде глухим указаниям, оказались будто бы греческие рукописи; возможность появления этих рукописей казалась допустимой ввиду наличия в Польше большого количества прекрасных частных библиотек, сокровища коих, не всегда точно описанные, могли разными путями поступить в государственные книгохранилища. В Варшаве мною были осмотрены отделы рукописей в библиотеках Университетской и Городской Публичной. Но в первой не оказалось иных греческих рукописей, кроме вывезенных из фонда Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде по Рижскому договору, а во второй и вообще греческих рукописей не оказалось никаких; зато нашелся остаток корректуры труда позабытого польского исследователя переводных с греческого памятников древнеславянского права — Яна Попланского.

В Вильне в Университетской библиотеке (бывшей Виленской Публичной библиотеке) нашлись лишь документы конца XVII и первой половины XVIII века на новогреческом языке. В этой прекрасной библиотеке, переходящей в новое, более удобное, просторное и красивое помещение, обращает на себя внимание отдел русской научной литературы, к поддержанию которого администрация библиотеки прилагает все усилия.

Отрадно вспомнить оказанный мне в Варшаве и Вильне любезнейший прием и отметить энтузиазм и умение в работе, верные условия успешности ее.

В Берлине Государственная библиотека обладает не только прекрасным фондом греческих рукописей, но и хорошими печатными каталогами их. Однако эти каталоги не всегда подробны и точны. Мое внимание сосредоточилось на нескольких рукописях, важных для истории византийского права и славян и для истории ученой разработки византийского права на Западе. Среди поступлений, не вошедших в печатные каталоги, не оказалось ничего, представляющего для меня интерес в каком-либо отношении.

В Государственной библиотеке устроен и фотокабинет, снабженный хорошими аппаратами и находящийся в ведении опытного специалиста-техника. Здесь производятся снимки на пластинках, на бумагу (цена 1 снимка 18 x 24 назначена 70 пф.) и с палимпсестов. Первые два способа фотографирования осуществляются при помощи обычных установок, а для фотографирования палимпсестов установка была устроена самим профессором Kugel, который нашел новый способ фотографирования палимпсестов и с успехом применял его в разных библиотеках Германии и Италии. Этот способ, описанный Кегелем в брошюре Palimpsest-

photographie (1923), вызвал к себе интерес и в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, обладающей большим количеством палимпсестов; но в то же время очень серьезно стоял перед библиотекой вопрос о том, насколько предложенный Кегелем способ может считаться разработанным для практического применения. Как раз опыт Берлинской Государственной библиотеки оказывается чрезвычайно поучительным. Установка была испробована самим Кегелем и некоторое непродолжительное время действовала. Однако первым неудобством было то, что экспозиция требовала иной раз до восьми часов времени; затем, манипуляции с проявлением и фиксированием чрезвычайно сложны, а результат удовлетворительный получался после нескольких попыток. Все это делало работу чрезвычайно дорогим удовольствием, а к тому же и лампа скоро испортилась; восстановить ее оказалось делом нелегким даже в Берлине. Я увидел очень выразительную картину: в конце концов вся установка расстроена, отдельные ее части использованы в других комбинациях. Для фотографирования палимпсестов заведующий фотокабинетом Kiewning придумал другой способ, не требующий никаких особых приспособлений и установок и дающий, по его словам, результаты, удовлетворяющие специалистов не меньше, чем способ Кегеля. Г. Кивнинг чрезвычайно любезно и точно объяснил мне свой способ в письменном наставлении и дал мне те пластинки, бумагу и рецепты для проявителя, которыми пользуется в работе.

Но Берлин имел для меня особое значение не столько с точки зрения материалов для изучения, сколько как средоточие научных деятелей, с которыми необходимо было освежить или вновь завязать научные сношения. Хотя летний семестр уже кончился и уже начался разъезд на отдых и на летние работы, все-таки мне удалось застать *еще* профессоров U. Stutz (германиста и канониста), H. Lietzmann (литургиста, историка древней церкви), C. Schmidt (коптолога), M. Vasmer (слависта и лингвиста) и P. Maas (византиниста); все оказали мне знаки сердечного внимания, так что я чувствовал себя в их среде своим и нужным человеком; между прочим ими поднят был вопрос о переводе на немецкий язык двух моих работ о сборниках 14 и 50 титт., которые в настоящее время доступны только очень незначительному кругу лиц, знающих русский язык. Этот вопрос нашел себе частичное и удовлетворительное разрешение в том издании сборника в 50 титт., которое наметилось впоследствии в Мюнхене, а сделать что-нибудь для обработки к переводу еще и моего труда о сборнике в 14 титт. не было бы у меня пока ни времени, ни сил.

По пути в Мюнхен я остановился на три дня в Лейпциге единственно ради того, чтобы увидеть в Городской библиотеке знаменитый единствен-

ный список «Обрядника византийского двора» Константина Порфирородного. Внимательное рассмотрение его убеждает в том, что новое издание его крайне необходимо и что в самой рукописи возможны даже открытия: первый пергаментный лист рукописи был приклеен к доске переплета, а позднейшая неосторожная рука оторвала его от этой доски так грубо, что весь верхний слой его со шрифтом остался на доске переплета; к довершению злоключений рукописи, какой-то библиотекарь наклеил на ту же доску большой библиотечный книжный знак. Предстоит осторожно снять этот знак и сфотографировать текст. Это привело меня к сношению с фотографом Университетской библиотеки, от которого я узнал, что его фотокабинет располагает аппаратом Янча и что он очень доволен его работой, но никаких других особых установок не имеет. Цена за снимок на бумаге 18 x 24 назначена 80 пф. за 1 снимок.

В Мюнхене я поработал над греческими рукописями в Staatsbibliothek, восполнивши сделанные мною в прежние приезды выписки и заметки по замечательной рукописи Монас. gr. 380 и рассмотрев некоторое (№№ 579-а, 582-а, 585, 586, 587, 592, 594, 606, 607, 608) из новых поступлений греческого фонда (№№ 575–615). Но главная притягательная сила Мюнхена, как и Берлина, для меня заключалась в возможности личного общения с двумя выдающимися представителями германской науки в тех научных областях, которые для меня особенно близки и важны. С профессором А. Гейзенбергом, при участии его ближайшего помощника профессора Франца Дёльгера, обсужден вопрос о характере и направлении <работы> над «Греческим Словарем» Дюканжа, начатой в Русско-Византийской Комиссии Академии наук СССР. В общих чертах результаты обсуждения могут быть формулированы так:

1) должен быть включен материал, по крайней мере, в пределах Боннского издания византийских историков со всей полнотой и точностью;

2) материал весь касается только византийской терминологии, но за исключением терминов грамматики, риторики и, может быть, некоторых других областей;

3) что касается материала лингвистического характера, заключающегося у Дюканжа, то профессор Гейзенберг стоял за полное исключение его в новом издании, я же отстаивал ту точку зрения, что его не следует развивать, но перенести в новое издание в том же виде следует, чтобы не создавать у читателя нового издания сознания необходимости обращаться всегда и к старому изданию; к этому мнению примкнул и профессор Дёльгер.

Профессор Гейзенберг и профессор Дельгер обещали высказать печатно свои взгляды на страницах *Byzantinische Zeitschrift*.

Для свободного входа в *Mittel- und Neugriech. Seminar* Мюнхенского Университета мне был дан ключ, и я мог провести много часов в хорошей специальной библиотеке семинария за ознакомлением с новой или недоступной мне литературой по византиноведению. С величайшей любезностью мне была предоставлена возможность пользоваться и Библиотекой Университета, но недостаток времени не позволил мне быть там.

Чрезвычайно поучительна и отрадна для меня была встреча с другим моим давнишним другом — профессором Ed. Schwartz, всецело погруженным ныне в гигантскую работу по изданию деяний вселенских соборов. Он напомнил мне, что еще до войны Страсбургская Академия наук имела в виду издать при моем содействии юридический сборник Иоанна Схоластика и предприняла ряд шагов для фотографирования необходимых мне текстов. В настоящее время необходимость намеченного тогда издания возросла, и его следовало бы предложить Баварской Академии наук. С доводами профессора Шварца, которого поддержал и профессор Гейзенберг, нельзя было не согласиться, и таким образом я, как член Баварской Академии наук, должен буду войти в философско-филологический отдел ее с предложением издать греческий текст сборников Иоанна Схоластика в различных редакциях с предисловием и примечаниями на латинском языке, всего около 25 печатных листов.

В Мюнхенской Государственной библиотеке фотографический кабинет занимает три комнаты и снабжен прекрасными аппаратами для всякого рода Фотографических работ, в том числе аппаратом Янча с поворачивающейся призмой для фотографирования на бумагу (цена за 1 снимок 13 x 24 только 50 пф.) и установкой Кегеля для Фотографирования палимпсестов. Аппарат Янча работает прекрасно, а установка Кегеля стоит, хотя и в полной исправности, но почти без употребления по тем же причинам, о которых сказано выше по поводу этой установки в Берлинской Государственной библиотеке.

Преимущественной целью моей поездки была, однако, Парижская Национальная библиотека, прежде всего потому, что она обладает богатыми материалами о «Греческом Словаре» Дюканжа. Прекрасная статья *Отонт* дает обильные указания на источники и очень много документов приводит целиком или в извлечениях. При помощи этих печатных указаний и при любезнейшем личном содействии глубокоуважаемого автора статьи, величайшего знатока рукописных фондов не только Франции, но и всей Европы, мне удалось ознакомиться со всем наличным материалом

о «Греческом Словаре» Дюканжа в Национальной библиотеке и вообще в Париже. Сведения о том, что в библиотеках и архивах Лиона и Амьена никаких материалов о словаре Дюканжа не сохранилось, я получил при содействии того же высокочтимого Omont. Со всех любопытных документов мною заказаны фотографии.

Греческих рукописей мною отчасти просмотрено, отчасти исследовано около 120. Одни из них просмотрены потому, что ими пользовался Дюканж. Другие важны для истории образования и научной обработки тех юридических сборников VI века, о которых я уже напечатал ряд трудов. Третьи представлялись загадочными по своему содержанию на основании данных в инвентарном описании Omont и при внимательном рассмотрении оказались необычайно интересными памятниками, вскрывающими новые события в общественной жизни Византии XIV—XV веков. Группа рукописей, связанных с работами известного эллиниста Газе, работавшего по поручению достопамятного гр. Н. П. Румянцева над изданием истории Льва Диякона, была очень старательно разобрана мною для того, чтобы отыскать следы той рукописи, из которой Газе издал знаменитую «Записку готского топарха». К сожалению, ничего больше того, что уже известно из печатных сообщений Газе, найти не удалось. Указанным им признакам по содержанию соответствует только рукопись *Palat. graec. 356*, но она на бумаге, а не на пергаменте, и в описании Н. Stevenson ничего не говорится про какие-нибудь приписки сверх указанных в описании; равным образом и сам Газе, описывая эту рукопись, не упоминает о «Записке готского топарха».

Конечно, среди исследованных мною рукописей очень много оказалось текстов, достойных пристального внимания и изучения. Такие тексты почти все мною сфотографированы при содействии Lescuег, одного из трех доверенных Фотографов Национальной библиотеки. Сама библиотека берет только налог с каждого снимка рукописи, не входящей в состав заповедного [лакуна] фонда, по 20 сант., а с заповедных — по 40 сант. со снимка. Фотографы имеют очень много работы: пока я занимался, ежедневно действовали три аппарата, а к ним присоединялись еще два частных аппарата, и веселый треск пяти аппаратов напоминал стрекотание кузнечиков в жаркий летний день. Цены фотографов не одинаковы: Lescuег берет по 4 фр. за снимок 18 x 24 на бумагу, а [лакуна] за 1 снимок 18 x 24 считает по 4 1/2 фр., за два из той же рукописи — по 3 1/2 фр., за 10 — по 3 фр., за 20 и больше — по 2 фр. 60 сант.

Очень жалко, что мне не удалось застать в Париже профессора Gelzer, ведущего дело обработки «Словаря средневековой латыни», принятого Международным Союзом Академий: личное ознакомление с

методами работы в этом предприятии было бы на пользу для работы РВК над «Греческим Словарем» Дюканжа.

Счастлив, что удалось познакомиться воочию с работой [лакуна]. Секретарь Общества, профессор P. Mazou и управляющий делами J. Maly с чрезвычайной любезностью рассказывали о работе Общества, о научных предприятиях его, требующих помощи с разных сторон, и желании вступить в сношения с русскими учеными кругами в области классической и византийской филологии и истории. Работа РВК чрезвычайно заинтересовала обоих руководителей Общества особенно потому, что наметилось совпадение интересов относительно изучения и издания трудов Константина Порфирородного. Общество поручило профессору Tafrali и молодому ученому [лакуна] подготовить к изданию *De caerimoniis*, сопроводив оба текста переводом на французский язык. О работе обоих ученых ничего пока не известно. Мои сообщения о работах РВК над изучением *De caerim.* с точки зрения литургики (проф. А. А. Дмитриевским), истории искусства и археологии (проф. Д. В. Айналовым и А. П. Смирновым) и государственного устройства (мною) вызвала живейший интерес и желание вступить в теснейшие сношения с РВК ради взаимной пользы обоих учреждений. Прекрасный книжный магазин Общества на rue [лакуна], полный изящных и в научном отношении высоко ценных изданий Общества, а также и распространенность изданий Общества не только во Франции, но даже и в Германии и Италии красноречиво говорят о том, что Общество стоит на очень твердой почве, и общение с ним в научной работе представляется весьма ценным.

Счел я своим долгом посетить и на rue du Cherche-Midi 23 славного редактора серии *Patrologia Orientalis*. Сразу же обнаружилось, что R. Graffin уже много лет лелеет мысль издать печатную Кормчую и ради этого издания отлил новый славянский шрифт со всеми подстрочными знаками. Мое появление повело к тому, что энергичный редактор уговорил меня взяться за это чрезвычайно трудное дело и громадное: издание, где будет французское предисловие, латинский перевод славянского текста, греческий оригинал его и указатели, займет около 60 печатных листов. Сомневаюсь, чтобы мне суждено было дожить до его окончания.

Месяц работы в Париже прошел незаметно, и только при помощи строгого самоограничения удалось сделать то, что было мной намечено, как самое необходимое. С трудом оторвался я от работы в Национальной библиотеке и направился в Рим, где работа в Ватиканской библиотеке обещала много радости. Ко дню моего приезда 16 августа Ватиканская библиотека была уже закрыта на каникулы до 15 октября, но, благодаря дружескому содействию префекта Ватиканской библио-

теки *Msgr. Gio. Mercati*, мне было разрешено заниматься с 8 до 12 и с 3 1/2 до 6 1/2 ежедневно. Помощник префекта [*Tisserant*] и служащие библиотеки с неизменной любезностью и лаской исполняли все мои пожелания относительно рукописей и книг, благодаря чему я мог использовать в полной мере свой очень краткий срок пребывания в Риме. Мною обследованы рукописи: *Palat.* 8 и 13; [*Barber.?*] 293, 306, 324, 344 и 376; *Vatic.* 73, 162, 430, 510, 511, 638, 790, 840, 843, 846, 1142, 1168, 1185, 1186, 1187, 1455, 1485, 1661, 1748, 1904, 2224, 2325, 2341, 2401, 2503–2521; [*Ottob.*] 12. Кроме того, я съездил в монастырь *Grottaferrata* около Рима и обследовал три рукописи юридического содержания: 143, 145 и 147. К сожалению, по двум вопросам результаты моих изысканий получились отрицательные: 1) для истории *Gloss. graecit.* Дюканжа материала в библиотеке не оказалось; не только я его не нашел, но и такой замечательный знаток фондов библиотеки, как *P. Franchi dei Cavalieri* свидетельствует, что их нет; 2) и для «Записки готского топарха» все методически веденные поиски не дали никакого результата; рукопись *Palat. graec.* 356 видеть не пришлось, так как она оказалась высланной для изучения вне Рима, но, как было уже сказано выше, и от нее нельзя ожидать находки. Зато для истории юридических сборников материал обогатился значительно.

С глубокой признательностью я должен упомянуть о том дружеском содействии, которое оказывал мне в моих работах профессор Римского Университета по византийскому языку и литературе [*Сильвио Меркати*], прекрасный знаток топографии и древностей Рима.

Для фотографирования рукописей Ватиканская библиотека не имеет собственного кабинета; нуждающиеся в фотографиях или делают их сами, или обращаются к доверенному Фотографу [*Филиппо Сансаини*] (1 снимок 18 x 24 на бумаге 3 лиры). Только для чтения палимпсестов или поблекших рукописей есть кварцевая лампа.

Обратный путь из Рима на Берлин я очень хотел сделать через Прагу, чтобы повидать там специалистов по византиноведению и истории права и чтобы рассмотреть славянские рукописи юридического содержания. Но недостаток времени заставил сократить путь и ехать через Австрию и Мюнхен. В Берлине я остановился на несколько дней, чтобы закончить переговоры с фотокабинетом [*лакуна*] относительно способа Фотографирования палимпсестов и чтобы посмотреть в действии «Коптофот» Герца, установленный в Торгпредстве.

Краткость бывшего в моем распоряжении времени и большое количество работы над рукописями не позволили мне заняться специальным изучением устройства хотя бы только рукописных отделений посещен-

ных мною библиотек, хотя эта сторона дела очень интересна как своими успехами, так и некоторыми новыми точками зрения. Хочется только кратко суммировать все черты строя в одно целое, чтобы лишний раз противопоставить его ненормальным условиям нашей действительности.

1) Всюду рукописи хранятся в специально безопасных и приспособленных помещениях, куда имеет доступ только персонал рукописного отделения; для занятий рукописи выносятся в особый зал.

2) Залы для занятий над рукописями всюду светлые, обширные, с удобной мебелью и оборудованы прекрасными справочными библиотеками.

3) Персонал для обслуживания рукописных отделений делится на высший и низший, так что высококвалифицированные сотрудники не отвлекаются на работы, доступные обычным толковым людям.

Конечно, рукописным отделам даже значительнейших библиотек СССР во многих отношениях насчет благоустройства далеко не сравняться с европейскими; но в главном и основном пункте они нисколько не уступают европейским: в качествах личного персонала и его отношения к своему делу.

Результаты командировки в отношении к поставленным задачам ее могут быть формулированы так:

1) Материалы для истории «Греческого Словаря» Дюканжа собраны в пределах проникших о них в научный обиход сведений полно и точно. Однако остаются еще необследованными ряд мест, где такие материалы могут оказаться, и притом в виде собственноручных писем Дюканжа к его ученым сотрудникам.

2) Для обеспечения содействия ученых Запада подготовке переиздания «Словаря» Дюканжа и для ознакомления с методами работы аналогичных или родственных научных предприятий положено только начало, которое притом легко может заглухнуть, если не будут приняты своевременно меры к оживлению сношений и поднятию энергии работы над «Словарем».

3) Исследование греческих рукописей обнаружило важные данные для истории правового и общественного строя Византии и византийского влияния на славян. Но еще не удалось найти той рукописи, откуда Газе издал «Записку готского топарха»; в то же время не исследованы ни в Парижской Национальной библиотеке, ни в Ватиканской длинный ряд рукописей, доселе остающихся известными только неумолимым хранителям их, но для меня очень важных. Не говорю уже о том, что настоятельно необходимо возобновить работу в Венеции, Неаполе, Флоренции, Милане, Вероне и Болонье, а главное, в Афинах, где собраны богатейшие монастырские коллекции.

4) Привезен рассказ о путешествии с острова Кипра к Узунхасану в XV веке, расписание «чинов турецкого двора» и ряд других относящихся к туркам текстов того же времени; все они единственные в своем роде.

5) Установлено, что в области Фотографирования палимпсестов способ профессора Кегеля еще не может быть признан практически применимым, и привезены точные сведения о другом способе, чисто практическом; благодаря этому, в настоящее время должны отпасть всякие разговоры о желательности установки аппарата Кегеля в фотокабинете Государственной Публичной библиотеки. В то же время выяснено, что аппараты Янча и Герца (контофот) удовлетворяют всем требованиям фотографической практики, но коммерчески не под силу пока фотокабинету.

6) Открылась возможность издания трех моих больших работ за границей: одной в Мюнхене, одной в Париже и одной в Америке. Таким образом, связь русской науки с западноевропейской найдет себе новое выражение и солидную опору.

Считаю долгом засвидетельствовать в заключение глубокую признательность администрации и персоналу библиотек Варшавы, Вильны, Берлина, Лейпцига, Мюнхена, Парижа, Рима и Гроттаферраты, где мне пришлось провести много счастливых дней в работе. Но особо горячую благодарность приношу Управлению Гос. Публ. библиотеки в Ленинграде, которое своими неустанными хлопотами и поддержкой денежной сделало осуществимой самую мечту о научной работе за границей.

21 / XI 1927. Гл. библиотекарь проф. В. Бенешевич

II. Протокол № 42 заседания кафедры истории Средних веков Ленинградского государственного университета от 10 октября 1937 г.³⁷

Присутствовали: Декан факультета — И. Г. Гуткина, зам. декана — т. Черницкий, секретарь Парткома — т. Климентьев.

Профессора и преподаватели: Вайнштейн О. Л. (зав. кафедрой), Гуковский М. А., Розенберг А. М., Левченко М. В., Бенешевич В. Н., Добиаш-Рождественская О. А., Гревс И. М., Кудрявцев А. К., Люшковский М. В., Бирюкович В. Н. Аспиранты: Семенов, Банк и Холмогоров. Лаборанты кафедры: Александрова К. В. Студенты: Гринберг и Самсон.

Секретарь кафедры: Арский И. В.

³⁷ Архив СПбГУ. Ф. 1 (Отдел кадров). Оп. 1. Связка 8. № 1606: Дело профессора Бенешевич В. Н. Государственного университета им. А. С. Бубнова (нач. 1 янв. 1936 г. Оконч. 29 окт. 1937 г.). Л. 20—24 об.

I. Обсуждали дело проф. В. Н. Бенешевича.

Заседание открыл зав. кафедрой проф. О. Л. Вайнштейн, сказавший следующее: «Мы собрались здесь для того, чтобы высказать наше мнение о поступке члена нашей кафедры проф. Бенешевича В. Н., опубликовавшего свою работу (издание Сборника византийского канонического права VI в.) в Германии в 1937 г. через посредство Баварской Академии наук в Мюнхене.

Всем нам хорошо известно, что правительство, возглавляющее в настоящее время Германию, — это банда убийц и поджигателей войны. Авиация фашистской Германии убивает женщин и детей в Испании и, если бы не мощь нашей Красной Армии, то стала бы убивать и у нас. В Германии подавлена свобода мысли и науки. Большая часть писателей и ученых изгнана или подвергается невероятным преследованиям. Германский фашизм уничтожает культуру, фашистская Германия является главным очагом и поджигателем войны. Всякому, даже за пределами нашей страны, ясно, что на роль убежища для науки фашистская Германия никак не может претендовать. Если раньше в Германии выходил ряд международных научных органов, то теперь большая часть из них перестала выходить. Даже в буржуазных странах отдают себе отчет в том, что творится в Германии. Даже английские университеты, например, отказались участвовать в праздновании юбилея Гейдельбергского Университета. Естественно, встает вопрос, как при таких условиях возможно сотрудничество с учреждениями фашистской Германии со стороны советского профессора. Этот факт возмутительный, достойный всякого осуждения. Это вреднейший акт, создающий видимость того, что Германия сохраняет ведущую роль публикаций ряда научных материалов. Между тем как это совершенно не соответствует действительности. Германский фашизм душит науку, но такого рода публикации способствуют поддержанию в определенных кругах ряда стран иллюзии этого рода. С другой стороны, этот акт поддерживает иллюзию об аполитичности науки. Ученый живет в Ленинграде, публикует работу в фашистской Германии, не обращая внимания на то, какую бешеную антисоветскую кампанию и подрывную работу проводит Германия против СССР. Случаи сходного характера уже служили предметом осуждения со стороны широкой советской общественности. Обсуждение подобных поступков уже достаточно ясно показало, что такого рода акты несовместимы с советским патриотизмом наших ученых. Тем более недопустимым и возмутительным является факт печатания своей работы советским ученым в фашистской Германии. Это акт политически вреднейший, возмутительнейший и заслуживающий категорического осуждения.

Далее высказались:

Бенешевич В. Н.: Я скажу для объяснения, а не для оправдания. Мною напечатан первый том (из четырехтомного издания), содержащий текст юридического сборника VI века, составлявшего основу канонического права греко-восточной церкви. Каноническим правом и, в частности, этим сборником я занимаюсь еще с того времени, когда был оставлен для ученой подготовки. Критически-научного издания этого Сборника не было, и канонисты утверждали, что этот Сборник испокон веков сохранялся в своем первоначальном, неизменном виде. Исследованием этого вопроса я занимался с 1900 г. и накопил огромный материал, охватывающий копии и фотографии нескольких тысяч греческих рукописей из пятидесяти библиотек ближневосточных стран. К 1912 г. работа по подготовке к изданию текста этого сборника приблизительно была закончена. Мне не хватало фотоснимков лишь с рукописей, хранившихся в западных библиотеках. Печатать это издание через посредство церковных организаций было невозможно, так как оно шло в разрез с интересами и взглядами церковников. Поэтому пришлось обратиться в Академию наук, но в 1912–1913 гг. осуществить это издание с помощью Академии наук оказалось невозможным, так как типография ее уже была перегружена подобного рода работами. О моей работе узнали на Западе и, в частности, узнал Эдуард Шварц, работавший над этими же вопросами и предложивший начать публикацию через Страсбургскую академию наук, членом которой я был избран. Я согласился на это. Часть работы я отослал Шварцу, но наступившая война прервала переговоры. Я продолжал эту работу, часть ее результат <a> опубликовал в 1915 г. и с 1919 г. снова предложил Академии наук опубликовать собрание текста (sic!) по истории канонического права. Но и на этот раз ничего не вышло. Между тем Шварц снова письменно обратился ко мне, сообщая, что в связи с переходом его в Мюнхенскую Академию наук эта последняя может опубликовать мой труд. Шварц прислал мне ряд необходимых для завершения работы фотоснимков. С 1928 г. по 1933 г. работа над этим текстом мною была прервана. В 1933 г. я опять сделал попытку издать ее у нас и обратился к Н. Я. Марру, но тот ответил, что шансов для издания ее у нас нет и поэтому лучше в Академию наук по этому поводу и не обращаться, а воспользоваться предложением Шварца. После этого я и обратился к Шварцу и отослал ему еще часть текста. Осенью 1933 г. (разговор с Н. Я. Марром имел место весной 1933 г.) началась работа по изданию этого источника. В июне 1937 г. эта книга вышла из печати, и получив ее экземпляры, я роздал их в те учреждения, где она могла быть оценена и использована. Изложив эту историю

вопроса, я не хочу оправдывать свой проступок. Я плохой оратор и поэтому позволю себе зачитать написанное мною заявление:

«Я признаю, без оговорок и уверток свою грубую политическую ошибку, выразившуюся в том, что я опубликовал свою работу в изданиях Баварской Академии наук, находящейся в самом сердце фашистского мракобесия и обязанной его поддерживать. Ошибка эта тем более грубая, что уже в 1936 г. советская общественность ясно высказывалась против опубликования советскими учеными своих работ за границей, что германский фашизм проявил себя в такой форме, которая вызывает глубокое отвращение и возмущение, а в то же время выявляет и всю его сущность как врага прогресса и человечества. Пусть бы лучше моя работа осталась вся неизданной, чем ей появляться в таком окружении.

Я готов сделать и естественно вытекающий из моих чувств к фашизму и моего предыдущего заявления практический шаг, а именно отказаться от продолжения моего издания в Баварской Академии наук, которого должны были выйти еще 3 тома. Но решиться на этот шаг я мог бы только с величайшей осторожностью, получив указание авторитетного органа власти и общественности. Дело в том, что издание, начатое мною, имело бы для науки первостепенное, даже мировое значение, как опыт многовекового развития одного из важнейших памятников права и как основа для его изучения, на необозримое время; такого исчерпывающего все средства издания не дождался пока ни один юридический сборник Византии, и повторить его возможно будет очень не скоро, да и возможно ли. Баварская Академия наук в лице своего знаменитого члена Эд. Шварца отлично понимает значение моего издания и заявила, что я — единственный человек, способный выполнить его, поэтому едва ли она будет продолжать его, если я откажусь. Но и я печатать в другом месте томы II и III на основании материалов, доставленных мне Баварской Академией, тоже не могу, если она мне не захочет разрешить это и потребует их себе обратно. Значит, все громадное и важное дело погибнет, а будет ли от его гибели кому-нибудь какая-нибудь польза, — это вопрос.

С другой стороны, мой отказ от продолжения издания был бы враждебным актом против моего старого друга Эд. Шварца, который был и инициатором издания, и неизменным энергичным помощником в его осуществлении, а теперь является и авторитетнейшим ценителем качеств его выполнения мною; никогда он не затрагивал моих политических взглядов как советского гражданина, и никогда ни одной буквы не менял в моих писаниях при печатании их. Мой образ действий вызвал

бы, конечно, надлежащую реакцию не только с его стороны, но и со стороны ученого мира других стран, высоко ценящего и личность, и заслуги этого мирового ученого, ныне 80-летнего старца, думающего только о завершении труда жизни. Я так низко упал бы во мнении всех моих друзей и почитателей за границей, что не смог бы принести надлежащую пользу в деле насаждения советского византиноведения, столь важного, в частности, и для истории СССР, а такой результат был бы в соответствии только с вредительством М. Н. Покровского, который сделал все для уничтожения византиноведения в Академии наук СССР.

Ввиду этих соображений я с тяжелым чувством сделал бы заявление в Баварскую АН об отказе от продолжения издания, но если это будет признано нужным — то сделаю».

В. Н. Бенешевичу были заданы нижеследующие вопросы.

Сколько экземпляров получено вами и у кого они находятся (задан тов. Гуткиной).

Ответ: Мною получено 7 экземпляров. Один я отослал в академию наук, один в Публичную библиотеку и один передал в университет. Остальные экземпляры находятся у меня.

С кем, персонально, из немцев вы были связаны и вели переговоры (задан А. М. Розенбергом).

Ответ: Только с Э. Шварцем и больше ни с кем.

Когда Вы возобновили переговоры с Германией? После января 1933 г., когда произошел гитлеровский переворот, или нет (задан А. В. Банк).

Ответ: переговоры я возобновил после моего возвращения в Ленинград, примерно в марте 1933 г.

Почему Н. Я. Марр посоветовал обратиться в Германию (задан А. К. Кудрявцевым).

Ответ: потому что Академия наук в то время не стала бы заниматься подобного рода изданиями.

Почему вы не обратились ни в какие наши органы, для того чтобы добиться издания этой книги, если ее значение велико (задан И. Г. Гуткиной).

Ответ: Н. Я. Марр был в это время вице-президентом Академии наук, и его ответ был достаточно авторитетен.

Кто из советских научных деятелей знал о вашей работе и ее публикации в Германии, и ставили ли вы в известность кафедру истории Средних веков ЛГУ об этом (задан И. Г. Гуткиной).

Ответ: Нет, кафедру в известность не ставил, но вообще не скрывал. Далее высказывались:

Левченко М. В.: Я должен взять слово как византинист. Теперь, почти в самую 20-ю годовщину существования советской власти, мы присутствуем при позорном факте, что в Ленинградском университете находятся люди, которые не понимают элементарных обязанностей советского гражданина. В фашистской Германии царит кровавая вакханалия. Фашистская Германия выступает как враг всего передового и прогрессивного человечества и стремится уничтожить все то, что создано нашей страной за 20 лет великих усилий. Фашистская Германия готовит войну против нашей страны. Недавно в немецком «Византийском Временнике» по поводу смерти Лихачева был помещен некролог, где потоками грязи обливался Советский Союз, где писалось, что Лихачев работал в невероятных условиях и от тяжести их умер. И вот член нашей кафедры профессор Бенешевич, как бы в подтверждение этой клеветы, печатает свой труд в фашистской Германии и в предисловии к этому изданию намекает на вещи, совершенно несовместимые с достоинством советского гражданина. Я сомневаюсь в том, что заявление В. Н. Бенешевича искренне, и в том, что он осознал свою вину. Ему было бы тяжело обидеть Э. Шварца, но он не думает о политических последствиях поступка. Проф. Бенешевич присваивает каноническому праву и изданному им памятнику мировое значение, хотя, в действительности, вовсе не так. По меньшей мере, это большое преувеличение. Я считаю, что недопустимо говорить о вредительстве М. Н. Покровского; он ошибался, среди учеников оказались вредители, но это еще не значит, что он сам являлся вредителем. Страшным преувеличением является заявление проф. Бенешевича о том, что Шварц великий ученый. Читая это заявление, я не могу скрыть своего глубокого возмущения. Кафедра должна самым решительным образом осудить такого рода поступок. Кафедре и всем ее членам необходимо сделать все политические выводы и извлечь урок из этого возмутительного случая.

Банк А. В.: Владимир Николаевич наверно помнит, как я ему говорила о недопустимости печатания работы в Германии, тем более, что все переговоры об этом имели <место> уже после фашистского переворота. Владимир Николаевич большой индивидуалист и свои личные интересы ставит выше наших общеполитических интересов. Откажется ли Владимир Николаевич от дальнейшего опубликования своей работы в Германии или не откажется, — это в настоящий момент уже не имеет большого значения, его поступок уже совершен, и книга вышла в свет. Ряд наших работ сейчас еще не может быть опубликован в силу недостатка средств и возможностей, но мы можем с уверенностью сказать, что момент, когда эта возможность станет реальностью, скоро наступит.

Гуковский М. А.: Я не согласен с А. В. Банк, что будто бы не стоит поднимать вопрос о прекращении издания. Совершенно ясно, что фашистская Германия не зря разрешила это издание, и не зря она делает этот жест. Да и тот же Шварц с его влиянием в Баварской Академии, по-видимому, фигура явно фашистская, иначе он не пользовался бы влиянием в колыбели фашизма — Мюнхене. Странно, почему Владимир Николаевич не хочет издавать свою работу в СССР. Единственно правильным было бы заявить в печати об отказе печатать эту работу в Германии и поставить вопрос о публикации этой книги в СССР.

Кудрявцев А. К.: Мы историки. Каждое наше написанное слово имеет политическое значение. Слушая заявление Владимира Николаевича, я удивляюсь тому, что он в последнее время не мог добиться публикации своей работы. Между тем ясно видно, что все переговоры велись им уже после гитлеровского переворота, и я считаю, что это не ошибка, а объективно враждебный акт.

Розенберг А. М.: Владимир Николаевич не скрывал того, что печатает свою работу в Германии. Почему же никто из знавших об этом никак на это не реагировал и не поднял свой голос протеста. Все это показывает, что бдительности в нашей ученой среде все еще нет.

Люшковский М. В.: Владимир Николаевич в своем заявлении пишет, что он откажется от сотрудничества в Баварской академии наук, если кафедра это найдет нужным. Но почему он сам не хочет решить это. Надо быть или на той, или на другой стороне, а не опасаться обидеть Шварца.

Арский И. В.: Совершенно ясно, что в обстановке, когда Германия готовит войну против СССР, когда германский фашизм засылает к нам банды террористов и диверсантов, — в этой обстановке поступок В. Н. Бенешевича совершенно определенно является сознательно антисоветским актом. В. Н. Бенешевич своим поступком солидаризировался с фашистской Германией, солидаризировался с той бандой грабителей и убийц, которая претендует на то, чтобы представлять великий немецкий народ, и которая на самом деле заливает Германию в интересах диктатуры финансового капитала кровью лучших сынов немецкого народа. Что кроме величайшего возмущения может вызвать подобный поступок в каждом советском гражданине, в каждом советском патриоте? В. Н. Бенешевич беспокоится об обиде, которую он мог бы нанести фашисту Шварцу, но о той обиде, о том уроне, который он нанес нашей стране, нашему народу — об этом он не думает и не хочет думать.

Гуткина И. Г.: Вас, профессор Бенешевич, Баварская академия наук рассматривает не просто как Бенешевича, а Бенешевича — профессо-

ра Ленинградского университета. И поэтому ваш поступок может создать впечатление, что та кафедра, членом которой вы являетесь, одобряет этот Ваш поступок. Где у нас может быть уверенность в том, что Баварская академия наук не делала ставку на вас как на человека полезного для шпионажа, как на человека, готового оказать ответную услугу фашистской Германии. Каждый свой шаг немецкий фашизм рассчитывает и направляет на подрыв нашей страны. Академик Марр умер, и нам трудно проверить, адресовал ли он вас на печатание этой работы [в] фашистской Германии; мне лично не верится, что Марр мог дать такое указание, так как его научно-политический путь говорит против этого. Но допустим даже, что это так и было, — как вы сами не запротестовали против этого. И как вы могли принести в наше советское учреждение книгу, изданную в стране, залитой кровью германского пролетариата. Это не политическая неграмотность, такие вещи даже дети понимают. В вашем предисловии вы намекаете на неблагоприятные условия, которые существуют для вашей работы в СССР, которые погубили результаты ваших трудов. Случайно ли это? Неужели вы не могли обойтись без этой фразы? Эти работы погибли, вероятно, тогда, когда вы были в ссылке по ст. 58. Зачем же писать об этом, как не для того, чтобы произвести определенный политический эффект? Я думаю, что это не случайная фраза, а замаскированная антисоветская вылазка. Вам трудно рвать со Шварцем, но ведь он хлопочет в интересах Баварской академии наук, и непонятно, причем тут личное отношение к Шварцу. Совершенно ясно, что, работая в Баварской академии наук и пользуясь там влиянием гитлеровской Германии, они там хорошо знают, что вы были не в ладах с советской властью, и, может быть, именно поэтому к вам и обратились с предложением о публикации вашей работы, чтобы потом запросить компенсацию в обмен. Не зря они делали это. Нельзя укрываться за решениями университета или Академии наук. И это использует фашизм, сыграв (sic!) вокруг этого свое новое гнусное дело. Вы должны сами осознать все это и через советскую печать высказывать (sic!) свое отношение к этому делу. Я считаю, что подобного рода поступок со званием преподавателя советского вуза и работою среди советской молодежи несовместим.

Семенов: Странно, что те, кто знал об этом факте, не поставили перед самим Владимиром Николаевичем вопрос о политическом значении такого поступка. Это бросает тень на них и налагает на них определенную политическую ответственность.

Розенберг А. М.: Я вспоминаю, что Э. Шварц — это старый реакционер, который еще в 1919–20 гг. участвовал в антимарксистском прямо

погромном походе в Германии. И нет ничего удивительного в том, что он стоит на влиятельном посту в фашистской Баварской академии наук.

Холмогоров В. И.: Какими глазами смотрели в Германии на этот поступок Владимира Николаевича? По-видимому, они, печатая эту работу, не считали ее большевистской, и в своей враждебности ко всему советскому, для Владимира Николаевича сделали исключение. Всем известны взгляды германского фашизма на СССР и на русский народ, и все же это не остановило Владимира Николаевича. Такое печатание своей работы может быть приравнено во время войны. (Так! Нет конца фразы? — *И. М.*)

Черницкий: Учреждение фашистской Германии напечатает только ту работу, политические взгляды автора которой близки или приемлемы для гитлеровской Германии. Можем ли мы говорить об ошибке? Нет, это акт определенного мировоззрения. Это антисоветская демонстрация. Бенешевич стал сотрудником, агентом фашистского учреждения. Могут ли после этого советские люди иметь к нему политическое доверие? Вы обязаны Шварцу, этому фашисту, и если бы он от вас еще что-нибудь попросил в обмен за свою услугу, вы бы ему не отказали.

Бенешевич (с места): Неверно! Это возмутительно!

[Черницкий]: Да, да, возмутительно. Я возмущен, если хотите знать, даже тем, что вы присутствуете здесь. Патриотизма в Вас нет. Родину вы свою не любите. Были люди, которые знали об этом, где эти люди? Где их бдительность? А вы спекулируете именем Марра, пользуясь тем, что его уже нет в живых, — это позор. Этому вашему утверждению я не верю. Я считаю, что в среде советской профессуры — вам нет места.

Бирюкович В. В.: Я думаю, что Владимир Николаевич, услышав [все, что говорилось. — *И. М.*] здесь, если он действительно привязан к своему труду, если это ошибка, если это плод недомыслия, прекратит дальнейшую публикацию своей книги в гитлеровской Германии. Но мне хотелось бы услышать от самого Владимира Николаевича, считает ли он сам допустимым продолжение этого издания.

Гревс И. М.: Я осуждаю вместе со всеми поступок Владимира Николаевича, но думаю, что ряд обвинений, высказывавшихся здесь против Владимира Николаевича, необоснован. Поэтому я считал бы необходимым предоставить еще раз слово самому Владимиру Николаевичу.

Вайнштейн О. Л. (с места): Ведь никто и не сомневается, что Владимиру Николаевичу будет предоставлено слово. Ведь это ясно.

Гринберг: Владимир Николаевич высказывает возмущение своим собственным поступком, но как же он не возмущался им с 1933 по 1937 г. Это не вяжется одно с другим.

Добиаш-Рождественская О. А.: Когда дело идет о великих силах, о любви, жизни, смерти, родине, — вопросы науки отходят на второй план. Владимир Николаевич ошибся, но надо, чтобы его искренность проявилась. Сейчас вся ответственность на нем.

Бенешевич В. Н.: Я выслушал со вниманием и потрясением все то, что было сказано здесь товарищами. Конечно, в моем заявлении не высказано то правильно и удачно, что я на самом деле думаю и чувствую. Только теперь я понял, что значит вторая часть моего заявления, только сейчас я понял, что собою представляет Шварц. Исходя из своего прежнего, неверного представления обо всем этом, я и написал свое заявление. Я забыл, что сейчас не 1912 г. и что обстановка не позволяет такого поступка, я не имею права ни на кого ссылаться, и я вижу, что все мои объяснения были излишни. Сегодняшние высказывания товарищей, к моему стыду, открыли мне глаза. Я оказался, в конце концов, в компании с такими людьми, о которых иначе как с отвращением и не думал. Я согласен с критикой моего поступка в речах моих товарищей. Я вовсе не хотел прятаться за спиной учреждения и оправдывать себя, но этот вопрос очень серьезен, его последствия могут затронуть интересы СССР, и поэтому об этом, мне кажется, прежде всего следует получить авторитетные указания. Но я решительно протестую против сопоставления меня со всякими темными личностями и против предположения о том, что я способен на поступки, бьющие по самому дорогому для меня.

Вайнштейн О. Л.: Выступающие товарищи дали ясную и четкую оценку поступку Владимира Николаевича. Мне хочется отметить только то, что в выступлении Ольги Антоновны прозвучала нотка о том, что наука позади Родины, позади важнейших политических вопросов. Это глубоко неверно, потому что, осуждая поступок проф. В. Н. Бенешевича, мы именно боремся за настоящую науку, попорченную в фашистской Германии. Поступок проф. Бенешевича политически вреднейший акт, тем не менее те, кто знали об этом заранее, не приняли мер, чтобы не допустить этого, чтобы остановить это. Из этого ясно, что бдительности в нашей среде все еще нет.

Климентьев: Почему здесь не хотят назвать имена тех, кто знал о поступке проф. Бенешевича и молчал?

Добиаш-Рождественская О. А.: Я знала об этом, но Владимир Николаевич помнит, как я предупреждала его. У меня у самой была возможность подобного же рода. Но я отказалась напечатать свою работу за границей.

Банк А. В.: Ведь я в своем выступлении уже указала, что я знала об этом.

Вайнштейн О. Л.: Как бы там ни было, хотя некоторые товарищи и знали об этом, но сути и последствий этого акта они сами не поняли и общественного резонанса все это своевременно не нашло.

Постановили:

1) Кафедра истории Средних веков самым решительным образом осуждает действия своего члена — проф. В. Н. Бенешевича, выразившиеся в напечатании в 1937 г. в фашистской Германии своей работы (публикации церковно-юридического византийского сборника VI в.), как акт политически вредный и объективно враждебный интересам советского народа и советской науки.

2) Что письменное заявление В. Н. Бенешевича в отношении того, насколько он сам осознал всю глубину своего поступка, там, где он пишет о возможности продолжения печатания своей работы в фашистской Германии, следует считать совершенно неудовлетворительным.

3) Все материалы данного заседания кафедры истории Средних веков необходимо сделать достоянием советской научной общественности и передать их с этой целью в СНР.

4) Поручить заведующему кафедрой истории Средних веков проф. О. Л. Вайнштейну осветить обстоятельства этого дела в нашей студенческой печати.

5) Поставить перед Дирекцией ЛГУ вопрос о совместимости преподавания в советском вузе с тем поступком, который совершен В. Н. Бенешевичем.

Зав. кафедрой О. Л. Вайнштейн
Секретарь кафедры И. В. Арский

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОВЕТСКОМ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИИ (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)*

Советское византиноведение как таковое — разговор особый. И тем не менее, если мы не хотим замалчивать проблему преемственности в нашей науке (а мы все, я уверен, не хотим этого), нам не удастся избежать попытки хотя бы вкратце, по возможности наиболее адекватным образом, не впадая в излишнее самоуничижение или в псевдопатриотизм (и уж тем более в «огульное отрицание»¹), оценить состояние «классического» советского византиноведения, т. е. в тот период его развития, когда вроде бы «схлынули» идеологические крайности времени его становления. Считалось само собой разумеющимся, что если историк-византинист является гражданином СССР и трудится в государственном учреждении, то он не может быть никем иным, кроме как историком-марксистом, и как таковой обязан подходить к изучению Византии с марксистских, т. е. с классовых позиций; раскрывать на византийском материале закономерности феодального способа производства, исходить в своих работах из марксистско-ленинского учения о периодизации истории, о делении ее на социально-экономические формации. Ясно, что такая откровенная заданность и «ангажированность» низводила византиноведение (как, впрочем, и любую другую область исторического знания) до роли *ancilla ideologiae* (служанки идеологии). Начинается бесконечная череда квазинаучных дискуссий с постановкой приоритетных отныне «основных теоретических проблем», пухлых коллективных

* Опубликовано в статье: *Медведев И. П.* Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: итоги столетия // Изв. 2000. Вып. 3 (121). С. 40–44.

¹ Совершенно справедливо против «гиперкритического отношения, подчас и огульного отрицания творчества ученых советской эпохи» выступает представительница молодого поколения русских византинистов (см.: *Заливалова Л. Н.* Митрофан Васильевич Левченко: штрихи к портрету // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3: Сб. статей в честь 70-летия проф. Г. Л. Курбатова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 287). Хотелось бы, конечно, знать, кто имеется в виду, уж не автор ли этих строк и ваш покорный слуга? Но ведь это означало бы, что я, будучи типичным представителем советского византиноведения, «огульно отрицаю» самого себя. Надеюсь, что речь у меня идет все же о другом.

трудов «обобщающего характера» и т. д. (любопытно, что именно с увесистыми томами коллективных трудов «обобщающего характера» стало отождествляться в СССР понятие «фундаментальной науки»).

Едва ли не «с потолка», исходя из априорной конструкции, с заранее predetermined целью (а в сущности, и результатом исследования), давались темы для диссертаций: вы вот займетесь Антиохией, вы — Фессалоникой, вы — Мистрой, а вам почему бы не заняться Трапезундом, вам — Никеей. При этом даже мысли не возникало о том, что авторы напроць лишены были всякой возможности воочию ознакомиться с объектами своих исследований (а они существуют и поныне), не говоря уже о собственном археологическом или топографическом их обследовании; все сведения по теме мы вынуждены были брать из опубликованных, т. е. уже из препарированных кем-то источников, фактически «из вторых рук», да и то в условиях совершенно недостаточной укомплектованности наших библиотек новейшими зарубежными изданиями. Между тем, занимаясь историей поздневизантийского города Мистры (не без увлечения и интереса, но что это меняет?), я, например, убедился в том, что без самостоятельного обследования богатейших и в значительной мере еще неизданных эпиграфических памятников этого города, да и просто его «исторической экологии» вряд ли возможно успешное его исследование. В советское время вообще канула в Лету когда-то столь распространенная и столь эффективная практика поездок молодых (и не молодых тоже) ученых за границу с целью ознакомления под руководством зарубежных светил исторической науки с передовыми приемами, техникой науки, а также для сбора «банка данных» по теме исследования, для обсуждения научных проблем с зарубежными коллегами, для языковой практики, наконец (мой научный руководитель Е. Э. Липшиц за всю свою долгую жизнь ни разу не выезжала за рубеж с научными целями!).

Претерпела изменение (в сторону упрощения и обеднения) сама «технология» исторического исследования как такового: из выше охарактеризованной «иерархии исследовательских процедур» фактически выпало ключевое звено, связанное с самостоятельным поиском нового, еще «сырого» материала «первоисточников» (считаю этот термин вполне оправданным), с обследованием рукописных и архивных фондов с целью выявления неизвестных текстов с критическим их изучением и введением в научный оборот. Оказалась, таким образом, подрубленной сама корневая система русской византистики. Вынужденные работать почти исключительно на опубликованных уже кем-то материалах, советские византилисты в массе своей (об исключениях скажем позже) утратили всякие навыки и вкус к археографической деятельности,

не используя в своей работе даже те возможности, которые предоставляли им богатейшие отечественные собрания. Впрочем, задачи, которые перед ними ставились, и не требовали этого. По необходимости акцент в нашей работе делался не на открытии чего-то нового, в науке еще неизвестного, а на интерпретации («пересмотре») уже известного, чаще всего даже и общеизвестного; исследование как таковое подменялось более или менее систематизированным изложением собранного по иностранным публикациям материала. Оставляла желать лучшего и чисто филологическая подготовка византиноведческих кадров (чего стоило почти повсеместное незнание столь необходимого для византиниста новогреческого языка). Нельзя, наконец, не отметить исключение из «исследовательского поля» целых пластов исторической проблематики (например, церковно-исторической, столь важной для понимания византийской истории) и т. д.

Разумеется, и на небосклоне советской византистики появлялись свои «домашние звезды». К счастью, еще сильны были «пережитки» старого российского византиноведения в лице таких выдающихся представителей старшего поколения советских византинистов (наших учителей!), как М. Я. Сюзюмов в Свердловске, В. Н. Лазарев в Москве, Н. В. Пигулевская, Е. Ч. Скржинская, А. В. Банк, Е. Э. Гранстрем, Е. Э. Липшиц в Ленинграде и др. Они сумели в какой-то мере сохранить и передать (по крайней мере, тем из нас, кто жаждал этого) частицу того священного огня, который когда-то воодушевлял наших великих предшественников и которым они горели и сами². Во всяком случае, и в процессе привычного для советского историка анализа, «пересмотра» и «обобщения» накопленного по той или иной проблеме материала высказывалось немало интересных наблюдений; появились настоящие знатоки своего дела (например, по городской теме — Г. Л. Курбатов; в области податной системы — К. В. Хвостова, Г. Г. Литаврин; в знании до- и юстиниановс-

² Нечто «провиденциальное» я склонен усматривать даже в своей собственной научной судьбе: посланный из глубокой провинции (с Урала) в Ленинград моим университетским учителем М. Я. Сюзюмовым, учеником В. Э. Регеля по Дерптскому университету, который, в свою очередь, был учеником В. Г. Васильевского и одним из самых ярких представителей петербургской школы византиноведения, я, таким образом, как бы замкнул кольцо эстафеты. Пользуясь случаем, хочу подчеркнуть, что, покидая Свердловск в 1962 г., я отнюдь не спасался от профессорского деспотизма своего учителя в поисках желанной самостоятельности, как утверждает А. П. Каждан (*Kazhdan A. Portraits of Soviet Byzantinists*. 1: М. Я. Sjuzumov // *Byzantine Studies / Etudes Byzantines*. 1983. Т. 10, № 2. Р. 204), ибо именно М. Я. Сюзюмов делегировал меня в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

кого законодательства — Г. Е. Лебедева; военной науки византийцев — В. В. Кучма; интеллектуальной жизни Палеологовской эпохи — М. А. Поляковская; по проблематике человеческой личности в византийской историографической традиции — Я. Н. Любарский³, «универсальный ученый» А. П. Каждан и т. д.). Элементарный «инстинкт самосохранения» все же заставлял византинистов выходить за рамки установившегося канона и, рискуя быть обвиненными в «мелкотемье», обращаться непосредственно к какому-либо источнику. Расцветает такой, пожалуй, типично советский жанр византиноведческой литературы, как комментированный перевод на русский язык текста того или иного памятника, без своего издания его оригинального текста (иногда, правда, с репринтным воспроизведением существующего зарубежного издания греческого оригинала⁴). Имели место даже несколько экспериментов по критическому изданию греческого оригинала некоторых византийских памятников («Книга Эпарха», «Стратегикон» Кекавмена, «Земледельческий закон»), весьма благожелательно встреченных международной научной общественностью. Важных результатов добилась группа С. П. Карпова по обследованию итальянских архивов на предмет выявления научно значимых материалов по причерноморской проблематике. Целый ряд исследователей (главным образом сотрудники музеев и рукописных отделов библиотек) целиком посвятили себя занятиям конкретным источниковедением, вспомогательными историческими дисциплинами (сфрагистика, нумизматика, палеография, прикладное искусство), создав немало ценнейших трудов. Невозможно представить себе современной мировой византистики без каталогов греческих рукописей петербургских собраний, принадлежащих перу Е. Э. Гранстрем и И. Н. Лебедевой, без нумизматических и сфрагистических штудий И. В. Соколовой и В. С. Шандровской, без каталогов икон и памятников прикладного искусства из отечественных коллекций, выполненных А. В. Банк, а в последние годы ее учениками В. Н. Залес-

³ О высоком научном «рейтинге» исследований недавно скончавшегося Я. Н. Любарского свидетельствует сделанное ему в свое время предложение норвежского журнала *Symbolae Osloenses* выступить с программным докладом по новейшим проблемам изучения византийской исторической литературы и дискуссия по этому докладу. См.: *Ljubarskij J. «Quellenforschung» and/or Literary Criticism: Narrative Structures in Byzantine Historical Writings / With comments by D. Ye, Afinogenov, P. A. Agapitos, J. Duffy, M. Hintergberger, E. Jeffreys, A. Littlewood, C. Rapp, J. O. Rosenqvist, L. Rydén, P. Speck and W. Treadgold // Symbolae Osloenses: Norwegian Journal of Greek and Latin Studies. 1998. Vol. 73. P. 5–73.*

⁴ В качестве примера сошлемся на издание: *Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.*

ской и Ю. А. Пятницким, и т. д. Совершенно особым, исключительным явлением в нашей византистике стала научная карьера такого исследователя, как Б. Л. Фонкич, решившего изначально, по какому-то наитию свыше, посвятить свою жизнь изучению греческих рукописей отечественных (а теперь и зарубежных) собраний и преодолевавшего на этом пути всевозможные естественные и противоестественные препятствия. Он добился выдающихся результатов, став фактически «палеографом № 1» в мире. Именно в деятельности указанной группы исследователей усматриваю я преемственность с «золотым веком» русской византистики, а отнюдь не только в культе социально-экономической и тем более городской проблематики, как считал Д. Д. Оболенский⁵.

Увы! Этого явно недостаточно, чтобы «выступать на равных» с европейской византистикой в лучших ее проявлениях (как-то трудно представить себе появление в нашей стране таких многотомных изданий, как венские *Corpus Fontium Historiae Byzantinae* и *Tabula Imperii Byzantini*, калифорнийский, продолжающийся ныне в Афинах *Thesaurus Linguae Graecae*, парижская серия *Archives de l' Athos* и т. д.). И как результат — отчуждение, я бы даже сказал — несоприкасаемость отечественного и зарубежного византиноведения, равнодушие (иногда даже возникает подозрение, что нарочитое равнодушие) со стороны зарубежных коллег к тому, что делается по тому или иному вопросу в российской науке. Конечно, свою немалую лепту в это отчуждение вносит языковой барьер (*gossica non leguntur*; Я. Н. Любарский оценивал в 50 % величину этой «лепты»). Как ни странно, в последние годы свое разрушительное воздействие на научные связи оказывает общая неблагоприятная ситуация в стране, ее экономическая и политическая несостоятельность (иначе как унижительным не назовешь тот факт, что Россия не может платить взносы за членство в Международной ассоциации византинистов, и в последний раз за нее эти взносы уплатил некий «спонсор» из-за рубежа, пожелавший остаться неизвестным⁶). Но

⁵ *Obolensky D. Modern Russian Attitudes to Byzantium // Idem. Byzantium and the Slavs: Collected Studies. L., 1971. VIII. P. 70–71.* Автор, впрочем, и сам вынужден констатировать, что все эти темы трактовались советскими учеными «в свете марксистских исторических понятий», и это лишает силы все его утверждение.

⁶ Подобный взнос неизвестный благодетель уплатил и за Украину. Следует отметить заслугу во всем этом нашего «добраго ангела» за рубежом — профессора Игоря Шевченко (Гарвард), который еще в бытность свою президентом Международной ассоциации византинистов (1981–1996) много сделал для вывода советской византистики из состояния изоляции и много делает сейчас для России.

первопричина отчуждения, мне кажется, все же в другом — в неавторитетности российского византиноведения в целом. Нельзя без стыда, а порою и без недоумения, читать строки в удивительных по полноте обзорах «продукции» советских византинистов, принадлежащих перу французской исследовательницы Ирэн Сорлен о том, что «масса публикаций (советских византинистов за 1978–1985 гг. — *И. М.*) не может скрыть ощущения пустоты», что «официальный орган советского византиноведения (речь идет о “Византийском временнике”. — *И. М.*) переживает в настоящее время снижение научного уровня: слишком много статей общего характера, чисто описательных работ, даже если они посвящены источникам, обзорам, предназначенных информировать (правда, весьма полно) советскую публику о последних достижениях западного византиноведения; мало оригинальных исследований, мало работ, основанных на анализе всей совокупности документальных данных. Кажется, что ВВ обращен скорее к своей внутренней аудитории, чем к международной публике, и это вызывает сожаление»⁷. Хочется не согласиться с этим беспощадным приговором, хочется протестовать, указав на то, что игнорирование работ русских византинистов наносит ущерб и работам самих западных ученых (каждый из нас мог бы привести такие примеры из своей собственной практики⁸), хочется, наконец,

⁷ *Sorlin I. Les recherches soviétiques sur l'histoire byzantine, IV. 1978–1985 // Travaux et Mémoires. 1987. Т. 10. Р. 491–494.* Ср. также ее предыдущий, «третий», обзор советской литературы за 1968–1978 гг., где она констатирует отсутствие у нас четкой грани между оригинальными научными исследованиями и популярными трудами, «инфляционные тенденции», многочисленные повторы, когда одно и то же произведение под несколько измененным названием появляется в нескольких изданиях, а обобщающие труды предваряются или сопровождаются публикацией глав в виде статей. «Можно лишь сожалеть, — пишет мадам Сорлен, — что даже в таких авторитетных сборниках, как “Византийский временник”, часто помещаются статьи типа *carte de visite*, скрывающие пустоту под помпезными заголовками» (*Ibid.* 1979. Т. 7. Р. 525–526).

⁸ Не упускал случая указать на такие примеры наш «полпред» на Западе А. П. Каждан (в последний раз и особенно страстно — в рецензии на монографию французского исследователя М. Каплана «Люди и земля в Византии VI–XI вв. Собственность и эксплуатация земли», см.: *Byzantinoslavica. 1994. Vol. 55. № 1. Р. 66–95*). Аналогичное указание на «русские лакуны» в недавно опубликованном библиографическом обзоре, специально посвященном литературным аспектам греко-византийской агиографии, сделал в своем вышеуказанном докладе Я. Н. Любарский, «возопивший во гневе»: «Разве не Россия породила школу формалистов, Проппа, Бахтина, Лотмана, на которую так часто ссылаются теперь на Западе? А их соотечественники, значит, недостойны упоминания? И разве незнание (русского) языка извиняет такую халатность?» (см.: *Ljubarskij J. «Quellenforschung».* Р. 7. Not. 5).

вспылить, в свою очередь спросив: «А судьи кто?» (и на Западе ведь появляется немало поверхностных работ, в которых крупницы «исследования» тонут в пучине «популярщины», в избыточной и искусственной библиографической уснащенности, создающей лишь видимость учености). Но... не лучше ли сделать из этого для себя выводы, так сказать, «извлечь уроки». Недаром ведь сказано: «Возвышающий сам себя, унижен да будет, а унижающий себя возвысится».

Хочется верить, что лучшие времена русского византиноведения еще впереди. Современный этап в развитии нашей науки характеризуется, помимо всего прочего, ярко выраженной сменой поколений, появлением на ее авансцене целой когорты молодых талантливых ученых, которые, будучи свободными от всяких идеологических шор и получив хорошую филологическую подготовку (в том числе и с помощью разного рода зарубежных учреждений и фондов), смело вторгаются в самые сокровенные, а в недалеком прошлом даже и запретные темы в истории византийской цивилизации. Именно они, молодые, составили основу российской делегации на двух последних византийских конгрессах (Копенгаген, 1996; Париж, 2001), именно к ним в первую очередь относились, по-видимому, и слова приветствия тогдашнего президента Международной ассоциации византийских исследований профессора Игоря Шевченко, который сказал в своей вступительной речи к Копенгагенскому конгрессу следующее: «Радостно видеть, что русская делегация в Копенгагене — это самая большая и сплоченная фракция на конгрессе, и я уверен, что русские коллеги отдадут отчет в нашей к ним симпатии»⁹. Хочется и мне пожелать, что нашей византиноведческой молодежи и будет «по плечу» вызволить из бед русское византиноведение в новом столетии, найти свое достойное место в современной мировой науке, становящейся все более интернациональной по своему характеру. Важно, однако, не допустить, чтобы одни догмы, схемы и стереотипы сменились другими, не менее иссушающими научную мысль.

⁹ *Ševčenko Ihor*. Byzantine Studies: The Last Hundred Years and the Next Hundred Months // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 8.

POSTSCRIPTUM

Опубликовав посвященные советской византистике нелицеприятные (прежде всего, для меня самого) строки в особой вышеуказанной статье (см. с. 313) и воспроизведя их здесь, я, конечно, отдавал отчет в том, что некоторым образом «подставляю себя». Меня даже удивило, что «рассерженных» (по крайней мере, известных мне) оказалось не так уж много. На зато какие! Категорически не согласен со мной Геннадий Григорьевич Литаврин, считающий, что я явно переоценил достижения дореволюционной русской византистики (как, впрочем, и зарубежной) и недооценил успехи советской, причем он сказал об этом не только в некоторых его печатных выступлениях, без упоминания моего имени, но и в наших устных беседах («Да ничуть наши работы не были хуже дореволюционных, взять хотя бы Ваши работы в сравнении с трудами того же Регеля», — в запальчивости восклицал Геннадий Григорьевич). Отнюдь не со всем в моих представлениях был согласен и покойный Яков Николаевич Любарский, причем тоже и во время наших частых «телефонных дискуссий» (он, например, считал, что я явно недооценил творчество такого «колосса», как Александр Петрович Каждан, который не только не уступал, но и в чем-то превосходил достижения зарубежного византиноведения) и в аннотации моей статьи в «Byzantinische Zeitschrift» (Bd. 95. Heft 2. S. 902—903. N 3899: Bittere Gedanken über den Verfall der Byzantinistik in Russland nach der bolschevistischen Umwälzung 1917. Obwohl die Haupttendenz des Artikels unbedingt richtig ist, sind viele Behauptungen des Verf. leider subjektiv und nicht gerecht. = «Горькие размышления об упадке византиноведения после большевистского переворота 1917 г. И хотя основная тенденция статьи безусловно правильна, многие утверждения автора, к сожалению, субъективны и несправедливы»).

Ну что же, элемент субъективизма в моих рассуждениях вполне вероятен и, может быть, даже неизбежен. Но, во-первых, речь в них прежде всего идет не о персоналиях, а о тенденциях в развитии науки; и, во-вторых, мне кажется, что я имею моральное право сказать: мой субъективизм — это субъективизм человека, который видит ситуацию в целом, оценивая развитие русской византистики со времен ее истоков вплоть до сегодняшнего дня и соизмеряя ее с уровнем мировой на-

уки (которую я, мне кажется, отнюдь не идеализирую). Тенденциозен ли этот субъективизм? Наверное да, если под тенденцией усматривать мое желание «повысить планку» для отечественной науки – с тем, чтобы обеспечить общезначимость ее достижений, с которыми нельзя было бы не считаться. И мне дороги сказанные в мой адрес слова одобрения тех немногих коллег, которые, как мне кажется, меня поняли. Так, например, Алексей Николаевич Цамутали во время обсуждения моей статьи (в виде доклада на заседании Ученого совета СПб института истории РАН) сказал, если не ошибаюсь, что «строки эти выстраданы и написаны кровью сердца» (не больше не меньше!). По словам И. Н. Лебедевой, «В статье видна душевная боль автора <...> статья очень серьезная, она заслуживает самого вдумчивого прочтения и широкого обсуждения, потому что ставит насущные для сегодняшнего дня вопросы» (Археологический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 59–60). Наконец, Игорь Иванович Шевченко, которого, принимая во внимание его тесные связи с русской византистикой, мне как-то не хочется называть «человеком со стороны», в ответ на получение оттиска моей статьи пишет мне в письме от 11 февраля 2001 г. буквально следующее: «Получил Ваши “Размышления” и сразу прочел. Мы все должны поблагодарить Вас за эту работу. Все изложено беспристрастно, без обиняков, с долей ностальгии и с обилием любви к византистике и к России».

В заключение мне хотелось бы поблагодарить всех моих дорогих товарищей по профессии (вне зависимости от того, принимают ли они мои взгляды на развитие нашей родной византистики, или отвергают их) и попросить прощения у тех из них (особенно у тех, которые уже не могут ответить), которых ненароком обидел, хотя бы ту же Зинаиду Владимировну Удальцову, заботам которой (и успехам которой) в сохранении статуса советской византистики в рамках советской системы наукознания нельзя не воздать должное. Ну вот, dixi et animam levavi.

И. Медведев

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аделунг Ф. П. (1768–1843), академик 59
Айналов Д. В. (1862–1939) 7, 107, 117, 125, 196, 198, 200, 232, 233, 299
Александрова К. В., лаборант кафедры истории Средних веков ЛГУ (1937) 302
Алексеев Вл. 231, 232
Алмазов А. И. 192
Алпатов В. М. 203
Алпатов М. В. 118, 212
Анастасиевич В. А. 18
Анастасиевич Д. *см.* Anastasijević D.
Андреев Н. Е. (1908–1982) 193
Андреева М. А. (1900–1924)
Анисимов А. И. (1877–1937) 118, 196
Антонин (А. И. Капустин), архим. (1817–1894) 7
Анфертьева А. Н. 114, 117
Аристархи-бей *см.* Aristarchis Stavrakis
Арнаутов М. 230
Арсений (Ивашенко), архим. (1830–1908) 142
Арский И. В., секретарь кафедры 302, 308, 312
Ашнин Ф. Д. 203
- Байер** Готлиб Зигфрид *см.* Baeyer Gottlieb
Банк А. В. (1906–1984) 205, 290, 302, 306, 307, 311, 315, 317
Бартольд В. В. (1869–1930) 195, 221
Барынина О. А. 196, 197
Басаргина Е. Ю. 8, 124, 196, 197, 200–203
Бахтин М. М. 319
Беглери (Веглерис) Г. П. (1850–1923) 142
Бегунов Ю. К. 224, 272
Безобразов П. В. (1859–1918) 7, 107, 114, 122, 124, 125, 128, 129, 142, 167, 178, 182, 185, 192
- Белоброва О. А. 31, 254
Беляев Д. Ф. (1846–1901) 107, 124, 125, 132, 142, 143, 156
Бенешевич В. Н. (1874–1938) 5, 7, 9, 12, 13, 20, 27, 29, 30, 32, 108, 114–117, 129, 130, 134, 136, 192, 194–197, 201, 199–201, 204–212, 215–312
Бенешевич Г. В. (1912–1938) 293
Бенешевич Д. В. (1912–1938) 293
Бенешевич Д. Н. 293
Бережков, выпускник СПб. Духовной академии 174, 175
Бертенсон Л. О. 164
Берто, офицер русского корпуса в Париже 41
Бертье-Делагард Александр Львович (1842–1920) 192
Бестужев-Рюмин К. Н. 169
Бетигер *см.* Böttiger K. A.
Бибииков М. В. 22, 177, 189
Биллярский П. С. (1817–1867) 22, 23, 32
Бирюкович В. Н. 302, 310
Блеер В. Н., нач. УКГБ по Лен. обл 288
Блейк Р. 289
Блок А. А. (1880–1921) 229
Богацкий Г. Д. (современник Н. П. Румянцева) 58
Бодуэн де Куртэнэ И. А. (1845–1929) 167, 168
Бодянский О. М. (1808–1877) 14
Болдырев А. В. (1895–1941) 252, 261
Болотов В. В. (1854–1900) 8, 108, 117, 123–125, 141
Болсунов Г. М. 71
Болтенко М. Ф. (1888–1959) 196
Болховитинов Е. А. (в монашестве Евгений) (1767–1837) 18, 58
Бонгард-Левин Г. М. 7
Бонч-Бруевич В. Д. (1873–1955) 228, 270, 271, 278, 288, 289

- Борис (В. В. Плотников), архим., еп. (1855–1901) 141
- Боровский Я. М. 251
- Бриллиантов А. И. (1867–1933) 8, 117, 123
- Брунов Н. И. (1898–1971) 212
- Будилович А. С. (1846–1908) 142
- Бузескул В. П. (1858–1931) 9, 10, 13, 123, 124, 158–201
- Бунин И. А. (1870–1953) 288
- Бурский М. И. (1903–1944) 251, 252
- Буссе К. И. 63
- Бутенев 59
- Бычков А. Ф. (1818–1899) 127–129
- Вавилов С. И. (1891–1951) 209**
- Вайнштейн О. Л. (1894–1980) 194, 204, 206, 209, 213, 290, 302, 303, 310–312
- Валк С. Н. (1887–1975) 109
- Вальденберг В. Е. (1871–1940) 7, 196, 198, 204
- Васильев А. А. (1867–1953) 7, 34, 107, 118, 123, 131, 135, 141, 178, 181, 185, 187–191, 193, 195, 196, 198, 200, 202, 231
- Васильевский В. Г. (1838–1899) 6, 7, 24, 25, 27, 30, 107–115, 118–122, 125–128, 131–135, 140–143, 146–148, 150, 155–190, 193, 197, 201, 315
- Вахтина П. Л. 61
- Веглерис *см.* Беглери Г. П.
- Веис Н. *см.* Veis (или Bees) Nikos
- Вельдбрехт И. *см.* Weldbrecht Iohann
- Вернадский В. И. (1863–1945) 284–287
- Вернадский Г. В. (1887–1973) 193, 278, 279
- Веселовский А. Н. (1838–1906) 141, 156
- Вестберг 34
- Вздорнов Г. И. 125
- Виази Сп. 142
- Вилинский С. Г. 193
- Виноградов П. Г. (1879–1962) 213
- Вишнякова А. Ф. 204
- Волгин В. П. (1871–1940) 201
- Волкова Н. Б. 89
- Волконский С. Г., кн. (1788–1865) 42
- Володина Т. А. 11
- Вольфцун Л. Б. 20
- Воробьева И. Г. 86, 89
- Востоков А. Х. (1788–1864) 32
- Вриенний, митрополит 142
- Вулисмас 142
- Гавеншильд 59
- Гаврилов А. К. 251
- Гадахов С. А. 17
- Газе К.-Б. *см.* Hase К.-В.
- Гантман 292
- Гарлес 32
- Готалов-Готлиб А. Г. (1866–1960) 196
- Гегель Георг Вельгельм Фридрих (1770–1831) 29
- Геерен *см.* Heegen А. Н. L.
- Георгий I, король Греции (1863–1913) 139
- Герд Л. А. 8, 111, 113, 124, 128, 159, 216
- Герольд, венский книготорговец 102
- Гиббон Эдуард (1737–1794) 190
- Гиппинг А. Д. (1788–1862) 57, 58
- Глубоковский Н. Н. (1863–1937) 8, 193
- Голоандр 223
- Голубева О. Д.
- Голубинский Е. Е. (1834–1912) 142
- Горький Максим (А. М. Пешков) (1868–1936) 251–253
- Горяинов А. Н. 11
- Грабарь И. Э. (1871–1960) 118
- Гравенгов Д. А. 188
- Гранстрем Е. Э. (1911–1991) 116, 117, 206, 208, 218, 250, 315, 317
- Грацианский Н. П. (1886–1945) 212, 252, 263–265
- Гревс И. М. (1860–1941) 108–111, 118, 128, 158–160, 166, 178, 179, 182, 186, 290, 302, 310

- Греков Б. Д. (1882–1953) 210
 Грефе Ф. Б. (Христиан Фридрих) (1780–1851) 59, 66
 Григорович В. И. (1815–1876) 89
 Григорьев В. В. 31
 Гринберг 302, 310
 Грот К. Я. (1853–1934) 142
 Грот Я. К. (1812–1893) 142
 Грушевой А. Г. 193
 Гукова С. Н. 204
 Гуковский М. А. 290, 302, 307
 Гуткина И. Г. 290, 302, 306, 308
- Деборин А. М. (1881–1963) 209
 Делекторский К. 17
 Делянов И. Д., граф (1818–1897) 143
 Дестунис Г. С. (1818–1895) 7, 17, 30, 31, 141, 156
 Дестунис С. Ю. (1782–1848) 7, 17, 31, 254
 Джексон Т. Н. 11
 Дложевский С. С. (1869–1930) 196
 Дмитриевский А. А. (1856–1929) 8, 117, 142, 195, 299
 Добиаш-Рождественская О. А. (1874–1939) 196, 209, 290, 291, 302, 310, 311
 Добровский Йосеф (1753–1829) 58
 Домбровский 279
 Дринов Марин Стоянов (1838–1906) 142, 143, 156
 Дубровин Н. Ф. (1837–1904) 139, 142–145, 166, 168
 Дювиньо (Duvigneau) 42
- Евсеев И. Е. (1868–1921) 193
 Ернштедт В. К. (1854–1902) 7, 107, 116, 117, 128, 141, 143, 146, 162, 166, 174, 188
 Ернштедт П. В. (1890–1966) 198
- Жебелёв С. А. (1867–1941) 121, 187, 196, 198–201
 Жидков Г. В. (1903–1953) 118
- Загоровский Е. А. 196
 Залеман К. Г. (1849–1916) 142
 Залеская В. Н. 317
 Заливалова Л. Н. 119, 123, 159, 210, 313
 Званцев 59
 Зелинский Ф. Ф. (1859–1944) 222, 229, 239–243, 283, 292
 Зернин Е. 136
 Златарский (Златарски) Васил Николов (1866–1935) 230, 231, 236, 237, 279
 Зосима З. П. 59
 Зубова Н. Л. 271
- Иванов С. А. 66
 Иванов В. И. (1866–1949) 229
 Иконников В. С. (1841–1923) 12, 169
 Иодко О. В. 129
 Ионин 24
 Истрин В. М. (1865–1937) 23, 28, 32, 193, 196
- Каганович Б. С. 209, 290
 Каждан А. П. (1922–1997) 315, 316, 318
 Казанский Н. Н. 251
 Каковицкий (Kakowiecki) 63
 Каменев Л. Б. (1883–1936) 251–253, 256–259
 Каменский З. А. 86
 Каподистрия И. А. (1776–1831) 60
 Каптерев Н. Ф. (1847–1917) 142
 Караджич Вук Стефанович (1787–1864) 88, 90–92, 104
 Карамзин Н. М. (1766–1826) 12, 13, 48, 59, 68
 Карпинский А. П. (1846–1936) 221, 284
 Карпов С. П. 7, 316
 Кацаров Г. И. 230
 Кегель *см.* Kugel
 Кёлер Е. Е. (Генрих Карл Эрнст) (1765–1838) 53, 58

- Кертис 142
 Киров С. М. (1886–1934) 289
 Кирпичников А. И. (1845–1903) 142, 156
 Климанов Л. Г. 274, 275
 Климентьев (1937) 290, 302, 311
 Ключевский В. О. (1841–1911) 169
 Козлов В. П. 35, 41, 48, 64
 Коковцов П. К. (1861–1942) 128, 193, 221
 Коль И. П. см. Kohl I. P.
 Кондаков В. П., врач 189, 212
 Кондаков Н. П. (1844–1925) 7, 107, 117, 125, 126, 129, 141, 156, 193, 194, 202
 Константин Константинович, Великий Князь (1858–1915) 125, 131, 138, 139, 142–145, 162
 Копитар В. (1780–1844) 88
 Копыленко М. М. 66
 Корсунский Г. В. 212
 Корш Ф. Е. (1843–1915) 156
 Косминский Е. А. (1886–1959) 211–214
 Красносельцев Н. Ф. 142–156
 Кратиров И. А. 143
 Крачковский И. Ю. 123, 137, 148, 166, 167, 653, 689, 703,
 Крашенинников М. Н. (1865–после 1930) 7, 107, 111, 114, 196, 254
 Кржижановский Г. М. (1872–1959) 209
 Круг Л. 55
 Круг Ф. И. (1764–1844) 7, 9, 12–16, 19, 29, 30, 32, 35–60, 62–64, 71–84, 140
 Крузенштерн И. Ф. (1770–1846) 41, 52, 59
 Крылов В. В. 251
 Крюгер О. О. 198, 276
 Кудрявцев А. 302, 306, 308
 Куклина И. В. 116, 123, 187, 200
 Кулаковский Ю. А. (1855–1919) 193
 Куник А. Ар. (Эрнст Эдуард) (1814–1899) 7, 13, 14, 19, 21–31, 35, 51, 66, 84, 85, 89, 92, 97–102, 126–130, 134, 135, 140, 142, 143, 146–148, 156, 165–168
 Курбатов Г. Л. (1929–2003) 31, 122, 199, 210, 316
 Курганов Ф. А. (1844–1920) 142, 143, 192
 Курц, медик 188
 Курц Э. Г. (1845–1925) 188
 Кучма В. В. 46, 316
 Кызласова И. Л. 118, 194
 Лавенский 54
 Лавров П. А. (1856–1929) 198
 Лазарев В. Н. (1897–1976) 118, 212, 315
 Ламанский В. И. (1833–1914) 135, 141, 156, 159, 168, 173–176
 Лаппо-Данилевский А. С. (1863–1919) 168–170
 Лаптева Л. П. 24, 97
 Латышев В. В. (1855–1921) 7, 107, 117, 125, 129, 143, 146, 192, 195, 221
 Лебедев А. П. (?–1910) 142
 Лебедев Н. С. 120
 Лебедева Г. Е. 136, 200, 213, 316
 Лебедева И. Н. 97, 317
 Левицкий В. 174, 189
 Левченко 292
 Левченко М. В. (1890–1955) 209, 210, 273, 274, 290, 302, 306, 307
 Лезли 59
 Линде С. Б. 63
 Липшиц Е. Э. (1901–1990) 206–208, 314, 315
 Литаврин Г. Г. 66, 115, 119, 121, 159, 316
 Литвинов М. М. (1876–1951) 280
 Лихачёв Г. Н., сын Н. П. Лихачёва 272
 Лихачёв Н. П. (1852–1936) 7, 108, 117, 192, 198–201, 266–276, 306
 Лопарёв Х. М. (1862–1918) 7, 107, 113, 122, 123, 127, 129, 141, 178, 192

- Лунин Н. М. (1885–1940) 211
 Луначарский А. В. (1875–1933) 280, 281
 Лурье С. Я. (1891–1964) 198
 Любарский Я. Н. (1929–2003) 125, 316, 317, 319
 Людвиг 172, 176
 Людовик XVIII 42
 Люшковский М. В. 302, 308
- Майков** Л. Н. (1839–1900) 128, 159, 161, 162, 164–170, 172, 173, 175
Майков П. М. 18, 19
Малеин А. И. (1869–1936) 198
Малиновский А. Ф. (1762–1840) 58
Мальшевский И. И. (1828–1897) 142
Марр Н. Я. (1865–1935) 195, 209, 221, 222, 304, 306, 309, 310
Маттеи Х. Ф. 20
Матула В. 93
Мацулевич Л. А. (1886–1959) 7, 198
Медведев И. П. 5, 6, 14–16, 23, 28, 30, 35, 73, 104, 11, 13, 114, 122, 131–134, 138, 194, 200, 204–207, 212, 215, 217, 218, 250, 263, 275, 277, 284, 290, 313
Медведева 211
Мессинг 279
Микулинский С. Р. 284
Минаев И. П. 173
Миропольский 160
Михеева Г. В. 19, 21
Мишин 63
Модестов В. И. (1839–1907) 162, 174, 176, 188, 190
Моисеева Г. Н. 11
Моравчик Г. Н. *см.* Moravcsik Gyula
Морозов М. А. 200
Москоленко Д. Е. 11
Мошин В. А. 193
Муральт Э. Г. (1808–1895) 7, 19–24, 27, 32, 140
Муратов П. П. 118
Мюллер (Миллер) Ф. И. *см.* Müller Gerard Friedrich
- Мюнтер** *см.* Münter F. K. H.
- Надеждин** Н. И. (1804–1856) 87–103
Нансен Фритъоф *см.* Nansen Fr.
Наполеон Бонапарт (1769–1821) 42
Насонов А. Н. 197
Нестерович И. И. 58, 63, 64
Никитин П. В. (1849–1916) 107, 113, 125, 128, 129, 132, 143, 146, 190
Никитин С. А. 93
Никитский А. В. (1859–1921) 195, 221
Николай I 17
Никольский Н. К. (1863–1936) 8
Новиков А. А. 10
Новосельский Н. И. 196
Новосельцев А. П. 316
- Оболенский** Д. Д. (1918–2001) 317
Огинский А. 17
Оленин А. Н. (1763–1843) 16, 17, 19, 35–39, 41–43, 48, 61, 64–67, 69–71
Ольга Константиновна (1851–1926) 139, 163
Ольденбург С. Ф. (1863–1934) 192, 196, 221
Орбели И. А. (1887–1961) 209–211, 271
Орешников А. В. (1855–1933) 271
Орлов И. Г., гр. 14
Орлова 14
Осипов В. И. 10
Острогорский Г. А. (1902–1976) 112, 193, 203, 204
- Павлов** А. С. (1832–1898) 134, 136, 142, 143, 156
Пажи *см.* Pagi
Пальмов И. С. (1856–1920) 141, 192
Панченко Б. А. (1872–1920) 7, 107, 110, 115, 117, 122, 124, 178, 192, 254
Пападимитриу С. Д. (1859–1922) 193
Пападопуло-Керамевс А. И. (1856–1912) 7, 104, 113, 129, 134, 141
Петр I 9

- Петров Д. К. (1872–1925) 198
 Петрушевский Д. М. (1863–1942) 209, 211–214, 291, 292
 Печерин В. С. 18
 Пигулевская Н. В. (1894–1970) 315
 Платонов С. Ф. (1860–1933) 126, 266, 288
 Погодин М. П. (1800–1875) 18
 Погодин П. Д. (1867–?) 106, 141
 Покровский М. Н. (1868–1932) 306, 307
 Покровский Н. В. (1848–1917) 8, 141, 156
 Полевой Н. А. (1796–1846) 13
 Поляков Ф. Б. 24, 30, 193
 Поляковская М. А. 108, 213, 316
 Помяловская (урожд. Раевская) Е. М. 91
 Помяловский И. В. (1845–1906) 7, 91, 107, 111, 112, 117, 125, 132, 142, 156, 162
 Попланский Ян 294
 Попов Д. П. (1780–1864) 16, 17, 46, 59, 61–70
 Попов И. 193
 Попов Н. А. (1833–1891) 89–91
 Попов Н. Г. 10, 16, 25, 31, 136
 Порфирий (Константин Александрович) Успенский, еп. Чигиринский (1804–1885) 7, 28, 29, 128–130
 Потапов П. О. 196
 Поццо-ди-Борго Карл Осипович (1768–1842) 42, 51
 Пресняков А. Е. (1870–1929) 109, 110
 Приселков М. Д. (1881–1941) 197
 Пропп В. Я. 318
 Пушкин А. С. (1799–1837) 175
 Пятницкий Ю. А. 118, 317
- Радлов В. В. (1837–1918) 142**
 Радлов Э. Л. (Леопольдович) (1854–1928) 165, 196
 Раевский М. Ф. (1811–1884) 91–94
 Рассейкин Ф. 213
- Регель В. Э. (1857–1932) 7, 23, 29, 106, 111, 113, 114, 125, 127, 130–133, 135, 136, 138, 139, 141–148, 150, 157, 161, 178, 188, 315
 Редин Е. К. (1863–1908) 7
 Резник 292
 Риккер 157
 Розен В. Р. (1849–1908) 135, 142, 143, 146, 156, 168, 190
 Розенберг А. М. 290, 302, 306, 308, 309
 Розенкамф Г. А. (1764–1831) 17, 18
 Романцов *см.* Румянцев Н. П.
 Ростовцев М. И. (1870–1952) 193–195, 221
 Рудаков А. П. (1886–1940) 136
 Рудовский 278, 279, 288
 Румянцев Н. П. (1754–1826) 14, 15, 18, 33–64, 67, 69, 72, 73, 77–79, 298
 Рункевич С. Г. 142
- Савельев П. С. 88, 89**
 Савин 214
 Самойлович А. Н. (1880–1938) 211
 Самсон 302
 Сахаров В. Н. 176
 Светов В. П. 12
 Семенов 302, 309
 Сергеенко М. Е. (1891–1987) 251, 261
 Серебрякова Г. И. 251
 Скабаланович Н. А. (1848–1919) 108, 123, 142, 192
 Сказкин С. Д. (1890–1973) 212, 252, 263
 Склярова М. 193
 Скржинская Е. Ч. (1894–1981) 7, 204, 315
 Смирнов А. П. (1889–1930) 299
 Смирнов В. Д. (1846–1922) 190
 Смирнов Я. И. (1869–1918) 7, 117, 192
 Соболевский С. И. (1864–1963) 117, 196
 Созонович 142
 Соколов И. И. (1865–1939) 108, 117,

- 142, 196, 198, 199
 Соколов Ф. Ф. (1841–1909) 117, 193
 Соколова И. В. 317
 Соленикова Е. В. 198
 Соловьёв А. В. 193
 Сологуб Ф. К. 229
 Сперанский М. М. (1772–1839) 18, 58
 Сперанский М. Н. (1863–1938) 255–257
 Срезневский И. И. (1812–1880) 24, 127
 Стасюлевич М. М. (1826–1911) 31
 Стенник Ю. В. 86
 Степанов А. А. 197
 Строев П. М. (1796–1876) 68
 Струве В. В. (1889–1965)
 Струве П. Б. (1870–1944) 221
 Суворов Н. С. (1848–?) 136
 Сухтелен П. К. (1751–1836) 58
 Сырку П. А. (1852–1905) 7, 29, 126, 128, 129, 142
 Сюзюмов М. Я. (1893–1982) 66, 122, 315
- Т**
 Тарле Е. В. (1874–1955) 196, 266
 Татищев В. Н. (1686–1750) 10
 Таценко Т. Н. 28, 122, 134
 Твен Марк 245
 Тилий *см.* Tillet Jean de
 Толстой И. И. (1858–1916) 7, 107, 117, 251
 Троицкий И. Е. (1832–1901) 8, 108, 113, 142, 156
 Тункина И. В. 123, 125, 195, 200
 Тураев Б. А. (1868–1920) 193, 221
 Тургенев А. И. (1785–1848) 48, 55, 58
 Тургенев И. С. (1818–1883) 191
 Турн, гр. *см.* Thurn
 Тэрнер *см.* Turner С. Н.
- У**
 Уваров С. С. (1786–1855) 17, 59, 66
 Удальцова З. В. (1918–1987) 199, 214
 Ундольский В. М. (1815–1864) 14, 22, 27, 32
 Успенский Д. 17
 Успенский К. Н. (1874–1917) 136, 192
 Успенский Порфирий *см.* Порфирий (Успенский), еп. Чигиринский
 Успенский Ф. И. (1845–1928) 7, 10, 12, 25, 106, 107, 115, 119, 121, 122, 124–126, 132, 142, 169, 185, 192, 194–201, 207, 211, 221, 222, 276, 285, 287
- Ф**
 Файнштейн А. М. 17, 18, 66
 Филиппов Т. И. (1825–1899) 131, 138, 139, 142–145
 Филов Б. 230, 232–236, 240
 Фихман И. Ф. 117
 Фишер И. Э. *см.* Fischer J. E.
 Флоринский Т. Д. (1854–1919) 142, 192
 Флоровский А. В. 193
 Фомин Ф. М. 58
 Фонкич Б. Л. 24, 131, 193, 317
 Фонтриэ 142
 Форстен Г. В. 174
 Френ Х. Д. *см.* Frähn Ch. M.
 Фортунатов Ф. Э. 423
 Фурсенко А. А. 277
- Х**
 Хавриарис *см.* Chaviraras
 Хаханов А. С. 222
 Хвостова К. В. 121, 316
 Холмогоров 302, 310
 Хоментовская А. И. (1881–1942) 91
- Ц**
 Цамутали А. Н. 6, 31, 119, 126
 Церетели Г. Ф. (1870–1939?) 7, 107, 117, 200
- Ч**
 Чекалова А. А. 115, 250
 Черницкий 302, 310
 Ческис Л. 262, 263
 Чичуров И. С. 224, 272
 Чуркина И. В. 91, 93
- Ш**
 Шангин М. А. (1896–1945) 7, 198, 204

- Шандровская В. С. 269, 272, 317
 Шафарик П. Й. (1795–1861) 88
 Шахматов А. А. (1864–1920) 168, 193, 195
 Шварц Е. М. 292
 Шевченко И. И. *см.* Ševčenko I.
 Шекотов Н. М. 118
 Шершевский М. М. 161
 Шестаков С. П. (1864–1940) 124
 Шифнер А. А. (1817–1879) 97
 Шишков А. С. (1753–1841) 16, 67
 Шлёцер А. Л. (1735–1809) 9–13, 32
 Шлоссер Ф. К. (1776–1861) 13
 Шмит С. О. 5
 Шмит Ф. И. (1877–1937) 7, 194, 195, 200–203, 206
 Шпис *см.* Spiess
 Шредер *см.* Schröder
 Штанге В. А. 161, 164, 172
 Штрандман Иван-Густав-Магнус Оттонович, фон (1784–?) 41, 42
 Штриттер И. Г. *см.* Stritter J. G.
 Шукурова А. Э. 31
- Щапов Я. Н.** 116, 134, 218, 243, 250, 272, 288
 Щеглов (Д. Ф. ?) 166
 Щепкин В. Н. 201, 312, 362, 372, 671
 Щербатский Ф. И. (1866–1942) 221
- Эверс Иоганн Филипп Густав, фон** *см.* Ewers J. Ph. G.
 Эггерс, комиссионер Имп. АН 157
 Эйнштейн *см.* Einstein Albert
 Эйштет *см.* Eichstaedt
 Эльсберг 257, 260
- Юлихер** *см.* Julicher A.
- Ягич Ватрослав (Игнатий Викентьевич)** (1838–1923) 25, 173
 Языков Д. И. (1773–1845) 11, 13, 17, 61, 66, 67
 Якубский В. А. 213
- Adelung Friedrich von *см.* Аделунг Фёдор Павлович
 Afinogenov D. Ye. 316
 Agapitos P. A. 316
 Albertini Aldo 249
 Allatius Leo 32, 275
 Anastasijevič D. 289
 Anisson du Perron 81
 Aristarchis Stavrakis (1836–1925) 142
 Asdracha C. 86
- Banduri A.** 74
 Bayer Gottlieb Siegfried (1694–1738) 9, 10
 Bees N. *см.* Veis Nikos
 Beveregius 225
 Biener F. C. 18
 Boissonade J. Fr. 73
 Böttiger Karl August (1760–1835) 240
 Boor Carl de 24, 28
 Bray François-Gabriel (1765–1832) 57
 Buchholz A. 105, 106
 Bunsen 225
 Burgmann L. 250
- Campenhausen 57**
 Canart P. 86
 Cecchi 239
 Chadzidakis G. N. 142, 244
 Chaviaras D. 142
 Choiseul-Gouffier Marie Gabriel Florent August de (1752–1817) 77
 Compagnoni 254
 Comparetti Domenico (1835–1927) 254, 255, 261
 Corays Adamantios (1748–1833) 42
 Cupane C. 86
- Dargouzis J.** 86
 Derwing H. B. 254, 259
 Deffner M. 142
 Didot Firmin (1764–1836) 75

- Dölger Franz (1891–1968) 5, 197, 231–239, 244, 267–269, 273, 274, 296, 297
 Du Cange Charles du Fresne 13, 28, 44, 45, 68, 75, 196, 244, 245, 296–301
 Duffy J. 316
- Eberhart Auguste-Gottlob-Christian (1769–1845) 42, 75
 Eichstaedt H. K. A. 59
 Einstein Albert (1879–1955) 280–283
 Ermann A. 280
 Ewers Johann Philipp Gustav von (1781–1830) 18
- Fabricius F. 32
 Fisher Johann Eberhard (1697–1771) 11
 Fonkić B. L. *см.* Фонкич Б. Л.
 Frähn Christian Martin (1782–1851) 58
 Franchi dei Cavalieri P. 300
 Fries J. F. 34
- Gassarus Aloysius 266
 Gelzer H. 298
 Gontard, книготорговец 58, 79
 Graffin R. 299
 Graeven H. 410, 411
 Gräfe Christian Friedrich *см.* Грефе Ф. Б. (Х. Ф.)
 Grégoire H. 244
- Haase *см.* Hase
 Hase Karl Benedikt (1780–1864) 13–15, 33–62, 65, 68, 69, 72–85, 298, 301
 Haury J. 114, 115
 Heeren Arnold Hermann Ludwig (1760–1842) 13
 Heimann Ernst 280
 Heisenberg Anni 288
 Heisenberg August 197, 229, 288, 292, 296, 297
 Heisenerg Werner 288
 Hinterberger M. 316
 Hunger Herbert 86, 87
- Irmischer J. 280
 Isambert 253
- Jeffreys E. 316
 Jourdin 142
 Julicher A. 134
 Justelli 224
- Kalogeropoulos P. D. 286
 Kambouroglou 142
 Kaplan M. 318
 Kapodistrias Ioannis *см.* Каподистрия И. А.
 Karadžić *см.* Караджич В. С.
 Karayannopoulos I. E. 72
 Kiewning, специалист по фотографированию палимпсестов 295
 Kohl Johann Peter (1698–1778) 9
 Köhler Heinrich Karl Ernst *см.* Кёлер Егор Егорович
 Kombefis Fr. 33
 Kopitar Bartholomäus *см.* Капитар Варфоломей
 Koukoules Ph. 286
 Krause 58, 79
 Kremos P. 142
 Kresten O. 86–88, 95, 97, 103–105
 Krug Johann Philipp *см.* Круг Ф. И.
 Krumbacher Karl (1856–1909) 28, 134, 135, 151, 155, 157
 Kugel 294, 295, 297, 302
 Kunik Ernst Eduard *см.* Куник А. А.
 Kurtz Eduard Heinrich *см.* Курц Э. Г.
- Lagarde A. de 225
 Lambecius 32, 95, 100
 Lambros Spyridon (1851–1919) 28, 142
 Laurent Vitalien 267–269
 Lecuyer 298
 Lietzmann H. 295
 Littlewood A. 316
 Loukas (Кипр) 142

- Magdalino P. 229
Maas P. 295
 Mai Angelo 223
 Maly J. 299
 Mazon P. 299
 Meier Ed. 280
 Mercati Giovanni 282, 300
 Mercati Silvio Giuseppe 238, 239, 242, 292, 300
 Mérian André-Adolph de (1772–1828) 53, 55, 57, 58
 Meursius I. 10
 Miklošich Franz (или František Xaver) (1813–1891) 87–106, 120
 Miller E. 22
 Millet Gabriel (1867–1953) 163, 237, 268, 289
 Millin Aubin-Louis (1759–1818), археолог 36–40
 Momferratos A. G. 286
 Moravcsik Gyula 289
 Mordtmann Andreas David (1837–1912) 142
 Mordtmann I. 142
 Mullach F. G. A. 25, 28
 Müller Gerard Friedrich (1705–1783) 9, 11
 Müller Josef 87–106, 120
 Münter Friedrich Karl Heinrich (1761–1830) 59
 Muralt E. de *см.* Муральт Э. Г.
 Murray John 59

 Nansen Fr. (1861–1930) 279–281
 Norden Eduard (1868–1941) 280

Omont H. 298

Pagi 13
 Palmieri Aurelio 5, 11, 12, 14, 15, 124, 218, 221
 Panayotakis N. K. 33–35
 Papageorgiou P. 142
 Peeters P. 273

 Petit L. 244
 Pieridis 142
 Pirro 44
 Pitra J. B. 223, 224
 Planck Max Karl Ernst Ludwig (1858–1947) 283
 Politis N. (1852–1921) 142
 Poljakov F. B. *см.* Поляков Ф. Б.
 Pozzo di Borgo *см.* Поццо-ди-Борго К. О.
 Prato G. 86

Raoul-Rochette Desiré-Raoul (1789–1854) 44
 Rapp C. 316
 Reihard J. P. 254
 Renan Joseph-Ernst (1823–1892) 29, 180, 181
 Renauld E. 72
 Rockefeller 234, 235
 Rokcham 225
 Rosenqvist J. O. 316
 Romanzoff *см.* Румянцев Н. П.
 Rousseau, книгоиздатель 80, 81
 Routh 225
 Rydén L. 316

Saint-Martin J. 54
 Sakellion I. 142
 Sansaini Filippo 300
 Sathas K. 142
 Schlosser Friedrich Kristof *см.* Шлоссер Ф. К.
 Schlözer August Ludwig *см.* Шлёцер А. Л.
 Schmidt C. 295
 Schröder, сотрудник русского посольства в Париже 54
 Schwartz Eduard 116, 216, 217, 226, 229, 230, 233–235, 290, 292, 297, 304–308, 310, 311
 Schwarzenberg K. 778, 799, 808, 809–811
 Ševčenko I. 15, 33, 34, 48, 74, 115, 317, 319

- Sideridis Xenophon (1851–1929) 142
 Simonidis Constantinos 28
 Sinner, ученик К. Б. Газе 83
 Sorlin I. 318
 Spiess, сотрудник русского посольства
 в Париже 49, 54
 Stamatiadis 142
 Stevenson H. 298
 Straus 29
 Stritter Johann Gotgilt (1740–1801) 9,
 11, 12, 140
 Sturm-Schnabl K. 86–88, 95, 97, 103,
 104
 Stutz Ulrich 280, 295

 Tafel Gottlieb Lucas Friedrich (1787–
 1860) 24, 25, 28, 105, 106
 Tafrali O. 299
 Tillet Jean de 223–225
 Treadgold W. 316
 Tisserant 300
 Thurn 58, 64

 Turner C. H. 134, 223

 Vasmer M. 295
 Veis Nikos (1883–1958) 279
 Vilamowitz-Moellendorff Enno Friedrich
 Wichard Ulrich von 280
 Visconti Philippe-Aurèle (1754–1831)
 73
 Volterra 142
 Vranoussis L. 31

 Weingart 237
 Weldbrecht Johann 63
 Wilcken Ulrich 280
 Wilken Friedrich (1777–1840) 58

 Zachariae von Lingenthal K. E. 25, 28,
 104, 105, 120, 122, 134, 207
 Zerlentis 142
 Zielinski см. Зелинский Ф. Ф.
 Zlatarski см. Златарски В. Н.
 Zosimas Zoïs см. Зосима Зой Павлович

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
БАН — Библиотека (Российской) академии наук
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГПБ — Государственная публичная библиотека
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ — Исторические записки
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
КГБ — Комитет государственной безопасности
ЛВО — Ленинградский военный округ
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОИ — Отечественная история
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ОР — Отдел рукописей
ПП — Полномочное представительство
ПС — Палестинский сборник
РАН — Российская академия наук
РГБ — Российская государственная библиотека
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РВК — Русско-византийская (словарная) комиссия
РИЖ — Русский исторический журнал
РНБ — Российская национальная библиотека
РФ — Российская Федерация
СНР — Совет научных работников
СОУ — Секретно-оперативное управление
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
СССР — Союз советских социалистических республик
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ХЧ — Христианское чтение
DOP — *Dumbarton Oaks Papers*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть I	
Истоки и становление петербургского византиноведения	9
Петербургский «грант» Парижу на издание «Истории» Льва Диакона	33
«Русский Лев Диакон»: К истории перевода	61
Малоизвестный проект первого издания «Хронографии» Михаила Пселла	72
«Петербургская прелюдия» к первому изданию актов Константинопольского патриархата	86
Часть II	
Расцвет петербургской школы византиноведения	107
К истории основания «Византийского временника»	138
Последний год жизни и смерть В. Г. Васильевского (глава из неопубликованной монографии И. М. Гревса)	158
Часть III	
Судьба петербургской школы византиноведения	192
О неосуществленном проекте В. Н. Бенешевича по изданию корпуса источников византийского права	215
Об одном неосуществленном проекте издания русского перевода «Тайной истории» Прокопия Кесарийского ..	250
В. Н. Бенешевич как душеприказчик Н. П. Лихачева	266
«Последний из могикан»: трагический финал	277
Несколько слов о советском византиноведении (в качестве послесловия)	313
Указатель именной	322
Список сокращений	333

Научное издание

Игорь Павлович Медведев

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

Страницы истории

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Корректор *Н. П. Дралова*

Оригинал-макет *М. А. Сорокин*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

193019, СПб., пр. Обуховской обороны, 13.

Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53

E-mail: aletheia@rol.ru

www.orthodoxia.org/ / aletheia

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (095) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 08.08.2005. Формат 60×88¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,5. Тираж 1000 экз.
Заказ № 4320

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»»,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

Русская программа Высшей школы муз. нац.

17/11 Заглавие: Высшая школа Советские издавае-
мое при Императорской Академии Наук
под редакцией АН и АН.

Язык: Русский и греческий.

17/11 Объем: 4 выпуска в год, том 10-12 ли-
тров каждая, всего до 45 листов.

17/11 Подписка и цена: По год по 6 руб., за-
граничный по 15 фр. Для лучшего распро-
странения журнала необходимо иметь
коммиссионеров в Константинополь
и в Стамбул.

17/11 Содержание:

1^й том: Самоуправление и культура
исследования в области Исламизма,
в политическом, историческом, историческом и
историческом, филологии, филоло-
гии, языка, культуры, географии, то-
пографии, хронологии, нумизматики,
эпиграфики, дендрологии и карто-
графии.

2^й том: Критика в области культуры
и искусства в этой области.

3^й том: Библиография и статьи.

Сотрудники: Не ограничено в издании
журнала можно быть для публикации:

С. Памбури: Болоньери, Арх. Боргини,
Россинелли, Памбури, Россинелли,
Делла Памбури, Эрмитаж, Конак, Конак,
Маммаки, Конак, Памбури,
Керамичи, Памбури, Памбури, По-
кровский, Памбури, Памбури, Памбури

Книжка № 2
История России
1893 г.

По Входящ. Журн. № 397.
1893 г. Мая 19.
Исторический музей
Финан. отд. 11. 19 Мая 1893.

От Митрополита Финляндии ^{Р. С.} Антоние

Императорской Академии Наук.
Съ 8 века Россия тесно связана съ византийскими войсками, единством веры, а впоследствии съ религиозными и политическими институтами. Принятие Владимиром христианства иль Византизм повлекъ за собой восприимчиве русскими народомъ культурнаго наследства Византийскаго восточна, въ религиозно-политическомъ мировоззреніи. Оно отразилось въ евангельскомъ иль русскимъ иудействѣ, въ церковномъ и гражданскомъ учрежденіи а кроме сего какъ съ церковными войсками въ духовномъ и культурномъ ея жизни общеніи.

Византизмъ явился началомъ величій въ области нашей культуры и вытекающаго изъ него стремленія поддержать наши историческія связи съ православными войсками обрѣта восточнаго русскими заботившимся о наукомъ изученіи еудейск восточна въ ея духовно-правовыхъ, историко-политическихъ и культурныхъ проявленіяхъ. Въ такомъ изученіи православнаго восточнаго наследства национальная русская историческая наука основана на закнотвореніи основнаго принципа науки. Ея задача въ изученіи древней русской истории, и

Платине
Тел. 291 65-16
130
298017